THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES
1817

[redacted]

П. П. ГНѢДИЧЪ

АНТИПОДЪ

И

ДРУГІЕ РАЗСКАЗЫ

П. П. ГНѢДИЧЪ

АНТИПОДЪ

И

ДРУГІЕ РАЗСКАЗЫ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1902

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

ОГЛАВЛЕНІЕ.

АНТИПОДЪ

I.

Поѣздъ миновалъ Брюссель и приближался къ океану. На какой-то остановкѣ—кажется, въ *Гентѣ*—въ вагонъ-столовую вошелъ плотный брюнетъ съ окладистой бородой и тощимъ саквояжемъ того типа, съ какими обыкновенно ѣздятъ нѣмки гостить къ родственникамъ на дачу. Онъ спросилъ у кондуктора на скверномъ французскомъ языкѣ, можно ли ему съ этимъ поѣздомъ доѣхать до Остенде. Кондукторъ, сводившій какіе-то счеты въ буфетномъ отдѣленіи, внимательно посмотрѣлъ на широкую бороду и гороховое пальто пассажира, слегка привсталъ, приложился кривыми пальцами къ кэпи и сказалъ, что, если monsieur желаетъ, то можетъ доѣхать до Остенде именно на этомъ поѣздѣ и именно въ этомъ самомъ вагонѣ, такъ какъ всѣ отдѣленія заняты по записямъ отъ Петербурга и Берлина. Брюнетъ опустилъ свой мѣшокъ на полъ, сѣлъ на кожаный стулъ, снялъ широкополую шляпу, и обнаружилъ

коротко остриженную круглую голову. Онъ посмотрѣлъ на сѣдого англичанина, помѣстившагося въ углу за элемъ, посмотрѣлъ на меня и снова перевелъ глаза на кондуктора, сидѣвшаго за дверью.

— Алоръ, сказалъ онъ,—донне муа энъ бьеръ.

Кельнеръ съ неохотой вытащилъ откуда-то стаканъ и пиво (у него все уже было упаковано и заперто, въ виду приближенія къ конечному пункту дороги), щелкнулъ пробкой и какъ-то бросилъ на столъ бутылку; она, какъ ванька-встань-ка, пошатавшись, тотчасъ же нашла точку опоры и стала пускать клубы пѣны изъ горла.

— Вуаля—са! одобрительно проговорилъ брюнетъ и налилъ себѣ стаканъ.

Англичанинъ внимательно уставился на него желтыми глазками, опустивъ бельгійскую газету на столъ. Брюнетъ спокойно выдержалъ его взглядъ, не торопясь выпилъ свой стаканъ, утерся и въ упоръ спросилъ у него:

— А кель ёръ ну серонъ а Лондръ?

Англичанина какъ-то всколыхнуло всего: онъ не ожидалъ такой развязности отъ неизвѣстнаго иноземца. Тѣмъ не менѣе, онъ сдѣлалъ пріятное лицо и, еще болѣе скверно выговаривая слова, чѣмъ его собесѣдникъ, отвѣтилъ:

— А юитъ ö-öръ, мсье.

Стриженый кивнулъ головой, досталъ порт-

монэ и посмотрѣлъ, тутъ ли проѣздной билетъ.

— Вы никогда не были въ Лондонѣ? спросилъ англичанинъ послѣ молчанія.

Брюнетъ засмѣялся и показалъ превосходные зубы.

— Нѣтъ.

Англичанинъ вытянулъ губы воронкой, точно собрался играть на трубѣ.

— А вы по-англійски не говорите? серьезно спросилъ онъ, придавая голосу возможно большую дѣловитость.

— Зачѣмъ? Мнѣ не надо.

Англичанинъ откинулся на спинку стула и сказалъ только: «о»!

Потомъ, подумавъ, онъ прибавилъ:

— Вамъ будетъ трудно.

Онъ сказалъ «дэфишилъ», и даже сдѣлалъ удареніе на первомъ слогѣ. Но брюнетъ его понялъ. Онъ потрясъ отрицательно головой и сказалъ:

— Ва-т-анъ де феръ фишъ! Ничего не трудно. Я не имѣю никакой надобности разговаривать съ туземцами.

— О! возразилъ англичанинъ.—Очень хорошо. Вы будете молчать?

— Нѣтъ, я буду искать работы.

— Какой?

— Всякой. Какая мнѣ понравится.

У меня нѣтъ спеціальности. Н
ть. Я могу научиться. Я спосо
ъ говорилъ по-французски очень
іе англичанина, только произ
зало Волгой.

Вы купецъ? спросилъ онъ у анг

Я фабрикантъ. У меня суконна

У васъ въ Англіи товаръ хорош
ъ поднялъ ногу, поставилъ на
ь и показалъ на свѣтленькія,
и.

Это ваше издѣлье?
глічанинъ окинулъ какъ-то одним
нокъ.

Нѣтъ, сказалъ онъ,—а только
ихъ сортовъ.

серебристыми просвѣтами облака низко неслись надъ землею, пропуская то тамъ, то тутъ солнечные лучи, брызгавшіе снопами жидкаго золота на жалкіе домики съ зелеными ставнями, на остробашенныя церкви, на гладкую дорогу, по которой мирнымъ шагомъ ступали нормандскіе кони подъ грузной повозкой. Въ окно рвался теплый воздухъ,—и въ немъ уже чувствовался озонъ недалекаго моря. Суетливая Бельгія, съ ея холмами, туннелями, веселыми рѣчками, съ чадными фабричными трубами—осталась позади. Человѣкъ селился неохотно въ этой безлюдной пустынѣ съ одинокими мельницами, что мѣрно поворачивали свои паутинныя крылья по вѣтру.

— Но что же, собственно, вы умѣете дѣлать? заговорилъ снова англичанинъ.

Брюнетъ снова показалъ зубы.

— Ничего не умѣю.

— Не можетъ быть. Что-нибудь умѣете.

— Гомера умѣю въ подлинникѣ читать. Слыхали про такого греческаго писателя?—Такъ вотъ я его свободно читаю. Интегралы и дифференціалы тоже могу. По медицинѣ—плохъ, но все-таки могу кое-что. Замки умѣю дѣлать. Вы удивляетесь? У насъ, въ Россіи, это часто бываетъ. Это вы на Западѣ специализировались. У васъ, чего добраго, на фабрикѣ одинъ мастеръ умѣетъ только продольныя полоски на сукнѣ проводить, а [illegible]гой—только въ клѣтку?

Англичанинъ кивнулъ головой, хотя, должно быть, не совсѣмъ понималъ его рѣчь.

— А у насъ, продолжалъ онъ,—каждый мастеръ и вдоль и поперекъ, и такъ и этакъ.

— Это не спеціальность, а дилетантизмъ, сказалъ англичанинъ.

— Чортъ его знаетъ, что это!

Онъ допилъ пиво, надѣлъ шляпу, вынулъ пятифранковую монету съ изображеніемъ бельгійскаго короля, получилъ сдачу, на мгновенье задумался, смотря испытующе на кельнера, и потомъ бросилъ ему на столъ пятьдесятъ сантимовъ на чай, что вызвало въ томъ какъ будто нѣкоторое удивленіе.

II.

Поѣздъ остановился на набережной, у самаго парохода. Его черный бортъ высоко поднимался надъ пристанью. Флагъ съ поперечными красными, желтыми и черными полосами отчаянно трепался по вѣтру и ничего добраго не предвѣщалъ для предстоящаго плаванія. Остенде смотрѣлъ съ своего плоскаго берега непривѣтно и хмуро. По набережной гуляла одна только дама въ круглой соломенной шляпѣ и, должно быть, кого-то [illegible]дала. Рыжая собака металась изъ стороны [illegible]рону, принюхиваясь къ слѣду. Пасса[illegible]о немного, всего человѣкъ пятнад-

цать, и всѣ помѣстились на палубѣ. Рядомъ со мной стоялъ брюнетъ, нахлобучивъ шляпу на одинъ бокъ, чтобъ ее не сорвалъ вѣтеръ.

— А гдѣ же здѣсь устрицъ ловятъ? спросилъ онъ меня по-французски.

— Не могу вамъ сказать, отвѣтилъ я ему порусски.

Онъ какъ будто удивился, поведя носомъ, какъ сетеръ, принюхивающiйся къ новому человѣку, и заговорилъ не сразу:

— Вы больше изъ какихъ? спросилъ онъ наконецъ.

— Я больше изъ литераторовъ.

— Такъ. Ну, это еще ничего... А-то я не особенно люблю соотечественниковъ. Изжога отъ нихъ такая.

— Да вѣдь вы первый заговорили?

— Да я такъ только, къ слову сказалъ.

Онъ прошелся по палубѣ, остановился у самаго носа и сталъ смотрѣть, какъ медленно и осторожно пароходъ подвигался впередъ, вдоль стѣнки мола, къ выходу въ море. Потомъ онъ опять подошелъ ко мнѣ.

— Вѣдь это вы давеча въ вагонѣ были? Суконщикъ-то какъ разошелся, чуть не мѣсто мнѣ сразу предлагалъ. Слышали?

— Слышалъ. Что жъ васъ удивляетъ?

— Я думалъ, что англичане только молчатъ. А этотъ лѣзетъ на знакомство. Отчего у нихъ

жены худыя? Видѣли, какая жена у него? Вонъ сидитъ въ креслахъ. Платье до колѣнъ. Это, чтобъ ногу показать. А нога пѣтушья. И шея такая же. Она моложе его лѣтъ на двадцать. Онъ зоветъ ее Эффри. Должно быть, Эсѳирь. А можетъ, и не Эсѳирь. Вы какъ думаете? Никакъ? Да, не стоитъ думать... Фу, чортъ, какъ я обрадовался, что послѣ двухъ недѣль по-русски заговорилъ...

Онъ опять отвернулся и прошелся вдоль борта. Пароходъ вышелъ въ открытое море, сизые валы покачивали его равномѣрно и съ шумомъ гремѣли подъ кожухами колесъ. Брюнетъ шелъ, разставляя ноги, чтобъ не пошатнуться, и иногда схватываясь за рѣшетку борта. Онъ надѣлъ шляпу еще крѣпче и смѣло подставлялъ себя равномѣрной струѣ соленаго вѣтра. Дойдя до кормы, онъ повернулся и опять пошелъ ко мнѣ.

— Вѣдь вотъ этотъ англичанинъ, заговорилъ онъ, поровнявшись со мной, — никогда онъ не пойметъ того, что мы спеціалистами быть не въ состояніи. У насъ степи слишкомъ широки, и никакъ мы сузить горизонта не можемъ. У нихъ,— вотъ я только что изъ Бельгіи,—каждый городокъ въ котловинѣ стоитъ. Направо — садикъ, налѣво — стѣнка, сзади — заборчикъ, спереди — рѣчка, за рѣчкой—лужокъ. Все это для нагляднаго обученія. Поневолѣ, коли смотрѣть ему не- [illegible] вокругъ себя смотритъ. У насъ Волга, [illegible] Шельда. Видѣли вы эту Шельду? Ле-

дащенькая рѣчонка, а какъ они къ ней приспособились, какъ ее обдѣлали: какъ въ футлярѣ течетъ. Небось, она не мелѣетъ. Вѣдь это только съ нашимъ розмахомъ можно заставить Волгу обмелѣть.

— Вы точно радуетесь, что она обмелѣла?

— Да, въ этомъ есть славянская послѣдовательность. Не обмелѣй она, была бы рѣка, какъ всякая. А теперь вотъ бельгійцевъ звать надо, заводить «анонимное общество углубленія русла». Все это послѣдовательно, именно это такъ и должно быть. Вы думаете, я зубоскалъ? Нѣтъ-съ, это я съ убѣжденіемъ. Я вотъ, напримѣръ, убѣжденъ, что вохра самая національная у насъ краска. И гробы ею красятъ, и казармы красятъ, и театры красятъ. Недавно подняли вопросъ: не отмѣнить ли этотъ колеръ?—ужъ очень унылое впечатлѣніе производитъ. А меня вотъ эта унылость за сердце хватаетъ; «гордый взглядъ иноплеменный» этого не пойметъ, а я пойму.

— Вы давно изъ Россіи? спросилъ я.

— Да ужъ года два. Вы, можетъ, думаете, я изъ нелегальныхъ? Нѣтъ-съ, я наилегальнѣйшій. Самый опасный типъ: ни крючка, ни петельки.

— То-есть какъ?

— Зацѣпиться не за что. Какъ глупый щенокъ, лежу на спинѣ, вытянулъ лапы, бери меня весь я тутъ. Такихъ не любятъ?

— Кто не любитъ?

— Всѣ. Въ либеральныхъ кружкахъ на меня подозрительно смотрѣли и думали, что я консерваторъ. А консерваторы меня считали положительнымъ либераломъ, и даже съ малиновой окраской, и тоже чурались. Никакъ ни до чего мы договориться не могли. Я, видите, съ ними не соглашался. Съ ними,—то-есть и съ тѣми, и съ другими. А они этого не любятъ. Или соглашайся, или къ чертямъ. Корили другъ другомъ. «Васъ, говорятъ, видѣли тамъ-то. Какъ же вы послѣ этого смѣете къ намъ ходить?» —А я, понимаете, присматривался, кругозора искалъ. И потомъ я ничего не боялся. Мнѣ скажутъ: «Не ходите туда, онъ скомпрометированъ». А я возьму и пойду.— Мнѣ говорятъ: «Вы рискуете». Я говорю: «Очень пріятно, все-таки эмоція». У меня спрашиваютъ: «Можетъ быть, у васъ есть гдѣ-нибудь знакомая рука въ сильномъ вѣдомствѣ?» Я говорю: «Нѣтъ, я безъ руки, такъ». Не вѣрятъ. Надоѣли они мнѣ, всѣ надоѣли жесточайшимъ образомъ: мелютъ, мелютъ— и все одно и то же, одно и то же. Рѣшилъ сбѣжать. И тутъ не вѣрятъ: «Вы, говорятъ, «не по собственному желанію».

— И сбѣжали?

— Сбѣжалъ. А вотъ тутъ, въ Бельгіи...

Онъ мотнулъ головой по направленію берега.

— Тутъ хуже вышло... Тутъ, дѣйствительно, со мной во взглядахъ не сошлись...

— А какъ же про вашъ взглядъ узнали?

— Я рѣчь говорилъ. Былъ такой митингъ... У меня накипѣло, я сказалъ. И сказалъ отъ сердца. Ну, и не понравилось. Кружева всему причиной.

— Почему же кружева?

— А здѣсь, видите, кружева плетутъ. Очень все это хорошо: дырочка къ дырочкѣ, листикъ къ листику. Ну, безподобно—залюбоваться можно. Я долго присматривался. А потомъ зло взяло. Вижу: столько народа такими глупостями занимаются. Стоятъ, подлецы, у станковъ, сквернымъ воздухомъ дышатъ, на работѣ съ утра до ночи, и какіе-то листочки изъ ниточекъ выводятъ... И вдругъ на этомъ собраніи стали говорить о значеніи человѣка и о томъ, куда мы идемъ, и какъ надо быть гуманнымъ къ меньшей братіи. А я влѣзъ на стулъ и кричу: «Хотите ключъ дамъ— и входъ отопрется». Всѣ закричали: «Хотимъ!» Тогда я на столъ влѣзъ и говорю: «Первымъ дѣломъ нужно рѣшить вопросъ, нужны ли человѣку кружева?» Всѣ кричатъ: «Не нужны». Я говорю: «Ergo?» Требуютъ объясненій. Я и объяснилъ: «Коль скоро, говорю, не нужны кружева для человѣческаго счастія, то, очевидно, слѣдуетъ упразднить кружевныя фабрики».Тутъ вотъ и поднялся гвалтъ. Я говорю: «Человѣкъ долженъ нести только осмысленный трудъ, а плести кружева дѣло безсмысленное и вредное». А ко мнѣ на столъ вскочилъ такой большой, рыжій, взялъ меня за грудь и началъ возить изъ сто-

роны въ сторону: «Это», говоритъ, «не философія, а разбой». И самъ меня все возитъ. А на другой день — новое собраніе. Меня язвительно такъ спрашиваютъ: «Можетъ быть, и китовъ не надо ловить, потому что китовый усъ идетъ на планшетки для корсетовъ?» Я говорю: «Объ этомъ я не думалъ, а кружева все-таки не нужны...»

Пароходъ вдругъ качнуло, онъ накренился на одинъ бортъ, и цѣлый пѣнный гребень перелетѣлъ надъ нами,—точно холоднымъ душемъ обдало.

— Тьфу ты, горечь какая! отплевываясь, заговорилъ мой спутникъ.—Пойдемъ отсюда; англичане, и тѣ убрались. Хоть въ рубку сядемъ.

Мы сѣли за круглый столикъ, близъ открытой двери.

— Не съѣсть ли чего? спросилъ онъ.

— Не совѣтую: видите, какъ вѣтеръ треплетъ.

— Это ничего. Я къ качелямъ съ дѣтства привыкъ.

Онъ позвонилъ слугу. Тотъ принесъ ему прейсъ-курантъ.

— Что вы думаете насчетъ рыбки морской? спросилъ онъ у меня. — Не будете? Вы вегетаріанецъ? Нѣтъ? А мнѣ и рыба противна. Ѣмъ изъ принципа, чтобъ доказать, что человѣкъ животное.

III.

Когда ему подали толстый кусокъ бѣлой рыбы, плавающей въ какомъ-то мутномъ соусѣ и полбутылки пива, онъ положилъ себѣ на тарелку весь кусокъ и даже засучилъ рукава пальто, которые были длинны, чтобъ удобнѣе можно было распоряжаться у стола. Онъ ѣлъ не то что съ жадностью,—видимо, онъ не былъ особенно голоденъ,—но у него была, должно быть, врожденная прожорливость. Когда онъ ѣлъ, онъ не смотрѣлъ по сторонамъ, а внимательно оглядывалъ каждый кусочекъ, стараясь его отрѣзать такъ, чтобы онъ получалъ правильную геометрическую форму. Прожевывалъ онъ основательно, не торопясь, и съѣдалъ все безъ остатка, вытеревъ начисто тарелку хлѣбомъ и отправивъ его въ ротъ. Къ пиву онъ тоже относился осмотрительно, сперва смотрѣлъ его на свѣтъ, потомъ пробовалъ на вкусъ, потомъ выпивалъ залпомъ стаканъ, и только потомъ уже говорилъ:

— Въ вагонѣ было лучше.

Его не смущало то обстоятельство, что мы качались, какъ въ люлькѣ, что гдѣ-то что-то скрипѣло и гремѣло, что горькая пѣна огромными хлопьями залѣпляла окна и била въ стекла съ неистовой силой. Я сидѣлъ, крѣпко прижавшись спиной къ дивану, и отворачивался отъ его зав-

трака, издававшаго запахъ масла. Когда онъ съ нимъ покончилъ, намъ подали коньякъ и кофе.

— А знаете, какая у меня фамилія? спросилъ онъ, отваливаясь блаженно къ спинкѣ дивана.

— Почемъ же я знаю!

— Престранная фамилія... Андреевъ.

— Что же тутъ страннаго?

— Вы не находите? Андреевъ—и больше ничего. И почему Андреевъ—никому неизвѣстно.

— Потому, что вашъ отецъ былъ Андреевъ.

— Отецъ? Я не знаю, былъ ли у меня отецъ. У меня и матери почти не было. И не подкидышъ я былъ. А такъ какъ-то,—ни съ того, ни съ сего, какъ грибъ послѣ дождя, появился.

— Что вы такое разсказываете?

— Вы думаете, это отъ пива? Нѣтъ—меня и коньякомъ не пронять. Въ былое время душилъ безпросыпно недѣли двѣ—и то ничего.

— Это когда же въ былое время?

— А когда въ Петровскѣ крючникомъ былъ, товары грузилъ—съ персами и турками. По вечерамъ на солнце съ ними молился. Даже коврикъ свой завелъ моленный. Ну, а послѣ этого самаго намаза турки спать ложились, а я шелъ съ русскими матросами въ кабакъ.

— Вы зачѣмъ же крючникомъ-то были?

— Довелось такъ. Застрялъ на Каспіи. Чортъ его знаетъ, какъ туда попалъ. Ну, а все-таки

—

заработокъ. Желѣзную дорогу тогда только что проводили, рукъ не доставало. Я вѣдь здоровый. Я не долго тамъ побылъ: недѣль шесть.

— Это до университета, или послѣ?

— Во. Какъ разъ во время университетскаго пребыванія. И знаете, что хорошо... Вы вѣдь никогда крючникомъ не были,—это вамъ понять трудно... Тутъ есть какое-то странное сладострастіе. Я вамъ говорю—именно сладострастіе. Вы представьте себѣ: вотъ вы сидите въ сапогахъ, шляпѣ, въ галстукѣ. Если вы разстегнете жилетъ — всѣ на васъ посмотрятъ косо. А тутъ— вдругъ вы съ себя сбрасываете всю условность. Я заложилъ какому-то армянину студенческое платье,—купилъ штаны, рубашку и феску. Только эти три вещи на мнѣ и были: и такъ съ утра до ночи. Идешь, грудь разстегнута, рукава засучены, солнце жжетъ. Мимо идутъ барышни въ сатиновыхъ платьяхъ, съ красными зонтиками, не отворачиваются, смотрятъ. И самъ на нихъ смотришь, и ни мнѣ, ни имъ не стыдно. Въ этомъ безстыдствѣ и есть все сладострастіе. Я даже иногда багажъ на пароходъ носилъ, — только представлялся, что по-русски не говорю. По двугривенному давали... А потомъ напоролся рукой на гвоздь,—бочку катилъ,—насквозь вышелъ,— пришлось бросить. Опять сюртукъ натянулъ и передъ барынями сторониться началъ...

Онъ сдвинулъ брови и закусилъ губы. Съ

·ту. Вижу: лежатъ здоровенные
й воды на солнцѣ, и кожа у н
ота, потому что они ничего н
икакой тряпки нѣтъ. Захотятъ
какихъ-то ракушекъ,—тутъ же
утъ,—напьются въ водопроводѣ
іежатъ. Такъ это мнѣ понравило
три съ ними пролежалъ. И по их
ıучился. Они не разговариваютъ
жарко. Цѣлый день, заложивъ р
лежишь кверху носомъ и смо
небо тамъ такое синее, что
ь черноту, — и когда долго на
такъ и совсѣмъ оно кажется
арочно барыни пріѣзжаютъ, чтоб
этихъ парій смотрѣть. Но этого
всегда старался чѣмъ-нибудь так

щаешь—каждой фиброй. А потомъ — надѣнешь сапоги — и ужъ совсѣмъ не то. Думаешь объ этихъ сапогахъ, книжки читаешь. Такъ противно станетъ.

Онъ опять нахмурился и закрылъ глаза. Пароходъ вдругъ качнуло влѣво. Бутылки и рюмки попадали, волна перекатилась черезъ палубу. Мокрый лакей перескочилъ черезъ высокій порогъ рубки и громогласно заявилъ, что «состояніе моря» не позволяетъ болѣе готовить горячихъ блюдъ.

— И не надо, теперь самое время заснуть, сказалъ Андреевъ, поправилъ кожаную подушку, подобралъ ноги калачикомъ и улегся.

— Мы еще увидимся, соннымъ голосомъ сказалъ онъ.—Зовутъ меня Василіемъ Ивановичемъ. Я и вамъ совѣтую прилечь. Еще до Англіи далеко.

IV.

Спалъ онъ съ часъ, не больше. Вѣтеръ сталъ тихнуть. И когда въ сизомъ туманѣ показались очертанія Довра, я увидѣлъ его передъ тоненькой женой фабриканта, и самаго фабриканта, дающаго ему карточку. Англичанка была блѣдна— она, должно быть, страдала морской болѣзнью, какъ всѣ англичанки; я это заключилъ изъ того, какъ усиленно давалъ почтенный коммерсантъ на водку матросу, ходившему съ тазикомъ по паро-

ходу. Но самъ суконщикъ былъ веселъ и что-то оживленно говорилъ Василію Ивановичу.

— Какія фамиліи у нихъ дьявольскія, сказалъ мой соотечественникъ, подходя ко мнѣ и показывая карточку!—Чарльзъ Дардльсъ. Хорошо, что я не говорю по-ихнему.

— А вы куда—въ Лондонъ?

— Нѣтъ, я поюжнѣе. Тутъ у меня дѣльце одно. Надо съѣздить, кое-что посмотрѣть.

— Что же, звалъ васъ фабрикантъ къ себѣ?

— Звалъ. Да не по дорогѣ. Денегъ развѣ у него взять? Да я этимъ не пользуюсь. Терпѣть не могу брать. Развѣ ужъ ѣсть нечего. Ну, этого не бываетъ.

Онъ подхватилъ мѣшокъ и съ любопытствомъ сталъ смотрѣть на желтовато-сѣрыя скалы, отвѣсно падающія въ море.

— Онѣ похожи на кусокъ швейцарскаго сыра, который скверно обрѣзали, сказалъ онъ. — Это вѣдь здѣсь рвутъ укропъ какіе-то герои Шекспира? Помню: висятъ надъ бездной и рвутъ укропъ. Скажите, какъ чувствительно! Чепушистъ вашъ Шекспиръ, раздутъ, какъ пузырь, а ножки-то у него жиденькія.

— Хорошо, что васъ англичане не понимаютъ.

— За бортъ, думаете, вышвырнули бы? Они и сами фарисействуютъ, какъ мы передъ Пушкинымъ. Лбомъ о земь бьемъ, а сами ни во что не [illegible]мъ.

Приставалъ пароходъ что-то долго. Какіе-то моряки ругались на берегу и доказывали, что нельзя здѣсь швартоваться. Наконецъ укрѣпили сходни. Мы двинулись на берегъ. Впереди шелъ со своимъ мѣшкомъ Андреевъ. Но прежде, чѣмъ онъ ступилъ на землю, его остановилъ какой-то форменный джентльменъ съ карандашомъ въ рукахъ.

— Же не парль па, отрѣзалъ Василій Ивановичъ и хотѣлъ пройти. Но его остановили, спросивъ по-французски имя. Онъ отвѣтилъ, сдѣлалъ движеніе, но его опять остановили.

— Вы женаты?

— Какое вамъ дѣло?

— Потрудитесь сказать. Вы задерживаете другихъ.

Онъ прищурился.

— Вы задаете слишкомъ рискованный вопросъ, сказалъ онъ, опуская мѣшокъ на землю.

— Сколько лѣтъ вамъ и вашей женѣ? Вы не помните? Этого не можетъ быть.

— Не помню! вдругъ крикнулъ Василій Ивановичъ во весь голосъ и багровѣя.—Не помню и никогда не зналъ, потому что никогда не интересовался. Слышите, что я вамъ говорю: мнѣ нѣтъ никакого дѣла до того, сколько мнѣ лѣтъ, и вы не заставите меня вспомнить, потому что я никогда этого не зналъ.

Англичанинъ пожалъ плечами и просилъ его

проходитъ. Дардльсъ, прислушивавшійся къ разговору, радостно развелъ руками, точно хотѣлъ принять Андреева въ объятья.

— Неужели вы не знаете года своего рожденія? весело спросилъ онъ.

— Да зачѣмъ же мнѣ это знать? Я и у жены никогда не спрашивалъ, сколько ей лѣтъ. Статистика! Скажите, пожалуйста,—великая наука!

Онъ шелъ къ вагонамъ, свободно помахивая легкимъ мѣшкомъ и болтая зонтикомъ. Увидя, что Дардльсы входятъ въ купэ, онъ полѣзъ за ними.

— Идите и вы! крикнулъ онъ мнѣ по-русски махая рукой.—Гуртомъ дешевле! Мнѣ еще охота кое-что спросить у васъ.

— Жуть какая! сказалъ онъ, когда всѣ усѣлись.

Я переспросилъ его, сразу не понявъ.

— Говорю—жуть. Знаете такое слово? Отъ жутко. Вагоны темненькіе, тѣсненькіе, впереди—черный туннель, сбоку—гора, вокругъ—Англія. Сумерки. Тѣсно, душно, скучно. Сны такіе бываютъ, потомъ въ кошмары переходятъ. Меня разъ лѣтомъ, когда я ребенкомъ былъ, въ наказаніе заперли въ банѣ. Были вотъ такія же сумерки, и окошки такія же квадратныя, маленькія, у самаго окна былъ деревянный сарай, и тараканы черные шуршали, и такъ мнѣ жутко было. [illegible]ь сейчасъ вспомнилъ.

— Вы въ самомъ дѣлѣ работы будете искать?

— Да. Только не спрашивайте, какой,—не отвѣчу, потому что любопытство считаю грѣхомъ,—это разъ, и потому, что самъ не знаю,—это два. Смотрите, какъ англичанка на насъ уставилась, прямо въ ротъ смотритъ. Я думаю, ей съ мужемъ скучно. Онъ старъ для нея. Удобно это за границей: вслухъ можно про женщину всякую мерзость сказать, а она будетъ хлопать глазами, а мужъ—одобрительно улыбаться.

— Вамъ это нравится?

— Ну, вотъ тоже—нравится! Есть чему нравиться! Такъ, наша врожденная отечественная мерзость. Мы вѣдь, русскіе, меньше развратны, чѣмъ всѣ европейцы. Мы больше люты на ругательства. У насъ все ругней выходитъ, а такой спеціальной развращенности нѣтъ.

— Вы въ самомъ дѣлѣ женаты?

— Да, въ мѣшкѣ здѣсь даже женинъ портретъ есть. Только лѣнь доставать. Я ушелъ отъ жены. Взялъ и ушелъ. Потихоньку. Потомъ письменно объяснились. Она хорошая, знаете, совсѣмъ хорошая: гладкая такая, незлобивая.

— Зачѣмъ же вы ушли?

— Этого я вамъ не скажу. Можетъ быть, сказалъ бы, если бы вы меня не спросили. А теперь это—любопытство. Когда-нибудь, увидимся... Ну, что вамъ за дѣло? Не могу же я сразу передъ вами выворотить свою душу и всю дрянь, что въ ней накопилась, вытряхнуть? На-те, молъ! И

я распустился передъ вами, обрадовался, что по-тамбовски можно поговорить.

— Почему же по-тамбовски?

— Жена у меня изъ Тамбова. Хорошо говорить, такой мягкій говоръ, какъ по маслу скользишь. Не то что по-вашему, по-петербургскому.

Онъ отвернулся отъ меня къ окну и сталъ смотрѣть на мелькающія между туннелями поля, коттэджи и рощи. Теплый, красновато-золотистый тонъ заката лежалъ на всемъ пейзажѣ: точно пожелтѣвшій лакъ покрывалъ старую картину. Поѣздъ мчался съ шипѣніемъ и визгомъ, будто просверливая воздухъ, и раскачивая вагоны на бѣшеномъ ходу. Когда онъ влеталъ въ туннели, розоватый свѣтъ смѣнялся тусклымъ газовымъ рожкомъ коптѣвшимъ въ стеклянномъ шарѣ надъ нашими головами. Мистеръ Дардльсъ дѣлался похожимъ огромный безформенный мѣшокъ, привалившій къ углу купэ, а миссисъ Дардльсъ казалась доконченнымъ портретомъ, въ которомъ худ никъ намѣтилъ только контрастными пятн свѣтъ и тѣни. Отъ качки вагона все вок ходило ходуномъ: и лица, и чемоданы, и картон вмѣстѣ съ ними шевелились и густыя тѣн давшія отъ нихъ на стѣну. За окномъ бы проглядная темень, только изрѣдка проно клочки сѣраго пара, и весь воздухъ — и въ и внѣ его — былъ наполненъ грохотомъ, визгомъ.

V.

Пара рослыхъ лошадей везла громоздкій фургонъ. Лошади въ огромныхъ, окованныхъ мѣдью хомутахъ, медленно ступали массивными копытами по пыльной, плотно утрамбованной дорогѣ. Ихъ жирные бѣлые бока блестѣли на солнцѣ, крутыя шеи мѣрно качались на ходу. Онѣ тихо спускали возъ подъ мостъ, подъ полотно желѣзной дороги, и видно было, какъ толстый кучеръ, отвалившись назадъ, сдерживалъ еще болѣе ихъ медленный ходъ.

— Вѣдь вотъ какіе у нихъ битюги, заговорилъ Андреевъ, ткнувъ пальцемъ въ окно.—Какъ выхолены-то,—любо-дорого. А знаете отчего? Оттого, что холить лошадь выгодно, выгоднѣе, чѣмъ рабочаго. Рабочій работаетъ тридцать часовъ подъ рядъ, и если надорвется, такъ свезутъ въ больницу, и придетъ на мѣсто его сотня новыхъ. А съ животнымъ, которое надорвется, надо считаться: оно стоило денегъ, и чтобы купить такое же другое, надо опять заплатить столько же.

— Что же вы этимъ хотите сказать? спросилъ я:—что лучше было бы покупать рабочихъ, какъ скотъ?

— Не лучше, но къ нимъ относились бы бережнѣе. Все-таки, знаете, своя собственность, и нѣтъ никакого расчета зарѣзать его на работѣ. Вы думаете, отчего вездѣ въ Бельгіи лошади въ та-

комъ порядкѣ? Что ихъ любятъ? Тамъ любятъ только франки, а лошадью пользуются какъ машиной. Машину если не затопить какъ надо, она не будетъ работать. И лошадь, чтобы хорошо работала, надо кормить до отвала. А отпускайте земледѣльцамъ лошадь посуточно, вы увидите, какъ они ее заморятъ: потому что имъ все равно, издохнетъ она, или нѣтъ.

Онъ снялъ свою широкополую шляпу, нервно провелъ по волосамъ и опять надѣлъ.

— У меня въ головѣ что-то не въ порядкѣ, заговорилъ онъ.—То-есть я совершенно здравомыслящій человѣкъ, но я все какъ-то вижу въ перевернутомъ видѣ:—всѣ для меня кажутся антиподами. И, конечно, я, по закону логики, кажусь самъ для прочихъ антиподомъ. Тамъ, гдѣ для другихъ ступни, для меня голова. И спорю я до остервенѣнія, и никакъ не могу никого ни въ чемъ убѣдить. Я, напримѣръ, говорю, что человѣкъ долженъ дѣлать только тò, что ему пріятно, а мнѣ антиподы говорятъ, что будто бы это не такъ. Вѣдь вы замѣтьте, что «пріятное» — понятіе совершенно субъективное. Я зналъ одного субъекта, который находилъ весьма пріятнымъ занятіе кочегарствомъ на пароходѣ, работалъ по поясъ голый передъ печью, и черезъ каждыя пять минутъ его водой отливали, чтобы шкура не трескалась. И всегда онъ былъ веселъ и зубоскалилъ. А то еще зналъ я одну княжну, ко-

торая любила гнойныя раны перемывать, потому и въ сидѣлки пошла. Чуть гдѣ работа погрязнѣе да попахучѣе—она тамъ. Вотъ это пріятное занятіе и есть. А у насъ человѣкъ пишетъ весь вѣкъ бумаги, или весь вѣкъ лѣчитъ, или всю жизнь учитъ ребятъ,—и ему это противно. Иной лѣкарь ѣдетъ отъ больного да думаетъ: «Дернула меня нелегкая заворотить ему эту микстуру, ужъ будто нельзя было чего другого; а, впрочемъ, не все ли одно—помирать-то надо!» А потомъ вы видали, какъ учителя плачутъ, да не въ пьяномъ видѣ, а трезвые? Возьмутся за виски да какъ дѣвчонка-истеричка ревутъ по прожитой жизни. А вотъ коли нѣмецъ пошелъ въ педагоги, значитъ онъ эту самую педагогику любитъ, или по крайней мѣрѣ загипнотизировалъ себя въ томъ направленіи, что ему любить свое дѣло надо,— и такъ всю жизнь лупитъ линейкой учениковъ и учитъ: «cicer, piper, papaver».

При послѣднихъ словахъ мистеръ Дардльсъ посмотрѣлъ на говорившаго и одобрительно кивнулъ головой.

— Lingua latina, пояснилъ ему Василій Ивановичъ.

— Yes, прошипѣлъ Дардльсъ.

— И вы не вѣрьте, продолжалъ Василій Ивановичъ,—если вамъ скажетъ кто-нибудь у насъ, что любитъ дѣло. Просто къ своему стулу привыкъ, и больше ничего. Протеръ сидѣнье и смо-

трить на него, какъ на что-то родное. Я съ однимъ учителемъ исторіи былъ знакомъ на Югѣ: все на бильярдѣ вмѣстѣ играли; тридцать три года, какъ Илья Муромецъ, сидѣлъ на своей каѳедрѣ, а и онъ былъ одержимъ сомнѣніемъ: стоитъ ли любить эту самую исторію? «Вотъ», говоритъ, «сегодня я разсказывалъ мальчикамъ о Кирѣ персидскомъ, совершенно такъ же, какъ тридцать лѣтъ разсказывалъ: все какъ надо по Иловайскому, старшаго возраста. Разсказываю и думаю: «ну, будутъ они знать объ этомъ самомъ Кирѣ всю подноготную, а станутъ ли они отъ этого счастливѣе и здоровѣе? И не лучше ли имъ знать, чѣмъ полоскать горло, коли оно заболитъ, или хорошенько научиться плавать, чтобы не тонуть, какъ щенятамъ? А потомъ еще вопросъ: былъ ли, собственно говоря, Киръ, царь персидскій, существовалъ ли когда? Вонъ, теперь говорятъ, и звали-то его не Киромъ, и соображалъ-то онъ совсѣмъ не такъ, какъ мы полагаемъ. Думаю, не наплевать ли намъ на все это?» Я ему посовѣтывалъ наплевать. А черезъ два дня опять сходимся. «Не токмо», говоритъ, «не наплевалъ, но даже сыну исправника единицу поставилъ, что онъ Кира не зналъ».—«Почему же»? говорю.— «А потому, что привыкъ. Къ подъѣзду привыкъ, къ швейцару Агаѳону привыкъ, къ коридорамъ привыкъ. Отвыкать ужъ поздно. Сегодня объ [illegible]идахъ разсказывалъ. Такъ разсказывалъ, что

мальчишки даже Жюля-Верна забыли подъ столомъ читать. Ворочаться, милостивый государь, поздно, и знакомства съ вами я продолжать болѣе не желаю, ибо вы имѣете на меня совращательное вліяніе». Потомъ на улицѣ съ нимъ не кланялись.—Да-съ... И всѣ у насъ такъ... А вотъ этотъ суконщикъ, онъ полагаетъ, что превосходно сукна дѣлаетъ и ничего міру, кромѣ этого, не надо.

VI.

Ночь быстро надвинулась. На смѣну дневному свѣту всюду вспыхнули электрическія солнца, предвѣщая въѣздъ въ великій городъ. Бѣшеный ходъ поѣзда смѣнился плавнымъ движеніемъ. Онъ скользилъ между фабрикъ и заводовъ, нырялъ подъ мосты, перекатывался по мостамъ, оставляя подъ собою улицы и переулки. Иногда показывались внезапно залитые огнемъ перекрестки съ мокрой мостовой, по которой зигзагами отражался свѣтъ, съ мокрыми каретами, кэбами и лошадьми въ попонахъ. Глухо прошумѣлъ длинный мостъ, и сѣро-стальная мрачная Темза на минуту мелькнула гдѣ-то тамъ внизу. Вагоны идутъ все тише и тише, ужъ гдѣ-то со стукомъ отворяются двери купэ. Огромная толпа стоитъ на платформѣ. Гигантскій желѣзный сводъ смутно мерцаетъ наверху.

Василій Ивановичъ протянулъ мнѣ руку и сказалъ:

— Ну-съ!

Въ этомъ «ну-съ» было много оттѣнковъ. Въ немъ слышалось: «ну-съ, вотъ мы и пріѣхали, вотъ и пора разстаться; я въ сущности радъ,— можетъ быть, встрѣтимся; до свиданія!» Это все говорили его глаза, въ которыхъ ясно отражался свѣтъ лондонскихъ фонарей.

— Вы гдѣ останавливаетесь? спросилъ я.— Или это тоже праздное любопытство?

Онъ засмѣялся, ничего не отвѣтилъ, подозвалъ жестомъ носильщика, произнесъ какую-то неопредѣленную фразу, въ которой ясно слышалось только «Ю плисъ», и, приподнявъ передъ фабрикантомъ суконъ шляпу, храбро вмѣшался въ толпу, волновавшуюся у вагоновъ.

Черезъ пять минутъ я ѣхалъ уже въ кэбѣ по Странду. Гулъ и шумъ этой улицы каждый разъ поражаютъ непривычное ухо, сколько бы разъ ни пріѣзжать въ Лондонъ: точно гигантскій оркестръ играетъ здѣсь съ утра до ночи, точно огромная лавина катится съ горъ. Бубенчики лошадей (здѣсь каждый извозчикъ съ бубенчикомъ), стукъ подковъ, хлопанье бичей, крики разносчиковъ газетъ и телеграммъ, трубы автомобилей, гулъ толпы, окрики кучеровъ — все звучитъ полнымъ концертомъ. И этотъ шумъ, съ [illegible] панорамой домовъ, огненныхъ вывѣсокъ

и блестящихъ выставокъ за окнами, сразу вытѣснилъ всѣ впечатлѣнія дороги и первымъ дѣломъ самого Василія Ивановича.

Я вспомнилъ о немъ дня два спустя, при выходѣ изъ театра. Мнѣ показалось, что это онъ въ своей широкополой шляпѣ спускается внизъ по крутой лѣстницѣ, прижатый толпой къ стѣнѣ. Между мною и имъ были двѣ лэди въ кружевныхъ косынкахъ, сопровождаемыя безукоризненными молодыми мистерами съ очаровательными усами и въ не менѣе очаровательныхъ фракахъ. Я хотѣлъ его окрикнуть, но боялся ошибки, а онъ смотрѣлъ на меня, не выказывая ни малѣйшаго желанія подойти ко мнѣ. Когда мы выбрались на подъѣздъ, его уже не было. Очевидно, я ошибся.

Но на другой день опять мнѣ померещилась его фигура. Я вернулся домой, въ гостиницу усталый отъ своихъ дѣлъ, и отправился завтракать внизъ въ ресторанъ. Мой столикъ съ загнутымъ стуломъ давно уже поджидалъ меня. Я завтракалъ не въ общемъ залѣ, а въ небольшой галереѣ, напоминавшей мнѣ своей структурой Рафаэлевскія ложи Ватикана и выходившей окнами на Темзу. Внизу зеленѣлъ первой листвой рядъ деревьевъ. Между нихъ возвышалась «Игла Клеопатры»—pendant тому луксорскому обелиску, что всѣмъ извѣстенъ по парижской площади Согласія; дальше шла превосходная гранитная набе-

режная, затѣмъ серебристая Темза; а за ней лиловыми массами подымались гигантскія зданія заводовъ. Я любилъ отсюда смотрѣть на движеніе судовъ, на легкій бѣгъ кэбовъ, на толпу, сновавшую по улицѣ. И теперь я тоже больше занимался набережной, чѣмъ завтракомъ, приводя въ негодованіе метръ-д'отеля, заботливо освѣдомлявшагося о впечатлѣніи, произведенномъ на меня какой-то необычайной яичницей.

Мое вниманіе привлекла фигура, нѣсколько разъ уже проходившая взадъ и впередъ по набережной и все смотрѣвшая на окна отеля. Потомъ фигура остановилась, оперлась на парапетъ и опять уставилась въ окна. Было далеко, разглядѣть лица я не могъ, но, очевидно, это былъ антиподъ.

Окончивъ завтракъ, я пошелъ на Темзу. Антиподъ меня дожидался. Онъ стоялъ, улыбаясь добродушной улыбкой во все лицо, опершись попрежнему о парапетъ и держа палку подъ мышками, пропустивъ ее сзади за спиной.

— Я васъ увидѣлъ въ окно, сказалъ я.

— Я нарочно ходилъ, чтобы вы меня увидѣли.

— Развѣ вы знали, что я здѣсь?

— Зналъ. Я слышалъ, какъ вы кэбъ нанимали сюда.

— Отчего же вы прямо не зашли ко мнѣ?

Онъ нахмурился.

— Я не пойду къ вамъ... То-есть сюда, въ гостиницу.

— Почему же?

— На это есть причины. Не любопытствуйте.

— Вамъ надо меня было видѣть?

— То-то, что нѣтъ. Если бы нужно было, я бы вамъ написалъ записку. А просто--хотѣлось поговорить съ вами. Я рѣшилъ, коли вы увидите меня и догадаетесь выйти—поговоримъ. А не догадаетесь, такъ и не надо.

— О чемъ же вы хотѣли говорить?

— Да ни о чемъ. Хотите пройтись?

— Пойдемте, пожалуй.

— Куда же мы пойдемъ? Только не въ толпу. Я Лондонскаго моста видѣть не могу: все мнѣ кажется, что я либо въ Петербургѣ на вербахъ, либо кого-нибудь вѣшаютъ, и толпа бѣжитъ смотрѣть. Пойдемте куда-нибудь, гдѣ потише.

— Хотите въ Гайдъ-паркъ?

— Пойдемте. Я тамъ вчера на лавочкѣ сидѣлъ. Только вѣдь пѣшкомъ, не правда ли? Я терпѣть не могу омнибусовъ, и кэбы здѣшніе тоже довольно подлое изобрѣтеніе.

— Почему же подлое?

— Зачѣмъ этотъ прохвостъ надъ вашей шеей сидитъ? Еще открываетъ форточку сверху и разговариваетъ.

Мнѣ стало смѣшно.

— Вы говорите такимъ обиженнымъ тономъ, точно это васъ въ самомъ дѣлѣ волнуетъ?

— Ну, конечно, волнуетъ. Впрочемъ, я объяснять вамъ этого не буду, вы со мной не согласитесь.

VII.

— Такъ что же вы хотѣли мнѣ сказать или о чемъ спросить? заговорилъ я, когда мы вышли на Пиккадилли.

— Я собственно хотѣлъ вамъ подтвердить то̀, что говорилъ тогда. У насъ всѣ не своимъ дѣломъ заняты.

— Вы это говорили.

— А теперь подтверждаю. Мнѣ хотѣлось повидать здѣсь кой-кого изъ нашихъ, изъ русскихъ. Я для этого и пріѣхалъ. Повидимому, люди заняты дѣломъ, и хорошимъ. Думаю, дай помогу имъ. Приду и скажу: давайте работу. Хотѣлъ даромъ, понимаете, даромъ отдаться, — берите, молъ, меня всего, со всѣми потрохами.

Онъ сердито поправилъ шляпу и замолчалъ.

— Ну и что же? подбодрилъ я его.

— Ну и поѣхалъ. Сначала все такъ хорошо, мы, дескать, такъ-то чисты, такъ-то честны, такъ-то добра всему человѣчеству желаемъ, а нашей возлюбленной родинѣ въ особенности, что насъ за нашу правду на небо заживо возьмутъ. Я, было, повѣрилъ и таять началъ. А потомъ

вдругъ начали жаловаться, что денегъ мало и сочувствія мало. Мы, говорятъ, хотимъ, чтобы и сочувствіе, и деньги. Я не стерпѣлъ. «Ежели», говорю, «вы недовольны и жалуетесь, такъ, значитъ, сами въ этомъ виноваты, потому что, по моему мнѣнію, всѣ мы виноваты, и только корчимъ изъ себя несчастныхъ». Говорятъ, видите, о высокихъ задачахъ, а сами охаютъ о средствахъ.

— Да вѣдь жить-то надо чѣмъ-нибудь?

— Не надо объ этомъ думать. Тогда и легко будетъ. Совсѣмъ про это надо забыть,—чѣмъ, дескать, жить. Живи и молчи, а тамъ видно будетъ, чѣмъ прокормиться.

— Вы сказали имъ это?

— Сказалъ. Я говорю: «Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь». Такъ вѣдь смѣются,—это, говорятъ, сказано съ индивидуальной точки зрѣнія, а не съ общественной,—а ежели дѣло общественное, такъ тутъ однимъ «днесь» не проживешь. Я и разговаривать не сталъ, взялъ шляпу. А они говорятъ: «Вы намъ, значитъ, не сочувствуете?» Я говорю: «Я вамъ сочувствую, но еще болѣе сочувствую тому, что знаю насчетъ «днесь». Какъ ни просили остаться, я ни за что,—и уѣхалъ.

— Такъ вы что же намѣрены дѣлать?

— Вчера у Чарльза Дардльса былъ. Чарльзъ Дардльсъ живетъ въ своемъ домѣ—четыре окна

въ рядъ и пять этажей вверхъ. Въ столовой на стѣнахъ дубовые хоры. Электрическіе лампіоны у какихъ-то бронзовыхъ развихляекъ на головѣ; знаете, такія парижскія вакханки въ античномъ стилѣ, но во вкусѣ Moulin Rouge. По стѣнамъ гобелены, да такіе, что ни у одного московскаго мецената и понюшки въ этомъ родѣ нѣтъ. Встрѣтилъ меня Чарльзъ Дардльсъ съ распростертыми объятіями, чуть не плачетъ. Повезъ на фабрику, пожарныя трубы показывалъ, школу, ясли для незаконныхъ дѣтей фабричныхъ, — понимаете, чтобъ они и этимъ не стѣснялись. А фабричные такіе же, какъ вездѣ: по рыламъ ихъ вижу, что дѣло имъ претитъ. А стоятъ и показываютъ видъ, что очень ихъ все это интересуетъ, и хозяину кланяются, а Плумпудингъ руку имъ подаетъ, не всѣмъ, понятно, а избраннымъ.

— Что же, вамъ Дардльсъ мѣсто предлагалъ?

— Нѣтъ, не предлагалъ. Онъ ждалъ, что я у него попрошу. Ну, не на такого напалъ. Я ни слова не выронилъ, пока онъ мнѣ всю фабрику показывалъ. Кончили, я все молчу. Онъ зоветъ меня ѣхать къ нему въ Лондонъ обѣдать,—я говорю: «поѣдемъ». Миссисъ къ обѣду въ декольте вышла. Ей Богу! Шея такая хорошая, безъ пупырышковъ. Очень любезна; посадила меня за столомъ рядомъ съ собой и говоритъ: «я сейчасъ вамъ дамъ русской закуски». Ну, и подали сар-

динокъ. Я и за столомъ молчалъ. Потомъ они обидѣлись, что я ихъ филе не ѣлъ.

— Какого филе?

— Какъ оно называется: миньонъ, что ли,— на сухарикахъ? Такіе пышные кусочки.

— Отчего же вы не ѣли?

Онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня.

— Я мяса не ѣмъ.

— Вегетаріанецъ?

— Коли хотите. А только это глупое слово. Рыбу ѣмъ. Все-таки живое дыханіе, хоть и съ жабрами.

— Ну, чѣмъ же обѣдъ вашъ кончился?

— Я всталъ послѣ кофе и говорю: мерси. Англичанкѣ показалось, что я ей руку хочу поцѣловать, сама мнѣ въ носъ такъ и тычетъ. А я ее внизъ потянулъ и сказалъ: «осси е адье, паръ се ке же паръ». Они очень удивились, а Чарльзъ Дардльсъ даже мадерой меня соблазнялъ, прямо изъ Остъ-Индіи. Тоже удивился, что я не пью.

— А вы не пьете?

— За столомъ пэль-эля цѣлую бутылку выпилъ. А такъ — мадеръ, водокъ и прочаго не пью. Зачѣмъ? Не люблю даже смотрѣть, какъ другіе пьютъ. Я много въ дѣтствѣ пьянства насмотрѣлся, даже самого меня семилѣтнимъ мальчишкой водкой поили. Я думаю, что ежели когда-нибудь былъ у меня отецъ, такъ, должно быть,

запоемъ пилъ, и на мнѣ сказалась реакція пьянства.

Мимо насъ проѣхалъ взводъ красивыхъ кавалеристовъ, съ киверами на боку, въ расшитыхъ, словно для театральнаго представленія, мундирахъ и на великолѣпныхъ коняхъ. Ихъ сабли, мундштуки и стремена бренчали и звенѣли; сами они ловко, совсѣмъ какъ на парадѣ, сидѣли въ сѣдлахъ и, слегка избоченясь, смотрѣли на проѣзжихъ и прохожихъ.

Андреевъ отвернулся.

— Чего вы? спросилъ я.

— Стыдно, чуть слышно отвѣтилъ онъ.—Зачѣмъ они такъ одѣлись?

VIII.

Въ Гайдъ-паркѣ мы сѣли на берегу озера. Солнце ласково свѣтило. Ярко-изумрудная зелень газоновъ привела бы въ ужасъ художника своимъ неестественно-однообразнымъ, кричащимъ цвѣтомъ. «Сизенъ» еще не начинался, гуляющихъ и катающихся было мало; только кое-гдѣ мелькала съ желтыми спицами колесъ высокая коляска, или ярко-пурпурной звѣздой краснѣлъ на фонѣ деревьевъ дамскій зонтикъ. Городской шумъ, какъ отдаленный говоръ моря, доносился изъ-за деревьевъ.

— Такъ что вы къ Дардльсу больше не пойдете? спросилъ я.

— Нѣтъ. Я удивляюсь, чего, собственно говоря, этотъ суконщикъ присталъ ко мнѣ. Еще говорятъ, что англичане не сообщительны.

— Что же вы теперь будете здѣсь дѣлать?

— Сунусь еще въ одно мѣсто: понюхаю, чѣмъ пахнетъ. Мнѣ все казалось, что здѣсь вотъ именно, въ Англіи, и можно что-нибудь сдѣлать. То-есть, что здѣсь можно приспособиться къ работѣ. А между тѣмъ я вижу и тутъ трудъ такой же безсмысленный и нелюбимый. Здѣсь однѣ только лошади работаютъ съ убѣжденіемъ. Онѣ больше ничего не умѣютъ дѣлать, какъ перевозить съ мѣста на мѣсто никому ненужныя тяжести, — и отлично это понимаютъ, и въ потѣ своей морды зарабатываютъ хлѣбъ. Ослы—тѣ умнѣе, они уже протестуютъ. Вчера возлѣ Тоуэра одинъ осликъ оралъ на всю улицу, лягался и рѣшительно не хотѣлъ сдвинуть съ мѣста телѣгу съ бронзовыми кроватями. Его лупили не на животъ, а на смерть,—но онъ былъ стоекъ, и вся его фигура ясно говорила: «я не хочу возить предметовъ роскоши фирмы Смитъ и К°»—и этого никто не понималъ.

— А если и въ третьемъ мѣстѣ вамъ не понравится, тогда куда вы направитесь?

— Не знаю. Я думаю тогда пѣшкомъ пройти всю Ирландію. Что-то много врутъ про нее: мнѣ хотѣлось бы удостовѣриться воочію, что тамъ и какъ.

Онъ взялся за горло и поводилъ шеей въ обѣ стороны.

— Горло второй день болитъ, сказалъ онъ.— Надо бы пополоскать или смазать чѣмъ-нибудь: іодомъ съ глицериномъ, что ли. Я простудился: лазилъ вчера на верхъ Новаго моста, въ башню. Знаете—Тоуэръ-бриджъ? Дуло тамъ чертовски.

— Зачѣмъ же вы лазали?

— А мнѣ хотѣлось сверху посмотрѣть на Тоуэръ. Гнусное мѣсто. Одно изъ самыхъ подлыхъ историческихъ мѣстъ. Отъ него до сихъ поръ пахнетъ кровью.

— Такъ вы бы лучше внутри осмотрѣли его?

— Да я и внутри былъ. Старики, одѣтые шутами гороховыми, сидятъ. Смѣшныя вещи показываютъ: здѣсь такого-то придушили, тутъ такого-то, а тутъ вотъ наши историческіе алмазы и брильянты, которымъ, дескать, цѣны нѣтъ. Такъ меня затошнило, еле я на башнѣ Тоуэрскаго моста очухался. Да, вотъ, кажется, что-то—не то дифтеритъ, не то ангину схватилъ.

— Тогда что же мы здѣсь сидимъ? Здѣсь тоже вѣтеръ, а вы въ одномъ пиджакѣ.

— Пусть. Смерти бояться, такъ и жить не стоитъ. Я никогда ничего не боялся. За оспенными ходилъ, за тифозными ходилъ. По сплошному ледоходу черезъ рѣки перебирался, тонулъ раза три. Никогда не нянчился съ своей жизнью. А нынче въ моду вошло — нянчиться. Вдругъ

стали говорить, что ужъ такъ-то драгоцѣнна наша жизнь, что хранить ее надо пуще глаза; что все дѣло только въ томъ, чтобъ какъ можно дольше продлить ее; что поэтому надо впрыскивать броунъ-секаровскую жидкость, устроить тюрьмы какъ можно комфортабельнѣе и носить фуфайки изъ сосновой шерсти. А по-моему, лучше подохнуть отъ шальной пули, чѣмъ отъ старости у себя на кровати мучиться какой-то грыжей.

— А іодомъ-то все мазаться хотите?

— Да вѣдь не помрешь отъ этого, а только будетъ сверлить горло недѣли двѣ. Пусть ужъ лучше скорѣй проходитъ. Сегодня совсѣмъ глотать не могу, голова горитъ.

Онъ снялъ шляпу и подставилъ свой широкій лобъ вѣтру.

— Вы простудитесь, сказалъ я.

— Можетъ быть, совсѣмъ простужусь, сказалъ онъ, машинально оглядываясь.

Мы помолчали.

— Зелень! задумчиво сказалъ онъ, — деревья. Сколько я ее перевидалъ на своемъ вѣку. Я изъ конца въ конецъ избороздилъ весь нашъ Югъ. Какъ весною дышитъ степь, какъ горятъ ночью звѣзды! А сѣверъ? Архангельскіе лѣса, Мурманъ. На китоловномъ суднѣ я ходилъ... Ночь іюньская, съ солнцемъ. И все вѣдь это одно и то же: и солнце, и звѣзды, и я, и вы. А Тоуэръ-бриджъ — это ужъ совсѣмъ другое.

Онъ всталъ.

— Да, нехорошо мнѣ. Пока вотъ сидѣли здѣсь, на скамейкѣ, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ на меня точно надвинулось что-то, и голова кружится. Пойдемте.

Мы пошли къ выходу. Онъ шелъ, сосредоточенно смотря подъ ноги и сдвинувъ брови. У широкой каменной арки въѣзда онъ протянулъ мнѣ руку.

— Прощайте. Мнѣ еще по дѣлу.

Онъ, очевидно, собрался домой, потому что чувствовалъ себя плохо, но не хотѣлъ объ этомъ сказать, чтобъ я не навязался ему въ спутники.

IX.

На другой день негръ, чистившій въ гостиницѣ сапоги, подалъ мнѣ записку, сказавъ, что ее принесли изъ «Чарингъ-Кросса» отъ мистера Андерсона и просятъ отвѣта. Записка оказалась отъ Андреева.

«Я лежу», писалъ онъ неровнымъ, дрожащимъ почеркомъ, «и не знаю, когда встану. Прошу зайти; не бойтесь, не заразительно. Былъ докторъ. Спросите въ Чарингъ-Кроссѣ Вильяма-Джона-Андерсона. Это — я. «Андреева» они не могутъ выговорить, а потому—

Вашъ В. Д. Андерсонъ».

Чарингъ-Кроссъ былъ черезъ нѣсколько домовъ отъ моего отеля, тутъ же на Страндѣ. Дежурный клеркъ долго искалъ на доскѣ фамилію моего соотечественника и наконецъ нашелъ ее гдѣ-то въ трехсотыхъ номерахъ.

— Поднимитесь по лифту, мосье, пренебрежительно замѣтилъ онъ.—Это достаточно высоко.

Въ лифтѣ меня дважды переспросили номеръ, какъ будто удивились, и затѣмъ потянули куда-то наверхъ, подъ самую крышу. Я очутился въ низенькомъ темномъ коридорчикѣ съ низенькими сѣрыми дверями. Толстощекая миссъ, исправлявшая обязанности горничной, отозвалась съ ироническoй улыбкой, что она не знаетъ, кто такой мистеръ Андерсонъ, но искомый номеръ мнѣ указала. Антиподъ оказался тутъ же за дверью, на высочайшей и широчайшей постели, занимавшей полкомнаты. Комната была почти темная и упиралась въ какую-то бурую стѣну. Все убранство ея составлялъ стулъ, комодъ съ зеркаломъ и умывальникъ. Противъ постели топился мраморный каминчикъ, и изъ него пышало жаромъ раскаленныхъ угольевъ.

Антиподъ лежалъ лицомъ къ окну на цѣлой горѣ подушекъ; горло его было завязано; самъ онъ былъ одѣтъ въ ночную рубашку изъ саратовской сарпинки, изображающую шотландскіе національные цвѣта. Въ комнатѣ пахло смоляными канатами.

— Свалились? спросилъ я.

— Ангина. Берите стулъ. Слышите запахъ? Дезинфецирую горло. Лихорадка. Всякая гадость лѣзетъ въ голову. Кто-то наваливается, душитъ. Никого не дозвонишься. А ночью...

Онъ тяжело передохнулъ.

— Ночью... Непріятность. Электрическая лампа—въ окнѣ. Ей Богу! Встаньте, посмотрите. Въ самомъ окнѣ вдѣлана. Каковы подлецы? Что же мнѣ, какъ до нея дотягиваться?

— Этотъ этажъ назначенъ для прислуги пріѣзжихъ, догадался я.—Что же хотите?

Онъ кисло засмѣялся.

— Я такъ и думалъ, что-нибудь въ этомъ родѣ. Да вѣдь и берутъ-то за нее всего два шиллинга въ день. Ну, да не въ этомъ дѣло. Вы когда уѣзжаете изъ Лондона?

— Завтра. Я всѣ дѣла покончилъ.

— Гмъ. Жалко. Ну, все равно. Въ Парижъ?

— Да.

Онъ запустилъ руку подъ подушку и вытащилъ два пакета.

— Вы мнѣ окажете услугу, если распорядитесь вотъ этими двумя письмами. Если бы я отправился на тотъ свѣтъ, такъ большой пакетъ пошлете заказнымъ по адресу.

Я посмотрѣлъ. Написано было: въ Москву, Олимпіадѣ Платоновнѣ Андреевой.

— Это ваша жена? спросилъ я.

— Да, небрежно отвѣтилъ онъ.—А вотъ этотъ передайте, и пожалуйста сейчасъ по пріѣздѣ въ Парижъ, Глаголину. Тутъ адресъ написанъ. Если можно—лично. Не раскаетесь. Онъ хорошій. Глаголинъ—онъ очень хорошій. Рѣдкій. Совсѣмъ сквозной,—всего его видно. Отдайте ему, если хотите, оба письма. Онъ перешлетъ.—Поклонитесь ему да скажите, чтобъ онъ жену уговорилъ не тащить меня послѣ смерти въ Россію. Жить въ Лондонѣ скверно, а лежать на кладбищѣ—отчего же,—ужъ никакъ не хуже, чѣмъ въ Андроньевскомъ.

— Кто же васъ лѣчитъ?

— Какой-то морской докторъ. Не знаю, почему не сухопутный. Я просилъ лакея привести доктора. Денегъ не беретъ. Сказалъ, что вечеромъ будетъ.

— Вамъ бы переѣхать. Здѣсь очень скверно.

— Оставьте! Отчего скверно? У милліоновъ людей еще сквернѣе. Я очень радъ, что не вижу умильныхъ физіономій подхалимной прислуги,—какъ внизу, въ бельэтажѣ. Я очень радъ, что лежу здѣсь совсѣмъ одинъ. Мнѣ никого не надо. Главное, я радъ, что нѣтъ жены, а то бы она изображала безпокойство, не спала ночей.

Онъ помолчалъ немного и вдругъ спросилъ:

— Хотите видѣть ея портретъ? Дайте мнѣ съ комода книгу. Правда, хорошій номеръ,—даже стола нѣтъ: я писалъ письма на комодѣ.

Онъ вынулъ изъ книги кабинетную карточку и подалъ мнѣ, исподлобья наблюдая за впечатлѣніемъ. На ней была представлена женщина лѣтъ подъ тридцать, съ большими ласковыми глазами просто причесанная, съ круглыми плечами, круглыми щеками, круглымъ подбородкомъ. Она смотрѣла прямо, съ наивнымъ добродушіемъ, ясно и покойно. Ея грудь была прикрыта кружевомъ и заколота брошью съ какимъ-то крупнымъ камнемъ.

— Правда, чудесная бабица? спросилъ Андреевъ.

Я ничего не отвѣтилъ и возвратилъ ему карточку.

— Это она снималась три года назадъ, сказал онъ.—Вотъ изъ-за этого у насъ съ ней час бывали споры.

Онъ постучалъ ногтемъ о карточку.

— Изъ-за каменьевъ этихъ. Я доказывалъ, безъ нихъ легко обойтись, она говорила, что б всего легко обойтись, но зачѣмъ же обходит если, во-первыхъ, это есть, а во-вторыхъ, это красиво. Такъ и не сошлись мы съ не этомъ. Какъ она брильянты нацѣпитъ, я с въ театръ и не ѣду. Слезы. Не крики, не с а просто слезы, такъ, тихонькія, въ уголкѣ, я ее обидѣлъ чѣмъ. Вообще я съ ней въ не любилъ ѣздить,

— Кстати, сказалъ я, желая перемѣни

говоръ,—вы не были на дняхъ въ театрѣ здѣсь, въ Геймаркетѣ?

— Нѣтъ, удивился онъ.—А что?

— Мнѣ показалось, что я васъ встрѣтилъ.

— Я не хожу въ театры. Ничего въ нихъ не вижу. По-моему, они очень уклонились съ прямой дороги. «Пошлыхъ истинъ» много, а «возвышающаго обмана» нѣтъ. А отъ пошлыхъ истинъ я самъ не знаю куда дѣваться.

Онъ нервно откинулся головой, какъ будто отгоняя отъ себя «пошлую истину».

— Хорошая вещь у Шиллера «Разбойники», точно про себя сказалъ онъ.—Вотъ, гдѣ «насъ возвышающій обманъ». Это можетъ очистить душу и всколыхнуть... Фу, какъ тяжело мнѣ опять... Знаете что?—уходите-ка. И безъ зова не приходите, очень прошу, потому что всѣ дѣла, собственно говоря, у насъ покончены. Вы не думайте, что я противъ васъ что-нибудь имѣю, но, когда боленъ, очень противно видѣть здоровыхъ людей. И опять меня клонитъ ко сну, и опять лихорадка.

Онъ повернулъ голову къ стѣнѣ и настоятельно прибавилъ:

— Прощайте!

X.

Рано утромъ на другой день антиподъ прислалъ мнѣ записку: «Мнѣ гораздо лучше. Уѣзжайте.

угодно кличку, только не русс
ь, которую онъ проявилъ по отн
ыписывалъ его излишней нерв
денному пороку—выкладывать
ь встрѣчнымъ свои взгляды. Ч
льно-политической подкладки не
аніяхъ по Европѣ,—мнѣ это бы
онъ искалъ новыхъ формъ жизни
несомнѣнно. Портретъ жены яв
ь диссонансомъ въ общемъ строѣ т
я, что онъ производилъ на меня. I
и отошелъ отъ этого диссонанса. (
лось одно: какъ сошлись они и
ее выйти за него замужъ? Онъ н
овсѣмъ равнодушенъ, это доказыв
ѣмъ, что при немъ былъ ея пор
же они разстались? В

сячъ. Зданія здѣсь скучныя, мрачныя,—видно, что хозяева не гоняются за красотой формъ: было бы прочно, да умѣщалось бы больше квартиръ. Всѣ дома выдавлены точно изъ одной формы,—въ нихъ нѣтъ и слѣда французской игривости. По улицамъ носится клубами пыль, сухая и бѣлая, какъ известковый порошокъ. Фіакры еще не любятъ здѣсь останавливаться, и найти извозчика бываетъ трудно. Но зато квартиры какъ будто комфортабельнѣе тѣхъ, что въ старомъ Парижѣ, и, должно быть, дешевле, да и стука и шума здѣсь меньше, и дѣтей рѣже давятъ омнибусы и кареты.

Портье сидѣлъ въ своей коморкѣ безъ сюртука и ѣлъ что-то изъ салатника, запивая ѣду желтенькимъ виномъ; на мой вопросъ о Глаголинѣ онъ показалъ масляннымъ пальцемъ наверхъ и сказалъ внушительно:

— 44, monsieur. Oui—44.

Я спросилъ, дома ли господинъ Глаголинъ.

— Если бы господинъ Глаголинъ не былъ дома, наставительнымъ тономъ отвѣчалъ онъ, помахивая предо мной масляннымъ пальцемъ,—я бы васъ предупредилъ объ этомъ, не называя его номера. Если же я называю номеръ, то, слѣдовательно, онъ дома.

Господинъ Глаголинъ, дѣйствительно, оказался дома. Мнѣ отворила дверь горничная въ чепчикѣ посмотрѣла, какъ я снимаю и вѣшаю на вѣшал

пальто, и пошла докладывать. Изъ щелей сосѣдней комнаты глядѣли зоркіе голубые глазки дѣвочки лѣтъ четырехъ и мальчика немного побольше. Гдѣ-то плакалъ еще ребенокъ, и пахло нафталиномъ. Меня ввели въ крохотный кабинетикъ съ полками по стѣнамъ, сплошь заставленными книгами безъ переплетовъ. Надъ диваномъ висѣлъ портретъ двухъ дѣтишекъ, писанныхъ во весь ростъ новой французской манерой, и въ нихъ нетрудно было узнать оригиналовъ, смотрѣвшихъ въ щель прихожей. Письменный столъ былъ весь въ брошюрахъ, запискахъ и табачномъ пеплѣ. Здѣсь запахъ нафталина смѣшался съ прокислымъ запахомъ папироснаго дыма: комнату, должно быть, съ утра не провѣтривали.

Въ кабинетъ вошелъ человѣкъ лѣтъ сорока, съ такими же, какъ у ребятъ, голубыми глазами, свѣтлыми зачесанными назадъ волосами и свѣтлой бородкой. Я передалъ ему письмо антипода и ждалъ, пока онъ прочтетъ.

— Скажите, спросилъ онъ мягкимъ, пѣвучимъ голосомъ,—какое же на васъ сдѣлалъ впечатлѣніе Андреевъ?

— Я его мало знаю. Скорѣе благопріятное, чѣмъ нѣтъ.

— Да, вы его, значитъ, мало знаете. Это прекрасный человѣкъ.

— Онъ то же говорилъ про васъ.

— Кукушка и пѣтухъ, засмѣялся Глаголинъ,—

хвалимъ другъ друга. Нѣтъ, серьезно, вы знаете, что Василій Ивановичъ сила, и сила немалая?

— Даже немалая?

— Даже. Онъ сильнѣе всѣхъ насъ. Вы не можете себѣ представить, что это такое.

— Не могу. Вотъ вамъ подробно мои впечатлѣнія.

И я разсказалъ все, начиная съ нашей встрѣчи. Глаголинъ слушалъ меня внимательно, скручивая папиросу и заклеивая ее въ оторванную изъ книжки бумагу. Онъ, изрѣдка поддакивая, качалъ головой, точно хотѣлъ сказать:

«Да, да, знаю—онъ всегда таковъ, всегда».

Когда я кончилъ, голубые глаза опять поднялись на меня.

— Онъ сидѣлъ въ скорлупѣ и протягивалъ къ вамъ только щупальцы, сказалъ онъ. — Несмотря на кажущуюся болтливость, онъ вамъ не показалъ себя. Надо его знать, какъ я знаю, чтобы понять, что онъ за человѣкъ. Онъ женатъ на моей двоюродной сестрѣ.

— Онъ ушелъ отъ нея?

— Ушелъ. Онъ не могъ не уйти.

— Отчего?

— Длинная исторія. Скажу одно: она по-своему прекрасная женщина, и любитъ его. У нихъ есть ребенокъ—дочь. При ней, конечно. Разрывъ ихъ былъ у меня на глазахъ. Онъ ушелъ, сознательно оставивъ и женщину, и ребенка, кото-

рыхъ любилъ,—потому что не могъ ихъ видѣть. Ей оставалось одно: простить его. И она простила. Она рѣдкая женщина и могла бы быть исключительно счастливой женой. Довольно того сказать, что четыре года она жила съ Васильемъ. Едва ли кто другой это могъ выдержать... Я разскажу вамъ, если хотите, все по порядку... Только вотъ въ чемъ дѣло: теперь половина двѣнадцатаго, я долженъ пойти съ дѣтьми въ паркъ. У меня жены нѣтъ, я вдовецъ. Утромъ моя служанка Луиза не можетъ гулять съ ними,—у нея слишкомъ много дѣла, и потому мнѣ самому приходится пестовать ихъ. Хотите, пойдемъ вмѣстѣ; они будутъ играть, а мы посидимъ, поболтаемъ. Паркъ Монсо подъ бокомъ. Хотите?

Я сказалъ, что хочу.

XI.

Луиза внимательно ходила за дѣтьми. Они были опрятны, хорошо одѣты; смотрѣли весело и даже были послушны. Они о чемъ-то перемигивались и пересмѣивались съ нею, а она, стоя передъ ними на колѣняхъ и застегивая крючки, старалась дать мнѣ понять, какая она образцовая бонна. Портье былъ имъ пріятель и отпустилъ дружескую шутку по адресу monsieur Nicolas, который, заломивъ беретъ набекрень, бойко шелъ мимо его ложи. До Монсо было рукой подать.

Мы заплатили старушкѣ съ подвязанной щекой слѣдуемую мзду за право воспользоваться неудобнымъ желѣзнымъ стуломъ и усѣлись какъ разъ противъ памятника Мопассану.

— Я каждый день здѣсь сижу, сказалъ Глаголинъ.—Я очень люблю эту женскую фигуру на памятникѣ, больше, чѣмъ самого Мопассана. Въ ней, въ этомъ мраморѣ, сквозитъ живая жизнь... И, кромѣ того, она похожа на мою покойную жену. Удивительно похожа.

Онъ сказалъ это «удивительно» такъ серьезно, что мнѣ показалось, что паркъ Монсо, пожалуй, нужнѣе для него, чѣмъ для дѣтей, которыя могли играть и въ Пасси, и въ Люксембургѣ.

— Когда я въ первый разъ увидѣлъ эту фигуру, продолжалъ онъ,—я думалъ, что брежу: до того меня поразило сходство. А потомъ Луиза какъ воскликнетъ: «Да вѣдь это совсѣмъ покойная мадамъ!» У нея была такая же вдумчивость. Она вотъ такъ же опиралась на локоть и такъ же неопредѣленно смотрѣла куда-то вдаль. Она была очень дружна съ Липой, женой Андреева... И какая странная вещь: эту мраморную женщину многіе находятъ похожей то на ту, то на другую изъ умершихъ. Мнѣ кажется, это зависитъ отъ неуловимости ея чертъ, точно она смотритъ сквозь облака...

Мимо прошла блондинка съ прехорошенькимъ мальчикомъ.

— Вы сегодня опоздали на десять минутъ, сказала она, здороваясь съ Глаголинымъ.

— Да, меня задержали, вѣжливо сказалъ онъ, вставая.

Она прошла, кивнувъ головою.

— Это преталантливый скульпторъ, сказалъ Глаголинъ.—Она мнѣ обѣщала вылѣпить изъ глины головку, похожую на эту... Однако, постойте, мы не о томъ говоримъ. Я вамъ хотѣлъ о Васильѣ... Ну, слушайте, что я вамъ разскажу о Васильѣ.

И онъ вотъ что разсказалъ.

Отецъ Василія Ивановича неизвѣстенъ. Его мать—дѣвица Голоушина. Дѣвица эта была ровно ничѣмъ не замѣчательна, сирота, дурна собой и занималась какимъ-то вязаньемъ. Такъ какъ она была совершенно одинока, то никто отъ нея не потребовалъ отчета въ неожиданномъ прибавленіи семьи. Квартирная хозяйка, отнесшаяся даже съ одобреніемъ къ факту появленія на свѣтъ Василія Ивановича, не одобрила только того, что дѣвица оставила младенца при себѣ. Впрочемъ, это удивило многихъ: какъ можно имѣть такую вывѣску при собственной квартирѣ! Когда мальчику было четыре года, Голоушина умерла, но даже протопопу, исповѣдывавшему ее передъ [illegible]тью, имени отца Васеньки не сказала и [illegible]но грубо, совсѣмъ не по мѣсту и не по [illegible]ни, замѣтила:

— Господь Богъ знаетъ, а для прочихъ это безразлично.

Сынъ дѣвицы остался на попеченіе хозяйки; она этимъ не мало была смущена и рѣшила, что теперь слѣдуетъ найти «добраго человѣка», который взялъ бы сироту на воспитаніе, такъ какъ у нея самой концы съ концами на аршинъ не сходились. На счастье Васеньки, богатаго коммерсанта Андреева, въ домѣ котораго и умерла его мать, судили за мошенничество по подрядамъ и по недостатку уликъ оправдали. Въ ознаменованіе такого счастливаго событія Андреевъ сперва думалъ пожертвовать въ монастырь колоколъ, но его убѣдили, что это несовременно, а лучше основать «техническую стипендію» для бѣднаго молодого человѣка, уроженца ихъ города. А тутъ подвернулась хозяйка умершей дѣвицы: она поставляла женѣ коммерсанта по дешевой цѣнѣ одеколонъ и духи, а ей доставлялъ ихъ безплатно племянникъ, служившій приказчикомъ въ мѣстной химической лабораторіи. Она сказала Андреевой:

— Стипендія-то, благодѣтельница, дѣло заглазное. Какого еще техника подсунутъ. Пожалуй, еще за него въ отвѣтъ попадете. А тутъ, ежели младенца на пропитаніе возьмете, весь городъ объ этомъ заблаговѣститъ, а цѣна-то всему дѣлу — грошъ.

Коммерсантъ пилъ пять дней безъ просыпу на

усыновляю!
тя дѣтей у него не было, тѣмъ
упруга на другой день опротестова
, говоря, что неизвѣстно, какая
въ ребенкѣ: можетъ быть, самая п
ндреевъ уперся на своемъ.
Сказалъ: усыновлю, и усыновлю!
я рискую? Кто мнѣ мѣшаетъ его п
такая потребность встрѣтится?
вотъ, незаконный сынъ дѣвицы
сталъ внезапно сыномъ потомствен
го гражданина, Василіемъ Ianови
ымъ. Ему отвели комнату и приста
старуху. Сама Андреева допускал
но относилась къ нему брезглив
низкой крови. Андреевъ былъ къ
енно равнодушенъ, иногда ворочи

и писалъ весьма бѣгло. Андреевъ рѣшилъ отдать его въ гимназію, для чего и нанялъ великовозрастнаго гимназиста.

— Шабашъ въ бабки играть. Желаю, чтобъ изъ тебя вышелъ ученый инженеръ.

За двѣнадцать рублей въ мѣсяцъ гимназистъ сталъ готовить мальчика для ученаго поприща, и съ одинаковымъ искусствомъ разсказывалъ про Моисея, про склоненіе слова «mensa» и про то, что такое раздробленіе и превращеніе. Васенька все это воспринялъ очень хладнокровно и въ любой часъ дня и ночи съ успѣхомъ могъ просклонять «mensa» и разсказать про горящую купину. Въ гимназію онъ поступилъ,—и тутъ-то онъ познакомился впервые съ Глаголинымъ, такъ какъ они на скамейкѣ во второмъ классѣ сидѣли рядомъ.

Но тутъ сразу начался рядъ недоразумѣній.

XII.

Учитель латинскаго языка задалъ выучить наизусть всѣ предлоги, требующіе винительнаго и творительнаго падежа. Первыхъ было раза въ четыре больше. Васенька выучилъ только предлоги съ творительнымъ падежомъ, бойко ихъ отвѣтилъ и присовокупилъ:

— А требующихъ винительнаго я не училъ, потому что само собой разумѣется, что осталь-

за.

- За что же? удивился онъ.

- За это самое любезнѣйшій, за
должны учить, а не разсуждать.

- Вотъ учитель математики гов
о разсуждать, замѣтилъ Васенька
чтитель опять засмѣялся и грустн
)вой.

-Вы скудоумны, почтеннѣйшій. Есл
ы, о которыхъ можно разсуждать,
буетъ господинъ преподаватель, то
ы разсуждать. Такова математика
дметы, не подлежащіе никакому о
овъ нашъ предметъ. Рѣшено, что
чить, и не намъ съ вами, почтеннѣ
дать. Довольно. Еще одинъ звукъ,
всемъ до выст

къ помощи господина директора. Господинъ директоръ вызвалъ Васеньку въ коридоръ.

— Если завтра ты не будешь знать, сказалъ онъ, стараясь придать лицу свирѣпое выраженіе, хотя, въ сущности, былъ самый незлобивый и добродушный старецъ,—если не будешь знать всѣхъ предлоговъ, то я тебя... Я съ тобой распоряжусь по-своему.

Васенька на другой день зналъ только прежніе предлоги; учитель грустно вздохнулъ и проговорилъ:

— Я васъ предаю въ руки его превосходительства.

Его превосходительство вызвалъ къ себѣ старика Андреева. Тотъ повѣсилъ на шею двѣ золотыя медали и явился въ гимназію. Директоръ въ присутствіи господина преподавателя объяснилъ, въ чемъ дѣло, и строго сказалъ:

— Попрошу васъ принять мѣры.

— Приму-съ, успокоилъ его потомственный почетный гражданинъ.

Въ тотъ же вечеръ Васеньку выдрали. На утро господинъ преподаватель попросилъ отвѣтить желанный урокъ, но Васенька молчалъ.

— Васъ придется исключить, сказалъ преподаватель,—выбросить, какъ негодную тряпку.

Васенька молчалъ.

Вдругъ поднялся Глаголинъ и сказалъ учителю:

— Андреевъ отлично знаетъ эти предлоги, а

илъ ему въ глаза всѣ предлоги.
– Васъ ждетъ препечальное бу,
ъ латинистъ и опять глубоко вз,
'оварищи любили Андреева, хотя
любви ни къ кому ни выказывалъ
таскалъ «поѣсть» изъ дома въ
ъ количествѣ для несчастныхъ па
ъ что и самъ иногда оставался без
лся онъ порядочно, но учителя
и. Даже протопопъ, исповѣдавшій
ь, и тотъ говаривалъ:
– Онъ урокъ отвѣчаетъ точно из
нія ко мнѣ, чтобъ меня не обидѣ
– Ежели батюшка желаете, я съ
щу, предлагалъ почетный граждан
– Ну его! А только супруга ваша

— Отецъ я тебѣ или нѣтъ? крикнулъ разъ почетный гражданинъ.

— Если вы мой отецъ, тѣмъ хуже для васъ, спокойно отвѣтилъ Васенька,—вы бы ужъ лучше этимъ не хвастались.

— Вонъ! Чтобъ духу твоего не было! заревѣлъ Андреевъ и даже пустилъ мальчику вдогонку бухгалтерской книгой.

Директоръ получилъ отъ него письмо, что за сына онъ болѣе вносить платы въ гимназію не намѣренъ, о чемъ и предупреждаетъ его превосходительство. Директоръ позвалъ Васеньку.

— Какъ же вы думаете поступить? спросилъ онъ.

— Уроки буду давать. Наберу на плату.

Директоръ прослезился и потрепалъ его по плечу.

— Вотъ на, я тебѣ подарю.

Онъ сунулъ ему книгу. Это была «Самодѣятельность» Смайльса.

«Самодѣятельность» онъ прочелъ, уроки отыскалъ, но въ гимназіи не остался.

— Много времени у васъ теряется даромъ, сказалъ онъ.—Я лучше выйду, а потомъ сразу явлюсь держать выпускной экзаменъ.

— А кто же васъ будетъ готовить? полюбопытствовалъ директоръ.

— Самъ. Студенты знакомые есть. Не хуже здѣшнихъ учителей.

Товарищи отговаривали его уходить. Глаголинъ

бы -все одно и то же. Полицеймей
разу не перемѣнился. Да и почет
на Андреева противно встрѣчать.
— Куда же ты уйдешь? спрашив
— Вотъ, мало мѣста! Пойду куд
рю. Я люблю море.
— Да ты видалъ когда-нибудь е
— На картинкѣ видѣлъ.
— А ты знаешь, сколько верстъ
— Чѣмъ дальше, тѣмъ лучше. П
тѣ—на все смотрѣть буду.
— А деньги?
— Много ли денегъ надо!
Въ день своего отправленія онъ п
гъ, въ которомъ оказалось триста
гъ этотъ онъ запечаталъ, вложи

горѣвшимъ, выросшимъ, возмужавшимъ, подалъ прошеніе и выдержалъ выпускной экзаменъ на годъ раньше своихъ товарищей. Отвѣчалъ онъ на экзаменѣ съ такимъ же пренебреженіемъ, какъ и прежде на урокахъ. Къ Андрееву онъ не пошелъ, хотя тотъ прислалъ къ нему записку:

«Не надо помнить стараго. Лучше помиримся, нареченный сынъ мой! Я стою на краю могилы. Утѣшь старика, почти его. Вспомни пятую заповѣдь и кого она подразумѣваетъ».

— Это они вмѣстѣ съ отцомъ-протопопомъ сочиняли, сказалъ Васенька и написалъ въ отвѣтъ:

«Дражайшій Иванъ Митрофановичъ, нареченный мой родитель! Не надо никогда брать обратно своихъ словъ. Вы мнѣ крикнули два года назадъ: «вонъ!» И я послушно пошелъ вонъ. Теперь вы приглашаете назадъ. А я на этотъ разъ не хочу быть послушнымъ. Пятую заповѣдь я помню: подробно намъ ее толковалъ отецъ-протопопъ; но примѣнить свои знанія къ настоящему случаю я не считаю возможнымъ. Я бы очень былъ радъ избавиться отъ вашей фамиліи, но это трудно.

Искренно не любящій васъ

Василій Андреевъ-Голоушинъ».

Васенька не ошибся, предугадавъ участіе протопопа въ присланной запискѣ. Вскорѣ протопопъ ему самъ написалъ просьбу зайти къ нему по важному дѣлу. Василій пошелъ.

нька.

Рѣзко судите. Кто не виноватъ пе
? Такъ ли еще пьютъ!

Да, по нашему городу запой въ
это немного, согласился Васеньв

Супруга его Ирина Аркадьевна
пали, въ прошломъ году еще пре
и заскучалъ.

Такъ я-то что тутъ могу?

А вы бы могли его утѣшить.

Развѣ?

Онъ съ прошлой жизнью примиря
примириться хочетъ.

Да я не сержусь на него.

Онъ вѣдь въ завѣщаніи васъ у
весьма значительной долѣ.

Напрасно. Я не возьму

— А помните, сказано что о болящихъ? что навѣщать ихъ слѣдуетъ.

— Такъ это не о богатыхъ купцахъ сказано,— этихъ и безъ того достаточно навѣщаютъ.

— Прежній духъ суемудрый вами правитъ?

— Прежній, отецъ Павелъ, прежній!

Съ товарищами по гимназіи Васенька повидался только съ нѣкоторыми. Ближе всѣхъ онъ попрежнему былъ съ Глаголинымъ. Онъ даже поселился у него въ квартирѣ. Рѣшился онъ стать докторомъ, и итти на медицинскій факультетъ.

— А жить чѣмъ будешь? Уроки вѣдь будутъ мѣшать? спрашивали у него.

— У меня одно дѣльце наклевывается. Если выйдетъ,—на три года обезпеченъ буду.

Какое это было дѣльце, онъ не говорилъ. Но вскорѣ оно обнаружилось.

Одновременно съ нимъ держалъ экзаменъ на гимназическій аттестатъ Тюлипатановъ, сынъ помѣщика, получившій такъ называемое домашнее воспитаніе. Ему отецъ сказалъ, что не только не пуститъ сына на глаза, но лишитъ его наслѣдства, если онъ не поступитъ въ университетъ. Университета онъ можетъ не кончать и даже совсѣмъ не переходить на второй курсъ,—такъ какъ состояніе у него было почтенное,—но для положенія въ обществѣ необходимо быть университетскимъ. А потому, какъ онъ хочетъ, и чего бы это ни стоило,—но аттестатъ онъ достать долженъ.

Гимназическое начальство взятокъ не брало, и на первомъ же, греческомъ, экзаменѣ провалилц бѣднаго Тюлипатанова настолько, что держаніе дальнѣйшихъ экзаменовъ оказалось излишнимъ. Онъ упалъ духомъ, собирался даже, на зло отцу, застрѣлиться. Но тутъ ему пришелъ на помощь Васенька, который, между прочимъ, терпѣть его не могъ.

— Вотъ тоже — стрѣляться! Давайте, я васъ подготовлю — держите черезъ годъ.

Тотъ только рукой отмахнулся.

— И черезъ годъ то же будетъ: ни способностей у меня нѣтъ, ни охоты.

Васенька задумался.

— А вы тысячу рублей можете дать за аттестатъ?

— Могу.

— Ну, ладно, готовьте деньги.

Они оба пропадали съ мѣсяцъ изъ города, а потомъ вернулись. Тюлипатановъ былъ въ упоеніи отъ своего счастія: онъ не только выдержалъ экзаменъ, но и подалъ прошеніе о поступленіи на юридическій факультетъ.

— Неужто вы его такъ скоро подготовили? допытывались у Васеньки.

— А ужъ это вы у Тюлипатанова спросите, уклончиво отвѣчалъ онъ.

Однажды Тюлипатановъ, въ дружеской бесѣдѣ, сознался:

— Вѣдь Андреевъ за меня все продѣлалъ съ

моими бумагами. Мы лицомъ нѣсколько схожи... Онъ за меня экзаменъ сдавалъ.

Сообщеніе это перестало быть тайной. У Васеньки прямо спросили: правда ли это?

— Конечно, правда. За что же я тысячу рублей взялъ?

— Да вѣдь это обманъ! Преступленіе во всякомъ случаѣ!

— Это что я имъ назвался-то! Полноте чепуху нести! Отъ преступленія другимъ людямъ вредъ бываетъ. А здѣсь, кромѣ пользы, никому ничего нѣтъ. Въ чемъ тутъ обманъ? Что будутъ думать, что онъ Горація свободно читаетъ, когда онъ едва его разбираетъ изъ пятаго въ десятое? Что онъ тригонометрическихъ формулъ не знаетъ,— а будутъ думать, что онъ сейчасъ любую величину синуса можетъ опредѣлить? Да пускай думаютъ! Онъ въ учителя не пойдетъ, астрономомъ не будетъ; женится да дѣтей наплодитъ.

— Документъ-то вашъ, аттестатъ вѣдь вы обманнымъ образомъ получили?

— Оставьте! Мы никогда съ вами ни до чего не договоримся. Если вы придаете значеніе аттестатамъ, тѣмъ хуже для васъ. А я имъ значенія никакого не придаю, считаю трень-бренью, преступленія не совершалъ,—и готовъ спорить объ этомъ, пока дышу.

XIV.

Протопопъ оказался правъ. Старикъ Андреевъ былъ настолько на краю гроба, что рѣшилъ собороваться. Отказъ Васеньки прійти къ нему очень на него повліялъ. За Васенькой еще разъ послали. Онъ наконецъ пришелъ.

— Давай мириться, заговорилъ умирающій:— не держи противъ меня зла.

— Да я не держу, сказалъ Васенька:— живите себѣ на здоровье, а коли собрались помирать—помирайте. Я васъ не просилъ меня усыновлять, вы просто свой нравъ потѣшили. И еще разъ потѣшились тѣмъ, что выгнали мальчишку на улицу. Я и счелъ, что съ этой минуты вы меня отъ усыновленія этого самаго освободили. Теперь, говорятъ, вы хотите мнѣ деньги оставить?

— И даже весь капиталъ, Васенька, потому что вижу, насколько ты человѣкъ дѣловой.

— Ну, а ежели я человѣкъ дѣловой, такъ мнѣ капитала вашего не надо. Вы лучше ужъ теперь, при жизни, распорядитесь. Вѣдь я все равно отъ наслѣдства откажусь.

— Такъ ты отдай, кому хочешь: нищимъ или на стипендіи.

— Не желаю я чужими деньгами распоряжаться...

— Экая гордость-то въ тебѣ.

— Почему же это гордость? Что я отъ чужихъ денегъ отстраняюсь, такъ это, по-вашему, гордость? Разъ веревку порвали—цѣлой ей не быть.

— Дурная у тебя душа, Васенька, хныкалъ старикъ.

— Не спорю, можетъ быть, у васъ лучше, если вы отъ денегъ никогда не отказывались и всегда брали. А только очень я васъ попрошу: перепишите духовную. Мнѣ было бы непріятно знать, что вы можете умереть съ мыслью, что я передумалъ и ваше наслѣдство приму. Коли говоритъ въ васъ ко мнѣ доброе чувство и хотите вы прошлое загладить, такъ вотъ исполните это.

— А прощаешь ли ты меня? лепеталъ Андреевъ.

— Прощаю, ей Богу. Ну, чѣмъ я могу вамъ доказать?

Онъ сѣлъ къ нему на постель, наклонился къ нему и поцѣловалъ въ губы. Старикъ вдругъ обхватилъ его костлявой сухой рукой за шею и зарыдалъ.

— Свѣтомъ, свѣтомъ озаряюсь! говорилъ онъ.

Вскорѣ старикъ умеръ, оставивъ пять тысячъ на свои похороны, а остальное—Васенькѣ. Васенька пошелъ даже къ адвокату покойнаго и попросилъ написать заявленіе, что никакого наслѣдства онъ не принимаетъ.

— Вы это въ судъ подайте, сказалъ онъ,— но если съ меня за это причитаются гербовыя

марки, то, извините, гроша на нихъ не дамъ,— пусть тотъ, кто деньги возьметъ, тотъ и сборъ за меня платитъ.

Поступокъ Васеньки всколыхнулъ весь городъ. Андреевъ оставилъ послѣ себя два каменныхъ дома да нѣсколько сотъ тысячъ деньгами. На Васеньку смотрѣли, какъ на немного свихнувшагося, и говорили:

— Онъ думаетъ, что въ коленкоровыхъ рубашкахъ ходить—не вѣсть какое геройство.

— Я думаю, отвѣчалъ онъ, когда ему передавали эти разговоры,—что деньгами, награбленными покойнымъ съ казны и съ нищихъ рабочихъ, владѣть гнусно.

— А вы бы ихъ взяли да обратно рабочимъ и отдали!

— За что? удивлялся онъ. — Вѣдь у меня построекъ нѣтъ.

— Такъ что же?

— Такъ нельзя, безъ толку давать деньги — тунеядство разводить.

Приходила къ нему и квартирная хозяйка его матери, которая нѣкогда его принимала.

— Ты это что же? говорила она. — Я полагала, что ты старость мою успокоишь, тысячъ десять мнѣ отвалишь за то, что я тебѣ вмѣстѣ съ бабкой пупокъ рѣзала. А ты и не подумалъ, что кабы не я, давно бы ты съ твоей покойницей матерью голодной смертью подохъ. Подай

мои деньги. Отъ своего куска отказывайся, а мой подай.

Васенька далъ ей двадцать пять рублей изъ полученной отъ Тюлипатанова тысячи и сказалъ:

— Чтобъ духу вашего мерзкаго я никогда не слышалъ!

Онъ давалъ уроки и умѣлъ съ мальчиками заниматься. Но разъ одинъ студентъ сказалъ ему:

— А вѣдь это, Андреевъ, подло.

— Что подло?

— Да такъ поступать. Вы отбиваете у другихъ работу, у тѣхъ, у кого нѣтъ средствъ, а сами изъ прихоти не взяли состоянія, которымъ могли бы подѣлиться съ товарищами.

— Если бы нашлись товарищи, которые не погнушались бы подѣлиться со мною этими деньгами, такъ они были бы, какъ и я, достойны плевка въ лицо, отвѣтилъ онъ.

Тѣмъ не менѣе уроки Васенька пересталъ давать и вскорѣ уѣхалъ въ Москву.

XV.

Университетъ ему что-то не понравился. Онъ очень подозрительно относился къ лекціямъ и еще подозрительнѣе къ товарищамъ. Товарищи не менѣе подозрительно отнеслись къ нему. Онъ

Не желаю. Я вообще никакихъ
елаю знать. Мнѣ все равно — дурі
я ли, но только къ нимъ очень
относиться. Въ этихъ положені

о не поняли и отстранились. Но
его, надо было прочесть страни
ника, относящагося къ этому вре
лавное зло—въ тѣхъ искусствен
ихъ или рамкахъ, что выработали се
лъ онъ. «Я родился, и по мѣрѣ
лъ приглядываться къ окружак
ъ сторонъ оказался охваченнымъ
. Я видѣлъ, что люди вставали ут
сь, умывались, подолгу молились
принимались за работу. Я видѣлъ,

пуговицами и такой же мундирчикъ съ кантомъ по воротнику, который мнѣ до крови иногда рѣзалъ подбородокъ. Я такъ привыкъ къ окружающему, что повѣрилъ всему этому, и мнѣ казалось, что каждая женщина должна носить лифъ, корсетъ и кофту, а каждый порядочный мальчикъ — жилетъ съ свѣтлыми пуговицами; что нужно сперва умываться, а потомъ молиться; что галстукъ носится потому, что это форма, а не потому, что его необходимо надѣть. Я потомъ увидѣлъ, что тѣ, кому именно надо бы держать въ теплѣ ноги,—почтальоны и извозчики, —они-то теплыхъ галошъ не носятъ; я увидѣлъ, что рабочіе встаютъ не утромъ, а на разсвѣтѣ, какъ всѣ птицы, а тѣ, кто имѣетъ ночныя работы, тотъ спитъ днемъ. Я узналъ, что молятся они на улицѣ, выйдя изъ воротъ, на крестъ сосѣдней церкви, а не передъ кіотомъ, потому что, во-первыхъ, у нихъ нѣтъ кіота, а во-вторыхъ, потому, что имъ некогда молиться дольше того, чтобы сказать: «Господи, помилуй». Мундировъ съ галуномъ у нихъ не было, но они отлично умѣли дѣлать свое дѣло: штукатурить, красить и пилить.

«И я понялъ, что наши рамки условны. Что надо вставать, умываться, потому что нельзя вѣчно спать и ходить немытымъ. Но я понялъ и то, что можно надѣвать галстукъ и не надѣвать; что галунъ не есть преимущество, а украшеніе. Я

должень начинать свою само
жизнь. (NB. Галунъ и галстукъ—
должень рѣшить: какую важность в
жизни имѣетъ та специальность,
хочетъ отдаться, и стоитъ ли от
специальности, и нѣтъ ли въ ней п
ворѣчій съ основными вѣковѣчны
Если эти противорѣчія есть, то с
абыть, все съ себя стряхнуть и у
, сотворивъ благое. Колебанія ту
. Надо жертвовать всѣмъ состояніе
, близкими (если близкіе противъ т
впередъ, въ таинственномъ святомъ
ъ за своей путеводной звѣздой,
ь къ вѣковому искупленію.
въ университетѣ. Нужно ли это, ва
Что въ результатѣ? Вѣрую ли я тв

скучны политическія утопіи. Развѣ въ нихъ дѣло? Я къ свѣту и къ истинѣ рвусь, которыхъ мнѣ не дадутъ никакіе кружки, никакія сходки.

«Надо сбросить все, забыть все, стряхнуть съ себя не только прошлое, но и настоящее, — и пойти, пойти навстрѣчу солнцу и свѣту».

Андреевъ едва дотянулъ въ университетѣ академическій годъ. Какъ только повѣяло весной и перелетныя птицы показались въ стеклянной голубой вышинѣ, онъ наскоро собралъ свои пожитки и ушелъ куда-то на югъ, пѣшкомъ, въ какой-то особой мягкой обуви: не то въ лаптяхъ, не то въ валенкахъ, пошелъ прямо къ Черному морю, чрезъ Украйну и степи — широкія Новороссійскія степи. Потомъ онъ свернулъ на Волгу, дошелъ до Астрахани; потомъ очутился въ Петровскѣ, и здѣсь, въ отрепьяхъ, съ головой, повязанной персидскимъ платкомъ, сталъ таскать на пристани грузы. Онъ самъ говорилъ, что «расцвѣлъ душою».

— Точно огонь вспыхнулъ во мнѣ и все озарилъ. И ясно такъ все стало. И такъ смѣшонъ сталъ студенческій мундиръ.

Онъ провѣрилъ на себѣ «рамки», хотѣлъ присмотрѣться къ строго примитивной жизни и почерпнулъ оттуда ту самостоятельную глубину взгляда на все окружающее, которая его дѣлала отличнымъ отъ прочихъ его товарищей.

ть. А онъ самъ—хрусталь самаı
ства. Отбросьте его нѣкоторую
ь, прослѣдите, что дѣлаетъ этотъ
ающій человѣкъ, и вы поймете,
на его дѣятельность. Я вамъ почт
велъ отрывки изъ его дневника, ı
самъ мнѣ читалъ его когда-то, а п
ался мнѣ, и я теперь иногда его
и знаю каждую страницу трехъ
адей. Въ нихъ много незрѣлаго, ю
ушли сами впередъ въ теченіе п
ь отъ того времени, когда писа
вникъ, но все же въ немъ больш
ь во многихъ ученыхъ статьяхъ н
фовъ и публицистовъ.
- Все, что вы мнѣ говорили о его
алъ я.—вѣдь это не ново и выск

Не въ этомъ дѣло! Дѣло въ томъ, что писатели высказывали эти мысли для другихъ, а Андреевъ думалъ на бумагѣ, и что думалъ, то и дѣлалъ. Онъ ни къ кому не пристаетъ со своимъ ученьемъ, ни отъ кого ничего не требуетъ, на общественную проповѣдь не выходитъ. Но слово и дѣло — у него одно. Онъ стряхнулъ съ себя все не въ годы старчества, а въ самые цвѣтущіе годы, въ полный расцвѣтъ жизни. Онъ никогда никого не громилъ, не былъ человѣкомъ прихода, былъ терпимъ ко всѣмъ, не кричалъ съ пѣной у рта, не обличалъ, не проклиналъ, а спокойно шелъ впередъ своей дорогою. Какихъ-какихъ ему кличекъ не давали. То его дразнили незаконнымъ сыномъ Марка Волохова; то говорили, что онъ дѣтище Шерамура; то—что незаконнымъ дядей ему приходится Базаровъ. Конечно, и онъ протестантъ, какъ всѣ эти предшественники, но онъ глубоко отъ нихъ отличенъ тѣмъ налетомъ чистой этики, которой въ Базаровыхъ не замѣчалось. Вы послушайте исторію его женитьбы, и тогда многое станетъ вамъ въ немъ яснѣе.

«Моя двоюродная сестра Олимпіада Платоновна—хорошая женщина, какъ я уже вамъ говорилъ. Она была молоденькой вдовой, лѣтъ двадцати пяти, когда вышла замужъ за Андреева. Было это у меня на глазахъ. Ея первый мужъ былъ человѣкъ пожилой и богатый, чиновникъ

на него находятъ періоды ожи
говоритъ много, безъ умолку, то
ми днями. Пришелъ онъ въ такоі
анія. Помолчалъ съ недѣлю, пот
ть. Олимпіада Платоновна такъ в
ась: ничего подобнаго не слыхивала.
обой говорили они мало. Раза дв
пяли въ паркѣ. Она ему какое-то
творенie прочла и спросила мнѣн
лъ: «Я не понимаю стиховъ,—у ме
а, которымъ я бы могъ почувствов
ту». Она его спросила, хочетъ ли он
ще что-нибудь прочла ему, онъ ск
– Нѣтъ. Пожалуйста, не читайте.
вечеромъ онъ пришелъ ко мнѣ в
, поплотнѣе заперъ дверь и не бе
тно[illegible]

«Я позвалъ къ себѣ Олимпіаду Платоновну.

«— Липа, завтра онъ отъ насъ уходитъ.

«Она вздрогнула и плечами повела, но ни слова не сказала.

«— И потому уходитъ, продолжалъ я, — что ты ему нравишься.

«Она вспыхнула но все-таки продолжала молчать.

«— Вы бы договорились: можетъ быть, будетъ лучше, посовѣтовалъ я.

«О чемъ они говорили, я не знаю, но утромъ онъ пришелъ ко мнѣ съ воспаленными глазами.

«— Она мнѣ предлагаетъ жениться на ней. Я боюсь.

«— Чего же ты боишься?

«— Можетъ быть, это нехорошо относительно ея. Обо мнѣ тутъ говорить нечего: я несчастнымъ отъ этого брака не стану, а ее могу сдѣлать несчастной. За что?

«— А я думаю, что она тебя полюбитъ.

«— Я этого и боюсь. Если полюбитъ, то наложитъ на меня обязанности. А я не могу принять ихъ на себя. Она скажетъ, что я долженъ думать о ней, о дѣтяхъ, если будутъ. А я не могу этого обѣщать. Сегодня я буду о ней думать, а завтра уйду отъ нея за тысячу верстъ, если меня будетъ призывать какое-нибудь дѣло. Я отказался отъ андреевскаго милліона, чтобы прямо смотрѣть всѣмъ въ глаза. Женитьба со-

здастъ для меня ложное положеніе. Я долженъ дать клятвенное обѣщаніе, которое, быть можетъ, не сдержу. Я дамъ свою подпись, и потомъ мысль объ этой подписи будетъ меня терзать всю жизнь. За каждую свою черту я отвѣтственъ, а тутъ—чѣмъ я могу отвѣтить?

«— Ты это все сказалъ ей?

«— Сказалъ.

«— Что же она?

«— Она отвѣтила: «что жъ, попробуемъ». Я ей одно только обѣщаніе могу дать,—что къ другой женщинѣ отъ нея не уйду. Но что я буду въ состояніи жить съ ней всегда, такого слова я никакъ не могу дать. Человѣкъ не можетъ вѣчно существовать подъ контролемъ другого: думать и знать, что кто-то имѣетъ право войти въ его комнату и сказать, что нездорово до пяти часовъ утра ходить изъ угла въ уголъ. Человѣкъ не можетъ отдавать другому отчетъ въ той внутренней работѣ, что кипитъ въ немъ, потому что она совершенно чужда другому и вынашивается, какъ ребенокъ въ материнскомъ чревѣ. А женщина думаетъ, что она можетъ тонко и деликатно коснуться этой работы, и что это прикосновеніе не произведетъ боли, не перевернетъ всю душу. Вотъ почему простая баба, безграмотная красивая самка, куда больше подходитъ нашему брату въ жены.

«И все-таки Олимпіада вышла за него замужъ.

Шла она сознательно, спокойно, улыбаясь, вѣря въ будущее. У нея было небольшое имѣніе въ Орловской губерніи. Они поѣхали туда и остались тамъ полгода.

XVII.

«Является разъ ко мнѣ Василій, по обыкновенію пѣшкомъ, въ легонькомъ шелковомъ пиджакѣ, шелковомъ галстукѣ и въ шляпѣ съ полями, которыя могли бы быть и меньше.

«— Ушелъ отъ жены? спрашиваю.

«— Не совсѣмъ. Только временно.

«— Сказалъ ей, по крайней мѣрѣ, куда пошелъ?

«— Нѣтъ.

«— Вѣдь она безпокоится?

«— Разъ навсегда просилъ ее не безпокоиться.

«— Что же у васъ вышло?

«— Да ничего, такъ... Изъ-за ея чулокъ.

«— Хочешь, чтобы она безъ чулокъ ходила?

«— Нѣтъ. Начала мнѣ показывать свое бѣлье. И кто ее просилъ! Это, говоритъ, мое приданое. Ну, и оказалось пятьдесятъ шесть паръ чулокъ.

«— А тебѣ это обидно?

«— Я ей только сказалъ, что считалъ ее умнѣе.

«— А она что?

«— Она мнѣ сказала, что въ первый разъ

слышитъ, что умъ измѣряется числомъ чулокъ. Да это все вздоръ. Но оказалось, что она и для меня выписала цѣлую уйму бѣлья изъ Москвы. Между тѣмъ мы съ ней говорили до этого о многомъ, и мнѣ казалось, что она какъ будто меня понимаетъ. А тутъ навернулся дифтеритъ. Понаѣхали отъ земства и стали увѣрять мужиковъ, что дифтеритъ—вещь заразная и что надо болящихъ дѣтей держать однихъ въ хлѣвахъ. Я училъ бабъ: «А вы бы этихъ земскихъ санитаровъ помеломъ по спинѣ». А лѣкарь Русикъ, тотъ и къ дѣтямъ не входилъ, только изъ сѣней въ избу голову просовывалъ, чтобъ не заразиться. Ну, я и пошелъ по избамъ: надо же кому-нибудь за этимъ дѣломъ присмотрѣть? А Олимпіада на дыбы: «У меня, говоритъ, маленькая племянница въ домѣ, ты ее заразишь. Ну, вотъ тутъ главное несогласіе и пошло. Я ей доказывалъ, что пусть лучше умретъ одинъ нашъ ребенокъ, чѣмъ десять чужихъ, а она этого никакъ понять не можетъ. Наконецъ спрашиваетъ: «Что тебѣ было бы легче: чтобы я умерла, или десять другихъ женщинъ?»—Не понимаетъ, словомъ, меня,—и начала плакать. Я совсѣмъ растерялся и ушелъ.

Я сейчасъ же распорядился, телеграфирую Олимпіадѣ: «Василій гоститъ у меня!» Она отвѣчаетъ: «Спасибо. Пусть провѣтрится».

Провѣтривался онъ недѣли три. Ходилъ по по-

лямъ; цѣлыми часами сидѣлъ у рѣки, смотрѣлъ на воду.

«— Утопиться хочешь? спрашиваю.

«-- Мало ли что хочу, а коли нельзя?

«— Кто же тебѣ мѣшаетъ?

«— Никакихъ ясныхъ указаній на этотъ счетъ нѣтъ. А самому мало ли что кажется. Гамлетъ вздоръ говоритъ, что человѣкъ потому только не рѣшается на самоубійство, что боится: «а вдругъ на томъ свѣтѣ будетъ хуже, чѣмъ здѣсь». Изъ эгоизма, видишь ли, подлаго не хочетъ итти туда, гдѣ хуже. Что тамъ лучше, чѣмъ здѣсь—для меня это несомнѣнно,—и потому я силой не могу туда врываться, пока чередъ не настанетъ, или пока меня случайно по чужой винѣ не протолкнутъ. Слюнтяй и галюцинатъ твой Гамлетъ.

«Но черезъ три недѣли онъ отправился домой. На этотъ разъ онъ прожилъ съ годъ. Я думаю, его болѣе всего удерживала при женѣ ея беременность. Онъ былъ очень задумчивъ, внимателенъ къ ней, ласковъ. Пока она стонала, мучаясь родами, онъ сидѣлъ въ сосѣдней комнатѣ, держась за виски, и все повторялъ:

«— Зачѣмъ, зачѣмъ, зачѣмъ?

«У него родилась дочь. Онъ посмотрѣлъ на нее, когда ему принесла ее акушерка, почесалъ въ затылкѣ и сказалъ:

«— Нѣтъ у меня этой извилины.

«— Какой извилины? удивилась бабка.

«— Отцовской извилины въ мозгу нѣтъ. Хочу что-то почувствовать, а не могу.

«— Всѣ вы мужчины на одинъ ладъ, утѣшила его бабка: —немногіе изъ васъ дѣтей любятъ.

«Но мнѣ казалось, что онъ любилъ дочку. Онъ съ ней игралъ, иногда подолгу грустно смотрѣлъ на нее, что очень смѣшило его жену.

«— Чего ты на нее такъ смотришь? спроситъ она.

«— Да такъ. Смотрю, что такое у нея въ глазахъ свѣтится?

«— Душа.

«— Я знаю, что душа, но какая: хорошая или дурная?

«— Съ чего ей дурной быть? Затеплилась, какъ свѣчка, отъ нашей съ тобой души и горитъ.

«— Да! черезъ глаза она свѣтится. Тамъ гдѣ-то, въ мозгу, въ головкѣ что-то горитъ, и здѣсь, черезъ черные зрачочки, это видно.

«Но и черные зрачочки не помогли.

XVIII.

«Пропалъ онъ зимой, въ стужу. Гдѣ былъ — трудно сказать. Видѣли его въ Москвѣ, въ Тулѣ, въ голодныхъ мѣстностяхъ. Появлялся онъ въ большихъ фабричныхъ и заводскихъ центрахъ. За нимъ присматривали, думали, что идеи, кото-

рыя при случаѣ онъ не стѣснялся высказывать, пропагандируются имъ, но никто никогда не видѣлъ его пропагандирующимъ. Онъ бывалъ на сборищахъ и сходкахъ; всегда молчалъ, зорко на всѣхъ смотрѣлъ. Одинъ разъ у него былъ обыскъ. Нашли въ его мѣшкѣ нѣсколько перемѣнъ бѣлья, записную книжку и больше ничего. Наконецъ онъ снова воротился къ женѣ. Та похудѣла, поблѣднѣла, но ни однимъ звукомъ не упрекнула его.

«— Ты знаешь, почему я ушелъ отъ тебя? спросилъ онъ.

«— Знаю. Тебѣ тяжело со мной.

«— Не съ тобой тяжело, а съ вами. Я не про тебя и не про дочь, а про всѣхъ васъ въ совокупности. Въ васъ въѣлось притворство. Вы притворяетесь, что живете, а въ сущности спите и ходите, какъ лисица въ клѣткѣ, взадъ и впередъ. У васъ жерновъ на груди, а вы думаете, что легки, какъ птицы. Ты это можешь—и продолжай, а я не могу.

«— Что жъ, ты опять уйдешь?

«— Уйду. Только ужъ я совсѣмъ.

«Она поблѣднѣла.

«— Какъ совсѣмъ?

«— Такъ. Не вернусь больше. Я чувствую, что меня ты затягиваешь, какъ тина. Я, живя здѣсь, привыкаю и къ тебѣ, и къ дѣвочкѣ, мысль начинаетъ работать плохо. Ты меня хорошо кормишь, платья заказываешь портному. Я семьѣ

не нуженъ, какъ кормилецъ, какъ каждый самецъ, который носитъ въ гнѣздо добычу на прокормленіе дѣтей. Что же я такое здѣсь? Нахлѣбникъ? Или ты меня держишь, какъ молодого здороваго мужчину при себѣ, чтобъ у тебя были здоровыя дѣти? Какую пошлую роль я разыгрываю здѣсь? Вѣдь нельзя же это продолжать. А наконецъ...

«Онъ на секунду запнулся.

«— Жизнь съ женщиной все больше и больше начинаетъ противорѣчить моимъ взглядамъ. Лучше обойтись безъ этого... Но, впрочемъ, я тебѣ предоставляю полную свободу. Ты можешь дѣлать, что хочешь.

«Сначала сестра думала, что это случайный порывъ его мыслей, что дѣло обойдется. Но онъ вскорѣ явился съ заграничнымъ паспортомъ.

«— На что ты будешь жить? спросила она его.

«— Буду работать.

«— А пока? Хочешь денегъ?

«Онъ задумался.

«— Вѣдь у меня много, ты самъ знаешь. Я очень рада буду, если ты возьмешь.

«— Нѣтъ. У меня есть пока. А тамъ, если понадобится... я скажу, напишу.

«— Хочешь такъ: у тебя всегда будетъ на твое имя кредитъ въ банкѣ? Хоть въ Парижѣ, что ли. Ты будешь брать, не обращаясь ко мнѣ.

«Она была совершенно спокойна и ни одной минуты не уговаривала его остаться. Она—на-

тура сильная, перерабатывающая все внутри себя. Онъ предупреждалъ ее, что онъ врагъ всякихъ сценъ, разставаній, слезъ и жалобъ. И онъ ушелъ, когда менѣе всего этого ожидали. Онъ ничего не взялъ изъ дома: ни платья, ни бѣлья. Купилъ все въ Варшавѣ и, переѣхавъ границу, сталъ пѣшкомъ бродить изъ города въ городъ, пока не добрался до Неаполя.

«Сестра вызвала меня запиской. Я засталъ ее заплаканной, но все-таки спокойной. Она получила по городской почтѣ отъ мужа письмо,—онъ написалъ его заранѣе и отправилъ съ вокзала.

«Я уѣхалъ», писалъ онъ. «Выращивай дочь, пусть она будетъ лучше насъ. Если хочешь полюбить кого, даже если захочешь развестись со мной,—я на все согласенъ. Я любилъ только тебя, единственную женщину. Въ правомъ столѣ найдешь тетрадь, тамъ объясненіе всего. Увидимся ли когда—не знаю. Я вѣрю въ жизнь по ту сторону, въ жизнь вѣчную, но не вѣрю во встрѣчу съ тѣми, кто былъ близокъ здѣсь. Тамъ всѣ близки, всѣ родственны, все звучитъ однимъ аккордомъ. Оставайся такой, какъ есть—свѣтлой, тихой, хорошей. Пусть дочь будетъ такою. Пусть меньше тебя она думаетъ о тряпкахъ и фортепіанахъ. Да пусть не думаетъ особенно о мужѣ. Навернется — хорошо, не навернется—не надо. Прости меня. Впрочемъ, ты прощать умѣешь и безъ просьбы. Другого тебѣ нужно было мужа,

все то, что продѣлывають тысяч
ты,—и была бы счастлива. Ахъ
гда почувствовалъ себя счастливі
ебѣ тѣло, потому что некуда его
ю, кто сказалъ, что на землѣ ду
бѣ трупъ. Вотъ я понесу свой трупъ
ія земли. Посмотрю, ужели и тамъ л
рятъ и не видятъ; слушаютъ и не
рятъ и ничего не могутъ сказать.
— Какая же это тетрадка въ прав
силъ я.
— Не знаю. Возьми ее, прочти.
— А ты?
— Я читать не буду.
— Почему?
— Не все ли равно, что тамъ напи
лъ отъ меня навсегда, я это зна
льно и этого письма. А отъ того,

XIX.

Мы часа два уже сидѣли передъ памятникомъ Мопассана. Солнце выглянуло изъ-за сѣрыхъ тучъ и озолотило широкія складки юбки у мечтательной дамы, похожей на покойную Глаголину. Пришла бонна, забрала дѣтей и сказала, что идетъ домой.

— Если съ Василіемъ что-нибудь случится, сказалъ Глаголинъ,—передайте пакетъ его женѣ лично. Ей будетъ пріятно услышать отъ васъ подробности о немъ. Она любитъ его—и все ждетъ, и думаетъ, что онъ вернется. Вскорѣ послѣ его отъѣзда, моя жена серьезно заболѣла, я привезъ ее сюда, а послѣ ея смерти такъ и остался здѣсь; назадъ не тянетъ. Олимпіада мнѣ пишетъ постоянно и все спрашиваетъ, не слышалъ ли я что о немъ. Но о болѣзни его я ей сообщать не буду,—быть можетъ, только попусту потревожишь ее. Подождемъ извѣстій изъ Лондона. А тетрадку съ его исповѣдью я вамъ занесу прочесть. Это любопытно. Вы не стѣсняйтесь. Онъ нисколько не скрываетъ своихъ мыслей и считаетъ, что ничего тайнаго ни у кого не должно быть. Если есть что хорошее въ человѣкѣ—пусть всѣ это знаютъ; если есть дурное—надо въ этомъ передъ всѣми покаяться, а не скрывать.

На другой день я получилъ три тетради записокъ. Мнѣ ихъ занесъ самъ Глаголинъ, зайдя,

по парижскому обыкновенію, въ пальто и съ зонтикомъ въ мой номеръ.

— Я ему вчера въ Чарингъ-Кроссъ телеграмму послалъ, сказалъ онъ,—да отвѣта до сихъ поръ нѣтъ.

Вмѣсто отвѣта къ вечеру того же дня пріѣхалъ самъ антиподъ. Было часовъ одиннадцать вечера, когда онъ постучался ко мнѣ.

— Еще не спите?

Я даже обрадовался, увидя его.

— Ну, что, какъ вы? спросилъ я, показывая на его шею, обмотанную черной косынкой.

— Да не подохъ. А все еще болитъ. Не выдержалъ больше этой лампочки въ окнѣ, ушелъ.

— А докторъ отпустилъ васъ черезъ море?

— Съ докторомъ мы поругались. Онъ такъ разсердился, что даже не взялъ съ меня за лѣченіе.

— Чаю хотите?

— Да, чаю. Именно чаю. И хлѣба, и масла. Я съ утра ничего не ѣлъ. Даже не съ утра, а дней пять. Сегодня лучше стало, и аппетитъ явился.

— Какъ вы не побоялись ко мнѣ въ гостиницу зайти? Вѣдь въ Лондонѣ не хотѣли.

— А здѣсь никого не было. Въ Лондонѣ по всей лѣстницѣ стояли биржевики въ длинныхъ сюртукахъ и съ алмазными кольцами. Я боялся мимо нихъ итти.

— Чего же вы боялись?

— А вдругъ относительно ихъ я какое-нибудь неприличіе сдѣлалъ бы? А тутъ никого. Звалъ

меня какой-то кавалеръ въ курткѣ подняться на лифтѣ,—я отказался. Ноги ходятъ.

— Изъ-за чего же вы съ докторомъ поссорились?

— Изъ-за американца Гольдсмита.

— Кто это Гольдсмитъ?

— Придумалъ такую торпеду для взрывовъ броненосцевъ, что осколки летятъ на восемь миль. Я спрашиваю: «Такъ что если взорветъ эту бомбу на заводѣ—ничего не останется?»—«Ничего, говоритъ, и окрестность, говоритъ, на милю кругомъ будетъ исковеркана, не только заводъ съ рабочими». Ну, вотъ и начали на эту тему объясняться. Я говорю, что Гольдсмита и всѣхъ тѣхъ, кто дѣлалъ опыты съ торпедой, слѣдуетъ посадить въ сумасшедшій домъ. А онъ говоритъ: «Помилуйте, американское правительство дало ему офиціальный заказъ, и мы хлопочемъ, чтобы и наше морское министерство озаботилось такимъ же заказомъ». Я говорю: дѣйствительно сумасшедшій домъ придется строить необычайныхъ размѣровъ, хотя этотъ расходъ все же будетъ раціональнѣе расхода на торпеды. Ну, тутъ и пошло. Сильно поговорили. Докторъ разъ пять брался за фуражку. Возьмется, къ двери подойдетъ, и опять вернется, на комодъ картузъ положитъ и начнетъ меня отчитывать.—«Я, говоритъ, знаю ваши современныя теоріи о жестокости войны и такъ далѣе. Все это утопіи, иллюзіи. Вы, русскіе, вообще утописты, а главное —лѣнтяи. Вы потому

обрадовались проповѣди вашего Толстого, что, во-первыхъ, его утопіи недостижимы, а во-вторыхъ, потому, что всѣ философскія измышленія сводятся къ тому, чтобы лишнихъ фабрикъ не строить, непріятными, вредными работами на заводахъ не заниматься, не воевать, сидѣть каждому на своемъ клочкѣ земли и ковырять черноземъ. А это гораздо легче и спокойнѣе, чѣмъ строить броненосцы, плавать подъ водою и надъ облаками. Вы по славянской натурѣ лѣнтяи, и больше ничего». Ну, вотъ тутъ я его въ свой чередъ началъ отчитывать. Онъ на стѣны бросался, на горячіе угли въ каминъ, а я-то его всѣмъ попрекнулъ: и Ирландіей, и Индіей, и Африкой: у васъ, говорю, флибустьерскіе кровяные шарики передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе. Всѣ ваши заводы, фабрики, все сводится на флибустьерство. Вотъ, говорю, вамъ деньги за лѣченіе, и не хочу васъ видѣть. А онъ подбѣжалъ къ порогу, трясетъ его всего: «Не хочу, говоритъ, вашихъ денегъ, отъ нихъ пахнетъ крѣпостничествомъ и нагайкой!» Тутъ я его, какъ леща на сковородѣ: съ одного бока поджарилъ, потомъ перевернулъ на другой—съ другого. Онъ высунулся изъ-за двери, только красный носъ видно, и кричитъ: «Раза два еще пополощите креолиномъ, и можете выходить!» Ну, а тутъ отъ Глаголина ночью телеграмма пришла. Всталъ я, спрашиваю, когда поѣздъ на Лютецію идетъ.

Говорятъ, въ одиннадцать. Я сѣлъ и пріѣхалъ. На морѣ взболтало меня, и лучше стало. А Глаголинъ меня къ вамъ послалъ.

Онъ былъ очень оживленъ. Онъ выпилъ три большихъ чашки чая, съѣлъ весь хлѣбъ съ масломъ и сказалъ:

— Вотъ, спасибо, странника напитали. А теперь я къ Глаголину пойду, онъ къ двѣнадцати будетъ дома. Давайте-ка обратно пакетъ, что я для жены вамъ оставлялъ, теперь посылать его не надо.

— Вы знаете, мнѣ Глаголинъ далъ вашу рукопись, сказалъ я,—можетъ быть, вы не хотите, чтобъ я читалъ?

— Какую рукопись?

Я показалъ ему тетрадки.

— Сдѣлайте одолженіе. Очень буду радъ. Даже если вы прочтете скоро, такъ побесѣдуемъ, поспоримъ.

— А вы надолго въ Парижъ? Вѣдь вы хотѣли въ Ирландію?

— Хотѣлъ въ Ирландію, а попалъ въ Лютецію. Хочу хорошенько къ ней попринюхаться. Во всякомъ случаѣ вы уѣдете отсюда раньше меня.

XX.

Онъ ушелъ. Я развернулъ тетрадки. Привожу изъ нихъ тѣ отрывки, которые мнѣ кажутся наиболѣе характерными.

Изъ записокъ антипода.

«Что такое любовь? Любовь—это жертва. Безъ жертвы нѣтъ любви. Я люблю собаку, собака любитъ меня. Собака каждую минуту готова жертвовать за меня жизнью—и это любовь. Я люблю собаку за то, что она лижетъ мнѣ руки и защищаетъ меня. За это я бросаю ей объѣдки костей, которыхъ самъ не могу разгрызть. Въ собачьей любви къ человѣку—всегда подвигъ, вотъ почему собачья любовь имѣетъ въ своей основѣ много идеальнаго въ лучшемъ смыслѣ слова.

«Я люблю свою дочь. Но я ей не нуженъ: она сыта, защищена, обучена, одѣта, надъ ней хорошее вліяніе хорошей женщины. Въ чемъ же выразится моя любовь къ ней? Въ томъ, что я поглажу ее по головкѣ, принесу ей бульдегому? Подвигъ нуженъ съ моей стороны? Нѣтъ, не нуженъ.

«Какъ, развѣ каждый человѣкъ всегда долженъ совершать каждый день подвигъ? Не каждый день, а если можно — каждый часъ. Но вѣдь это герой, Геркулесъ? — Нѣтъ, это подвижникъ.

«Можно ли каждый часъ совершать подвигъ?— Можно.—Выйди на улицу. Переведи старуху и ребенка черезъ кипѣнь перекрестка. Помоги нищему, помоги пьяному, помоги упавшему. Подними голоднаго котенка, замерзшаго воробья. Останови жестокое обращеніе съ лошадью, съ соба-

кою. Каждую минуту, каждый мигъ смотри: кому можешь помочь, кому протянуть руку.

«И это все подвиги. Маленькіе, крохотные, но подвиги, подвиги, подвиги».

* * *

«Любовь бываетъ извращенная, любовь недомыслія, любовь скудоумія. Человѣкъ идетъ на подвигъ, тратитъ свое имущество, время, здоровье, силы на изобрѣтеніе, которое должно, по его мнѣнію, облагодѣтельствовать человѣчество. Онъ забываетъ близкихъ, онъ жертвуетъ семьею, всѣмъ во имя своей идеи. Въ лучшемъ случаѣ онъ изобрѣтаетъ машинку для снятія сапогъ или автоматическую мышеловку; въ худшемъ—у него ничего не выходитъ изъ его стараній; въ еще худшемъ—онъ изобрѣтаетъ крупповскую пушку, или пишетъ огромную картину, изображающую паденіе Евы въ Эдемѣ.

«Но эти люди не виноваты въ своихъ заблужденіяхъ. Вина лежитъ на тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ они выросли. Одному говорили: учись мѣшать на палитрѣ краски и въ извѣстномъ порядкѣ располагать ихъ на холстѣ. Если ты черезъ годъ выучишься рисовать носъ и уши, мы дадимъ тебѣ серебряную медаль; когда ты выучишься рисовать животъ и ноги, мы дадимъ тебѣ медаль, тоже серебряную, но побольше. Если

же ты шесть лѣтъ, забывши все, будешь только думать объ одномъ: какъ съ возможно большей естественностью нарисовать огородъ, стулъ, ордена, небо, сапоги, лодку и пр., то мы не только дадимъ тебѣ медаль, но и денегъ, чтобы ты поѣхалъ за границу и тамъ продолжалъ учиться. И вотъ онъ не ѣстъ, не пьетъ, учится, мѣшаетъ краски и наконецъ изображаетъ бѣлокурую нѣмку въ какой-то странной оранжереѣ, увѣряетъ что это грѣхопаденіе Евы, и въ газетахъ пишутъ, что художникъ Вурмъ теперь можетъ быть зачисленъ въ ряды великихъ людей, и картина его ставится въ королевскій музей, гдѣ находится двѣ тысячи еще болѣе глупыхъ, еще болѣе пошлыхъ картинъ. Другому юношѣ говорятъ: изобрѣти броненосецъ, котораго не могла бы пробить ни одна пушка; за это ты получишь на тридцать милліоновъ заказовъ изъ всѣхъ странъ. И онъ сидитъ въ лабораторіи, дѣлаетъ вычисленія, чертежи, опыты, не обращаетъ вниманія даже на то, что жена приноситъ ему чужихъ дѣтей; на опытахъ вышибаетъ себѣ правый глазъ, опаливаетъ бороду,—не замѣчаетъ и этого. И въ пятьдесятъ два года его портретъ печатаютъ во всѣхъ изданіяхъ и говорятъ, что это геній, облагодѣтельствовавшій человѣчество тѣмъ, что изобрѣлъ новое взрывчатое вещество,—хотя онъ десять лѣтъ думалъ о броненосцѣ и его обшивкѣ, а взрывчатое вещество получилось у него совсѣмъ неожиданно.

«Это называется любовью къ искусству и наукѣ. Правда, искусство писать прародителей—безсмысленно, а наука истреблять людей—нехорошая наука, но все же представителямъ этой науки и искусства поютъ восторженные гимны».

* * *

«Виновенъ ли человѣкъ въ томъ, что не понимаетъ, что такое людское благо? Онъ всею душой, всѣмъ помысломъ отдался своему дѣлу, любитъ его. Но онъ, не понимая, что такое благо людское, творитъ все время дурное, злое дѣло, и думаетъ, что онъ хорошо дѣлаетъ.—Нѣтъ, онъ не виновенъ. А виновны тѣ, которые это понимаютъ, видятъ и не останавливаютъ его, не направляютъ въ истинную сторону».

* * *

«Когда я былъ ребенкомъ, я завидовалъ фарисеямъ. Когда былъ юношей, я хотѣлъ быть книжникомъ. Теперь я говорю: «Горе вамъ, книжники и фарисеи!» И хочу одного—быть мытаремъ, стоять гдѣ-нибудь въ темномъ углу— и молиться».

* * *

«Если бы я былъ учителемъ, какой бы я былъ плохой учитель! Я бы не училъ тому, что на-

писано въ программѣ, а тому, чему бы мнѣ хотѣлось учить къ этотъ день. Я бы шелъ въ классъ, и не зналъ, о чемъ я буду говорить съ учениками. Если бы то былъ хорошій день, я бы повелъ ихъ въ поле, показалъ бы имъ на небо, на траву, на птицъ, на рѣки и сказалъ:—учитесь, вотъ вамъ учебникъ неизсякаемый. Я бы сѣлъ въ траву, среди цвѣтовъ, и они окружили бы меня. И я заставилъ бы, чтобъ всѣ они почувствовали въ себѣ Бога, неясными, пробуждающимися душами, еще сквозь туманъ смотрящими на окружающее. Они вдругъ поняли бы и небо, и лѣсъ, и облака, и камни, а главное—поняли себя, поняли, чего они частица, и зачѣмъ они цвѣтутъ здѣсь, на этой маленькой скучной планетѣ. Ахъ, какой бы я былъ плохой учитель!»

* * *

«Если бъ я былъ книжникомъ, я бы... Нѣтъ, я бы не могъ быть книжникомъ. Я слишкомъ застѣнчивъ. Я помню, какъ мой товарищъ Терепендьевъ ставилъ діагнозъ на экзаменѣ передъ профессоромъ. Онъ такъ былъ увѣренъ въ истинѣ того, что говорилъ, что даже профессоръ начиналъ вѣрить ему и думалъ, что больной именно страдаетъ этою болѣзнью. И теперь Терепендьевъ лѣчитъ московскихъ купчихъ и пользуется славой, какъ превосходный врачъ. Онъ входитъ въ

домъ увѣренный, что нѣтъ болѣзни, которой онъ бы не зналъ и которой бы онъ не вылѣчилъ, если она излѣчима. Онъ увѣренъ, что жизнь— это рядъ физическихъ и химическихъ процессовъ, что механическая сила играетъ огромную роль въ нашей жизни, что все дѣло въ матеріи и энергіи. Какъ счастливъ Терепендьевъ, какъ онъ счастливъ! Для него нѣтъ сомнѣній. Онъ такъ убѣжденъ въ томъ, что земля нѣкогда составляла часть солнца, что нѣкогда она была раскаленной массой, что солнечная сфера несется вдаль, къ своему великому солнцу; онъ убѣжденъ, что вода Франца-Іосифа превосходно очищаетъ желудокъ, что двадцатаго числа выдаютъ жалованье, что медицина идетъ впередъ, и что хорошая форель—очень вкусное кушанье. Онъ твердо вѣритъ во все это—и счастливъ.

«Но горе все въ томъ, что и я прекрасно знаю все, что знаетъ Терепендьевъ. Онъ былъ пять лѣтъ на медицинскомъ факультетѣ, а я—четыре года. Читалъ я въ десять разъ больше его, думалъ въ тысячу разъ больше. Когда я ушелъ съ четвертаго курса, онъ пришелъ въ ужасъ. Профессоръ Коростецъ тоже говорилъ, что это безуміе. А вся странность въ томъ, что мнѣ казалось безуміемъ кончать курсъ, думать, что знаешь медицину, спасать этимъ знаніемъ (или случаемъ?) отъ смерти и брать за это деньги. Повторяю, я знаю больше Терепендьева, гораздо

больше. Я охотно вѣрю въ непреложность космическихъ теорій, вѣрю, что двадцатаго числа гдѣ-то выдаютъ жалованье,—но мнѣ ни малѣйшаго счастія не приноситъ ни увѣренность въ томъ, что земля была частью солнца, ни увѣренность въ томъ, что я могъ бы двадцатаго числа получать жалованье, если бы пошелъ попросить себѣ мѣста у крестнаго отца моей жены, директора банка, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Божедомко. Ни вѣра въ то, что я ступаю по тѣлу, бывшему когда-то солнцемъ, ни увѣренность, что, пока я нравлюсь начальнику, меня не прогонятъ со службы и я могу жалованьемъ оплачивать квартиру и столъ,—меня нисколько не могутъ радовать. А Терепендьевъ очень этому радъ, ѣздитъ на сѣрой лошади и ругаетъ своего кучера татарскимъ ругательствомъ, въ которомъ находятъ особенную радость именно русскіе интеллигентные люди, и даже книжники и фарисеи. Я когда былъ крючникомъ и таскалъ кули, и тогда ни разу не обругался: какъ-то повода не было къ этому».

* * *

«Когда я былъ пароходнымъ грузовщикомъ и часто босой, ступая по горячей доскѣ, везъ тачку, или катилъ бочку, и разстегнутую грудь обжигало солнце, и я чувствовалъ, какъ потъ катится по щекамъ и за ушами, мнѣ казалось, что

я счастливъ. Мнѣ казалось, что я несу на себѣ не куль съ зерномъ, а тяжесть жизни, и мнѣ было легко ступать. Мнѣ казалось, что каждый шагъ меня ведетъ къ чему-то хорошему, къ далекой, прекрасной цѣли, и что самъ я по-своему прекрасенъ, какъ прекрасенъ камень, воробей, слонъ, окунь и червякъ.

«Когда я, въ разорванномъ тряпьѣ, сквозь дыры котораго сквозили мои загорѣлыя ребра, полунагой, сильный, съ налитыми кровью мускулами, встрѣчался съ рабочей бабой, тоже полуприкрытой, босой,—я видѣлъ въ ней такого же человѣка, какъ и я, несущаго такой же грузъ жизни. Когда же я встрѣчалъ нашихъ барынь и барышень въ желтыхъ ботинкахъ, въ ажурныхъ чулкахъ, сквозь ткань которыхъ бѣлѣли ихъ жиденькія икры, какое-то мерзкое чувство, животное, подлое, овладѣвало мной. Я еще шире распахивалъ свою бурую, искусанную шмелями грудь, еще звонче топалъ грязными ногами, и шелъ такъ беззаботно, увѣренно и счастливо, что, я думаю, не разъ худосочныя москвички завидовали крючнику.

«Я помню, разъ я стоялъ, облокотившись на перила и смотрѣлъ на море. Мимо шли три барыни—молодыя, съ сильнымъ запахомъ корилопсиса. Я ненавижу этотъ запахъ. Одна, глянувъ на меня, спросила у своихъ спутницъ громко по-французски:

«— О чемъ можетъ думать это животное?

«Я повернулъ къ нимъ свою грудь, глянулъ ей въ глаза и сказалъ по-русски:

«— Я вспоминалъ описаніе смерти Макса Пикколомини въ шиллеровской «Смерти Валленштейна». Съ какимъ романическимъ паѳосомъ разсказывается объ этомъ глуповатомъ юношѣ...

«Онѣ меня не дослушали и въ страхѣ бросились бѣжать. Онѣ не больше изумлялись бы, если бъ заговорила лошадь. Потомъ они жаловались на меня приставу. Я долженъ былъ уйти изъ этого города. Пока я тамъ былъ, барыни боялись выйти на улицу, чтобъ не встрѣтиться со мною...

«Чего онѣ боялись?»

* * *

«Если бъ я имѣлъ талантъ писателя и писалъ... мнѣ было бы стыдно печататься и брать за это деньги. То, что я писалъ бы, это было бы пережито, пропущено, такъ сказать, черезъ фильтръ души; странно нести это на рынокъ и продавать. Я бы рисовалъ не въ томъ размѣрѣ, въ которомъ вижу, и въ какомъ бываетъ все въ дѣйствительности, а непремѣнно преувеличенно, какъ рисовали героевъ египтяне на стѣнописи, какъ у насъ на лубкахъ рисуютъ генераловъ. Основная черта должна быть выдвинута въ ущербъ

всему остальному. Такъ рисовали эллинскіе рапсоды. Развѣ Пенелопа не гротескъ? А Терситъ? А Ахиллъ? А сами боги? Почему ихъ образы неизгладимы? — Потому, что они односторонни. А Корделія не одностороння? А Карлъ Мооръ? А у Достоевскаго не односторонни всѣ Алеши, Раскольниковы, Ѳетюковичи, Свидригайловы?—Вотъ почему они такъ запечатлѣны въ нашемъ сознаніи».

* * *

«Когда мнѣ было двадцать лѣтъ, мнѣ дѣлали операцію, и очень мучительную, — слѣдствіе ушиба. Я отказался отъ хлороформа. Докторъ настаивалъ. Я настаивалъ на своемъ. И я вынесъ ее безъ звука, стиснувъ зубы, смотря въ потолокъ. Потомъ, когда операція кончилась, у меня сдѣлался обморокъ. Теперь, я думаю, этого бы не случилось. Съ тѣхъ поръ я началъ презирать боль. Боль, жаръ, холодъ, ударъ, укусъ, проколъ, обжогъ,—все я переношу спокойно. И съ годами эта нечувствительность усиливается. Мнѣ кажется, насколько нужно развивать нервную впечатлительность высшаго порядка, настолько стараться убить нервную чувствительность тѣла. Ударъ, наносимый лѣнивой сытой лошади, меня не волнуетъ, потому что эта боль скоро утихнетъ на ея жирной кожѣ. Но тощая лошадь, черезъ силу, безъ понуканія тянущая

возъ, производитъ на меня угнетающее впечатлѣніе. Я не могу слышать пѣвчую птицу въ клѣткѣ: мнѣ кажется, она рыдаетъ по лѣсѣ. Говорятъ, есть любители, что выжигаютъ пѣвчимъ птицамъ глаза,—тогда онѣ поютъ еще лучше. Отъ вѣчной клѣтки до выжиганія глазъ одинъ шагъ. Но люди этого не видятъ».

* * *

«Если бы я былъ фарисеемъ, — я убѣжденъ, что насталъ бы моментъ, когда я сказалъ бы всенародно: довольно обмана, я самъ былъ ослѣпленъ. Простите меня...»

* * *

«Данте сказалъ: «Нѣтъ бо́льшаго страданія, какъ вспоминать о счастливыхъ временахъ въ годины горя». Я понимаю, какъ несчастны тѣ люди, что живутъ въ прошломъ, и настоящее для нихъ обратилось въ жалкое, будничное, скучное прозябаніе. Я встрѣчалъ много русскихъ, которые жили воспоминаніемъ о золотомъ дѣтствѣ, о дняхъ, когда они въ избыткѣ всего, окруженные дворней, жили въ широкихъ помѣстьяхъ. И солнце для нихъ свѣтило ярче, и цвѣты были другіе,—а теперь для нихъ сумерки жизни. Я счастливъ, что заря моихъ воспоминаній другая. Мое дѣт-

ство—тяжелое, удушливое. Это—атмосфера грязнаго двора, пьяныхъ мастеровыхъ и купцовъ, атмосфера ругательствъ, насилія, безправія, лжи и обмана. По мѣрѣ того, какъ я шелъ впередъ, сумерки переходили въ разсвѣтъ, разсвѣтъ—въ зарю. Теперь для меня насталъ день. Я иду ясной, свѣтлой дорогой, я чувствую впереди солнце. Къ концу дня это солнце будетъ на западѣ передо мною. И оно не закатится: съ тою быстротой, съ какой оно пойдетъ за горизонтъ, понесусь и я за нимъ, и оно будетъ сіять передо мной вѣчно, и будетъ освѣщать не землю. Я вѣрю въ это, я не могу въ это не вѣрить».

* * *

«Прошлое—для насъ только урокъ. Настоящее—жизнь. Будущее—спокойная увѣренность. Иначе жить нельзя».

* * *

«Преднамѣренное кровопролитіе—самое ужасное изъ преступленій. Ничѣмъ нельзя оправдать убійства—никакими возвышенными цѣлями. Еврейская легенда говоритъ, что первая пролитая кровь вызвала проклятіе отъ Іеговы. Умерщвлять можетъ только самъ Іегова за «мерзость передъ лицомъ Господа».

*
* *

«Цѣль моей жизни должна быть такова: я долженъ быть чистъ и говорить всѣмъ: «задача человѣка — быть чистымъ; быть можетъ, я ошибаюсь, но кажется, что это такъ». Я долженъ быть нищъ и говорить: «задача человѣка — дѣлиться всѣмъ со всѣми; быть можетъ, я ошибаюсь, но кажется, что это такъ». Сперва благо ближняго моего, потомъ мое. Но зачѣмъ при этомъ избѣгать веселья и шутки? Есть люди, что говорятъ: «я не понимаю шутки». Они, кромѣ шутокъ, не понимаютъ многаго, потому что шутка не мѣшаетъ жизни: смѣхъ часто помогаетъ жить. Слезы и напускная грусть — фарисейство. Тихо, покорно, весело будемъ нести грузъ жизни, будемъ думать о томъ, что работа, данная намъ, легка, что глупо печалиться о томъ, что свершается по неизмѣннымъ законамъ. Римляне говорили: «Не рви въ печали на себѣ волосы: лысина горю не поможетъ».

«Неужели же наша напускная идейная грусть хоть на волосъ способна что-нибудь измѣнить, если мы для этого пальцемъ о палецъ не ударимъ, а будемъ только грустить?»

Когда я прочелъ эти отрывки, мнѣ стала болѣе или менѣе ясна фигура Андреева. Это умъ не глубокій, способный только на односторонній

анализъ. Натура не самостоятельная, но умѣющая скомбинировать изъ своихъ знаній стройное цѣлое. Это не беззавѣтный послѣдователь того или другого ученія, хотя, конечно, въ основу его міровоззрѣнія было положено евангеліе. Въ одной изъ замѣтокъ о религіозности онъ говоритъ:

«Въ дѣтствѣ я не былъ религіозенъ, меня водили въ церковь, и тамъ я больше интересовался парчею на ризахъ, чѣмъ словами Христа. Потомъ, юношей, мнѣ казалось, я былъ полнѣйшимъ атеистомъ,—по крайней мѣрѣ, я вѣрилъ всѣмъ своимъ существомъ, что Бога нѣтъ и онъ никому не нуженъ. Потомъ наступилъ періодъ безразличія и какого-то пантеизма: я сошелся съ природой, и она начала вліять на меня, говорить со мною, учить меня. Потомъ жизнь, во всѣхъ ея проявленіяхъ вдругъ встала передо мной во всей своей полнотѣ. И я понялъ, тутъ только понялъ сущность христіанства».

Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ:

«Говорятъ, человѣкъ долженъ оставаться въ той религіи, въ которой родился и воспитанъ. Значитъ, язычникъ не можетъ быть просвѣщенъ свѣтомъ истиннаго ученія? Нѣтъ, человѣкъ съ радостью долженъ кинуться навстрѣчу той религіи, которая дастъ ему силы и увѣренность жить. Если такъ мыслить, какъ мыслятъ клерикалы, никогда іудейство не могло бы смѣниться христіанствомъ».

многое на себя напускаетъ, какъ бы
собесѣдника. Его кажущаяся грубо
грубость, а боязнь: зачѣмъ онъ со
онтъ съ человѣкомъ, который можетъ
ть.
нѣ хотѣлось еще поговорить о немъ
нымъ. Я заходилъ къ нему, но не
Луиза объяснила мнѣ, что пріѣзжій т
иветъ тутъ, ночевалъ только два р
обѣдалъ. Гдѣ онъ живетъ — она не
тавилъ Глаголину записку.
сли не ошибаюсь», отвѣтилъ мнѣ
, «Андреевъ получилъ какое-то мѣ
фабрикѣ, не то на заводѣ. Вы зна
онъ: отъ него немногаго добьешься.
меня нѣтъ, и я не могу вамъ указ
ъ. Какъ только онъ зайдетъ ко мнѣ, я
ъ вамъ; вы во всякомъ случаѣ долж
ть его до отъѣзда»

мнѣ такой сіяющій и довольный, какимъ я его никогда еще не видывалъ.

— Не все ли вамъ равно,—гдѣ, за сколько я нанялся и что я буду дѣлать? Я уже три дня работаю. Мной довольны, и я доволенъ, чего же еще? Кромѣ того, теперь я буду справлять праздникъ. Сегодня воскресенье, и я хочу самъ себѣ доказать, что я не работаю и отдыхаю. И потому я васъ и Глаголина знаете куда веду? Въ театръ!

— Вы сказали, что въ театры не ходите?

— Вы спросите сперва: въ какой театръ, а потомъ ужъ говорите. Мы пойдемъ смотрѣть дѣтскій гиньйоль.

— Зачѣмъ же?

— Все-таки это умнѣе Сарду и всей прочей французской галиматьи. Кстати, на дняхъ читалъ вашего Ростана. Неужели онъ еще на свободѣ? Вѣдь на цѣпи надо такихъ держать. А третьяго дня меня товарищъ (изъ новыхъ моихъ товарищей) завелъ въ театръ Монмартръ. Вы слыхали про такой театръ? Тамъ я смотрѣлъ пьесу изъ русской жизни; дѣло происходитъ въ Сибири. Я такъ хохоталъ, какъ никогда. Вы сходите. Только не берите денегъ, тамъ ограбятъ дочиста. Туда сходятся всѣ карманники.

Онъ игриво повернулся, пристукнулъ каблукомъ и подошелъ къ каминному зеркалу.

— Нѣтъ, косынка-то какова замѣсто галсту-

ка? спросилъ онъ.—Шикъ! Полтора франка далъ.

— Вы гдѣ же живете, все у Глаголина?

— Нѣтъ, я какъ на службу поступилъ, такъ и переѣхалъ. Я въ мансардѣ, батюшка, въ классической мансардѣ! Рядомъ со мной по коридору живутъ три самыя паршивенькія гризетки. Одна изъ нихъ вчера чай пила у меня.

Я, должно быть, посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ, потому что онъ сразу поправился.

— Вы понимайте это въ буквальномъ смыслѣ: она чай пила. Что касается женщинъ, то я уже рѣшилъ безповоротно, что отъ нихъ отстраняюсь. Французамъ это самое удивительное, что есть во мнѣ. Вы замѣчаете, какъ я скверно сталъ говорить по-русски съ тѣхъ поръ, какъ живу здѣсь? А, впрочемъ, вы меня прежде не знали. Ну, идемте. Глаголинъ тамъ внизу въ читальнѣ читаетъ русскія газеты.

Мы взяли Глаголина и вышли на бульваръ. Праздничная пестрая толпа подъ яркимъ солнцемъ сплошнымъ потокомъ катилась по широкимъ асфальтамъ. Молодая зелень ярко золотилась, вывѣски магазиновъ такъ и сверкали колоссальными буквами. Самые магазины были закрыты, и дома носили характеръ выморочный. Зато омнибусы были переполнены и вереницей катились съ криками кучеровъ и щелканьемъ бичей.

— Времени еще много, пойдемте вокругъ, садами, предложилъ Андреевъ.– А потомъ улицей Ришелье опять выйдемъ на бульвары. Посмотримъ на дѣтей, на ихъ нуну и на пью-пью съ красными эполетами. Я люблю наблюдать за ними въ праздникъ.

— Развернулся нашъ Васенька, посмѣивался Глаголинъ.

— Да, я чувствую какую-то удовлетворенность въ себѣ, подтвердилъ антиподъ. — Я даже нѣкоторыя послабленія дѣлалъ себѣ эти дни. Напримѣръ, сегодня я васъ угощу шерикоблеромъ и самъ выпью веръ.

— Ура, Васенька! крикнулъ Глаголинъ.

У большого бассейна, гдѣ для дѣтей плавали игрушечныя яхточки, Васенька остановился.

— Серьезность-то, серьезность какая! — умиленно проговорилъ онъ, показывая на крохотную дѣвочку, внимательно слѣдившую за флотиліей.—Смотрите, вѣдь демонстрируетъ эти маневры своей куклѣ. Ахъ, милая! Если бы только она не была въ перчаткахъ. Вѣдь это безбожно—въ такую погоду! Вмѣсто того, чтобы солнце обжигало лапенки, они ей закрываютъ...

— Ну, пойдемъ, здѣсь жарко, говорилъ Глаголинъ.

— Постой, я еще посмотрю.

— Вы представьте, сказалъ Глаголинъ, — я въ день его пріѣзда увидѣлъ въ такой позѣ: сто-

итъ на четверенькахъ среди залы, изображая слона, а на немъ сидятъ мои малыши, а на диванѣ лежитъ Луиза и покатывается отъ хохота.

— Люблю дѣтей! сказалъ ему на это антиподъ.

Когда мы дошли до Лувра, онъ вдругъ нахмурился.

— Какъ жаль, что въ эпоху коммуны не сожгли всю эту дребедень, сказалъ онъ, показывая палкой на огромный фасадъ дворца. — Вы вѣдь, конечно, тамъ были? Смотрѣли «chefs-d'oeuvr'ы»? Не тошнило потомъ? Какая это все тухлятина! Я въ живописи признаю только одно — портретъ. Дальше портрета художникъ итти не можетъ. Пусть это будетъ портретъ зданія, собаки, города, но только портретъ — и ничего больше.

— Что же, тамъ есть много хорошихъ портретовъ, сказалъ я.

— Ну, гдѣ же много! Десятка два наберете. Ради ихъ не стоитъ занимать столько комнатъ хламомъ. Я бы сократилъ этотъ музей до нѣсколькихъ залъ. «Вотъ, господа, Рубенсъ, видите, какъ онъ писалъ? Никогда не пишите такъ, все это чепуха, фабричное производство, подлизыванье передъ высокопоставленными лицами. Вотъ это Давидъ, желающій, во что бы то ни стало, быть эллиномъ, и поэтому драпирующій свои манекены въ кумачные гиматіоны. Вотъ Ари Шеф-

феръ, что писалъ на патокѣ и потому нравился Наполеону III. Учитесь, дѣти, никогда не быть такими художниками...»

— А съ остальнымъ «хламомъ», какъ ты называешь, ты что бы сдѣлалъ? спросилъ Глаголинъ.

— Я бы его или сжегъ, или продалъ въ Америку. Америка еще проходитъ нѣкоторыя стадіи своего развитія и необходимо еще эксплуатировать ея невѣжество.

— Жестоко, сказалъ Глаголинъ.

— У тебя все жестоко. Вѣдь рано ли, поздно ли спохватятся люди и выкинутъ всю эту мазню за бортъ. Такъ не лучше ли раньше, чѣмъ позже? Это будетъ, повѣрь скорѣе, чѣмъ сгніютъ холсты. Вонъ погляди: видишь бронзовую Жанну д'Аркъ на бронзовой лошади, съ бронзовымъ знаменемъ? Сперва ее продали англичанамъ, потомъ сожгли. Нѣсколько лѣтъ назадъ нашли способъ загладить постыдный поступокъ: совершить торжественную communication и поставить ее въ сонмъ святыхъ. Не правда ли, какъ пріятно теперь ея душѣ и какъ эта душа благодарна папѣ? Жаль только, что это сдѣлали послѣ ауто-да-фе, а не до него.

XXII.

На одномъ изъ бульваровъ Андреевъ свернулъ въ узенькій, свѣтленькій пассажъ, превосходную

мышеловку на случай пожара, и повелъ насъ куда-то вглубь. Тамъ по витой тѣсной лѣсенкѣ, напоминавшей башенные переходы феодальнаго замка, мы дошли до кассы, потомъ въ слѣдующемъ этажѣ до контролера, потомъ еще выше— раздѣлись, затѣмъ поднялись на самый верхъ къ крышѣ. Тамъ оказалась свѣтленькая галлерейка въ родѣ тѣхъ, что бываетъ въ нашихъ фотографіяхъ на окраинахъ города. Черезъ нее мы попали въ уютный театральный залъ, передѣланный несомнѣнно изъ чердака. Тамъ уже было цѣлое море кудрявыхъ дѣтскихъ головокъ, съ нетерпѣніемъ смотрѣвшихъ на колыхавшійся задернутый занавѣсъ. Надъ головами стоялъ смѣшанный гулъ голосовъ: няньки уговаривали, просили, грозили, кормили, а дѣтки цѣловались, плакали, пищали, кричали, волновались, даже дрались. Антиподъ совсѣмъ ожилъ.

— Я люблю сюда ходить, радостно говорилъ онъ.—Мнѣ одинаково интересно и на сцену смотрѣть и на этихъ зрителей.

Онъ раскланялся, какъ знакомый, съ піанистомъ и скрипачомъ, которые замѣняли здѣсь оркестръ. Одно отдѣленіе ужъ прошло и, должно быть, произвело значительную сенсацію. Предстояло—«Искушеніе святого Антонія».

— Этотъ театръ уже тѣмъ хорошъ, что тутъ ломаются не живые люди, а куклы, говорилъ Васенька.—Не правда ли, насколько пріятнѣе

это для мало-мальски свѣжаго человѣка? Когда я вижу разрумяненную кокотку, изображающую на сценѣ патентованную невинность, мнѣ становится невообразимо мерзко. А тутъ я вѣрю въ чистоту и искренность каждой куклы. Тутъ вы никогда не увидите такой пошлости, какъ этотъ корабль Жофруа въ «Далекой Принцессѣ». Каковъ корабликъ? а?

«Искушеніе Антонія» представляло изъ себя и оперу, и балетъ, и драму. Свинья, неотступно ходившая за пустынникомъ, особенно производила эффектъ. Когда пустынника соблазняли роскошными яствами и къ ногамъ его клали вкусныя кушанья, свинья немедленно ихъ поѣдала и тѣмъ избавляла отшельника отъ соблазна. Не менѣе хороши были черти, прыгавшіе и возившіеся вокругъ. Не знаю, кто больше восхищался— дѣти ли, или антиподъ, который отъ смѣха держался за спинку передняго стула и даже иногда за плечи скрипача, сидѣвшаго почти рядомъ съ нимъ, въ уголку у самой эстрады.

Когда, въ концѣ пьесы, всѣ злые духи были посрамлены и сверху спустилось картонное облако съ ангелами, пустынникъ неторопливо взобрался на него, а слѣдомъ за нимъ влѣзла и неразлучная свинья. И такъ ихъ и потянули наверхъ, при общемъ восторгѣ и кликахъ публики.

— Этотъ апоѳеозъ очень аллегориченъ, говорилъ Васенька, снова шагая съ нами по буль-

вару.—Когда что-нибудь чистое или святое возносится надъ земнымъ, къ нему непремѣнно присосѣдится сытая свинья. Такъ уже много вѣковъ дѣлается, и много еще лѣтъ будетъ дѣлаться въ грядущемъ.

Мы перешли на тѣневую сторону улицы, и Васенька заявилъ, что онъ «угощаетъ». «Труа шери» были торжественно поданы толстымъ гарсономъ и поставлены на кругленькій столикъ передъ нами. Столикъ былъ у самой стѣны, насъ не толкали прохожіе, маркизы были подняты, и не было душно.

— Ну, что же, Василій Ивановичъ, до свиданія, сказалъ я: — до будущаго воскресенья мы не увидимся, а въ среду я уѣзжаю.

Онъ сдвинулъ брови.

— А, уже? А что вы тамъ дѣлать будете?

— Гдѣ, въ Россіи?

— Да. Бросьте, переѣзжайте сюда. Стали бы рядомъ, за одной работой. А впрочемъ, гдѣ вамъ...

— Черезъ недѣлю я буду въ Москвѣ, продолжалъ я. — Ничего не надо передать вашей женѣ?

Онъ подумалъ.

— Нѣтъ... А впрочемъ, если вамъ не будетъ трудно... Съѣздите вы къ ней на Зубовскій бульваръ... Скажите ей, что я... Скажите ей, что вы видѣли меня, что я здоровъ и что я на мѣстѣ.

— А письма не дадите?

— Зачѣмъ? Я не пишу ей... И скажите, чтобы она не думала переводить еще денегъ въ банкъ... Она знаетъ, куда и какъ... Скажите, что и прежнія лежатъ безо всякой надобности. Но что если она позволитъ ихъ истратить по моему усмотрѣнію, то я возьму.

Я обѣщалъ.

— Скажите, продолжалъ онъ,—что я живу въ этой Лютеціи, пока живется. Здѣсь лучше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Здѣсь все какъ-то открытѣе: и умъ, и талантъ, и развратъ, и мошенничество. И скажите также, что я не вернусь...

— Этого можете не говорить, вставилъ отъ себя Глаголинъ.

Антиподъ засмѣялся.

— Ты думаешь, что мой возвратъ возможенъ? спросилъ онъ.—Нѣтъ. Если бы я даже и вернулся, то не въ семью. Семья—величайшая гибель для духа. Я не про тебя говорю, обратился онъ къ Глаголину:—ты долженъ своихъ ребятъ вскормить, ты одинъ у нихъ. Можетъ быть, и я въ твоихъ обстоятельствахъ сдѣлалъ бы то же. Сдержи только свою Луизу относительно завивки волосъ у малышей: она это любитъ, а это очень глупо.

XXIII.

Въ шесть часовъ Васенька посмотрѣлъ на часы и сказалъ, что ему необходимо итти. Мы простились. Онъ крѣпко пожалъ мнѣ руки и сказалъ:

Ну, поняли вы этого безкровнаго
чилъ Глаголинъ.

Почему вы его такъ называете?

Помните, при первой нашей встрѣчѣ
алъ, что это сила. Сила его въ то
безъ видимой борьбы, безъ проповѣд
га, сѣетъ направо и налѣво свои сѣм
бращаетъ вниманія, на какую почву
о—можетъ оно приняться и дать
засохнетъ на камнѣ. Онъ ничего не
ечатаетъ, не говоритъ. Онъ врагъ
лія, всякой насильственной мѣры, с
олитія отворачивается съ ужасомъ,-
ге изъ его записокъ. Духъ онъ вся
тъ надъ плотью. Вся его видимая
ко одна помощь ближнему. Вы его в
ни въ алчности, ни въ скупости

дыхъ людей, которые остановились въ задуманномъ намѣреніи жениться, только благодаря разговорамъ съ нимъ. Вы думаете, сестра Олимпіада послѣ его ухода осталась такой же, какъ была до знакомства съ нимъ? Вы думаете, она не повезетъ дочь воспитывать въ Женеву? Вы думаете, при той массѣ встрѣчъ съ мастеровыми, солдатами, крестьянами—даромъ для нихъ пропадаетъ то, о чемъ говоритъ Андреевъ? Онъ не говоритъ имъ: «дѣлайте то-то», или: «не дѣлайте этого». Онъ говоритъ: «не хорошо человѣку дѣлать то-то», и больше ничего. Двѣнадцать лѣтъ, какъ онъ живетъ не въ домѣ, а на улицѣ, въ полѣ, въ общественномъ мѣстѣ. При встрѣчѣ съ вами, со мной онъ дѣлается болтливъ. Мнѣ кажется, онъ намѣренно иногда болтаетъ, затемняя основную идею своей рѣчи, чтобы къ нему отнеслись поверхностнѣе, сочли его за менѣе глубокую натуру. Онъ иногда немножко фиглярить. И это-то именно и послужило причиной, почему нѣкоторые кружки отнеслись у насъ къ нему съ опаской и не сознали въ немъ сильнѣйшаго бойца за полную передѣлку всего строя нашей жизни.

— Не придаете ли вы слишкомъ много ему значенія? спросилъ я.

Онъ покачалъ головою.

— Нѣтъ, я смотрю прямо на вещи. Онъ силенъ тѣмъ, что съ нимъ немыслима борьба. Онъ

стоитъ безоружный, ни къ чему не стремящійся, ничего не желающій, никого не трогающій, возвышающій голосъ только противъ насилія. Я вотъ увѣренъ, что та гризетка, которую онъ поитъ чаемъ, уже любитъ его, и ея патеръ навсегда потерялъ одну изъ овецъ своей паствы, потому что она не пойдетъ больше къ нему на исповѣдь. Всюду, вездѣ, въ каждой щели онъ дѣлаетъ свое дѣло, и, повторяю, бороться съ нимъ нельзя. Олимпіада поняла это женскимъ чутьемъ. Она ни сценъ ему не дѣлала, не просила его ни о чемъ. Онъ бы все тихо выслушалъ, погладилъ бы ее по головѣ и сказалъ бы, что все-таки сдѣлаетъ такъ, какъ находитъ нужнымъ. У нея пересилилъ инстинктъ матери: она вся ушла въ дочь и отошла отъ мужа, вѣрнѣе, позволила ему отойти. Конечно, онъ не вернется къ ней. Я нарочно стараюсь его увѣрить, что это возможно,—но все это пустыя слова. Я думаю, если бы они случайно встрѣтились гдѣ-нибудь здѣсь, за границей, и она, не замѣтивъ его, прошла бы мимо,—онъ только издали бы посмотрѣлъ на дочь, и проскользнулъ бы куда-нибудь въ сторону.

— А если бы она замѣтила его?

— Онъ бы сказалъ, что очень радъ ихъ видѣть. Быть можетъ, остался бы съ ними нѣсколько дней, былъ бы внимателенъ и добръ къ нимъ, и потомъ такъ же спокойно, съ такой же увѣренностью въ своей правотѣ, взялъ палку и по-

шелъ бы далѣе по первой дорогѣ, что кинулась бы ему въ глаза, къ той цѣли, которую онъ поставилъ впереди. Онъ, можетъ быть, оказался бы служащимъ, какъ было два года назадъ, въ спеціальномъ лазаретѣ для прокаженныхъ, или какъ восемь лѣтъ назадъ,—санитаромъ въ холерныхъ баракахъ на Волгѣ, но только не возлѣ здоровой и обезпеченной жены и дочери. Вы спросите: любитъ ли онъ ихъ? Да. Онъ всего себя отдастъ, до послѣдней капли крови, для нихъ, если это принесетъ имъ хоть чуточку блага.

Онъ задумался на минуту.

— Да, прибавилъ онъ,—если бы мы хоть отчасти всѣ походили на него, какъ хорошо и скоро мы могли бы...

Онъ не докончилъ и протянулъ мнѣ руку.

— Я сяду у Оперы въ трамвай, пора къ дѣтямъ, сказалъ онъ.—Увидите Липу, поклонитесь ей отъ меня, скажите, что здѣсь въ Парижѣ, или въ Лютеціи, какъ онъ говоритъ, я буду издали за нимъ слѣдить. А когда она соберется въ Женеву, пусть напишетъ, я заѣду къ ней повидаться...

Онъ приподнялъ шляпу, купилъ у подвернувшейся цвѣточницы бутоньерку въ петлицу и пошелъ къ омнибусу.

XXIV.

Недѣли черезъ двѣ я пріѣхалъ въ Москву. Исполняя обѣщаніе, отправился я на Зубовскій бульваръ и разыскалъ Андрееву.

Она жила въ деревянномъ домикѣ съ колоннами по фасаду, съ бѣлымъ деревяннымъ лавровымъ вѣнкомъ на фронтонѣ и съ небольшимъ густымъ садикомъ за чистенькимъ, плотно утрамбованнымъ гравіемъ дворомъ. Здоровая, плотная горничная отворила мнѣ дверь, не спросила даже фамиліи, а сказала: «пожалуйте въ гостиную». Въ гостиную пришлось итти черезъ залъ, хотя и небольшой, но тоже съ колоннами, и въ два свѣта. Гостиная была обставлена, какъ всегда обставляютъ достаточныя москвички свои комнаты: неизбѣжный буль, гравюра, изображающая бой оленей въ лѣсу, большая фотографія съ «Явленія Мессіи» Иванова. Надъ козеткой — полка, гдѣ разставленъ рядъ портретовъ, въ томъ числѣ и антипода, но помоложе, позадорнѣе и повеселѣе, чѣмъ тотъ, котораго я зналъ. Едва горничная прошла въ столовую, откуда слышался стукъ ложекъ неоконченнаго завтрака, какъ дверь опять отворилась, и ко мнѣ вышла высокая, красивая блондинка, очень похожая на тотъ портретъ, что я видѣлъ въ Лондонѣ. Я объяснилъ цѣль своего посѣщенія. Она вдругъ вспыхнула вся, какъ-то удивленно взглянула на меня и торопливо спросила:

— Съ нимъ случилось что-нибудь?

Я ее успокоилъ и постепенно разсказалъ о встрѣчѣ съ ея братомъ и мужемъ. Она слушала, нервно повертывая кольца на пухлой рукѣ. Глаза ея то загорались, то тускнѣли. Она старалась

сдерживать волновавшее ее дыханіе и слушала меня не прерывая. Когда я кончилъ, она сказала:

— Вы не повѣрите, какъ я вамъ благодарна. Вы пожалуйста скажите мнѣ все, все, какъ бы это ни было мнѣ тяжело и непріятно. Если вы будете ему писать, скажите, что я и не думаю посылать ему денегъ. У него есть сумма, лежащая въ Ліонскомъ Кредитѣ на его имя,—и я къ ней ничего не прибавляю. Онъ можетъ распоряжаться этими деньгами, какъ ему угодно.

— А вы ему сами не пишете?

— Нѣтъ, зачѣмъ же. Если онъ не пишетъ мнѣ, зачѣмъ же я ему буду навязываться? Онъ живетъ въ своемъ мірѣ, обособленномъ, гдѣ ему никто не нуженъ. Онъ говоритъ, что онъ любитъ всѣхъ. Вѣрнѣе, онъ заставилъ себя ко всѣмъ относиться одинаково любовно. Когда у него стала развиваться любовь къ дочери, онъ испугался ея и бѣжалъ. Онъ не пишетъ, чтобы не вспоминать про прежнее чувство. Онъ не хочетъ его и боится. Ну, Богъ съ нимъ. Хотите видѣть мою дочку?

Она позвала нарядную дѣвочку съ такимъ же веселымъ и жизнерадостнымъ лицомъ, какъ и у матери.

— Видите, какая она у меня! съ гордостью сказала она, похлопывая дочь по плечу.—Что-то ей скажетъ жизнь?

— А вы въ Женеву ее везете?

— Да. Тамъ много воспитывается русскихъ дѣ-

- Я жду его всегда, продолжала о
комнатѣ все не тронуто, все въ томъ :
, было въ тотъ день, когда онъ уш
ı. Я его жду всегда — и днемъ и ночь
ѣзжаю изъ Москвы, здѣсь остается п
вая всегда принять барина и дать
амму о его пріѣздѣ. Онъ мнѣ сказа
огда не полюбитъ ни одной женщи
отвѣтила, что онъ всегда, всякую
этъ воротиться сюда, что это его д
здѣсь хозяинъ, мужъ и отецъ.
сталъ прощаться.
- Какъ вы думаете, упавшимъ голос
она, съ какой-то робостью выговари
-какъ вы думаете, онъ пріѣдетъ?
нѣ хотѣлось сказать то, что я долже
...: «нѣтъ». Но мнѣ показалось бе

РАБЪ

I.

Въ душный августовскій вечеръ во дворѣ одного изъ гигантскихъ петербургскихъ домовъ, выходившихъ фасадомъ на набережную Фонтанки, игралъ шарманщикъ. Онъ стоялъ возлѣ тощаго палисадника, подперевъ тяжелый ящикъ палкою, и не торопясь поворачивалъ ручку органа. Шарманка его совсѣмъ не напоминала инструментовъ другихъ шарманщиковъ: она не хрипѣла, не фальшивила, была, видимо, сработана мастерски, хотя наружность ея и была скрыта блестящимъ клеенчатымъ чехломъ. Недостаткомъ ея, — а можетъ быть и достоинствомъ,—было то, что она играла старыя пѣсни и оперы, уже давно вышедшія изъ моды. Но ее знали въ Петербургѣ, любили, и даже были такіе знатоки, которые спеціально ложились на подоконники, чтобы ее послушать, и меньше пятака ея владѣтелю не кидали.

Шарманщикъ былъ человѣкъ лѣтъ сорока, рябой, рыжеватый, съ сѣрыми безцвѣтными гла-

зами, бритый, въ широкополой шляпѣ, клѣтчатыхъ штанахъ и какомъ-то зеленоватомъ мѣшкѣ вмѣсто пиджака. Глаза его, быстрые и проницательные, безъ остановки блуждали по окнамъ разныхъ этажей. Онъ зорко слѣдилъ за появлявшимся бѣлымъ комкомъ бумажки; она летѣла дугой на мостовую, звякала; онъ приподнималъ шляпу, благодарилъ какой-то кривой улыбкой, но за монетой не шелъ: ее всегда подавалъ ему кто-нибудь изъ ребятишекъ, прибѣжавшихъ на звуки музыки и стоявшихъ стаей вокругъ него. Дѣтвора знала его щедрость: онъ иногда давалъ на прощанье грошъ шустрому мальчонку, подбиравшему деньги, особенно, если онъ набиралъ много.

Въ этотъ день выручка у него была особенно удачна: онъ уже три раза размѣнивалъ мѣдяки и серебряныя монеты на бумажки. Этотъ дворъ былъ однимъ изъ излюбленныхъ его мѣстъ: онъ никогда не уходилъ отсюда безъ сорока копеекъ и всегда переигрывалъ весь свой репертуаръ съ начала до конца. Онъ оставилъ себѣ сегодня это мѣсто напослѣдокъ, чтобы отсюда уже прямо направиться домой. И въ самомъ дѣлѣ здѣсь мелочи набралось много — даже больше, чѣмъ всегда.

Когда онъ оканчивалъ послѣднюю пьесу, мимо него, поспѣшной походкой, шелъ высокій усатый человѣкъ съ давно небритымъ подбородкомъ

и въ сѣромъ пиджакѣ. Онъ несъ, обнявши, самоваръ и, видимо, торопился. Проходя мимо шарманщика, онъ кивнулъ ему головой и сказалъ:

— Подожди, Серега, я сейчасъ, только къ лудильщику,—мнѣ надо тебѣ два словечка.

Серега тоже кивнулъ головой, и человѣкъ съ самоваромъ исчезъ въ темномъ отверстіи двери, сбоку которой, на стѣнѣ, была прибита вывѣска, изображающая ярко-красную кастрюлю и кранъ.

Серега, не торопясь, доигралъ, приподнялъ шляпу, отдалъ общій поклонъ, покопался въ карманѣ и сунулъ мальчику, подбиравшему подачку, два засахарившихся леденца. Человѣкъ все не выходилъ изъ двери, и шарманщикъ, должно быть, рѣшилъ его не ждать. Онъ натянулъ широкую полосу ремня, до боли нарѣзавшую ему плечо, не торопясь, перекинулъ инструментъ за спину и побрелъ, слегка согнувшись, къ воротамъ. Но прежде, чѣмъ онъ дошелъ до нихъ, усатый догналъ его.

— Ты куда теперь? сказалъ онъ, протягивая шарманщику жесткую и грязную руку.—Покончилъ службу? Зайди ко мнѣ на перепутьѣ. Поговорить охота. Дѣло есть.

— Поздно, лаконически буркнулъ Серега.

— Пива поставлю, урезонивалъ усачъ. — Говорю—дѣло. Братъ ты мнѣ или нѣтъ?

Послѣдній доводъ оказалъ мало дѣйствія на Серегу; но представленіе о холодномъ, пѣнистомъ пивѣ, да еще на чужой счетъ, поколебало его.

— Да ты о чемъ? спросилъ онъ.

— Отходить хочу. Силъ нѣтъ.

Шарманщикъ сбоку мимоходомъ глянулъ на него.

— Что жъ, старуха-то доѣхала?

Усатый махнулъ рукой.

— Доѣхала, по горло сытъ. Да и зачѣмъ ей лакей. Дворникъ пришелъ, сходилъ въ лавочку, да разъ въ мѣсяцъ поденщица полы вымыла. Меня она только затѣмъ и держитъ, чтобы поѣдомъ ѣсть. Цѣлый день пилитъ. Я ужъ просился: «отпустите»—не пущаетъ. «Какъ», говоритъ, «Иванъ, я безъ мужчины въ домѣ: я генеральская дочка, я привыкла, чтобъ у меня лакеи были? Вдругъ», говоритъ, «я въ театръ пойду—кто же мнѣ ротонду держать будетъ, не могу же я ее на вѣшалку постороннимъ людямъ сдавать, ежели одинъ мѣхъ болѣе двухъ тысячъ стоитъ?»

— А ѣздитъ развѣ куда? спросилъ Серега.

— Три года ужъ не выходила на лѣстницу. Прежде къ ранней въ церковь ходила, а теперь сама обѣдню по молитвеннику читаетъ. За четыре мѣсяца жалованья мнѣ не платитъ. Хочу при тебѣ, какъ при свидѣтелѣ, просить,—можетъ, отдастъ.

[redacted]

— Да деньги-то есть еще?

— Деньжатъ полный сундукъ. Тысячъ на двѣсти, а нѣтъ—больше. Однихъ выигрышныхъ билетовъ — уйма. Я, кабы тебя не встрѣтилъ, пошелъ бы къ тебѣ. Ты безпремѣнно мнѣ необходимъ. Потому—она боится тебя.

Серега усмѣхнулся.

— Чего жъ это она меня?

— Она говоритъ: «Я всѣхъ шарманщиковъ боюсь. Помнишь», говоритъ, «на дачѣ шарманщикъ нищаго-калѣку зарѣзалъ и семьдесятъ рублей денегъ у него отнялъ? Всѣ», говоритъ, «они разбойники».

Серега опять усмѣхнулся и покрутилъ головой.

— Я бы ей сказалъ, что за семьдесятъ рублей и мараться неохота.

Они проходили мимо пивной, гдѣ на огромной вывѣскѣ было лаконически написано: «Бу.—10 ко.—Полбу.—6 ко.»

— Я сейчасъ, сказалъ Иванъ.—Ты иди подъ ворота, я догоню мигомъ.

Но Серега не пошелъ одинъ. Онъ замедлилъ шаги, снялъ шляпу, обтеръ какой-то тряпицей лобъ и проворчалъ:

— Сундукъ полный!.. Боится, вѣдьма!..

Братъ снова вынырнулъ изъ портерной, ловко приспособивъ въ каждой рукѣ по бутылкѣ, такъ что со стороны ихъ совсѣмъ не было видно.

— Только одно и держитъ меня, продолжалъ онъ:—что изъ нашихъ она господъ, а не сторонняя.

— Вотъ невидаль! возразилъ шарманщикъ.— Благодѣтели нашлись! Мало они насъ драли? Веніаминъ Васильевичъ, когда я съ голоду дохъ, шарманку эту и далъ, потому самому она надоѣла,—только и всѣхъ его благодѣяній. А тебѣ и того нѣтъ: у старухи за двѣнадцать рублей служишь, да живешь впроголодь. Небось, кормитъ попрежнему?

— Рѣдька да квасъ, селедка да молоко снятое, подтвердилъ онъ: — у насъ это самое меню извѣстно.

Они повернули во дворъ красиваго дома съ колоннами, вошли въ подъѣздикъ и, поднявшись нѣсколько ступеней, остановились передъ высокой дубовой дверью. Иванъ переложилъ бутылки въ одну руку, досталъ ключъ и отперъ замокъ.

— А закладами она не промышляетъ? спросилъ Серега.

— Ничѣмъ она не промышляетъ, презрительно буркнулъ Иванъ и, войдя въ кухню, поставилъ бутылки на огромный кухонный столъ, придвинутый къ венеціанскому широкому окну.

II.

Кухня отличалась обширными размѣрами. На блестящей плитѣ съ колпакомъ можно было готовить большіе званые обѣды. Да и вся квартира дочери дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Муравьиной была, что называется, барская. Было въ ней тринадцать комнатъ. Въ залѣ можно было давать балы, а концертный рояль точно подтверждалъ, что здѣсь когда-то давались вечера. Всѣ комнаты были переполнены мебелью. Правда, обивка не отличалась новизною, но все же и штофъ, и бархатъ хорошо противостояли времени. Мебель была покрыта толстыми чехлами; чехлы закрывали и зеркала, и картины; люстры тоже были окутаны въ саваны и колоссальными грушами спускались съ потолка. Даже старинные разные шкапы съ яркими металлическими замками, и тѣ были затянуты парусиной. Севрскія и китайскія вазы, высокія на ножкахъ карсельскія лампы казались закутанными надгробными памятниками, да и вообще всѣ комнаты напоминали кладбище, засыпанное снѣгомъ. Одни потолки, лѣпные, съ золотомъ и живописью, весело смотрѣли сверху и улыбались своими амурами, феями и вязями цвѣтовъ, переплетавшихся по всему плафону. Паркетные полы никогда не натирались, и переходами изъ комнаты въ комнату служили холщевыя дорожки, такія, какъ

бываютъ у провинціальныхъ чиновниковъ да въ небогатыхъ купеческихъ домахъ. По вечерамъ нигдѣ никогда не горѣло огней, только въ спальнѣ у самой Надежды Васильевны теплилась лампадка, заставленная фарфоровымъ краснымъ экранчикомъ, изображающимъ рождество Богоматери, да въ комнатѣ у Ивана пылала пальмовая свѣчка въ грязномъ мѣдномъ подсвѣчникѣ.

Тишина въ квартирѣ Муравьиной была тоже кладбищенская. Изрѣдка скрипнетъ паркетъ, когда тихо пройдетъ въ своихъ шлепанцахъ хозяйка; или, если быстро прокатится по набережной карета, такъ какая-нибудь хрустальная висюлька на люстрѣ или стеклянный колпакъ отзовется слабымъ звономъ, точно сквозь сонъ, и опять все погрузится въ нѣмую тишину.

Дверь на парадную лѣстницу, устланную по зимамъ коврами, уставленную пальмами и освѣщенную матовыми шарами, была закрыта наглухо толстымъ крюкомъ, заперта ключомъ, да еще висѣла на ней цѣпь, скорѣе подходившая для якоря, чѣмъ для двери. Всѣ, кому надо было, ходили черезъ кухню, да, впрочемъ, и ходить-то никому не надо было. Даже управляющій домомъ не показывался въ комнатахъ годами, и разъ въ три мѣсяца Иванъ ходилъ къ нему съ контрактомъ и относилъ пятьсотъ рублей за квартиру.

Слухъ у Надежды Васильевны былъ развитъ, какъ у кошки. Она привыкла къ мертвой ти-

шинѣ, и малѣйшій звукъ въ самой отдаленной комнатѣ привлекалъ ее: она надѣвала шлепанцы и мелкой, неслышной рысцой направлялась туда, чтобы удостовѣриться, не разбойникъ ли тамъ спрятался, и для охраны брала кочергу, всегда стоявшую у изголовья ея постели. Она боялась покушенія на свою жизнь и разъ даже простояла цѣлую ночь съ кочергой за шкапомъ, напуганная какими-то шагами въ верхней квартирѣ. Прежде у нея была канарейка, которую она по субботамъ купала въ водкѣ; но когда она издохла, старуха даже обрадовалась: птичка своимъ щебетаньемъ мѣшала ей прислушиваться и поджидать грабителей.

И теперь, едва Иванъ щелкнулъ ключомъ и вошелъ съ братомъ въ кухню, какъ она, бросивъ ворохъ лоскутковъ, среди которыхъ сидѣла на полу, схватила кочергу и стала красться по коридору. Иванъ зналъ уже ея привычку и сказалъ брату:

— Ты пока тише: за дверью сама.

Серега снялъ шарманку, поставилъ ее на два табурета, положилъ сверху шляпу и громко проговорилъ:

— А ея превосходительство въ добромъ ли здоровьѣ?

Иванъ только головой покрутилъ и сказалъ:

— Ну!

Этимъ «ну!» онъ хотѣлъ выразить удивленіе

политическимъ способностямъ своего младшаго брата.

— Давно я ихъ не видалъ, продолжалъ Серега.—Желательно было бы ручку облобызать. Ты доложь потомъ.

— Доложу, буркнулъ Иванъ, досталъ стаканы и штопоръ и откупорилъ бутылку. За дверью послышался шорохъ и тихій шумъ осторожно удалявшихся шаговъ.

— Ушла, сказалъ онъ и чокнулся стаканомъ о стаканъ.—Бывай здоровъ.

Оба выпили. Иванъ отворилъ дверь въ коридоръ такъ, чтобы видно было издали, если кто подойдетъ.

— Такъ вотъ, братецъ ты мой, началъ онъ:— и думаю я отойтить отъ нея. И мѣсто мнѣ навертывается у полковника Шпильгазе. Боюсь только, что зажитаго не отдастъ. Вѣдь у меня ни тебѣ книжки, ни расписки—ничего.

— Я такъ полагаю, степенно заговорилъ Серега:—что она не токмо должна тебѣ зажитое отдать, но и награжденіе при уходѣ—сто, а нѣтъ, такъ и триста рублей. Коли ты ее за старую барыню почитаешь, и такъ какъ родился въ домѣ Муравьиныхъ, такъ и она тебѣ должна же память сдѣлать.

— Ничего она не дастъ, сурово замѣтилъ Иванъ.

— А ты пугни.

Иванъ поднялъ на брата глаза.

— Какъ это, то-есть, пугнуть?

— Пусти обинякомъ. Молъ, пòтомъ-кровью служилъ, честно, благородно, долженъ быть вознагражденъ. А ежели нѣтъ, то и самъ себя вознаградить сумѣю. Э-эхъ, Ванюша, дожилъ до сѣдины, жить не умѣешь. Голъ, какъ колъ.

Иванъ съ завистью скосилъ глаза на брата.

— Не всѣмъ же, какъ ты, по дворамъ копейки собирать да таскать ихъ въ банкъ. Не знаю я, что ли, сколько ты за восемь лѣтъ перетаскалъ.

Сергѣй не обидѣлся. Онъ слегка прищурился и усмѣхнулся.

— А я не пòтомъ добываю деньгу? спросилъ онъ.—Позапрошлую недѣлю я по островамъ ходилъ, такъ шесть дней въ лѣскѣ на Крестовскомъ ночевалъ подъ открытымъ небомъ, чтобъ на ночлегъ не тратиться. А ты, небось, всю жизнь въ хоромахъ на пуховикѣ спишь.

— Кромѣ пуховика, и нѣтъ ничего... отвѣтилъ онъ.

— Твое дѣло. А кто жъ тебѣ мѣшалъ копить?

— Откуда?

— Да я бы, кажись... Живя здѣсь въ домѣ,— да у меня тысячъ бы десять было. Старуха нешто замѣтитъ: тамъ серебряную чайницу, тамъ ложку, тамъ вазу. Вынулъ изъ рамъ картины—снесъ на Апраксинъ дворъ. Замѣтитъ она подъ полот-

номъ-то, есть ли что въ рамѣ! Вахлакъ ты, Ванюшка, и никогда изъ тебя толку не будетъ.

Ванюшка всталъ и плюнулъ.

— Каторжникъ ты, вотъ что, сказалъ онъ.— Я помню, ты любилъ мальчишкой щенятъ топить; за это тебя мать драла.

Онъ прошелся по комнатѣ. Братъ неторопливо налилъ стаканы и откупорилъ вторую бутылку.

— Еще годикъ пособираю, сказалъ Сергѣй:— а потомъ въ буфетчики пойду. Есть у меня трактиръ одинъ на примѣтѣ. Розсыпь золотая.

— Что теперь нейдешь? пробурчалъ Иванъ, ходя.

— Залогъ великъ. Хозяинъ безъ залога не возьметъ. А тамъ годковъ пять постою за стойкой,—самъ трактиръ сниму.

— Воровать, значитъ, будешь?

Сергѣй ничего не отвѣтилъ. Онъ посмотрѣлъ на потолокъ и сказалъ:

— Высокія у васъ комнаты.

— Что жъ, ты вѣшаться, что ли, хочешь?— спросилъ Иванъ.

Сергѣй всталъ.

— Нѣтъ, мнѣ домой пора, сказалъ онъ.

Иванъ положилъ руки ему на плечи и заставилъ сѣсть.

— Сиди, проговорилъ онъ, подошелъ къ открытому окну и высунулся во дворъ.

— Антипъ, а Антипъ! крикнулъ онъ.

— Ну! отозвался голосъ со двора.

— Притащи двѣ парочки пивца, будь другъ любезный.

Сергѣй посмотрѣлъ на брата.

— Съ чего это ты разошелся?

Иванъ махнулъ рукой.

— Жизнь подлая! Облѣнился я здѣсь. Забылъ, какъ къ столу служить. Намедни хотѣлъ салфетку свернуть по банкетному,—бился, бился,— что хочешь, ничего не выходитъ.

III.

Дворникъ принесъ пива. Ему предложили присѣсть, онъ отказался, сказалъ, что дежурный, выпилъ стаканъ и ушелъ.

— Что у тебя глаза мутные? спросилъ Сергѣй.

— Ломаетъ меня третій день. Голова болитъ, зудъ по тѣлу. Былъ въ банѣ намедни, да дождемъ потомъ прохватило. Надо бобковой мази купить. Круги въ глазахъ, и путается все.

По коридору послышались шаги.

— Идетъ, шепнулъ Иванъ, поправилъ галстукъ и машинально пригладилъ волосы.

Генеральская дочь показалась на порогѣ кухни. Было ей лѣтъ подъ шестьдесятъ, она была сухая, маленькая, черноглазая, съ тонкимъ прорѣзомъ рта и бородавкой надъ бровью. Одѣта была она въ короткую байковую юбку, а сверху въ

старинную пожелтѣвшую горностаевую мантилью, на которой спереди не хватало одного хвостика. Въ костлявой лоснящейся рукѣ у нея былъ пустой стаканъ.

— Это что за кабакъ? строго спросила она.

— Какъ здоровье вашего превосходительства? заговорилъ Сергѣй.—Дозвольте приложиться къ ручкѣ...

Онъ двинулся было къ ней, но она замахала на него стаканомъ.

— Не дамъ, не дамъ! закричала она.—Не подходи, шарманщикъ! Пришла вотъ за водой изъ крана.

Она пошла къ водопроводу, бочкомъ поглядывая на столъ. У самой раковины она остановилась.

— У васъ это пиво? спросила она, глядя на бутылки.

— Можетъ, желаете, ваше превосходительство? поспѣшно предложилъ ей Сергѣй, взявъ бутылку.

Она тихонько стала подходить къ нему.

— Ну-ка, налей, сладко сказала она и, подставивъ стаканъ, стала смотрѣть, какъ булькала изъ горлышка жидкость.

Онъ наливалъ, не торопясь, выжидая, чтобъ разошлась пѣна, и чтобы стаканъ былъ полный.

— Ничего не подмѣшано? спросила она.

— Ваше превосходительство, заговорилъ Иванъ: —дозвольте съ просьбой обратиться.

— Потомъ, потомъ! рѣзко перебила его о а повернулась на пяткахъ и трусцой побѣжала по коридору, бережно неся двумя руками стаканъ и боясь плеснуть. На ходу она даже прихлебнула, и скрылась гдѣ-то въ глубинѣ, хлопнувъ дверью.

— Не подмѣшано! повторилъ Сергѣй.—Чудесно ей подмѣшать бы чего, да потомъ пошарить по шкапамъ. Ну, вотъ ты опять рожи мнѣ строишь, Что я, травить ее хочу, что ли? Просто, чего-нибудь для сна подмѣшать, чтобъ до утра продрыхла.

— Самъ подмѣшивай, сказалъ Иванъ.

— Мое дѣло сторона, чего мнѣ соваться. А какъ младшій братъ и тебя жалѣючи, говорю. Ежели ты меня помогать позовешь, и то не пойду.

Они помолчали.

— Сынъ-то въ гимназіи? спросилъ Иванъ.

— Въ гимназіи.

— Все Веніаминъ Васильевичъ платитъ?

— Платитъ.

— Видишь, а ты говоришь: ничего не дѣлаетъ онъ тебѣ, только что вотъ шарманку далъ.

— Тридцать рублей въ гимназію платитъ да двадцать рублей на книги даетъ,—вотъ и все, а одѣвать я же долженъ. А мнѣ на что эта гимназія? Что въ ней проку? Онъ, говоритъ, въ студенты потомъ пойдетъ. Велика сласть, какъ же!

По коридору опять зашлепали туфли. Надежда Васильевна вошла съ болѣе мягкимъ лицомъ и пустымъ стаканомъ. Оба брата вскочили.

— Еще, ваше превосходительство? спросилъ Сергѣй.

— Нѣтъ, сказала она, но стакана изъ рукъ не выпустила.—Ты что такое говорить хотѣлъ? спросила она у Ивана.

Сергѣй выдвинулъ ей табуретъ на середину кухни, и она сѣла.

— Прошу расчета, ваше превосходительство, желаю уйти отъ васъ, тихимъ голосомъ сказалъ Иванъ.

Она высоко подняла брови.

— Уй-ти? спросила она.—Какъ уйти? Да вѣдь ты крѣпостной?

— Ваше превосходительство, воля-то ужъ больше восьми лѣтъ какъ въ силу вошла.

— Ну, да! подтвердила старуха. — Но вѣдь у насъ же съ тобою условіе было: остаешься ты у меня на прежнемъ положеніи, а я тебѣ за то двѣнадцать рублей даю.

— Это точно, заговорилъ Иванъ: — а только, какъ мнѣ невмочь больше...

— Безчувственные вы рабы, подлыя твари, сказала она, качая головой.—Нѣтъ у васъ привязанности къ дому. Кошка, и та, гдѣ родилась, такъ вѣкъ живетъ, потому что чувствуетъ свое гнѣздо. Ты забываешь, хамъ, что дѣды твои моимъ дѣдамъ служили, что вмѣстѣ съ барами холопы ходили въ бой, вмѣстѣ во дворцы ѣздили, жили въ теплѣ, въ холѣ; учили васъ, мыли и

одѣвали. Ты забылъ, какъ дѣдушка мой, Матвѣй Ѳедоровичъ, собственноручно ременною плеткой училъ васъ въ кабинетѣ? Нѣтъ въ васъ чувствъ никакихъ. За рубль продадите, за грошъ зарѣжете.

— Правду говорить изволите: неблагодарный народъ, подтвердилъ Сергѣй, и прибавилъ:—да позвольте, ваше превосходительство, еще стаканчикъ налить.

— Лей, съ сердцемъ сказала она, подставляя стаканъ.—Анаѳемы вы! А знаете ли вы, какъ ваша мать, Ѳетинья, у моей тетеньки въ арапкахъ служила? Въ золотѣ да въ шелку ходила!

— Не слыхали что-то, смиренно сказалъ Сергѣй.

— А, не слыхали! Ну, такъ вотъ я вамъ разскажу, коли не слыхали. У тетеньки Евпраксіи Матвѣевны, когда онѣ овдовѣли, былъ праздничный выходъ. Была у нихъ зала, преобращенная въ зимній садъ. Росли въ этомъ саду огромныя деревья, и по деревьямъ порхали райскія птицы. По срединѣ прудъ былъ изъ зеркалъ, а по немъ плавали серебряные лебеди. Для тетеньки кіоскъ былъ устроенъ въ видѣ трона, и сами онѣ возсѣдали тамъ на турецкомъ диванѣ, а вокругъ опахальницы и курильщицы стояли въ видѣ турецкой свиты. И каждое воскресеніе приходилъ къ нимъ, послѣ обѣдни, попъ и приносилъ просфору, и кропилъ ихъ на тронѣ святой водою, а потомъ весь домъ подходилъ къ ручкѣ, и на-

чинался съѣздъ гостей. И вотъ тутъ-то ваша мать и была арапкой. Мазали ей морду сажей съ масломъ, одѣвали въ парчу и шелкъ, и держала она благовонную курильницу. На шеѣ у нея былъ жемчугъ, жемчугомъ чалма была перевита; на ногахъ—чувяки съ загнутыми концами и золотомъ шитыя. И отецъ вашъ тутъ же былъ, и кофе на серебряномъ подносѣ въ китайскихъ чашкахъ подавалъ.

— Ваше превосходительство, смиренно спросилъ Сергѣй:—а этотъ жемчугъ самый у вашей тетеньки остался, или онѣ изволили нашей матери его подарить?

— Дуракъ ты, Сережка, дуракъ! Вѣдь жемчугъ-то былъ настоящій,—такъ какъ же его было дѣвкѣ отдать? Онъ фамильный былъ.

— Вотъ и я такъ полагалъ, ваше превосходительство, подтвердилъ онъ:—это на подержаніе только его на мать вѣшали.

Она пристально на него посмотрѣла.

— Охъ, какъ бы тебя Матвѣй Өедоровичъ плеткой исполосовалъ, сказала она,—за такія твои сужденія. Перлы эти теперь у меня въ шкатулкѣ хранятся. Цѣны имъ нѣтъ.

— А, можетъ, вы теперь, такъ какъ братъ отъ васъ отходитъ, соблаговолите ихъ ему на выходъ дать? замѣтилъ Серега.—Онъ бы со мной, какъ братъ, подѣлился.

Старуха встала.

— Убьете вы тутъ еще меня! проговорила она и сдѣлала движенiе уйти.

— Ваше превосходительство, ваше превосходительство! заговорилъ шарманщикъ.—Можетъ, вы замѣсто этихъ перловъ самыхъ, которымъ цѣны нѣтъ, тысячу рублей дадите отступного? А то запираете вы ихъ, запираете, а вдругъ придутъ воры, ручки-ножки вамъ закрутятъ, ротикъ тряпочкой заткнутъ и пойдутъ хозяйничать. И будете вы только глазками хлопать.

Надежда Васильевна вся затряслась.

— Вонъ, закричала она:—вонъ изъ моего дома! Завтра же я напишу оберъ-полицеймейстеру, чтобъ тебя отсюда выселили. Напишу: коли меня убьютъ, такъ и знайте—Ванька съ Сережкой. Пальцемъ меня тронете—на каторгу пойдете. Чтобъ духу его не было: слышишь, Иванъ, выведи его за ворота и вели не пускать его больше.—А тебѣ я ничего не должна,—и можешь ты тоже отъ меня убираться. Слышалъ?

И она ушла, топая пятками по полу и бормоча что-то подъ носъ.

IV.

Когда братья подходили къ воротамъ, въ одно изъ оконъ высунулась Надежда Васильевна.

— Дворникъ, визгливо крикнула она.—Ежели опять этотъ шарманщикъ придетъ—не пускать.

Онъ обокрасть меня хочетъ и зарѣзать! Слышалъ? Я такъ и полиціи заявлю.

— Съ чего ее разбираетъ? спросилъ дворникъ.

— Пива хлебнула! засмѣялся Сергѣй и протянулъ дворнику руку.

За воротами онъ сказалъ брату:

— Эхъ, тамъ бутылка не допитая осталась; должно, она ее припрячетъ. Пойдемъ, угощу я теперь тебя.

Иванъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ: онъ зналъ, что Сергѣй скупъ и грошемъ не раскутится. Въ головѣ его шумѣло, — онъ былъ слабъ на хмельное. Онъ сообразилъ, что и братъ, должно быть, подпилъ.

— Что жъ, пойдемъ, сказалъ онъ.

Въ портерной они помѣстились въ углу, подъ образами, за круглымъ мраморнымъ столикомъ, пожелтѣвшимъ и липкимъ отъ пива.

— Ну, видишь, сама прогнала, говорилъ Сергѣй. — А насчетъ денегъ подай къ мировому, а нѣтъ—раньше сходи къ Веніамину Васильевичу: тотъ отдастъ.

— Тотъ отдастъ, подтвердилъ Иванъ.

— А все жъ-таки обидно. Всю жизнь служилъ, и ни съ чѣмъ уйти. Я бъ ужъ на твоемъ мѣстѣ— цапнулъ.

— Придушить бы ее скорѣе... мрачно замѣтилъ Иванъ.

— Чего тутъ душить! поморщась, возразилъ

Сергѣй. — Стоитъ мараться! Не грабить, а такъ пошарить,—табатерочекъ съ брильянтиками, браслетокъ. Взялъ отмычку и пошарилъ. Вотъ сегодня она послѣ пива-то здорово заснетъ. А нѣтъ, еще ее пивкомъ завтра угостить. Женѣ сонный опивумъ фельдшеръ давалъ: я бы услужилъ брату,—тамъ еще пузырекъ порядочный. А потомъ, коли что нашаришь—ты не бойся, прямо ко мнѣ. У меня есть тутъ жидовскія лавочки—спустимъ.

Иванъ ничего не отвѣчалъ, только пилъ. Лицо его было мрачно, волоса сползли на лобъ. Онъ пилъ рѣдко, и пьяный былъ дерзокъ и грубъ. Сергѣй зналъ это и спрашивалъ бутылку за бутылкой.

— Убью! вдругъ вскрикнулъ Иванъ и ударилъ кулакомъ по столу, такъ что стаканы подпрыгнули и зазвенѣли.

Буфетчикъ вышелъ изъ-за стойки.

— Господа, пора по домамъ, заведеніе закрываю, сказалъ онъ, подходя.

— А который часъ? пробормоталъ Иванъ.

— Часъ-то небольшой, а только намъ сегодня закрыться надо ранѣе. Потому пожалуйте прочь.

Сергѣй одобрительно ему подмигнулъ и расплатился.

— Ты домой? спросилъ коснѣющимъ языкомъ Иванъ, когда они вышли на тротуаръ.

— Домой, отвѣтилъ ему братъ, и прибавилъ:—

не робѣй ты съ ней,—чего тутъ. Пугни ее: сама все дастъ.

Они пожали руки и разошлись.

Сергѣй чувствовалъ, что шарманка невыносимо стала давить ему плечи, и что ему не дойти до дому. Онъ договорилъ попутнаго извозчика, взвалилъ на дрожки шарманку и затрясся по булыжной мостовой, подпрыгивая на жесткихъ стоячихъ рессорахъ.

«Покажетъ онъ ей теперь, гдѣ раки зимуютъ!» улыбаясь, думалъ онъ, слегка покачиваясь изъ стороны въ сторону и чувствуя себя въ самомъ блаженномъ состояніи. «Все, что ни стащитъ, принесетъ ко мнѣ. А тамъ подѣлимся. Тутъ будетъ побольше дохода, чѣмъ съ шарманки».

Нанималъ онъ квартиру въ двѣ комнаты возлѣ Царскосельскаго проспекта, въ одной изъ боковыхъ улицъ, и платилъ за нихъ одиннадцать рублей въ мѣсяцъ. Тамъ жилъ онъ съ женой, вѣчно пьяной тощей женщиной, и сыномъ, бѣгавшимъ за три версты въ гимназію. Не желая поднимать разныхъ толковъ о своихъ доходахъ, Сергѣй не подъѣхалъ къ своему дому, а остановилъ извозчика у сада Вольнаго Экономическаго Общества, расплатился и, опять взваливъ инструментъ на плечи, отправился далѣе пѣшкомъ.

Поднимаясь по лѣстницѣ, онъ увидѣлъ, что впереди его идетъ сосѣдъ, унтеръ-офицеръ Пилкинъ, въ длинномъ черномъ сюртукѣ съ нашивками и медалями и въ бѣлыхъ штанахъ.

— Это вы, Сергѣй Прокофьевичъ? окликнулъ его сверху унтеръ. — Что поздно сегодня пожаловали?

Шарманщикъ освѣдомился, который часъ. Пилкинъ остановился, торжественно отстегнулъ пуговицу, полѣзъ за воротъ и вытащилъ серебряные часы со стальной цѣпочкой.

— Полчаса одиннадцатаго, сказалъ онъ.

«У брата въ гостяхъ былъ», хотѣлъ сказать Сергѣй, но почему-то остановился.

— Издалека шелъ, сказалъ онъ только.

Дойдя до своей квартиры, онъ стукнулъ въ кухонное окно, выходившее на свѣтлую галлерею, которой оканчивалась лѣстница. Послышались торопливые шаги, и сынъ отперъ ему дверь.

— Мать дома? спросилъ онъ, пока мальчикъ стаскивалъ съ него инструментъ.

— Пьяна, лаконически отвѣтилъ тотъ.

Онъ подошелъ къ постели и откинулъ ситцевый пологъ.

— Марья! окликнулъ онъ, ткнувъ ее въ плечо. — Ужинать давай.

— Ну те къ Богу! огрызнулась она.—Въ печи щи стоятъ, трескай самъ.

Она повернулась къ стѣнѣ и плотно уткнулась въ подушку.

Въ другое время Сергѣй, можетъ быть, обругалъ бы ее, но теперь онъ такъ былъ полонъ мыслями объ Иванѣ, что молча пошелъ въ кухню,

вынулъ изъ печи горшокъ жирныхъ щей, отрѣзалъ большой ломоть хлѣба и пошелъ въ узкую комнату, служившую имъ столовой и спальней сына.

— Въ гимназіи былъ? спросилъ отецъ.

— Былъ, сурово отвѣтилъ сынъ, не отрываясь отъ книги, которую онъ читалъ при тускломъ свѣтѣ небольшой керосиновой лампы.

Они помолчали.

— Надо на этой недѣлѣ деньги вносить за ученіе, прибавилъ онъ:—а то съ перваго числа нельзя ходить въ классы.

— Такъ не ходи, спокойно сказалъ отецъ, продолжая хлебать.

Мальчикъ поднялъ голову. Его сѣрые красивые глаза зло посмотрѣли на отца.

— А что же баринъ — нонче платить не будетъ? спросилъ онъ.

— Не знаю.

— Такъ кто же знаетъ? Къ нему надо сходить. Ты не пойдешь, я пойду. А только...

— Ну, чего сталъ,—договаривай.

— Тебѣ это удобнѣе: мнѣ какъ будто и не идетъ клянчить. Ты вѣдь «его» былъ.

— Коли я былъ «его», такъ вѣдь и ты такой же, замѣтилъ отецъ.

— Ну, а съ меня униженій довольно, сказалъ сынъ.

— Какихъ это еще униженій?

— Ты думаешь, мнѣ легко, что ты нищенствуешь на улицахъ? спросилъ сынъ; голосъ его задрожалъ, на глазахъ проступили слезы.—Легко мнѣ сидѣть въ классѣ? У всѣхъ матери и отцы есть, а у меня что? У меня товарищи спрашиваютъ: кто твой отецъ? Что мнѣ сказать?

— А ты скажи, проговорилъ Сергѣй:—что живетъ, молъ, своимъ капиталомъ. Ты думаешь, что все съ тобой аристократы учатся? У иного чиновника меньше, чѣмъ у насъ, достатка. Я не кланяюсь никому. Что я шапку во дворѣ передъ каждымъ снимаю, такъ я въ душѣ плюю на него. Очень мнѣ нужно: самъ я себѣ господинъ и ни въ комъ не нуждаюсь.

— Однако, вотъ ты за полугодіе не можешь заплатить за меня? не отставалъ мальчикъ.

— Поросенокъ ты! презрительно сказалъ отецъ. Да я захотѣлъ бы, за всѣ года впередъ могъ бы заплатить. А только не заплачу.

Онъ доѣлъ свою тарелку, перекрестился и утерся ладонью.

— Не куксись, сказалъ онъ:—завтра утромъ къ брату пойду. Поклонюсь, попрошу: «Сынку на ученіе пожертвуйте, благодѣтель. Гдѣ мнѣ, нищему, содержать его въ гимназіи».

Сынъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Отчего ты не хочешь, чтобъ я учился?

— Хочу. Только чтобъ не тому, чему тебя учатъ. Эта наука—господская, не для насъ.

фишенкомъ. Служить доводилось и
и посланникамъ, и господа не брезг
варивали со мной. Однакоже, на конк
битыя чашки драли. Что читать, п
блицу я маракую—то это самоучкой
и свое мѣсто въ жизни знать. Хожу
кой, потому что ничего не умѣю дѣл
ляръ я, ни сапожникъ, ни слесарь,
Въ лакеи не хотѣлъ идти, претитъ м
должность. Что я съ шарманкой поше
тутъ такого нѣтъ, отъ чего ты рыло
отецъ, молъ, нищій. А чего вотъ ты
дрешь,—ужъ не знаю.

— А куда жъ мнѣ? спросилъ сын

— Вотъ я тебя хоть сейчасъ писц
стокъ опредѣлю. И служи. Почеркъ
роцій. Доходы будешь получать. Из
скихъ участковъ люди выходятъ.

временемъ, дастъ Господь, возьму,—что жъ, помощь какая отъ тебя будетъ?

— Я тебѣ въ этомъ помогать не буду, нервно замѣтилъ сынъ.

— Не будешь? протянулъ отецъ.—Ну, а я тогда прокляну тебя. Слышалъ?

— Да кляни, мнѣ-то что!

Онъ ожидалъ, что отецъ, какъ всегда, не постѣснится дать ему затрещину, но, къ удивленію его, этого не было. Онъ говорилъ машинально, больше для порядка, чѣмъ по необходимости объясниться съ сыномъ: мысли его полны были чѣмъ-то другимъ.

Убравъ со стола, онъ сказалъ сыну:

— Завтра я не пойду на работу: пойду за Неву къ Веніамину Васильевичу. Не дастъ онъ денегъ—выходи изъ гимназіи. Я гроша не дамъ.

V.

Женя вышелъ въ коридоръ, куда выходили двери всѣхъ сосѣднихъ жильцовъ. Это было мѣстнымъ клубомъ,—сюда сходились всѣ обыватели толковать о дѣлахъ и сплетничать. Сюда же по праздникамъ выносились столы, стулья и табуреты, устраивались пирушки, такъ какъ галлерея была широкая. Теперь, по случаю поздняго времени, она была пуста, только въ воздухѣ чувствовался запахъ цикорнаго кофе, который жарила еще утромъ унтеръ-офицерша.

нихъ: они только недавно пріѣха
:вни къ началу ученья, квартира бь
5рана, но уже веселье неудержимой
:ливалось изъ комнаты въ комнату
зрывы хохота доносились изъ открыт
аружу.
Завистливыми глазами смотрѣлъ Ж
ь это широкое окно. Онъ завидовал
тору ихъ комнатъ, не этой бронзовоі
ампѣ, не фигурному самовару,—онъ з
ому веселью, что пріютилось тамъ. Д
икогда не улыбались, больше перег
і дрались. Обѣдъ, ужинъ — все это бы
:немъ, когда сходилась семья, шутя
какое-то животное насыщеніе жирнь
ымъ яствомъ. Сосѣди завидовали ихъ
звили, что выгодно, молъ, съ шарм
саться по дворамъ и каждый праздн
оэтому пироги съ ...

Женя стоялъ и думалъ: «Есть же люди, которые не дѣлаютъ изъ жизни вѣчной каторги, которые смотрятъ на все радостно, просто. Въ каждомъ днѣ они видятъ что-то хорошее, и это хорошее умѣютъ брать. У насъ все, даже самое праздничное, какъ-то скучно и тяжело; а тамъ, у инженера и будни веселы и праздничны. Пока жива была маленькая сестренка, какъ будто въ домѣ было свѣтлѣе. Но въ прошломъ году она умерла, и все потускло. Точно большой паутиной все подернулось. Вотъ эти инженерскія дѣти были въ деревнѣ, тамъ они ѣздили въ лодкахъ, на лошадяхъ, собирали грибы, зажигали костры, стрѣляли и пѣли. А я здѣсь все лѣто прожилъ. Ходилъ гулять на кладбище, къ сестрѣ на могилу, да катался на лодкѣ по заливу съ товарищами. Удилъ рыбу на взморьѣ,—вотъ и все. И удастся ли когда-нибудь мнѣ пожить лѣто въ деревнѣ на свободѣ, отдохнуть, ни о чемъ не думать?»

Сзади его скрипнула дверь, и послышались легкіе шаги. Онъ оглянулся. Это вышла ихъ маленькая сосѣдка Вѣрочка, дочь учителя, что жилъ рядомъ. Она была кудрявенькая, бѣлокурая, съ сѣрыми пухлыми глазками. При слабомъ свѣтѣ горѣвшаго на стѣнѣ фонаря, Женѣ показалось, что она заплакана.

— Что вы не спите? спросилъ онъ.

— Ни папы, ни мамы дома нѣтъ, отвѣтила

твенникъ. Только онъ не дастъ.

— Отчего?

— Оттого, что мама католичка, а апу православнаго. Отъ нея всѣ отка сли папа не достанетъ денегъ, такъ ель отнимутъ.

Она заплакала.

— Да вѣдь вашъ папа, сказалъ Ж учаетъ изъ гимназіи жалованье. От его денегъ нѣтъ?

— Я не знаю... отвѣтила она и высмо еужели люди такіе злые, что хотятъ бить, когда мы ничего, ничего дурно сдѣлали. Папа честный такой. Всѣ о онъ честный и хорошій. Мама бо икто не хочетъ помочь. Когда я буду кажется, всѣмъ буду помогать. Ка мнѣ придетъ, я все отдавать буд

— Я буду помѣщать бѣдныхъ въ пріюты, въ богадѣльни, службу доставлять, уроки.

— У васъ контора такая будетъ?

Женя затруднился отвѣтомъ.

— Нѣтъ не контора... Это я самъ.

— Значитъ, вы генераломъ будете? Генералы мѣста раздаютъ и въ богадѣльни помѣщаютъ.

— Нѣтъ, и генераломъ я не буду. Я статскимъ буду. Впрочемъ, не знаю, можетъ быть, я буду статскимъ генераломъ. Да этого не нужно. Главное, надо пользу приносить.

— А какъ вы будете приносить пользу? не отставала она.

— Я не знаю. Это нельзя опредѣленно сказать. Вотъ надо окончить учиться. Я думаю теперь въ инженеры пойти. Инженеры богатыми дѣлаются. Они мосты большіе строятъ. Вотъ, посмотрите, напротивъ инженеръ живетъ, какъ у нихъ хорошо.

— Да, я цѣлый день туда смотрю, сказала дѣвочка.—Ахъ, какъ чудно у нихъ, какъ чудно. Слушайте, Женя, когда вы будете большой, вы хотите такъ жить?

Онъ задумался.

— Да, пожалуй, сказалъ онъ.—А только я не знаю, безупречный ли онъ человѣкъ. Первымъ дѣломъ надо быть безупречнымъ.

— А какъ вы представляете себѣ, продолжала она спрашивать, не вслушиваясь въ его слова и

занятая развитіемъ своей мысли: — какъ вы представляете себѣ, что въ будущемъ вы будете жить... въ большой квартирѣ?

Онъ задумался.

— Я бы хотѣлъ писать ученыя книги, сказалъ онъ.—И чтобы у меня былъ большой кабинетъ и весь полный книгами. Я видѣлъ у одного господина... у Муравьина—онъ очень богатый, милліонеръ. У него такой кабинетъ,—и все книги разныя, въ сафьянныхъ переплетахъ. По срединѣ круглый столъ, и люстра въ три лампы. Онъ богатый,—онъ за меня въ гимназію платитъ, такъ я хожу иногда благодарить его.

Ему вдругъ вспомнилось, какъ онъ подходитъ каждый разъ къ рукѣ Веніамина Васильевича, и ему стало противно объ этомъ вспомнить.

— А мнѣ кажется такъ, заговорила Вѣрочка.—Будто у меня будетъ большая дача—комнатъ двадцать. И много дѣтей, очень много.

— Все ваши? спросилъ Женя.

Вѣрочка какъ будто запнулась.

— Все равно, отвѣтила она: — все равно чьи, только ихъ много-много. И всѣ они шалятъ и играютъ. А я будто хожу въ широкой такой блузѣ изъ муслинъ-де-лена и варю варенье въ саду на таганѣ. И снимаю пѣнки,—дѣти просятъ, а я имъ не даю до обѣда. А потомъ всѣ идутъ купаться и садятся обѣдать. И за обѣдомъ красная редиска и сардинки. Обѣдаютъ на балконѣ,

на столѣ стоятъ цвѣты, въ саду тоже цвѣты. Послѣ обѣда всѣ катаются и гуляютъ.

— А когда же учатся? иронически спросилъ Женя.

— Лѣтомъ не учатся, возразила Вѣрочка.— Учатся зимою. Зимою съ половины восьмого утра самоваръ кипитъ, и всѣхъ я пою кофеемъ, кормлю бѣлымъ ситнымъ хлѣбомъ, съ масломъ и ветчиной. Потомъ всѣ идутъ въ классы...

Она долго рисовала картину широкой привольной жизни, гдѣ всѣ безъ исключенія сыты, заняты, учатся, ѣдятъ, шалятъ—и всѣ счастливы и довольны. Женя слушалъ ее полумашинально и вдругъ остановилъ ее:

— Постойте, Вѣрочка. Что мнѣ въ голову пришло. Пока вашего папы нѣтъ, скажите: ему много денегъ надо?

— Много. Кажется, рублей триста.

— Вы не выдавайте меня? Я помогу ему.

Она даже перекрестилась.

— Вотъ, ей-Богу, не выдамъ.

— Скажите папѣ, чтобъ онъ попросилъ у моего отца. Онъ дастъ подъ проценты,—подъ большіе проценты, но дастъ.

Вѣрочка была поражена.

— Какъ же такъ, Женичка, сказала она:— вѣдь нашъ отецъ нищій?..

Она вдругъ вспыхнула, что у нея вырвалось такое слово.

— Нищій, улыбаясь, сказалъ онъ: — ну, да, онъ на улицахъ играетъ, и приноситъ въ домъ много денегъ, и даетъ ихъ подъ проценты.

— Онъ, значитъ, ростовщикъ? спросила она.

— Да, онъ и ростовщикъ, подтвердилъ Женя.— Завтра онъ поздно уйдетъ изъ дома,—онъ съ шарманкой на работу не пойдетъ. Скажите, чтобъ папа пошелъ къ нему, скажите, что я вамъ сказалъ это, что онъ деньги даетъ. Только чтобъ ради Бога онъ отцу моему не проговорился, что это отъ меня.

— Нѣтъ, я скажу папѣ... живо сказала дѣвочка.

По лѣстницѣ кто-то взбѣжалъ, звонко стуча опорками. Подростокъ-мастеровой, въ пестрядинномъ халатѣ, съ мышинымъ лицомъ, выпачканнымъ и на лбу, и на щекахъ, хотѣлъ прошмыгнуть мимо нихъ, да вдругъ остановился.

— Здѣсь, что ли, живетъ Сергѣй Новиковъ? спросилъ онъ.—Безпремѣнно сейчасъ мнѣ нуженъ.

— Онъ спитъ, отвѣтилъ Женя.

— Безпремѣнно, спрашиваетъ его барыня внизу, чтобъ сейчасъ шелъ.

— Барыня? удивился Женя и, сказавъ Вѣрочкѣ: «такъ прощайте, смотрите, не выдайте», пошелъ къ отцу.

VI.

Сергѣй еще не ложился. Услышавъ что его спрашиваетъ барыня, онъ закусилъ губу.

«Ужъ не Надежда ли Васильевна прискакала?» подумалъ онъ и, быстро накинувъ пальто, вышелъ въ коридоръ.—«Больше некому!»

Мальчикъ ждалъ его.

— Пожалуйте скорѣе, проговорилъ онъ: — барыня ждетъ.

— Старая? спросилъ Сергѣй, слѣдуя за нимъ.

— Тамъ сами увидите, очень просилъ онъ торопиться.

— Кто?

— Мужчина. Велѣлъ сказать, что барыня.

«Никто, какъ Иванъ», рѣшилъ шарманщикъ.

Мальчикъ вывелъ его на улицу и повелъ его за уголъ, мимо запертыхъ лавокъ.

— Вонъ, показалъ онъ на стоявшую подъ фонаремъ фигуру въ шинели.

Фигура зашевелилась, отодвинулась отъ столба и пошла къ нему навстрѣчу. Это былъ Иванъ.

— На! сказалъ онъ, суя монету подмастерью.— Бѣги!

Иванъ былъ блѣденъ. Онъ весь дрожалъ. При ровномъ свѣтѣ фонаря ясно было видно его вытянувшееся, посинѣлое лицо.

— Чего ты? спросилъ Сергѣй.

— Готово, отвѣтилъ онъ.

синей сахарной бумаги, обвяз
— Прячь.
Сергѣй заложилъ руки за с
— Скажи что, иначе не возь
именные билеты. Я еще въ Сиб
Онъ чувствовалъ, что дрож
брата, сообщается и ему. Под
дрожалъ,
— Песъ ты! сказалъ Иван
свертокъ на тротуаръ. — Коли н
такъ пусть здѣсь валяется.
Онъ повернулся и пошелъ въ
Сергѣй посмотрѣлъ по сторона
вокругъ, только гдѣ-то дребезжа
наклонился и поднялъ пакетъ.
«Чортъ, не спрячешь его», ду
Руки его тряслись, онъ едва
веревки.
Онъ пошелъ ...

Я сейчасъ позову городового? И поведутъ тебя вмѣстѣ со мной. Хочешь?

Сергѣй, блѣдный, дрожащій, стоялъ передъ братомъ.

— Да скажи ты толкомъ, какъ ты взялъ это?... спросилъ онъ.

— Какъ взялъ, такъ и взялъ, хохоча, отвѣтилъ Иванъ.—А зачѣмъ ты поилъ меня? Зачѣмъ?

Онъ взялъ брата за воротъ и встряхнулъ его.

— Ты думаешь, черти тебя не спросятъ объ этомъ? Спросятъ! Спросятъ!

Онъ повозилъ его изъ стороны въ сторону, такъ что воротникъ затрещалъ.

Потомъ онъ еще разъ засмѣялся и бѣгомъ перебѣжалъ на другую сторону улицы. Его тѣнь мелькнула разъ или два между фонарями и скрылась.

Сергѣй постоялъ и посмотрѣлъ на свертокъ.

— Не донесетъ! сказалъ онъ. — Вотъ охота въ петлю лѣзть.

Подойдя къ фонарю, онъ внимательно посмотрѣлъ на синюю бумагу.

— Можетъ, убилъ онъ ее, — съ чего его трясетъ такъ?

Но слѣдовъ крови нигдѣ не было. Онъ успокоился и направился къ дому. Онъ рѣшилъ не дотрогиваться до свертка. Коли придетъ полиція — сказать: «далъ братъ, что̀—не знаю». А если до утра никто не придетъ, то утромъ унести его изъ дома.

У воротъ дворника не было: онъ тушилъ на лѣстницахъ огонь. Сергѣй радъ былъ темнотѣ и повторялъ про себя: «Спроситъ кто встрѣчный, зачѣмъ ходилъ?—скажу за спичками въ лавочку: мелочная еще открыта».

Въ его коридорѣ тоже фонарь уже былъ потушенъ. Дверь не заперта. Женя, раздѣтый, лежалъ у себя на диванѣ, жена попрежнему храпѣла за занавѣской.

Онъ пощупалъ свертокъ; но сквозь толстую бумагу нельзя было разобрать, что тамъ завернуто. Онъ хотѣлъ развязать веревку, но осторожность превозмогла. Онъ сунулъ его подъ кровать.

— Пускай до утра тутъ лежитъ, рѣшилъ онъ.

Онъ раздѣлся и легъ. Голова была тяжела отъ пива. Непривычная боязливость охватывала его. Онъ ко всему прислушивался, къ каждому шороху и звуку.

«Дуракъ вѣдь Ванька, дуракъ»! думалъ онъ: «ничего никогда не умѣлъ сдѣлать. Что онъ тамъ наговорилъ,—втравитъ меня...»

Ему показалось, что кто-то стукнулъ въ окно кухни. Онъ быстро вскочилъ, подбѣжалъ къ окну: тамъ никого не было. Онъ отперъ дверь, заглянулъ въ коридоръ.

— Иванъ, ты? спросилъ онъ.

Отвѣта не было.

Онъ успокоился, заперъ дверь и вернулся на кровать.

— Главное, въ чемъ же вина моя? разсуждалъ онъ.—Братъ пришелъ, далъ мнѣ свертокъ и не сказалъ даже, что тамъ. Бросилъ на панель и ушелъ. А я подошелъ, вотъ и вся моя вина. Берите,—нуженъ мнѣ, нешто, пакетъ.

— Чего ты не спишь? спросила его жена.— Ворочается, какъ медвѣдь.

Онъ началъ постепенно дремать. Сперва какъ будто какое спокойствіе охватило его, и онъ ничего не видѣлъ и не слышалъ. Потомъ кто-то сталъ говорить надъ ухомъ, говорить и смѣяться. Голосъ у него спрашивалъ:

— А ты знаешь, что у тебя подъ кроватью?

— Знаю, отвѣчалъ онъ кому-то.—Свертокъ синій.

— А что въ сверткѣ, знаешь?

— Нѣтъ.

Кто-то вдругъ началъ хохотать рѣзко, визгливо.

— Ты видѣлъ, какой онъ? Круглый?

— Видѣлъ.

— А что бываетъ круглое?

Ужасъ началъ подступать къ нему, охватилъ грудь, сдавилъ горло. А надъ постелью все смѣялись.

— Голова тамъ старухи, голова! говорили ему.— Встань—посмотри, встань—посмотри!

Онъ сорвался съ постели и схватилъ обѣими руками свертокъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, такая голова не бываетъ, радостно сказалъ онъ.

— Гдѣ ты такъ нахлестался? спросила его жена. — Чего ты колобродишь?

— Спи! посовѣтовалъ ей мужъ, пошелъ къ кадкѣ, черпнулъ ковшомъ воду и намочилъ себѣ темя и виски.

«Зачѣмъ я держу его подъ постелью»? сообразилъ онъ. «Оберну его въ другую бумагу и положу въ комодъ. Пусть лежитъ тамъ».

И онъ положилъ его туда.

VII.

Въ началѣ девятаго Женя ушелъ въ гимназію. Сергѣй былъ сосредоточенъ и все поджималъ губы.

— Гдѣ это тебя вчера такъ угораздило? спросила его жена.

Сергѣй посмотрѣлъ на нее.

— Я не спрашиваю, съ чего ты пьяна была, отвѣтилъ онъ. — Меня братъ угощалъ. Онъ отъ генеральши отходитъ.

— И глупъ, рѣзко сказала она.

— Знаю, что глупъ.

Въ окно постучали. Онъ вздрогнулъ. Жена пошла отворять. Это — сосѣдъ-учитель, господинъ Липинъ, прислалъ кухарку, спрашивалъ, не можетъ ли онъ видѣть по дѣлу Новикова.

— Какое такое у него ко мнѣ дѣло? сказалъ, хмурясь, Сергѣй. — Скажите, сейчасъ приду.

Оказалось, что господинъ Липинъ самъ сюда

придетъ, такъ какъ дома у себя говорить они не могутъ.

Сергѣю это не понравилось, но препятствовать посѣщенію онъ не счелъ удобнымъ. Одѣтъ онъ былъ уже для того, чтобъ идти къ Веніамину Васильевичу, и съ этой стороны ему принять гостя было не стыдно.

Вошелъ небольшой человѣкъ, сѣденькій, хотя еще не старый, въ черномъ сюртукѣ и съ орденомъ на шеѣ. Въ глазахъ у него было какое-то безпокойство, но смотрѣлъ онъ весело.

— Вы господинъ Никоновъ? спросилъ онъ.

— Я Новиковъ, отвѣтилъ Сергѣй.

— Вашъ сосѣдъ, учитель географіи, дворянинъ Липинъ.

— Извольте садиться. Что прикажете?

Онъ ловкимъ движеніемъ прежняго лакея пододвинулъ ему стулъ и сталъ въ вытянутой позѣ.

— А вы, почтеннѣйшій, что же? Присядьте и вы, предложилъ гость.—Мнѣ неудобно, если вы будете стоять передо мною такимъ монументомъ. Садитесь. Вѣдь не вы ко мнѣ, а я къ вамъ имѣю дѣло, слѣдовательно, вамъ чиниться нечего.

— Ничего-съ, мы постоимъ, отвѣтилъ Сергѣй:— намъ въ привычку.

— Ну, какъ хотите: на колѣнкахъ просить не буду.

Сергѣй слегка облокотился на столъ и сталъ въ выжидательной позѣ.

— Извольте видѣть, господинъ Никоновъ или Никаноровъ, какъ васъ тамъ зовутъ. Поручился я за своего пріятеля, тоже учителя, по векселю. А онъ—ужасно неблагодарное животное—взялъ да и умеръ до срока. Деньги взяты у одной добродѣтельной вдовы-чиновницы, женщины донельзя глупой и подлой. Теперь она вексель этотъ протестовала и, не внимая ничему, желаетъ описывать мое имущество,—такъ какъ денегъ у меня нѣтъ ни одного пенса. А надо вамъ сказать, что съ директоромъ моего учебнаго заведенія я разругался и ушелъ, такъ что казеннаго мѣста у меня пока нѣтъ, а есть только уроки частные, въ частныхъ гимназіяхъ. Такъ вотъ по этому поводу, почтеннѣйшій, я пришелъ къ вамъ.

— Это бываетъ-съ, съ улыбкой замѣтилъ хозяинъ:—это часто бываетъ, что для уплаты денегъ нѣтъ. Тогда придется въ первую роту вамъ сѣсть, въ домъ Тарасова. Это недалеко отсюда-съ. Тамъ неплатящіе должники содержатся.

— Это, почтеннѣйшій, я безъ васъ знаю. И, представьте, именно этого и не хочу, объяснилъ Липинъ. — Мнѣ гораздо пріятнѣе заплатить долгъ.

— Конечно-съ, это много пріятнѣе, согласился шарманщикъ. — Однако, чѣмъ же я вамъ могу помощь оказать?

— А слышалъ я, почтеннѣйшій, будто вы деньги подъ проценты даете. Вотъ и пришелъ.

Вы не конфузьтесь, сдерите процентъ большой, потому что у меня нужда.

Сергѣй прищурился.

— А отъ кого же, сударь, изволили слышать насчетъ того, что я деньги въ ростъ даю?

— Слышалъ я отъ какого-то господина въ банѣ, сказалъ Липинъ: — только вотъ лица не могъ разобрать—все въ мылѣ было.

— Хе-хе! усмѣхнулся Сергѣй. — Балагуръ, ваше высокородіе. А только вашъ господинъ въ мылѣ вретъ. Ежели еще разъ встрѣтите и признаете его, такъ можете за ложь въ лицо плюнуть.

— И какъ это удивительно, заговорила жена Сергѣя, появляясь въ дверяхъ съ засученными рукавами и кухоннымъ полотенцемъ на плечѣ.— Благородный учитель, и не имѣетъ трехсотъ рублей въ домѣ. Слыхала я, тутъ приставъ ходилъ,— небель вашу описывать будетъ. И какъ это вамъ не совѣстно ходить къ шарманщику, да еще съ орденомъ,—деньги занимать?

— Грабить стыдно, сказалъ Липинъ:—а занимать деньги—какой же стыдъ, если ихъ у меня нѣтъ, а у другого есть?

— А какое же обезпеченіе ваше? вдругъ спросилъ Сергѣй.

— Кабы у меня было, другъ любезный, обезпеченіе, сказалъ учитель:—я бы нашелъ гдѣ денегъ достать. А вы мнѣ вотъ безъ обезпеченія

заложите ихъ. А только скажите, сколько вы съ меня слупите до новаго года процентовъ? Почемъ въ мѣсяцъ?

Сергѣй пожевалъ губами. Лицо его приняло плотоядное выраженіе.

— Помѣсячно неудобно-съ, сказалъ онъ. — А ужъ будемъ такъ говорить: я на свой счетъ весь залогъ возьму, а вы ужъ такъ, кругленькой цифрой, сто рубликовъ...

Липинъ покачалъ головой.

— Ахъ ты, несчастный! сказалъ онъ.—Вѣдь это ужъ семь шкуръ будетъ, а не одна. Значитъ, ты мнѣ только двѣсти рублей даешь?

— Зачѣмъ же-съ? Я дамъ вамъ триста, а вы мнѣ векселекъ въ четыреста.

— Клопъ ты, вотъ что! проговорилъ Липинъ.

— Что же это вы ругаетесь? завизжала Марья.— Пришелъ въ чужой домъ просить, да еще ругается. Ищите въ другомъ мѣстѣ!

— Скажи, чтобъ она замолчала! приказалъ ему Липинъ.

— Цыцъ! крикнулъ Сергѣй, топнувъ ногой.

Марья юркнула въ кухню. Липинъ пошелъ къ выходной двери.

— Можетъ, скинете что? спросилъ онъ, поворачиваясь къ слѣдовавшему за нимъ хозяину.

— Не могу-съ, вздохнувъ, отвѣтилъ онъ.— Подумайте-съ, поищите, не найдете, — я все

готовъ къ вашимъ услугамъ. И условія не измѣню. До завтра ждать буду-съ.

— Я съ женой поговорю, сказалъ Липинъ и, остановясь на порогѣ, лукаво прибавилъ:

— А тотъ-то, въ мылѣ, не совралъ насчетъ ростовщичества?

Сергѣй ухмыльнулся и ничего не отвѣтилъ.

VIII.

Черезъ полчаса, когда онъ спускался съ лѣстницы, дверь учительской квартиры отворилась, и голова Липина высунулась въ щель.

— Чортъ съ вами, согласенъ, принесите вексельной бумаги, крикнулъ онъ.

— Тогда я ворочусь домой за билетами? сказалъ Сергѣй.

— Куда хотите, почтеннѣйшій кровопійца, куда хотите, хотя въ арестантскія роты сходите за вашими билетами.

На рябомъ лицѣ Сергѣя не отразилось обиды, оно было неподвижно, какъ у сфинкса. Онъ повернулъ назадъ, покопался въ комодѣ и тою же ровною походкой вышелъ изъ дома.

Онъ чувствовалъ какую-то особенную легкость въ тѣлѣ: точно его несло по воздуху. Онъ вообще не привыкъ ходить днемъ по улицѣ безъ шарманки, и отсутствіе привычной ноши пріятно чувствовалось въ свободѣ движеній. «Они, небось,

и не чувствуютъ», думалъ онъ, смотря на прохожихъ: «что имъ потому такъ свободно, что нѣтъ на нихъ шарманокъ: а вотъ повѣсить имъ по ящику, не такъ бы забѣгали». Потомъ его радовало сознаніе, что никто не пришелъ въ теченіе ночи, и, значитъ, Иванъ ничего особенно не наглупилъ. Теперь вчерашній свертокъ былъ съ нимъ, и онъ несъ его за Неву, къ Веніамину Васильевичу, рѣшивъ спрятать его гдѣ-нибудь въ подвалѣ его огромнаго дома. Онъ родился тамъ, и ему были знакомы каждая щель и закоулокъ. Слуги его знали и проникнуть въ подвалъ, подъ какимъ-нибудь предлогомъ, было нетрудно. А тамъ въ одномъ мѣстѣ былъ кирпичъ, имъ самимъ вывернутый, куда, еще лѣтъ двадцать пять тому назадъ, онъ откладывалъ гроши и копейки, стащенныя тутъ и тамъ въ господскомъ домѣ.

Онъ не торопился за Неву: онъ зналъ, что до двухъ часовъ Муравьинъ спитъ, и все равно его не добьешься. Онъ зашелъ въ мѣняльную лавку справиться о курсѣ на выигрышные билеты и, кряхтя, началъ закладывать, говоря, что обѣщалъ услужить пріятелю. Дойдя до Невы, онъ нанялъ за гривенникъ отдѣльнаго лодочника, не желая ѣхать за двѣ копейки съ посторонними пассажирами, и осторожно поставилъ на колѣни свертокъ.

— Ну, смотри, не переверни, вахлакъ, предостерёгъ онъ.

Сергѣй былъ доволенъ и тѣмъ, что явился новый должникъ. Не говоря уже о ста рубляхъ процентовъ, онъ и тутъ дѣйствовалъ по какому-то инстинкту: ему казалось, что теперь нельзя озлоблять людей, а надо, чтобъ временно всѣ были имъ довольны. Онъ даже рѣшилъ, что возьметъ съ Липина процентовъ не сто, а только девяносто, и вексельную бумагу приметъ на свой счетъ. Ему еще легче стало на душѣ, когда онъ почувствовалъ себя благодѣтелемъ нуждающагося, и даже на глазахъ проступили слезы.

Домъ Муравьина — была колоссальная постройка эпохи Павла. Онъ нѣсколько напоминалъ Таврическій дворецъ: такія же были здѣсь колонны, длинныя, растянутыя крылья фасада и большой куполъ надъ центральнымъ зданіемъ. Стоялъ домъ въ огромномъ паркѣ, гдѣ были и озера, и гроты, и памятники, и искусственныя развалины, и воздушный театръ, и всевозможные храмы. Теперь все это разрушалось и принимало видъ дѣйствительныхъ развалинъ. Статуи стояли безъ головъ: у Аполлона Бельведерскаго не было даже ноги, но онъ довольно стойко балансировалъ на одной. Въ храмѣ розъ провалился потолокъ, и доски, съ вывороченными гвоздями, грудами лежали и полувисѣли среди колоннъ. [illegible]ки, повисшіе черезъ ручьи, тоже развали[illegible] да и сами ручьи почему-то пересохли и [illegible]ли [illegible]ко во время ливней сточными ка-

навами. Обелискъ съ голубемъ мира на вершинѣ лишился и самого голубя, и бронзоваго шара, на которомъ онъ сидѣлъ: вѣроятно, досужій работникъ снесъ его на рынокъ и получилъ за него, по крайней мѣрѣ, на недѣльку выпивки.

Зато садъ, почти предоставленный самъ себѣ, разросся теперь въ превосходный паркъ. Липа любитъ петербургскій сырой воздухъ, и ея темные шершавые стволы красивыми изгибами вознеслись на огромную высоту и зазеленѣли сердцевидными пахучими листами. Клены особенно хороши были въ сентябрѣ, когда всѣ, ярко пурпурные, съ золотымъ отливомъ, отогрѣвались на солнцѣ послѣ обжоговъ злого утренника. Дубки еще были сравнительно молодые—было имъ лѣтъ по семидесяти,—отведено имъ было свободное мѣсто на полянкѣ. Акаціи тоже поднялись высоко, образуя изъ дорожекъ цѣлые туннели. Шиповникъ разросся особенно игриво и усыпалъ своими блѣдно-розовыми лепестками сосѣдній лужокъ, поросшій цикоріемъ и куриной слѣпотой. Ближе къ дому росла сирень, а передъ главнымъ фасадомъ еще поддерживались куртины, гдѣ цвѣли маргаритки, камеліи, петуніи, огненныя настурціи, горошекъ и резеда. Въ сторонѣ росли штокъ-розы и георгины. Но и въ садъ почти никто не выходилъ: послѣдній изъ Муравьиныхъ доживалъ вѣкъ въ домѣ, любилъ тепло даже лѣтомъ, и иногда только заходилъ въ

оранжереи, гдѣ воспитывались ананасы и персики,—любимые его плоды.

Домъ тоже ветшалъ. Въ средней залѣ потолокъ потемнѣлъ, и Фебъ, ѣхавшій по облакамъ на колесницѣ, еле былъ замѣтенъ: ржавое пятно отъ дождей стало расползаться отъ гривистой головы его пѣгаго коня, съѣло его спину, задѣло самого Феба и уничтожило голову нимфы, бѣгущей у самаго колеса. Роспись стѣнъ съ барабанчиками, свирѣлями и ленточками тоже поблекла,—черезъ нихъ пробѣжали трещины, подъ карнизами завелись пауки. Прислуги, попрежнему, былъ цѣлый штатъ, но убирали только ту половину, гдѣ жилъ баринъ, а вообще домъ убирался рѣдко—развѣ передъ Рождествомъ и Пасхой. Съ тѣхъ поръ, какъ состояніе Муравьина пошатнулось, здѣсь не давалось болѣе прежнихъ празднествъ; а если собиралось когда двадцать-тридцать человѣкъ на ужинъ или обѣдъ, то это было только слабое напоминаніе о тѣхъ фестиваляхъ, которые нѣкогда давались здѣсь отцомъ и дѣдомъ Веніамина Васильевича.

IX.

Веніаминъ Васильевичъ всегда былъ доволенъ, когда прежніе крѣпостные приходили къ нему: иногда у него даже навертывались слезы умиленія; онъ видѣлъ въ посѣщеніи ихъ какой-то

«залогъ той сердечной связи, которая присуща всему человѣчеству, даже на низшихъ стадіяхъ». Онъ любилъ повторять это выраженіе своимъ друзьямъ, говоря, что по мѣрѣ силъ выдаетъ прежнимъ слугамъ субсидіи. Впрочемъ, субсидіи эти выражались въ томъ, что онъ выдавалъ своей старой кормилицѣ пятнадцать рублей ежемѣсячно и платилъ за ученіе Жени, который числился его крестникомъ. Сергѣй потому только не настаивалъ рѣзко на уходѣ сына изъ гимназіи, что надѣялся на получку чего-нибудь по духовному завѣщанію, когда Веніаминъ Васильевичъ умретъ.

Сергѣй просилъ о себѣ доложить. Его тотчасъ же провели въ бильярдную, гдѣ Веніаминъ Васильевичъ каждое утро игралъ одинъ для моціона, по совѣту доктора. Увидѣвъ Сергѣя, онъ посмотрѣлъ на него однимъ глазомъ черезъ монокль, сказалъ: «а это ты», и, повалившись всѣмъ своимъ извилистымъ худымъ тѣломъ на бильярдъ, «сдѣлалъ въ среднюю».

— Ну, что ты?—спросилъ онъ и, взявъ кій на плечо, сталъ зорко высматривать, что бы еще положить въ лузу. На немъ были оленьи туфли, тужурка изъ оленьяго сукна и панталоны въ широкую клѣтку. На столѣ стояла бутылка съ хересомъ. Веніаминъ Васильевичъ пилъ его съ утра, какъ только вставалъ, вмѣсто чая, и пилъ безъ перерыва весь день, постоянно прихлебывая

а кончикѣ носа собесѣдника. Свободное
сего онъ бывалъ въ бильярдной.

— Осмѣлюсь безпокоить насчетъ вашего
ика, началъ съ выдержанной почтительн
ергѣй.

— А что, умеръ? внезапно спросилъ
авьинъ.—Да, да, я слышалъ.

— Нѣтъ-съ, онъ живъ. Я насчетъ пла
имназію.

— Неужели живъ? удивился баринъ
оздравляю, очень радъ. Кто же мнѣ с
то онъ умеръ?

Онъ щелкнулъ по шару и, вытянувъ
мотрѣлъ, какъ тотъ медленно катился к

— Ну, еще, еще маленечко, еще пол
етра! шепталъ онъ.

Шаръ мягко упалъ въ вязаный колпа

— Бацъ! подсказалъ онъ и подпрыгн
осках.

— Да, я тоже никуда не выхожу, подтвердилъ Веніаминъ Васильевичъ.—Мы всѣ очень слабые. А вѣдь мнѣ немного лѣтъ. Ты знаешь мнѣ всего пятьдесятъ два года? Что? Это развѣ года? У меня сѣдыхъ волосъ нѣтъ.

— Отчего не женитесь, Веніаминъ Васильевичъ? съ фамильярнымъ укоромъ прежняго двороваго сказалъ Сергѣй.—Самый разъ вамъ теперь жениться.

— Невѣстъ подходящихъ нѣтъ,—морщась, возразилъ онъ.—На шушерѣ какой-нибудь я не женюсь, а... Ну, да, впрочемъ, тебѣ нѣтъ до этого дѣла. Я удивляюсь, кто тебѣ далъ право мнѣ совѣты давать...

— Помилуйте, батюшка, развѣ я осмѣлюсь—совѣты. А какъ прежній преданный рабъ...

— У тебя есть шарманка, и верти ручку,—и больше никто отъ тебя ничего не требуетъ.

— Шарманка—кормилица, что говорить! подтвердилъ Сергѣй.

Веніаминъ Васильевичъ вдругъ расчувствовался.

— Вотъ, видишь ли ты, сказалъ онъ:—видишь, какое я тебѣ благодѣяніе сдѣлалъ. Чувствуешь ли ты?.. Такую итальянскую шарманку тебѣ отдалъ! Что она была заплачена! Теперь ты — рантье.

Рантье только повелъ носомъ, но ничего не отвѣтилъ.

Въ бильярдную вошелъ безъ доклада толстый, обрюзглый человѣкъ, съ мясистыми красными щеками, жирнымъ носомъ, безпорядочными клоками сѣдѣющихъ волосъ на головѣ и бородой-лопатой; это былъ поэтъ—Кремневъ. Если отецъ Веніамина Васильевича держалъ у себя приживалкой генерала, то сынъ его пошелъ дальше и держалъ при себѣ писателя. Правда, писатель былъ не изъ первостепенныхъ, но все-таки его печатали и даже была выпущена имъ книжка стихотвореній.

— Здравствуй, хрипло сказалъ онъ хозяину, протянулъ ему руку и молча сѣлъ къ окну, выходящему въ садъ, пыхтя и отдуваясь.

— Что ты такой? спросилъ Веніаминъ Васильевичъ.

— Поясницу ломитъ.

— Пьешь много.

— Остановиться не могу, вредно.

Онъ налившимися кровью глазами глядѣлъ въ окно. Опять защелкали шары. Новиковъ стоялъ неподвижно и смотрѣлъ, какъ ловко прицѣливался баринъ и какъ смѣло и увѣренно давалъ ударъ кіемъ.

— У меня поясница не болитъ, спустя нѣкоторое время сказалъ Веніаминъ Васильевичъ:— и знаешь, отчего не болитъ? Оттого, что я упражняюсь съ шарами. Иногда не хочется, но я смотрю на это, какъ на обязанность.

Поэтъ тупо посмотрѣлъ на него.

— У меня не такая комплекція, какъ у тебя, сказалъ онъ, потирая поясницу. — Какъ я на бортъ налягу животомъ? Ты меня всегда обыграешь: будешь выгонять шаръ на середину. Это что у тебя? внезапно прибавилъ онъ, показывая пальцемъ на синій свертокъ, положенный на полъ у ногъ Новикова.

По лицу Сергѣя точно проэмѣилась судорога.

— Это—пакетъ, отвѣтилъ онъ.

— Вижу, что пакетъ, а что въ немъ? раздраженно спросилъ Кремневъ.

— Ничего-съ, такъ,—блѣднѣя, сказалъ шарманщикъ.

Писатель отвернулся, и опять всѣ замолчали.

— Хочешь хереса? спросилъ у него хозяинъ.

Тотъ потрясъ отрицательно головой.

— До обѣда—ни капли, сказалъ онъ. — Зато ужъ послѣ обѣда...

Онъ не договорилъ и опять сталъ смотрѣть въ цвѣтникъ.

— Отчего у тебя нѣтъ фазановъ? внезапно спросилъ онъ.

— Фазановъ? удивился Веніаминъ Васильевичъ.—Какихъ фазановъ?

— Обыкновенныхъ, съ хвостомъ. Гуляли бы здѣсь по саду, красиво бы было.

— Здѣсь прежде были павлины, задумчиво отвѣтилъ Муравьинъ.

— Что такое павлины! разсердился писатель.— Я тебѣ говорю о фазанахъ! Фазанъ—птица благородная. А павлинъ — что въ немъ толку! Фазана съѣсть всегда можно. Павлинъ однимъ крикомъ сведетъ съ ума. Фазанъ на фонѣ зелени удивителенъ. Понимаешь, это опереніе: и золото, и пурпуръ, и ляписъ-лазурь, и изумрудъ. Ну, что твои цвѣтники передъ фазаномъ? Что-то фантастическое въ этой птицѣ.

— Можно купить, процѣдилъ сквозь зубы Веніаминъ Васильевичъ и сталъ нацѣливаться въ шаръ на другомъ концѣ сукна.

На этотъ разъ молчаніе не прерывалось минутъ пять. Часы въ огромномъ футлярѣ щелкали изъ своего угла, какъ будто выговаривая: «Какъ тихо! какъ тихо! какъ тихо!»

Новиковъ переступилъ съ ноги на ногу.

— Веніаминъ Васильевичъ, заговорилъ онъ:— осмѣлюсь напомнить.

— О чемъ, любезный? удивился баринъ.

— Насчетъ взноса за ученіе крестника.

— А, да! вспомнилъ онъ.—Ну, что жъ, хорошо.

— Кто-то ѣдетъ на извозчикѣ, въ ворота повернулъ, сказалъ Кремневъ, смотря сквозь листву·

— На извозчикѣ? сморщился хозяинъ.—Я думаю, никого не примутъ.

Вдали послышался неясный шумъ. Вошелъ камердинеръ.

— Флоренса Карловна пріѣхала, доложилъ онъ.

— Ахъ, Боже! воскликнулъ Веніаминъ. Васильевичъ.—А я не одѣтъ. Извинись, скажи, что я не одѣтъ, что не могу.

— Онѣ говорятъ, что необходимо видѣть: очень разстроены.

— Ахъ, Боже мой, повторилъ онъ.—Кремневъ, прими, пожалуйста, миссисъ Финчъ. Скажи, что я...

Онъ показалъ на свои оленьи туфли.

— Проведи ихъ въ кабинетъ, прибавилъ онъ камердинеру и обратился къ Новикову:

— А ты, Сергѣй, зайдешь завтра. Ты получишь все, что слѣдуетъ. Но только завтра. Слышишь? Теперь ступай. Я долженъ принять миссисъ Финчъ.

И, быстро шлепая туфлями, онъ побѣжалъ къ себѣ въ уборную, велѣвъ приходить туда камердинеру.

X.

Новиковъ поднялъ съ полу синій свертокъ и вышелъ за дверь, бормоча: «Есть мнѣ время ходить къ тебѣ каждый день, какъ же!»

На дворѣ онъ пріостановился, обдумывая, какъ бы лучше исполнить свое предпріятіе. Потомъ онъ пошелъ къ флигелю, гдѣ жилъ управляющій домомъ Веніамина Васильевича, съ которымъ былъ въ недурныхъ отношеніяхъ, по старой памяти: еще будучи кофешенкомъ, онъ таскалъ для почтеннаго Русика Ивановича сигары изъ

въ томъ, что декорацiи отъ упразднен
уже театра сложены въ подвалъ, и что
онѣ никому не нужны, а холстъ нѣмец
хорошiй, то нельзя ли ему воспользо
шинчиковъ десятокъ отрѣзать отъ
куска; хотѣлось ему дома обить оди
чокъ, а зачѣмъ же покупать, когда м
тись безъ этого? Все одно—валяется

Русикъ Ивановичъ разрѣшилъ нем
подозвавъ пробѣгавшаго мимо казачка,
ему проводить Сергѣя Новикова въ п
жегши предварительно фонарь,—и та
гѣй Новиковъ долженъ отрѣзать кусо
такъ, чтобы это было безъ препятстві

Казачокъ зажегъ фонарь и пригласи
Ивановича идти за нимъ. Они спус
подвалъ и пошли между каменныхъ ус

При слабомъ свѣтѣ фонаря можно было различить кусокъ голубого неба, верхъ дерева и какую-то колонку съ мраморнымъ амуромъ. Подвалъ былъ сухой, и декораціи хорошо сохранились. Говорили, что нѣкоторыя были писаны болѣе полувѣка назадъ знаменитымъ Гонзаго, который былъ приглашенъ въ Петербургъ, какъ первый декораторъ, для самой императрицы. Когда-то дѣдъ Веніамина Васильевича ставилъ пастеральную оперу,—и дивной красоты перспективы были написаны этимъ художникомъ. Всего только одинъ разъ и видѣли ихъ: на торжественномъ спектаклѣ, въ присутствіи высочайшихъ особъ. А потомъ, какъ свернули ихъ, такъ онѣ и остались въ темномъ углу подвала. И только теперь Сергѣй Новиковъ, съ удивленіемъ замѣтивъ, что холстъ нигдѣ не прогнилъ, выбиралъ, какую бы полосу лучше выкроить для обивки сундука. Его болѣе всего соблазняло голубое небо; но потомъ онъ сообразилъ, что гораздо лучше будетъ обить краской внизъ и холстомъ внаружу, и потому все равно, откуда ни рѣзать.

— Эхъ, малый, ножницъ-то нѣтъ, проговорилъ онъ.—Сбѣгай, сдѣлай ты милость. А ужъ я двугривенничкомъ потомъ тебя одолжу.

Казачокъ всталъ съ корточекъ и, спотыкаясь, направился къ выходу. Какъ только силуэтъ его исчезъ на свѣтломъ фонѣ выходной двери, Сергѣй бросился въ уголъ и какъ разъ у самаго

...ро развязалъ синій свертокъ,
, что было завернуто въ газеты, но га
ялъ, только, слегка надорвавъ съ одно
осмотрѣлъ, что было внутри. Онъ вздр
швырнулъ вглубь свой пакетъ и зад
мень. Потомъ наклонился, взялъ нѣско
вянныхъ чурокъ и крючковъ, валявши
олу, и торопливо завязалъ ихъ въ си
тъ. Когда воротился казачокъ, онъ его
лъ у самой входной двери.
— Ну, вотъ, спасибо, сказалъ онъ, взяв
щы.—Ну-тко, помоги мнѣ.
Старый холстъ жалобно треснулъ и лег
лся большимъ ножницамъ. Перспектив
го была разрѣзана на двѣ части по шву
зъ перерѣзана, тоже по шву, чтобы выш
кія длинныя полосы. Новиковъ не зналъ
опроси онъ у барина этотъ хламъ въ
къ,—не нужно было бы ему итти въ

ставляя полотно глухо шуршать и распадаться на двѣ части.

Казачокъ тоже вырѣзалъ себѣ амура, обвитаго розами, и рѣшилъ прибить его на стѣнку въ своей каморкѣ. Затѣмъ вырѣзанные куски были тщательно сложены, и мародеры тронулись къ выходу.

— Эхъ, сверточекъ-то мой не забыть бы, весело сказалъ Сергѣй и даже попросилъ казачка вернуться за нимъ и принести.

Нагрузившись сверткомъ холста и поблагодаривъ управляющаго, Сергѣй вышелъ за ворота. Точно гора свалилась съ него. Онъ чувствовалъ теперь еще большую легкость. Пойди теперь, найди этотъ свертокъ!

Конечно, помѣщеніе это, въ подвалѣ дома Муравьина, было только временное. У Сергѣя составился планъ, куда и какъ онъ схоронитъ, до поры до времени, эти деньги. Въ банкъ положить нельзя, спрятать дома—тѣмъ больше. Надо найти такое мѣсто, куда бы никто не могъ зайти, гдѣ бы онъ одинъ могъ быть полнымъ хозяиномъ. И онъ зналъ такое мѣсто.

Закусивъ въ какой-то съѣстной лавкѣ, Сергѣй бодрымъ шагомъ направился въ другой конецъ города, къ Волкову кладбищу, гдѣ всего мѣсяца три назадъ онъ похоронилъ свою маленькую дочь.

Тамъ, въ одной изъ лавченокъ Разстанной улицы, онъ разыскалъ своего знакомаго плот-

ника, занимавшагося продажей дешевыхъ бѣлыхъ крестовъ, что богатыми людьми ставятся временно на могилы, а бѣднымъ людомъ—навсегда, то-есть года на три, пока онъ, подгнивши, не свалится въ траву.

Плотникъ носилъ фамилію Куклевановъ, былъ кривой и всегда пахнулъ свѣжимъ столярнымъ клеемъ. Рабочіе у него были народъ все веселый, и надгробные кресты ихъ не смущали: дѣлали они ихъ съ прибаутками, какъ будто щепали лучину для самовара. У всѣхъ были ремешки на головахъ, всѣ были босые, и у всѣхъ были физіономіи слегка припухшія отъ неизвѣстныхъ причинъ.

— Съ заказомъ, сказалъ Сергѣй, крестясь на образъ Неопалимой Купины.

— Можно, отвѣтилъ Куклевановъ такимъ тономъ, точно въ его рукахъ таились невѣдомыя силы, и онъ могъ соорудить все, чего душа только можетъ пожелать.

— Желательно на могилкѣ вывести палисадничекъ, объяснялъ Сергѣй.—Но только, чтобы не изъ планочекъ, а посолиднѣе.

— Можно, повторилъ плотникъ.

— Человѣку бѣдному нельзя чиновничью рѣшетку ставить, продолжалъ Новиковъ.—Сегодня онъ поставилъ, завтра она развалилась; получилъ жалованье и подправилъ—подмазалъ. А ежели

неимущій, тотъ ужъ сразу долженъ, чтобъ на десять годовъ впередъ пошло.

— Это точно, согласился плотникъ.

— И потому желательно было бы мнѣ такую соорудить рѣшеточку, чтобъ была она въ полтора аршина и чтобы наверху пиками шла повострѣе. Хочетъ жена цвѣточковъ посадить, такъ чтобъ не рвали.

— Можно, еще разъ сказалъ плотникъ.—Завостримъ эти самыя копья такъ, что какъ гвоздь входить будетъ. Въ три дня соорудимъ. Зеленцой подкрасить?

Сергѣй задумался.

— Стоитъ ли того? Весной лучше подкрасимъ.

— Да оно и рѣшетку-то обстоятельнѣе было бы весной ставить, замѣтилъ плотникъ.

— Нѣтъ, рѣшетку окончательно я рѣшилъ ставить нынче. Цвѣтовъ не посадимъ, а только все приготовимъ къ веснѣ.

Онъ вынулъ трехрублевку и положилъ на столъ.

— Задатокъ, сказалъ онъ.

— Оно и безъ задатка можно, возразилъ Куклевановъ и взялъ бумажку.

XI.

Домой вернулся Сергѣй совсѣмъ повеселѣвшимъ. Въ карманѣ у него лежали рядомъ съ чистой вексельной бумагой три сторублевыхъ бумажки для учителя. Сынъ встрѣтилъ его прямо вопросомъ:

— Получилъ деньги отъ Муравьина?

— Завтра, — хмурясь, сказалъ отецъ. — Мнѣ бѣгать некогда: самъ иди. Тебѣ надо, а не мнѣ.

— И что ты въ самомъ дѣлѣ надъ сыномъ куражишься, завизжала его супруга.—Куражится, куражится,—точно какой помѣщикъ. Самъ деньги въ ростъ даетъ чортъ знаетъ кому, а родному сыну двадцати рублей жалко. Коли не дашь, — вотъ видишь икону?—вотъ переверни мнѣ лицо на затылокъ, ежели я серебра не заложу. Такъ и знай, бродяга шарманный! Есть ему время таскаться туда? А тебѣ не все равно, гдѣ попрошайничать: тамъ ли, тутъ ли!

— Пошла, узнай, дома ли учитель, сказалъ онъ въ отвѣтъ.

Она, бормоча что-то, ушла, хлопнула дверью, потомъ опять хлопнула ею и крикнула изъ кухни:

— До́ма.

Сергѣй пригладилъ волосы, поправилъ узкую ленточку галстука на оборванной привязной манишкѣ и пошелъ къ Липину. Онъ остановился смиренно въ передней и сказалъ нянькѣ:

— Доложите.

— Входи, батюшка, ждутъ, сказала нянька.

Онъ вошелъ въ небольшое зальце, съ зеркаломъ между двухъ оконъ, ведерной бутылью наливки на окнѣ и бѣлкой въ клѣткѣ.

— А, почтенный кредиторъ, талантливый шарщикъ! воскликнулъ Липинъ, запахивая ха-

латъ.—Входи, входи, не бойся: моихъ нѣтъ; при нихъ бы я не пустилъ тебя. Что же, когда деньги?

— Деньги со мной, скромно сказалъ Сергѣй.

— Благородно! похвалилъ Липинъ.—Чрезвычайно благородно. Не ожидалъ. Я считалъ тебя болѣе гнуснымъ отродьемъ, судя по утреннему впечатлѣнію. Ну, прошу извиненія, прошу извиненія. Errare—humanum est. Что же, бумажку принесъ?

— Вамъ форма извѣстна? спросилъ Сергѣй.—Потому, ежели испортите—здѣсь близко нигдѣ не продаютъ.

Липинъ открылъ письменный столъ, порылся и досталъ старый надорванный вексель, на образецъ.

— На четыреста писать? спросилъ онъ.

— На четыреста.

— А ты триста дашь?

— Триста.

— Ну, не анаѳема ты? Не самое ли ты законное отродье Каина?

— Извольте, пятнадцать рублей спущу, и бумага моя.

— Да бумага-то всего полтинникъ стоитъ.

— Пятьдесятъ пять копеекъ-съ, подтвердилъ Сергѣй.—Это-съ три фунта говядины,—какъ разъ на обѣдъ. Извольте писать на триста восемьдесятъ пять.

Липинъ помакнулъ перо и сталъ писать. Сер-

гѣй подошелъ къ бѣличьей клѣткѣ и сталъ смотрѣть, какъ черноглазый звѣрекъ работалъ въ своемъ колесѣ.

— Не клади ей пальца въ ротъ: до кости прокуситъ, предупредилъ учитель.

— Зачѣмъ класть? отвѣтилъ Сергѣй, и даже руки заложилъ за спину.

— Готово, сказалъ Липинъ:—прочти.

— Осмѣлюсь попросить васъ прочесть самимъ вслухъ, сказалъ Сергѣй.

Липинъ прочелъ. Сергѣй слушалъ, прищурившись. Когда учитель кончилъ, онъ вытащилъ зеленый засаленный бумажникъ, вынулъ три радужныхъ ассигнаціи, положилъ передъ Липинымъ и взялъ вексель.

— И ты это все шарманкой скопилъ или ростовщичествомъ? спросилъ учитель.

— Разно, уклончиво отвѣтилъ Сергѣй.

Липинъ задумался.

— Здѣсь неподалеку, сказалъ онъ: — умеръ лѣтъ десять назадъ нѣкій Соловьевъ — нищій. Онъ ѣздилъ на маленькой лошадкѣ по улицамъ и говорилъ, что у него ноги въ параличѣ. И ему всѣ давали милостыню. А потомъ, когда умеръ, нашли у него, кромѣ лошади, въ сундукѣ сто сорокъ тысячъ деньгами.

— Сумасшедшій человѣкъ, спокойно сказалъ Сергѣй.

— Ты не одобряешь его, милый крестникъ Іуды?

— Не одобряю-съ,—деньги въ сундукѣ лежать не должны. Онѣ ростъ любятъ. Имъ на вольный воздушекъ надо, тогда онѣ и растутъ.

— Ты вотъ это воздушкомъ называешь? спросилъ онъ, бросая въ столъ ассигнаціи.

— Воздушкомъ, подтвердилъ Сергѣй.

Липинъ посмотрѣлъ на него.

— Меня всегда интересуетъ вопросъ, заговорилъ онъ: — какъ образуются подобныя твари, какъ ты? Вѣдь не можетъ быть, чтобъ такими родились. Вѣдь когда ты въ первый разъ воздухъ понюхалъ, вѣдь не думалъ ты о процентахъ? Значитъ, воспитываютъ же гдѣ-нибудь такихъ червей. Своимъ умомъ до этого нельзя дойти.

— Ежели желаете, я вамъ векселекъ верну, сказалъ Сергѣй:—а вы пожалуйте деньги обратно.

— Вампиръ ты адскій! Неужели ты не видишь, почтенный шарманщикъ, что у меня петля на шеѣ, и ты мнѣ ножъ даешь ее перерѣзать; а только скорѣе горло себѣ имъ перехватишь вмѣстѣ съ веревкой.

Шарманщикъ осклабился.

— А вы, ваше благородіе, осторожно, посовѣтовалъ онъ.—Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ. Только я такъ думаю, что, если бы не сдѣлалъ я для васъ благодѣянія, приставъ эти самыя сургучныя лепешки вездѣ бы понаставилъ. И бѣлочку припечатали бы, — вотъ развѣ наливку оставили бы. А только ежели вы думаете, что у

меня деньги есть, такъ могу Господомъ поклясться, что нѣту во всемъ домѣ ни гроша, и чтобы триста рублей ваши очистить, бумаги заложилъ. Вотъ извольте посмотрѣть — сегодняшнимъ числомъ квитанція.

Онъ показалъ ему квитанцію конторы.

Липинъ покачалъ головой.

— Благодѣтель ты! Что же мнѣ за тебя—молебенъ служить, потомственный каторжникъ? Помяни мое слово: не миновать тебѣ Сибири. Убьешь ли ты, зарѣжешь кого, или просто такъ въ мерзости какой попадешься, а только—быть тебѣ на заводахъ.

Сергѣя передернуло.

— Можетъ, ваше высокородіе, васъ ранѣе меня куда ушлютъ, сказалъ онъ.—Всѣ подъ Богомъ

Старикъ поднялся.

— Слушай ты, честный шарманщикъ, сказалъ онъ: — неужели ты думаешь, что ты человѣкъ? Ты—сосунъ-кровопійца! Мало ли я когда деньги терялъ, и эти триста наживу: ты изъ меня крови не высосешь,—я тебѣ не по зубамъ. Вижу я тебя, насквозь вижу, что ты такое. Ахъ, если тебѣ счастье повезетъ, какой ты мерзавецъ будешь Боже ты мой! Со взломомъ мерзавецъ!

— Покорнѣйше благодарю, невозмутимо сказалъ Сергѣй. — Я такъ полагаю, что самое мнѣ время уходить. Столько уже отъ васъ я наслышался этихъ комплиментовъ, что полагаю—вполнѣ

достаточно. Засимъ, мое почтеніе. А только удивительно мнѣ, какъ это утромъ сегодня господинъ учитель сюртукъ надѣвалъ, орденъ вѣшалъ и къ нищему визитъ дѣлалъ, ногой шаркалъ, «вы» говорилъ. И какъ послѣ обѣда, когда нищій денегъ далъ, вдругъ начали его шваркать и такъ, и этакъ, и ростовщикъ, и Іуда!

— Радость моя, нѣжно заговорилъ Липинъ: — ты, кажется, на меня обидѣлся, что я пересталъ тебѣ «вы» говорить? Но видишь ли, почтенный мой кровопійца, я вѣдь думалъ, что ты просто деньги подъ проценты даешь, такъ и шелъ къ тебѣ. А знай я, что ты плодъ спеціально анаѳемскій, я бы такъ сразу съ тобой говорилъ, какъ теперь говорю. И обижаться тутъ нечего, и корчить архангельскую физіономію. До свиданія, почтеннѣйшій. Поклонъ вашей супругѣ. Судя по тому, что она говорила сегодня по-утру, она тоже сродни вашему благодѣтелю-дьяволу. До свиданія, чортовъ шуринъ, всего хорошаго. Поменьше грабьте.

Когда дверь въ коридоръ затворилась, Сергѣй налился кровью, стиснулъ зубы и потрясъ кулакомъ въ воздухѣ.

— Попомнишь меня! проговорилъ онъ.

— Не боюсь, внезапно раздался голосъ изъ сосѣдняго окна кухни, и показалась голова учителя.—Видитъ Богъ, не боюсь. Вы бы лучше подошли къ зеркалу, и себѣ этотъ кулакъ показали.

Проходите, любезнѣйшій,—здѣсь больше не подадутъ.

Онъ захлопнулъ форточку и закивалъ черезъ стекла головой.

Марья встрѣтила Сергѣя враждебно.

— Нацѣловался съ учителишкой? спросила она.

— Нацѣловался, отвѣтилъ Сергѣй.—Меня онъ чортовымъ шуриномъ прозвалъ.

Она выпучила на него глаза.

— Это съ чего же?

— Должно, тебя чортовой сестрицей считаетъ.

— Ну, вотъ я ему покажу, чѣмъ я его считаю, взвизгнула она и кинулась къ дверямъ; но ей загородилъ дорогу незнакомый человѣкъ въ красной рубашкѣ и пестромъ жилетѣ.

— Сергѣй Ивановичъ, заговорилъ онъ, снимая фуражку.

Сергѣй узналъ въ немъ дворника изъ того дома, гдѣ жила старуха-генеральша, и сердце его съ болью сжалось.

— А! Чего ты? спросилъ онъ въ смутномъ предчувствіи.

— Бѣда, Сергѣй Ивановичъ.

— Бѣда? сказалъ онъ, блѣднѣя и стараясь сохранить по возможности спокойствіе.—Садись, говори, Антипъ, чего такое?

XII.

Антипъ сѣлъ на табуретъ. Онъ былъ взволнованъ и растерянъ.

— Братецъ-то твой Иванъ Прокофьевичъ...

— Ну?

— Придушилъ старушку.

Марья какъ-то пискнула и схватилась за голову.

— Батюшки, что же это онъ надѣлалъ? завопила она.—Да что же это такое?

Женя тоже поблѣднѣлъ.

«Дядя, дядя, это мой дядя!» пронеслось у него въ головѣ.

— Что же, какъ же это... ну, ну? лепеталъ Сергѣй.

— Да послѣ, какъ ушли вы вчерась, началъ Антипъ: — Иванъ Прокофьевичъ домой вскорѣ совсѣмъ нетверезый пришелъ. Потомъ, такъ спустя часъ, надо быть, выходитъ такой всклоченный. Я, говоритъ, другъ любезный, сейчасъ назадъ. Я калитку притворилъ, не запиралъ,—думаю: пущай, не будя меня, войдетъ. Утромъ невдомекъ, что квартира заперта: дровъ разъ въ недѣлю только и носили. А потомъ часа въ два вдругъ полиція. Иванъ Прокофьевичъ заявилъ самъ въ участкѣ. Протоколъ составили, все заперли, сторожей приставили.

— И что жъ, на смерть онъ ее?.. спросилъ Сергѣй.

— Извѣстно, на смерть. Да ее что же, все одно, что котенка придушить, отвѣтилъ Антипъ.—Подержать минутку, сжамши горло, и духъ весь вонъ.

— Меня, надо полагать, вызовутъ, задумчиво сказалъ Сергѣй.

— Это ужъ обязательно. Я на опросѣ такъ прямо и сказалъ: что, молъ, вмѣстѣ вы въ портерной были.

— А только ты припомяни, Антипъ: вѣдь я назадъ не ворочался, проговорилъ Сергѣй.

— Не видалъ, подтвердилъ Антипъ.—Оно точно, и калитка была отворена, и спалъ я. Слышалъ, что старуха тогда тебѣ въ спину кричала, чтобъ не пускать тебя, что убьешь ты ее... Я такъ и доложилъ полиціи. А проходилъ ли ты ночью,— того я не видѣлъ.

— Я съ половины одиннадцатаго дома былъ и выходилъ только въ лавку на минутку, сказалъ угрюмо Сергѣй.—У меня свидѣтели есть. Что ты меня путаешь?

— Ничего не путаю. Да и Иванъ Прокофьевичъ показалъ: «убилъ, говоритъ, я ее собственноручно по злобѣ», и никакъ ты тутъ ни въ чемъ не причастенъ. А только ежели я тебя не видѣлъ, такъ я такъ и показываю, и ничего другого показать не могу.

— Ну, а грабежа никакого не было, спросилъ съ усиліемъ Сергѣй.

— Комоды разрыты. Однако, взято что, либо

нѣтъ, неизвѣстно. Да обязательно взято. Я думалъ, онъ тебя, можетъ, видѣлъ?

— Гдѣ жъ онъ меня видѣлъ? закричалъ на него Сергѣй.—Говорю тебѣ, что у меня свидѣтели есть, гдѣ я всю ночь былъ.

Жена Сергѣя все причитала. Хмель ея прошелъ, руки тряслись, и все внутри дрожало.

— Самъ, голубчикъ, самъ заявилъ? спрашивала она.

— Самолично, подтвердилъ дворникъ.—Пришелъ въ собственный участокъ и говоритъ: «удушилъ, говоритъ, старушку по долгой злобѣ и хочу покаянія принести». Ну, сейчасъ его въ темную, а потомъ къ намъ въ домъ. Переполохъ—страсть. Потрошить ее завтра будутъ.

Антипъ дольше не могъ оставаться. Онъ говорилъ, что урвался только на часокъ для предупрежденія, что вотъ что̀ стряслось. Онъ простился и вышелъ; за нимъ съ воплемъ юркнула въ коридоръ жена Сергѣя и побѣжала по сосѣдкамъ разсказывать про грѣхъ.

Когда дверь за дворникомъ затворилась, Женя подошелъ къ отцу.

— А къ кому ты вчера вечеромъ выходилъ? Къ какой барынѣ? спросилъ онъ, пытливо глядя ему въ глаза.

Сергѣй побагровѣлъ.

— Ты, щенокъ, допросъ отцу дѣлаешь? Что жъ ты, убивцемъ меня считаешь? Есть тебѣ дѣло,

кто меня спрашиваетъ? Какую отчетность я тебѣ отдавать долженъ? Вотъ, ежели ты скажешь мнѣ слово, такъ я тебя пристукну на мѣстѣ.

Женя закусилъ губу и сѣлъ къ столу, прислушиваясь къ воплямъ матери, что̀ неслись изъ коридора.

Сергѣй легъ на постель и, вперивъ глаза въ пестрый пологъ, гдѣ были изображены громадные зеленые цвѣты, сталъ еще разъ прикидывать разныя случайности, которыя его ожидали. Онъ рѣшилъ вести себя такъ. Ежели братъ не сказалъ, что передалъ ему свертокъ, то о посѣщеніи брата молчать. Если же онъ будетъ настаивать, что деньги, молъ, переданы Сергѣю такъ не отпираться: свертокъ взялъ, но потомъ испугался, бросилъ на панель и ушелъ домой. Что было въ сверткѣ,—ему неизвѣстно, но была у него мысль, что не украденное ли это у генеральши, и потому онъ счелъ за лучшее совсѣмъ домой пакета не брать. Отрекаться отъ того, что онъ ходилъ къ брату на улицу, нельзя,—чего добраго, и подмастерья изъ сосѣдняго дома разыщутъ. А въ томъ, что онъ свертокъ бросилъ, никакой его вины нѣтъ. Ежели онъ взялъ деньги — пусть ищутъ. Есть у него деньги въ банкѣ, есть билеты, а денегъ свободныхъ нѣтъ. Давалъ онъ учителю взаймы, сосѣду, такъ и то заложить билеты пришлось,—всѣ документы на лицо. Чтобъ внести въ гимназію за ученіе сынишки — жена

серебряныя ложки должна заложить. Да и чего ему краденое скрывать: кое-что у него есть; таскаясь съ шарманкой въ жаръ и въ холодъ, потомъ-кровью скопилъ тыщенку, и ничего ему больше не надо. Ну, посадятъ его по подозрѣнію; ну, годъ продержатъ, другой,—да и выпустятъ. Ивана угонятъ далеко, а онъ останется,—нельзя же ссылать человѣка за то, что онъ не хотѣлъ взять какой-то свертокъ? Скажутъ: «отчего жъ ты въ полицію его не доставилъ, ежели что подозрѣвалъ».—Что жъ мнѣ, родного брата подводить, да еще пьянаго,—ужъ это не по родственному.

Въ подвалѣ денегъ не найдутъ, да никто и не пойдетъ туда. А черезъ два дня ихъ тамъ и не будетъ. Какъ только рѣшетка поспѣетъ, перенесутся онѣ на кладбище, и будетъ сторожить ихъ маленькая дочка,—а это сторожъ самый надежный, никто и не подойдетъ туда.

Сколько въ пакетѣ денегъ, какія это деньги: билеты ли, кредитныя ли ассигнаціи, Сергѣй не зналъ. Онъ мелькомъ увидѣлъ пачку новенькихъ, свѣжихъ бумажекъ, и тотчасъ же сунулъ ихъ во впадину. Но, должно быть, тамъ ихъ много. Можно на эти деньги какихъ дѣлъ надѣлать!

И ему начало рисовать воображеніе огромный ресторанъ на Невскомъ. И самъ онъ подкатываетъ на рысакѣ, въ цилиндрѣ, и всѣ швейцары и лакеи кланяются ему въ поясъ. Идетъ онъ по за-

ламъ, гдѣ обѣдаютъ генералы: и всѣ подаютъ ему руку, и спрашиваютъ,—какъ здоровье ваше, Сергѣй Прокофьевичъ; а онъ всѣмъ кланяется, благодаритъ да позвякиваетъ золотой цѣпью. У него отдѣльная комната при ресторанѣ, и туда сходятся всѣ, кому онъ нуженъ. И даетъ онъ подъ вѣрное обезпеченіе деньги, процента по два, по три въ мѣсяцъ, а гвардейцамъ, которые побогаче, и по десяти въ мѣсяцъ. И никто ему долговъ не платитъ, и всѣ недвижимости переходятъ въ его владѣнія, и тянется по Морской и по Литейной цѣлый рядъ домовъ, и все это его дома. И тотъ же учителишка Липинъ платитъ ему сорокъ рублей за квартирку въ пятомъ этажѣ и затягиваетъ плату, и онъ приказываетъ дворнику не носить ему дровъ и выпуть изъ печей вьюшки, чтобъ выморозить жильца. А въ бельэтажѣ живутъ сенаторы и товарищи министровъ, и всѣ ему протягиваютъ руку при встрѣчѣ...

Онъ вскочилъ съ постели. Въ темнѣющихъ сумеркахъ ему показалось, что въ углу стоитъ старуха-генеральша, такая, какой она еще вчера сидѣла передъ нимъ, въ горностаевой кофточкѣ: и одного хвостика спереди не хватало, какъ вчера, и въ рукахъ былъ стаканъ съ пивомъ. Она присѣдала и улыбалась; онъ видѣлъ желтые кривые зубы, прищуренные глаза, и слышалъ, какъ она, смѣясь, говорила:

— Наслѣдникъ, наслѣдникъ!

Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ, и тутъ увидѣлъ, что на вѣшалкѣ висятъ платья его жены, что, кромѣ его, въ комнатѣ никого нѣтъ, и только рядомъ сынъ изрѣдка произноситъ непонятныя греческія слова, отыскивая ихъ въ толстой книгѣ и вписывая въ тетрадку.

XIII.

Миссисъ Финчъ, о которой доложили Муравьину, когда тамъ былъ Сергѣй, нѣкогда служила гувернанткой въ домѣ Муравьиныхъ. Это было много лѣтъ назадъ. Она была тогда маленькой рыженькой двадцатипятилѣтней дѣвушкой, звали ее миссъ Флоренсъ, и она болтала съ семнадцатилѣтней барышней Ольгой Васильевной по-англійски, и давала уроки двѣнадцатилѣтнему Венѣ, читая съ нимъ нравоучительные разсказы. Потомъ она вышла замужъ за учителя математики, тоже англичанина—Томсона. Но Томсонъ черезъ годъ умеръ, и молоденькую вдову снова стали звать, по старой памяти, Финчъ, только не миссъ, а миссисъ. Она сумѣла весь свой вѣкъ вращаться въ самыхъ состоятельныхъ и аристократическихъ домахъ Петербурга, пріобрѣла связи, знакомства и безбѣдно доживала свой вѣкъ въ приличной квартиркѣ, въ томъ же домѣ, гдѣ обитала Ольга Васильевна. Но съ своей бывшей ученицей она не видѣлась. Ольга Васильевна съ годами стала

очень подозрительна и съ неохотой принимала англичанку, съ которой была такъ дружна сорокъ лѣтъ назадъ. Когда миссисъ Финчъ приходила къ ней, она, минутъ черезъ пять послѣ ея прихода, замѣчала:

— Я думаю, у васъ много занятій, ma chère? Я васъ не задерживаю, пожалуйста, не стѣсняйтесь, уходите—мы вѣдь свои. Если вамъ что-нибудь надо, вы скажите прямо сейчасъ, а только едва ли я вамъ чѣмъ-нибудь могу быть полезна...

Поэтому миссисъ стала ходить къ ней только на Рождество и Пасху, да и то въ послѣдній разъ Ольга Васильевна надѣла салфетку на голову и сказала, что у нея голова болитъ и она не можетъ разговаривать. Миссисъ сильно обидѣлась и рѣшила больше не приходить къ ней. Но сегодня, когда горничная, вбѣжавши, сказала ей, что барышню задушили, и она узнала отъ дворника подробности, то залилась слезами и поскакала къ Веніамину Васильевичу.

Миссисъ Финчъ была глуповата и страшная трещотка,—что среди англичанокъ не рѣдкость. Или онѣ молчаливы, какъ муміи, или болтливы, какъ попугаи. Миссисъ Финчъ могла говорить безъ перерыва часовъ шесть, и притомъ не слушать того, что ей отвѣчали. Когда она нападала на молчаливую собесѣдницу, той не приходилось сказать ни одного слова, потому что, пока она собиралась разинуть ротъ, миссисъ Флоренсъ уже

успѣвала высыпать десятокъ новыхъ словъ и соображеній Она никогда не останавливалась ни передъ какимъ вопросомъ, разрѣшала его быстро и тутъ же приступала къ осуществленію своихъ плановъ, такъ что потомъ приходилось употребить нѣсколько дней на то, чтобы исправить сдѣланное ею въ нѣсколько минутъ. Ходили слухи, что покойный сэръ Томсонъ и умеръ оттого, что супруга начала ему объяснять, какую слѣдуетъ имъ нанять дачу, и отъ усилія понять, что такое она трещитъ въ теченіе семи часовъ безъ перерыва, толстый мистеръ получилъ апоплексію; миссисъ не замѣтила даже, что онъ мертвъ, и, продолжая вязать шарфъ для его же личнаго употребленія, еще проговорила часа три слишкомъ.

Къ своему старому ученику, Веніамину Васильевичу, она потому уже любила ѣздить, что онъ отлично говорилъ по-англійски, и она отводила душу въ бесѣдѣ съ нимъ. Теперь, крайне разстроенная, она летѣла къ нему, составляя рѣчь, какъ бы постепенно подготовить его къ ужасной вѣсти о трагическомъ концѣ его сестры. Она припоминала тексты, которые могли бы дать ему утѣшеніе, но, какъ нарочно, они вертѣлись вперемежку въ головѣ, но ни одного подходящаго не приходило на умъ. Она рѣшила поразить его не сразу, а подготовивъ предварительнымъ вступленіемъ.

Ей сказали, что баринъ не одѣтъ еще и про-

сятъ подождать. Кремневъ, стараяся быть вѣжливымъ, насколько позволяла это его тучная фигура, попросилъ ее садиться.

— Ахъ, это, право, лишнее, заговорила она, узнавъ, что Веніаминъ Васильевичъ одѣвается.— Когда онъ узнаетъ ту миссію, что привлекла меня сюда, онъ пойметъ, что не такое теперь время, чтобъ думать объ условіяхъ свѣта. Я знаю, онъ въ своихъ туфляхъ изъ оленьей шкуры,—я же ему ихъ и подарила; мнѣ ихъ прислалъ архангельскій губернаторъ. Онъ не знаетъ, какимъ грустнымъ вѣстникомъ являюсь я сюда.

Въ это время послышались шаги, и Веніаминъ Васильевичъ, въ сиреневой тужуркѣ, въ тѣхъ же клѣтчатыхъ брюкахъ, но въ лакированныхъ ботинкахъ, вошелъ въ гостиную. Онъ протянулъ издали обѣ руки и, идя навстрѣчу гостьѣ, сказалъ:

— Дорогая миссисъ, какъ это любезно съ вашей стороны.

Миссисъ схватила его за обѣ руки, крѣпко ихъ сжала въ свои маленькіе сухіе кулачки и сказала:

— Крѣпитесь, другъ мой.

Слезы опять навернулись на ея глаза и потекли по маленькимъ щечкамъ, какъ бисеръ.

Веніаминъ Васильевичъ испугался. Онъ боялся всякихъ потрясеній и не любилъ сценъ. Онъ [illegible]ъ старушку тутъ же въ гостиной, опять [illegible] ее за руки и сказалъ:

— Успокойтесь. Вамъ надо покой.

— Зачѣмъ мнѣ покой! воскликнула она.—То, что совершилось, то унесло съ собою мой покой. Возвратить невозвратнаго нельзя, дорогой другъ мой. Вы знаете — жизнь подобна рѣкѣ, которая уноситъ свои волны въ одну сторону, и эти волны назадъ не возвращаются. Когда Господь создалъ землю, воздухъ, видимый міръ, онъ далъ ему извѣстные законы, и законами этими управляется и держится все, что существуетъ на землѣ. Мы не можемъ, другъ мой, измѣнить этихъ законовъ. Ихъ никто, другъ мой, не можетъ измѣнить. Намъ остается одно: крѣпиться. Не жаловаться на судьбу,—о, что такое жалобы наши и что такое мы: мелкія песчинки на днѣ великаго океана жизни!—не жаловаться мы должны, а твердо выносить удары.

Веніаминъ Васильевичъ положительно терялся. Сначала онъ думалъ, что у миссисъ Финчъ случилось какое-нибудь несчастіе, но тогда она сказала бы объ этомъ сразу.

— Мы не буддисты, продолжала она:—мы не можемъ уйти въ безпредметную Нирвану. Мы изъ плоти и крови. Мы ходимъ, говоримъ, злословимъ, дѣлаемъ добро, радуемся и плачемъ. Теперь настало время плача. Другъ мой! приготовьтесь пролить слезы. Достаньте вашъ носовой платокъ и постарайтесь быть мужественнымъ.

Муравьину пришло въ голову, что миссисъ

отъ старости сошла съ ума и пріѣхала ему сообщить о близкомъ свѣтопреставленіи, котораго она очень боялась всю жизнь; но все-таки платокъ онъ досталъ на всякій случай.

— Сегодня ночью совершенъ первичный грѣхъ, продолжала миссисъ Флоренсъ: — величайшій грѣхъ — братоубійство. Я думаю, другъ мой, что вы позволите такъ выразиться. Передъ Богомъ, всѣ люди — дѣти, всѣ равны: нѣтъ ни эллина, ни іудея. Всѣ братья и сестры. Пролить кровь ближняго — тотъ же проступокъ Каина. Жизнь дана не нами, и мы поэтому не имѣемъ права ее отнимать, ни у себя, ни, тѣмъ болѣе, у другихъ. Надѣюсь, вы понимаете меня, мой бѣдный другъ?

Но бѣдный другъ ничего не понималъ, хотя усиленно краснѣлъ и хлопалъ глазами. Слишкомъ ли долго онъ игралъ на бильярдѣ, или слишкомъ много выпилъ хереса, но, несмотря на всѣ усилія, онъ не могъ уловить никакой нити въ томъ, что говорила его старая учительница.

— Мы не знаемъ путей, по которымъ насъ ведутъ, продолжала она:—и потому мы должны закрыть глаза и смѣло итти впередъ, не спрашивая разгадки тому, что недоступно человѣческому пониманію. Не спрашивайте и вы, почему это такъ, а не иначе. Вы знаете, что сказалъ нашъ великій стратфордскій геній: «Если не теперь, такъ потомъ; не потомъ, такъ теперь; не сегодня, такъ когда-нибудь, — такъ ужъ лучше

не когда-нибудь, а сегодня». Эти слова надо включить, какъ великую проповѣдь, въ прописи.

Веніаминъ Васильевичъ почувствовалъ, что его кинуло въ дрожь, онъ крѣпко сдавилъ руку старой миссисъ и сказалъ:

— Вы изъ меня тянете жилы.

— О, вы теперь подготовлены! воскликнула она. — И теперь мнѣ силы Неба дадутъ присутствіе духа все сообщить вамъ. Приготовьтесь воспринять самый жесточайшій ударъ судьбы.

Муравьинъ втянулъ въ себя воздухъ и какимъ-то груднымъ голосомъ сказалъ:

— Ну!

— Сегодня въ ночь,—съ торжественной неторопливостью и размѣренностью заговорила Флоренсъ:—коварный и злой слуга убилъ свою госпожу, которая его кормила и поила, въ домѣ которой онъ родился, которой онъ служилъ полвѣка. Онъ задушилъ ее на ея постели, онъ ограбилъ ее,—но потомъ, какъ предатель, мучимый совѣстью, самъ отдалъ себя во власть закона.

Муравьинъ вдругъ понялъ и глухо спросилъ:

— Сестра?

Миссисъ кивнула головой.

Муравьинъ всталъ, поднесъ обѣ руки къ своей шеѣ, подержался за нее и молча сталъ ходить по комнатѣ. Миссисъ тихо плакала. Со стѣнъ смотрѣла огромная нагая фигура купающейся нимфы работы моднаго тогда художника Беллоли.

Въ саду чирикали воробьи. Солнце, ярко свѣтившее съ утра, вдругъ закуталось въ набѣжавшую тучку, и все покрылось сѣрымъ зыбучимъ пологомъ. Въ комнатахъ потемнѣло, въ углахъ скопился мракъ. Прыснулъ дождикъ, звеня по стекламъ. А Веніаминъ Васильевичъ все ходилъ и ходилъ.

Потомъ онъ подошелъ къ штофному дивану, бросился на него, прикрылъ лицо руками и остался неподвижнымъ.

Флоренсъ Финчъ подошла къ нему и дотронулась рукой до плеча.

— Крѣпитесь! сказала она.

— Это ужасно! проговорилъ онъ наконецъ и поднялъ голову. — Чѣмъ же я гарантированъ, чѣмъ гарантированы вы, — всякій другой, что наемный слуга не убьетъ насъ?

— Мужайтесь, мой дорогой ученикъ, говорила миссисъ.—Одѣвайтесь, велите заложить карету, и мы поѣдемъ.

— Туда! съ ужасомъ воскликнулъ дорогой ученикъ. — Ни за что! Вы знаете мой инстинктивный ужасъ: я не могу выносить покойниковъ.

— Но вы должны! строго сказала Флоренсъ.— Вы должны первымъ дѣломъ поѣхать къ оберъ-полицеймейстеру и просить, чтобъ они не дѣлали этого безобразнаго вскрытія. Нельзя же допустить, чтобы была опозорена бѣдная дѣвственница, и

доктора позволили бы себѣ ее анатомировать. Это ваша обязанность, какъ брата. Наконецъ, заѣзжайте къ министру юстиціи,—онъ съ вами такъ хорошъ,—пусть онъ остановитъ всю эту полицейскую процедуру.

— Да, да, говорилъ Веніаминъ Васильевичъ:— вы правы, вы всегда правы. Да, мы сейчасъ поѣдемъ.

Онъ позвонилъ, велѣлъ закладывать карету и пошелъ опять переодѣваться. Когда камердинеръ подалъ ему сюртукъ, онъ глянулъ ему въ глаза и сказалъ:

— Положи тутъ; я самъ надѣну.

Онъ недовѣрчиво проводилъ глазами стараго лакея до дверей и, когда онъ вышелъ, проговорилъ;

— Надо всегда держать наготовѣ заряженный револьверъ.

XIV.

Газеты, вышедшія на слѣдующее утро, были наполнены описаніемъ убійства. Слогомъ скверныхъ переводчиковъ бульварныхъ романовъ, репортеры сообщили подробности преступленія и даже успѣли начертить планъ квартиры убитой.

«Еще новое варварское убійство!—воскликнулъ одинъ изъ нихъ.—Г-жа М***, блистательная представительница нашей аристократіи, найдена убитой въ своей спальнѣ въ ночь на такое-то авгу-

ста. Злодѣй — лакей ея, пользовавшійся ея благодѣяніями съ самаго рожденія. Движимый низкимъ инстинктомъ ограбленія, онъ пробрался въ спальню и, подобно профессіональному убійцѣ, накинулся на жертву. Могло ли безпомощное, хрупкое существо, воспитанное съ пеленокъ въ кружевахъ и бархатѣ, противиться грубому нападенію атлета, мечтавшаго о ея золотѣ и брильянтахъ? Смутное предчувствіе не разъ овладѣвало сердцемъ покойной, и она высказывала его своимъ близкимъ. Увы! Неизъяснимое пророчество жертвы на этотъ разъ не обмануло ея: нераскаянная въ грѣхахъ, застигнутая, быть можетъ, въ первомъ сладкомъ снѣ, она перешла въ лучшій міръ отъ одного прикосновенія негодяя. А онъ взломалъ ея комоды, були и баулы. Онъ всюду искалъ драгоцѣнныхъ камней — и не находилъ. Онъ перерывалъ бѣлье, онъ ломалъ ящики — тщетно! Онъ не зналъ, что все хранилось въ тайникахъ стариннаго туалета, куда нельзя было проникнуть, не зная секрета механизма. Убитая, несмотря на свое колоссальное богатство, была расчетлива, и никто никогда не видѣлъ у нея въ рукахъ денегъ. Злодѣй, понявъ, что онъ даромъ пролилъ кровь, предалъ себя въ руки правосудію и, конечно, понесъ должную кару. Подробности завтра».

...къ сообщалось въ уличномъ листкѣ. Серь...ый, даже мрачный органъ, стоявшій тогда

во главѣ прессы, сообщалъ гораздо болѣе лаконичныя извѣстія. Здѣсь не писали о «низкихъ инстинктахъ ограбленія», а доносили публикѣ о слѣдующемъ:

«Такого-то числа, дочь тайнаго совѣтника такого-то, 59-ти лѣтъ, такая-то, найдена мертвой въ своей квартирѣ, такой-то части, 2 участка, по набережной рѣки Фонтанки, д. № такой-то. Убійца ея, такой-то, служившій у нея лакеемъ, явившись въ мѣстный участокъ, заявилъ о томъ, что имъ задушена такая-то, изъ мести за ея жестокое обращеніе, задержку жалованья, некормленіе и т. д. Убійца арестованъ, трупъ подлежитъ вскрытію».

Когда Сергѣй прочелъ сообщеніе уличнаго листка, онъ даже перекрестился и сказалъ: «Ну, слава Богу, что онъ ничего не взялъ». Онъ ушелъ, по обыкновенію, съ шарманкой. Воротился сердитый и усталый; еле набралъ восемь гривенъ. Онъ справился дома, спрашивалъ ли его кто-нибудь; но никто не спрашивалъ. Онъ зналъ только одно: рѣшетка завтра будетъ готова и даже окрашена.

Прошелъ день. На другое утро опять вышли газеты, и появились новыя подробности.

«Намъ довелось видѣть убійцу, писали въ листкѣ.—Это человѣкъ съ плоскимъ черепомъ, съ плотояднымъ, но мутнымъ взглядомъ, звѣрскаго, отталкивающаго вида. Волосы его небрежно зачесаны на правую сторону, половины лица не

симметричны. Онъ молчитъ, на вопросы не отвѣчаетъ, жалуется на головную боль и впадаетъ въ забытье: очевидно, страшная картина преступленія возстаетъ передъ нимъ и подавляетъ его. Вскрытіе покойной признано излишнимъ, и ея бренные останки будутъ завтра преданы землѣ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ».

Нѣсколько инымъ характеромъ, сравнительно со вчерашнимъ днемъ, отличались извѣстія руководящаго органа прессы.

«Убитая своимъ слугой г-жа Муравьина,—о чемъ уже сообщалось у насъ вчера,—родная сестра извѣстнаго капиталиста. Убійца совершилъ преступленіе не изъ мести, какъ сообщали мы, а въ состояніи опьянѣнія. Все огромное имущество покойной переходитъ къ ея брату, такъ какъ иныхъ родственниковъ у нея нѣтъ. Печальное событіе очень потрясло глубокоуважаемаго мецената».

Замѣтка эта была написана вслѣдствіе давленія на редакцію Кремнева, который объяснилъ редактору, что нельзя ко всѣмъ убитымъ относиться одинаково, что убитый убитому рознь, и надо же выдѣлять капиталистовъ отъ тѣхъ старухъ, которыхъ ежедневно убиваютъ десятками. Редакторъ согласился и обѣщался дать репортеру нагоняй за легкомысліе, при чемъ тутъ же предложилъ Кремневу написать какую ему будь угодно замѣтку.

Веніаминъ Васильевичъ волей-неволей долженъ былъ войти въ квартиру сестры, хотя въ залу, гдѣ она стояла въ гробу, вся окруженная растеніями, и гдѣ служилъ архіерей, онъ не пошелъ. Вскрытіе всѣхъ столовъ назначено было на другой день послѣ похоронъ. Веніаминъ Васильевичъ не пожелалъ даже видѣться съ Иваномъ, сказавъ, что у него слишкомъ слабы нервы.

Зато Сергѣй, послѣ нѣкотораго колебанія, рѣшилъ, что ему необходимо быть на панихидѣ, и скромно стоялъ въ прихожей, усердно молясь. Дѣлалъ онъ это, помимо политическихъ соображеній, для успокоенія души усопшей, дабы она не являлась въ горностаевой шубкѣ, не присѣдала и не называла наслѣдникомъ.

Попробовалъ онъ пойти и къ брату. Но его не пустили, сказавъ, что его перевезли въ лазаретъ, такъ какъ онъ боленъ. Когда Сергѣй спросилъ—чѣмъ, ему сказали—тифомъ. Онъ припомнилъ, что братъ еще въ день убійства говорилъ, что ему нѣсколько дней нездоровится, передъ глазами ходятъ круги и болитъ голова. «Еще оправдаютъ, чего добраго: скажутъ, что въ горячкѣ дѣйствовалъ»,—мелькнуло у него въ головѣ, и мысль эта была ему непріятной.

Похороны Надежды Васильевны вышли торжественны, противъ ожиданія. Съѣхалось множество народа,—всѣ на своихъ чистокровныхъ рысакахъ, въ каретахъ съ гербами. Плакала одна

только миссисъ Флоренсъ,— больше ни у кого слезъ не было замѣтно.

И въ то же самое утро, на сосѣднемъ съ Новодѣвичьимъ монастыремъ кладбищѣ, раздѣленномъ плоскимъ болотомъ съ низкимъ полотномъ царскосельской желѣзной дороги, рядомъ съ «Волковымъ полемъ», гдѣ производилась учебная стрѣльба изъ пушекъ,—въ послѣднемъ разрядѣ, у самаго забора, происходили тоже своего рода похороны. Рябоватый рыжій человѣкъ лѣтъ сорока, въ выгорѣвшемъ зеленомъ пальто, усердно работалъ у небольшой дѣтской могилы. Новая, еще не окрашенная рѣшетка плотно и твердо крѣпкимъ четырехугольникомъ охватывала маленькую насыпь съ бѣлымъ, не успѣвшимъ еще покачнуться крестомъ. Верхи у столбиковъ были, въ самомъ дѣлѣ, остро оструганы, и проскочить черезъ такой барьеръ было бы трудновато. У калитки была привинчена желѣзная скобка и висѣлъ прочный замокъ. Сергѣй самъ обкладывалъ новымъ дерномъ насыпь, нѣсколько разрывъ прежнюю и помѣстивъ тамъ небольшой деревянный ящикъ, обернутый крашенымъ въ голубую краску холстомъ. Внутри помѣщался другой ящикъ—жестяной, плотно заклеенный, а тамъ лежалъ небольшой свертокъ, взятый въ это утро изъ подвала дома Муравьина. Сергѣй былъ тамъ [illegible]вятомъ часу утра, когда чуть ли не весь [illegible] похороны старой барышни.

Онъ объяснилъ управляющему, что Веніаминъ Васильевичъ велѣлъ придти ему за деньгами, а только сегодня, чего добраго, не время, и онъ зайдетъ въ другой разъ. Двери въ подвалъ были даже не заперты, и Сергѣй безъ фонаря, ощупью, дошелъ до своего кирпича и досталъ свой пакетъ. Онъ пошелъ, не торопясь, черезъ дворъ, увидѣлъ, что барину подана уже карета для отъѣзда на выносъ, и, выйдя за ворота, нанялъ перваго встрѣчнаго извозчика на Волково кладбище. Онъ зналъ, что рѣшетка была поставлена еще вчера вечеромъ,—а насчетъ окраски онъ сказалъ, что окраситъ ее самъ.

Еще не было двѣнадцати часовъ, когда зеленый дернъ мягкой бархатистой пеленою прикрылъ ящикъ. Вокругъ не было ни души, только каркали вороны, да позднія бабочки порхали кое-гдѣ между деревьевъ.

«Кажись, хорошо», подумалъ Сергѣй, тщательно запирая замокъ и пробуя рукой, хорошо ли вколочены угольные столбы. «Ну, поди-ка, найди теперь! Какой хочешь слѣдователь зубы сломаетъ».

Онъ перекрестился три раза, поклонился въ землю, надвинулъ шляпу и быстро, черезъ поле и полотно желѣзной дороги, сталъ направляться къ монастырю, чтобы поспѣть на отпѣваніе. Тамъ онъ замѣшался въ знакомую толпу слугъ, тѣснившихся въ сторонѣ отъ знати, наполнившей церковь, и съ любопытствомъ ожидавшихъ погребенія.

XV.

На одномъ коридорѣ съ Сергѣемъ крайнюю маленькую квартирку въ двѣ комнаты занималъ художникъ Палеевъ, небольшого роста, худенькій, хромоногій, съ огромнымъ лбомъ, заброшенными назадъ жидкими волосами, голубыми на выкатѣ глазами и пухленькими губками. Былъ онъ всегда гладко выбритъ и, говоря, слегка шепелявилъ, что придавало какое-то дѣтское выраженіе его наивному лицу. Жилъ онъ съ пьяной и старой чухонкой-кухаркой, которая обѣда ему не варила, такъ какъ обѣдалъ онъ всегда у Липиныхъ, а только стирала на него и убирала комнаты, насколько можно убирать въ мастерскихъ художника. Лѣтъ ему было за двадцать за пять,—онъ былъ вольнослушатель академіи и все собирался сдать экзаменъ по наукамъ, чтобъ получить званіе. Ходилъ онъ въ крылаткѣ и широкополой шляпѣ, какъ и надлежитъ художнику, и только бритое лицо отчасти напоминало актера.

Когда Сергѣй поднялся къ себѣ домой, послѣ похоронъ Муравьиной, художникъ встрѣтился ему въ коридорѣ у самой двери.

— Похоронили? спросилъ Палеевъ, прямо глядя на него своими широкими прозрачными глазам[illegible]къ-то улыбаясь.

[illegible]огну[illegible] и уставился на него.

— Похоронилъ.

— Хорошо закопали? продолжалъ Палеевъ.— Крѣпко?

— Да насчетъ чего вы? разсердился Сергѣй.

— Да все насчетъ того же.

Сергѣй, не отвѣчая, двинулся было къ своей двери, но художникъ его остановилъ.

— Послушайте. А вотъ что не хорошо, такъ не хорошо; зачѣмъ же, родной мой, вы не по закону поступаете?

Сергѣй зналъ Палеева за блаженненькаго, который по улицамъ собираетъ брошенныхъ котятъ и приноситъ домой, который разгружаетъ тяжелые возы на перекресткахъ и возбуждаетъ у мировыхъ судей дѣла о жестокомъ обращенiи лабазниковъ съ крысами, когда они, поймавъ ихъ, сожигали живыми, обливъ предварительно керосиномъ.

— Чего вамъ? еще разъ спросилъ Сергѣй.

— Зачѣмъ же это вы съ Липина такiе проценты-то взяли? Въ еврейскомъ законѣ, и въ томъ указано, что съ единовѣрца такъ брать не надо.

— Отстаньте вы отъ меня. Что за опекунъ!

— Нѣтъ, постойте. Неужели вы думаете, что можно такъ поступать? Неужели вы думаете, что можно жить и дѣлать то, что вы дѣлаете?

Сергѣй засмѣялся.

— А отчего же нельзя?

дет. А оно идет: огромное, страшное,
ное. Вы знаете: мы со всѣхъ сторонъ
силой, той самой силой, которая въ нас
живетъ, которая заставляетъ насъ м
говорить. Сила эта вездѣ, и вотъ она-т
замѣтитъ, что вы проштрафились, и н
вамъ: «Нельзя-де, душенька, безнаказа
дѣлать, нельзя, и за вихоръ васъ, за

Сергѣй стоялъ, силясь понять, о че
ритъ Палеевъ, но никакъ не могъ уло
мысль, а Палеевъ все улыбался.

— Можетъ быть, продолжалъ онъ: —
ня и не завтра вамъ дадутъ эту таску.
быть, вамъ придется ждать много-мно
Но зато ужъ какая она будетъ здоров
не думайте вы, что безъ нея умрете. Ра
другъ мой, всегда бываетъ въ природѣ.
нимаю, право, не понимаю,—ну, что за
быть мерзавцемъ? ...

какого-нибудь угла его кто-нибудь съѣздитъ за это по шеѣ, и если не съѣздили до сихъ поръ, тѣмъ хуже—скоро съѣздятъ. Что за расчетъ, дорогой мой, вѣчно жить въ ожиданіи того, что хватятъ дубиной по лбу? А между тѣмъ, это такъ часто бываетъ: живутъ люди и только того и ждутъ, что ихъ либо посадятъ за мошенничество, либо надуютъ и нищими пустятъ... То ли дѣло, родной мой, спокойная жизнь? Живешь безъ денегъ: день да ночь—сутки прочь. А съ деньгами одна возня: прятать да хоронить. Спрячешь, а кто-нибудь ужъ и подсмотрѣлъ: «А, дескать, вотъ гдѣ у тебя онѣ: ну, вотъ ночью я проберусь, да и заберу все—попробуй, жалуйся, все онѣ у тебя воровскія».

Сергѣй вспомнилъ, что Палеевъ цѣлыми днями шатался по окрестностямъ съ красочнымъ ящикомъ подъ мышкой. Ему пришло въ голову, не былъ ли онъ гдѣ сегодня на кладбищѣ, когда онъ возился у своей рѣшетки.

— Что же это, вы сами кого обокрасть собираетесь? спросилъ онъ.

— Обокралъ бы! съ жаромъ воскликнулъ художникъ.—Видитъ Богъ, обокралъ бы. Воровскія деньги я бы безъ зазрѣнія совѣсти присвоилъ. Да вѣдь я бы не себѣ. Я бы нашелъ имъ дѣло. Я бы ихъ въ ямку не закапывалъ.

— Да кто же деньги въ ямкѣ держитъ? пробормоталъ Сергѣй.

— Держатъ, другъ мой, держатъ. Я многихъ знаю. Покопаютъ, покопаютъ и сунутъ.

Онъ засмѣялся пронзительно и визгливо, такъ что отдалось по всему коридору. Потомъ онъ приподнялъ шляпу и сказалъ:

— Счастливо оставаться, мнѣ домой пора, все утро не былъ дома, котята по мнѣ соскучились.

Онъ побѣжалъ къ себѣ. Сергѣй пристально посмотрѣлъ ему вслѣдъ.

— Вретъ онъ такъ, сбреху, или что знаетъ? проговорилъ онъ самъ съ собой.

Онъ видѣлъ, какъ художникъ остановился вдали передъ своей клеенчатой дверью, позвонилъ и еще разъ махнулъ ему рукою, какъ бы говоря: «попомните, попомните,—это все правда, чистѣйшая правда!» Кухарка отворила дверь. Палеевъ юркнулъ въ нее и захлопнулъ.

Сергѣй плюнулъ и пошелъ къ себѣ. Жена, по обыкновенію, полупьяная, сунула ему въ руки повѣстку.

— Сторожъ приходилъ, въ судъ зовутъ, сказала она.

Сергѣй посмотрѣлъ. Это была повѣстка отъ слѣдователя на завтрашній день.

— Затаскаютъ теперь? спросила жена.

— Не затаскаютъ, отвѣтилъ онъ.

— Чего жъ ты такой?

[illegible]ъ проклятый наскочилъ на меня—

Палеевъ. Говорилъ-говорилъ, какъ сорока, а что,— понять нельзя.

Онъ подошелъ къ шарманкѣ и поправилъ ее.

— Который день отъ работы отсталъ, сказалъ онъ и, помолчавъ, прибавилъ: — ложки-то ты заложи. Платить за Женьку надо.

— Неужто у тебя нѣтъ? спросила она.

Онъ даже разсердился.

— Да откуда жъ у меня,—что я тебѣ за мѣняла? По грошамъ на улицахъ собираешь, да потомъ платить. Передъ Рождествомъ учитель отдастъ—выкупимъ.

— Дожидайся, отдастъ онъ.

— Отдастъ. Справки наводилъ я. Въ трехъ мѣстахъ у него теперь уроки. Половину, да отдастъ. А на другую половину опять векселекъ, и опять полсотенки наживемъ.

Передъ нимъ смутно возстало то, что говорилъ сейчасъ Палеевъ: какая-то сила, что сторожитъ изъ-за угла,

— Такъ лепечетъ — юродивенькій, успокоилъ онъ самъ себя, и легъ на кровать.

— Часа въ три разбуди, сказалъ онъ: — я пойду по дворамъ: вѣдь не дохнуть же съ голода.

И черезъ пять минутъ онъ уже храпѣлъ сномъ праведника, опочившаго отъ дѣлъ своихъ.

XVI.

Первое, что поражало посѣтителя квартиры Палеева,—это необычайное количество кошекъ. Дымчатыя, сѣрыя, черныя, рыжія, совершенно бѣлыя ангорскія,—всѣ онѣ со своимъ потомствомъ уютно располагались на диванахъ, подъ диванами, на столахъ, подъ столами. Котята лазили по скатертямъ, даже полотенцамъ, роняли лампы, стаканы, тарелки, проливали чернила, попадали лапами въ масляныя краски и потомъ гуляли по рисункамъ, оставляя по себѣ слѣды въ родѣ герба французскихъ королей—трехлистной лиліи. Когда онъ приходилъ домой, онѣ сбѣгались къ нему со всѣхъ сторонъ, сыпались съ мебели, со стѣнъ, иныя даже вылѣзали изъ печекъ, всѣ въ золѣ и пеплѣ. Онѣ, ласково выпуская когти, теребили его за короткія панталоны; иныя, болѣе юныя и предпріимчивыя, лѣзли на него, точно брали его вниманіе штурмомъ, добирались до плеча и тыкались мокрымъ носомъ въ щеку. Онѣ спали у него на постели, забирались на самое его лицо, лежали рядомъ на подушкахъ Оставалось удивляться, какъ онъ не раздавливалъ на смерть ихъ, когда поворачивался съ боку на бокъ.

Иногда количество этихъ хищныхъ звѣрковъ разрасталось до такого числа, что чухонка предлагала Палееву произвести демобилизацію. Тогда художникъ, взявъ подъ широкія складки своей

альмавивы двухъ или трехъ котятъ, шелъ съ ними, выискивая соотвѣтствующаго для нихъ помѣщенія. Иногда онъ останавливался у какой-нибудь лавчонки, гдѣ нехитрымъ товаромъ торговала баба, и, осмотрѣвшись, говорилъ:

— А кошки у тебя нѣтъ? Хочешь я тебѣ дамъ кошку? Хорошую кошку.

И онъ неожиданно вытаскивалъ изъ кармана востроглазаго котенка и начиналъ выхвалять свой товаръ.

— Хвостъ-то какой, хвостъ! А? Вѣдь имъ ламповыя стекла чистить можно. А усищи? Ты думаешь, у кита больше?

Если баба отказывалась, онъ производилъ давленіе на ея корыстолюбіе.

— Да ты думаешь, я его тебѣ такъ и дамъ? Нѣтъ, моя радость, я вѣдь иначе какъ съ приданымъ не отпускаю ихъ изъ дома. Ты получишь сейчасъ два рубля, и потомъ по рублю каждый мѣсяцъ, если только онъ будетъ здоровъ.

На такихъ условіяхъ, новый жилецъ всегда принимался. Вмѣсто паспорта, Палеевъ оставлялъ записку, гдѣ значилось, что котъ, родившійся такого-то числа, называется Аѳанасіемъ Ивановичемъ и родился отъ Ивана Тимоѳеевича и Пелагеи Ивановны. Потомъ онъ, дѣйствительно, его навѣщалъ и платилъ аккуратно контрибуцію, пока хозяйка не привыкала къ коту настолько, что принимала его въ члены своей семьи.

Гораздо больше, чѣмъ кошекъ, было у Палеева картинъ и этюдовъ. Они сплошь покрывали всѣ стѣны, представляя безконечное разнообразіе мотивовъ. Тутъ были утра, полдни, вечера, лунныя ночи, дожди, туманы, лѣса, побережья, рѣчки, зимы, весны, лѣта и осени. На хмурыхъ кавказскихъ горахъ клубились синія тучи и ползли пушистыми комьями по отрогамъ горъ, показывая межъ разорванныхъ клубовъ снѣжныя жемчужно-серебристыя вершины. Украйна горячими золотистыми закатами сіяла и переливалась густою пшеницей. Задумчивыя, прозрачныя сѣверныя ночи отражались въ недвижномъ зеркалѣ лиловыхъ водъ, по которымъ только мѣстами мелкой дребезжащей рябью серебрился вѣтерокъ. Повисшіе паруса дремали въ густыхъ сумеркахъ, сгущавшихся надъ Волгой, и свѣтъ костра, разведеннаго на берегу, игралъ кровавыми пятнами на расписныхъ кормахъ барокъ. Изъ-подъ глубокаго снѣга чернѣлась покривившаяся избушка, слегка освѣщенная блѣдной передсумеречной луною, и бѣлый заяцъ весело прыгалъ чрезъ тропинку.

На полу стояли папки,—въ нихъ лежали карандашные рисунки—неизбѣжныя копіи съ Калама, этюды деревьевъ, разныя избушки, этюды бабъ и мужиковъ, голые натурщики и большія античныя головы, рисованныя въ академіи итальянскимъ карандашомъ. На нѣсколькихъ мольбер-

тахъ стояли конченныя картины, при чемъ на одной изъ нихъ, какъ разъ на небѣ, чернѣла огромная дыра: или художникъ проткнулъ холстъ недовольный работой, или картина упала и сама покончила съ собой самоубійствомъ. Въ углу, на этажеркѣ стоялъ вылѣпленный изъ глины цѣлый поселокъ: избушки, погреба, заборы—все раскрашенное въ натуральный цвѣтъ. Пахло масляной краской, скипидаромъ, холстомъ. Пыли нигдѣ не было и помина.

Палеевъ былъ веселъ. Эстампный магазинъ, куда онъ сдавалъ свои картины на продажу, совершенно неожиданно продалъ какую-то его «зиму» высокопоставленному лицу, случайно заѣхавшему въ магазинъ купить карточки Патти и маршала Мольтке. Ему вручили двѣсти рублей, и хотя онъ зналъ, что магазинъ взялъ себѣ тоже не менѣе двухсотъ за комиссію, все-таки онъ былъ доволенъ. Безъ магазина онъ бы не продалъ картины и за сто рублей; а магазину надо же было окупать дорогое помѣщеніе на солнечной сторонѣ главной улицы и брать процентъ за знакомство съ высокопоставленными лицами.

Онъ вынулъ изъ глубокихъ кармановъ плаща бутылочку какого-то сомнительнаго тенерифа и стеклянную коробку съ паюсной икрой. Потомъ подозвалъ чухонку и сказалъ:

— Вотъ тебѣ три рубля. Возьми себѣ.

— За что? удивилась она.

— Такъ, за то, что не воруешь.

Она что-то заворчала подъ носъ и пошла на кухню. Палеевъ воротилъ ее.

— Вотъ еще сорокъ копеекъ: это на кошачью команду, сказалъ онъ.—Купи имъ мелкой рыбы—плотицы, что ли, только снулой. И сыренькую въ чашки положи, да сверху снятымъ молочкомъ полей, да немножко ситнаго хлѣбца. Пусть поѣдятъ.

— Они сыты: сегодня не дамъ, завтра, сказала она и взяла деньги.

Художникъ вынулъ засаленный бумажникъ и внимательно посмотрѣлъ на сторублевую бумажку: онъ давно ея не видѣлъ. Послѣднее время все приходилось получать по грошамъ, а теперь сразу капиталъ.

Онъ развязалъ еще сверточекъ, вынулъ двухфунтовую коробку съ тянушками и поставилъ ее къ тенерифу и къ икрѣ; потомъ опять полѣзъ въ другой карманъ и вытащилъ тяжелый свертокъ металлическихъ пузырьковъ съ масляными красками. Онъ пересмотрѣлъ внимательно ихъ этикеты, переложилъ въ ящикъ, вынулъ оттуда доску, отрѣзалъ по ея размѣрамъ кусокъ полотна и накрѣпко прикрѣпилъ его кнопками.

— Важнецкій холстъ! проговорилъ онъ.—Ишь-ты, какъ богато загрунтованъ.

Онъ заперъ этюдный ящикъ. Опять позвалъ чухонку, спросилъ, вымыты ли кисти, и напом-[illegible]ъ три часа ночи ему нуженъ само-

варъ, — если только небо будетъ ясное. А если будетъ сѣро, тогда онъ и въ девять не встанетъ.

— Да знаю я все! буркнула она. — Вы вчера говорили.

Старуха всегда объяснялась съ бариномъ такъ, какъ будто онъ ее нещадно и несправедливо ругалъ, а она, не вынося больше такой жизни, рѣшила первый разъ въ жизни оправдаться.

Онъ всталъ, взялъ свои покупки и хотѣлъ итти изъ комнаты, когда вошелъ Женя.

— Вы обѣдать къ Липинымъ? спросилъ онъ.

— Да. Что ты какой кислый?

Онъ поставилъ свои припасы снова на столъ.

— Да нечему радоваться, отвѣчалъ Женя. — Ужъ очень гнусно вокругъ.

— А прежде лучше развѣ было?

Женя махнулъ рукой.

— Всегда было то же. Только прежде какъ-то по-дѣтски на все смотрѣлось. А теперь все съ каждымъ годомъ хуже и хуже.

Художникъ развелъ руками.

— Что жъ, другъ, дѣлать. Терпи.

— Я уйду отъ отца, хмуро сказалъ мальчикъ.

— Куда?

— Къ вамъ.

Брови художника поднялись.

— Отецъ не согласится.

— Согласится. У меня урокъ наклевывается второкласснику. Буду получать пятнадцать рублей.

Десять вамъ отдамъ за квартиру. Обѣдать буду ходить къ матери. А только жить у нихъ больше я не могу. Душу вывернули.

— Десяти твоихъ рублей мнѣ не надо, сказалъ Палеевъ.—Коли хочешь ночевать у меня—ночуй. А днемъ и безъ того ты всегда у меня. За что жъ я съ тебя брать буду? Что жъ, живи.

Женя внезапно обнялъ и поцѣловалъ художника въ щеку.

— Спаситель вы мой! сказалъ онъ.

Палеевъ пристально глянулъ ему въ глаза.

— Да въ чемъ дѣло? спросилъ онъ.

Мальчикъ съ болью закусилъ нижнюю губу.

— Дѣло? глухо заговорилъ онъ.—Убійство генеральши...

— Ну?... Говори: котята одни вокругъ.

— Тутъ что-то отецъ замѣшанъ, выговорилъ онъ наконецъ.—Сейчасъ послѣ убійства его вызвала какая-то барыня. Онъ воротился, его всего трясло.

Художникъ закивалъ головой.

— Такъ, такъ: я такъ и думалъ.

— Когда я сказалъ ему объ этомъ, продолжалъ Женя, держась за голову:—онъ убить меня хотѣлъ...

— Успокойся, успокойся, говорилъ Палеевъ, гладя его по головѣ, какъ ребенка.—Ты при чемъ же тутъ?

— Да вѣдь онъ отецъ мой! съ ужасомъ воскликнулъ мальчикъ.

Палеевъ свистнулъ.

— Отецъ отцомъ, а ты—самъ по себѣ. Ты за дѣла его не отвѣчаешь.

Онъ опять забралъ бутылку и все прочее.

— Приходи вечеромъ, покалякаемъ, сказалъ онъ.

— Не могу я заниматься, говорилъ Женя. — Завтра много уроковъ, а я сообразить ничего не могу.

— Вотъ что, сказалъ художникъ. — Ты лягъ здѣсь на диванъ и поспи до моего прихода. А завтра мы съ тобой поѣдемъ на этюды. Я въ три часа ночи ѣду. Тебя обдуетъ вѣтеркомъ, и будетъ лучше.

Онъ кивнулъ ему головой и, не надѣвая шапки, пошелъ къ Липинымъ.

XVII.

Его уже ждали. Вѣрочка бросилась радостно къ нему навстрѣчу.

— У насъ пельмени сегодня! кричала она.

— Есть и еще кое-что получше пельменей, возразилъ онъ, лукаво прищуривая глазъ и мигая на свои свертки.

— Опять вы что-то притащили! сказала госпожа Липина, дама съ лицомъ, плававшимъ въ сплошномъ добродушіи.

— Но главное, опять самъ притащился! подхватилъ художникъ.—Каждый день таскаюсь и

жру за двоихъ. Вотъ,—обратился онъ къ хозяину:— принесъ я чудеснѣйшую бутылочку тенерифцу и думаю, что мы ее сегодня на радостяхъ разопьемъ,

— На какихъ радостяхъ, маэстро? спросилъ учитель.

— Улыбка судьбы, профессоръ. Мимоходомъ судьба улыбнулась. А этимъ надо пользоваться. Показалось солнышко, и все хоть на минутку засвѣтилось,

— А это что? спрашивала Вѣрочка о сверткѣ.

— Это, душечка, спеціальное снадобье для порчи зубовъ и желудковъ. А такъ какъ ты это любишь, то я и принесъ тебѣ на послѣобѣденное времяпровожденіе.

— Давать обѣдать? спросила толстая нянька, просунувшись изъ-за двери.

— Давай, няня, давай: мы всѣ собрались.

Художникъ побѣжалъ за нянькой и, сунувъ ей въ руку икру, просилъ предварительно подать ее на столъ.

— Да что же случилось? спрашивалъ Липинъ.— Говори, безпутный пейзажистъ.

— Меня моя чухонка зоветъ не пейзажистомъ, а пассажиромъ, поправилъ Палеевъ.—Она такъ и гостямъ всегда сказываетъ: живетъ здѣсь пассажиръ такой-то.

— Ну, пассажиръ, выкладывай свой багажъ,— мы слушаемъ.

— Да ничего, дяденька, такого не случилось. А только, если желаете, могу вамъ одолжить сто рублей.

— О-о! Нареченный мой сынъ, несчастный пассажиръ, приди въ мои объятія. Денегъ твоихъ въ такомъ количествѣ не надо, а рублей двадцать до жалованья возьму.

Икра произвела эффектъ. Липинъ съѣлъ кусокъ и сказалъ женѣ:

— Слушай, мать, это такъ хорошо, что я еще выпью рюмку настойки.

— Вы добрый, дядя Леша, вы хорошій, сказала Вѣрочка.

Художникъ шаркнулъ подъ столомъ ногами и послалъ ей черезъ столъ поцѣлуй.

— Спасибо за комплиментъ, сказалъ онъ.

— Конечно, добрый. Вотъ вы папѣ деньги даете безъ процентовъ. А шарманщикъ беретъ съ него сколько.

— Такъ онъ на то и шарманщикъ. Ему и Богъ велѣлъ.

— А отчего Женя хорошій?

— А ужъ это такъ, для оттѣнка. Ты знаешь, въ пейзажѣ всегда рядомъ съ самымъ сильнымъ свѣтомъ—самая сильная тѣнь. А вотъ я вамъ новость сообщу: Женя ко мнѣ переѣзжаетъ.

— Видѣть не могу его мамашу, сказалъ Липинъ.

— Да, съ удовольствіемъ бы вздернулъ ее на осину, подтвердилъ Палеевъ.

— Господи, что вы говорите! остановила ихъ г-жа Липина.

— Вы знаете мою мягкость и сахарность, сказалъ ей художникъ.—Я котенка не обижу, щеночка пріючу. Но когда мнѣ встрѣчается такая востроносая галка, я перестаю вѣрить, что она родилась отъ человѣка. Вѣдь признаковъ подобія Божія нѣтъ.

— Всѣ мы грѣшны, отозвалась хозяйка, разливая супъ.

— Всѣ, подтвердилъ Палеевъ.—Мы всѣ въ шерсти ходимъ. Мы даемъ себѣ обрастать. Вотъ Женька—онъ пока славный, а смотри, тоже медвѣжьей шкурой покроется. Только дѣтьми еще и похожи на людей. Дѣти больше знаютъ, чѣмъ мы, больше понимаютъ.

— Вы знаете, дядя Леша, заговорила Вѣрочка:—когда я маленькой была, я увѣряла маму, что помнила себя деревомъ. Я разсказывала ей, что стояла на лугу и цвѣла. А потомъ въ меня ударила молнія, и я умерла. Такая я была глупая.

— Ты не глупая была, поправилъ ее художникъ:—а ты больше помнила свое прошлое, чѣмъ мы его помнимъ.

— Какъ, маэстро, ты вѣришь въ переселеніе душъ! воскликнулъ Липинъ, обваливая кусокъ вареной говядины въ хрѣнѣ со сметаной и отсылая его въ ротъ.

— Вѣрю, сказалъ художникъ.—Я убѣжденъ,

что духъ нашъ составляетъ часть вселенной, часть того начала, откуда все. И онъ претерпѣлъ извѣстныя стадіи совершенствованія. Только я не вѣрю, что человѣческій духъ можетъ вселяться въ болѣе несовершенныя существа.

— Ху! ху! Какая философія! сказалъ учитель.—Великій пейзажистъ, господинъ Палеевъ,— это слабо! Вы философъ на два балла.

— Я знаю, вы—реалистъ, не унимался Палеевъ.—Я васъ люблю, потому что вы самый лучшій человѣкъ, какого я знаю. Однако, и вы обросли шерстью.

— Обросъ, согласился Липинъ.—Съ этимъ я не спорю.

— Вы думаете о семьѣ, о Вѣрочкѣ, объ урокахъ, о географіи, но не думаете о духѣ. Это оттого, что вы ушли отъ природы. Вы не знаете ея. Вы не дѣлаете никому зла, вы хорошій учитель, вы любите дочь, но не любите солнца.

— Почему не люблю?

— Потому, что если бъ вы его любили, вы бы любовались имъ, смотрѣли на него.

— На солнце, мудрый мой, смотрѣть нельзя: ослѣпнешь.

— А вы смотрите на него, когда можно. Смотрите на него во время восхода. Сознайтесь, вы давно видѣли восходъ?

Липинъ задумался.

— Давно. Не помню когда.

— Ну, не въ шерсти вы? Величайшая по красотѣ картина,—каждый день показываютъ ее даромъ, а всѣ спятъ во всю, и никому дѣла никакого нѣтъ до зари. Иной, если и вспомнитъ, да скажетъ: успѣю насмотрѣться, а сегодня некогда.

Вѣрочка съ удивленіемъ посмотрѣла на мать.

— Мама, а вѣдь я не видѣла восхода солнца, сказала она.

— Въ городѣ что за восходъ, утѣшила ее мать:— вотъ у твоего дѣда въ деревнѣ, бывало, я часто смотрѣла, какъ солнышко встаетъ. Оно изъ-за далекаго лѣса вставало, и прямо противъ моего окошка.

— Вѣра, строго сказалъ художникъ.—Всегда помни пятую заповѣдь, но сегодня мамѣ не вѣрь. Солнце и здѣсь встаетъ не хуже, чѣмъ въ деревнѣ. Я тебѣ покажу его какъ-нибудь. Можешь встать утромъ чѣмъ свѣтъ?

— Могу! воскликнула дѣвочка, и глаза ея блеснули.

— Ну, проси, чтобъ тебя со мной отпустили.

— Вотъ что, сказалъ Липинъ: — шерсть-шерстью и останется. А вотъ скажи ты мнѣ: что, лучше дѣлаются люди съ теченіемъ времени, или нѣтъ? Количество зла уменьшается, или нѣтъ?

— Уменьшается, отвѣтилъ художникъ, не задумываясь. — Иначе не можетъ и быть. Было время, когда всѣ на землѣ съѣсть готовы были

другъ друга. Жили въ лѣсахъ и на каждаго, не изъ своей семьи, смотрѣли, какъ на врага. А потомъ, что дальше, то лучше стало.

— И наступитъ время, что зла не будетъ? засмѣялся Липинъ.

— И наступитъ время, что зла не будетъ, подтвердилъ художникъ.

— Утопистъ ты, утопистъ! сказалъ учитель.— Счастливъ ты, коли въ это вѣришь. А я вотъ человѣка звѣремъ считаю, и ничѣмъ инымъ. Я не вѣрю, что онъ можетъ исправиться: не привить къ нему добраго отростка. Такъ-то, несчастный философъ, такъ-то, почтенный другъ мой, такъ-то, жалкій мазилка, наша будущая знаменитость!

— Нѣтъ, крикнулъ Палеевъ, и даже ударилъ ладонью по столу:—не вѣрю я въ это. Если бы хоть одну минуту повѣрилъ, я бы головой въ воду. Я вѣрю, что вотъ они,—онъ показалъ рукой на Вѣрочку, — будутъ лучше насъ, а ихъ дѣти еще лучше, чѣмъ они сами. Все впередъ, всегда впередъ и впередъ, къ добру и свѣту. Нельзя назадъ итти, человѣчество идетъ отъ мрака, идетъ куда-то, къ какой-то цѣли, которой никто не знаетъ; но оно совершенствуется. Слышите: да и да!

XVIII.

Обѣдъ былъ конченъ, пришелъ Женя, за которымъ ходила на квартиру Палеева няня, а художникъ все горячился и все доказывалъ, что будетъ время, когда одно добро будетъ на свѣтѣ. Онъ уже охрипъ и сопѣлъ отъ надсады.

— Что ты называешь добромъ, маэстро? говорилъ Липинъ, кривя свой ротъ въ ироническую улыбку.—Если жизнь, здоровье, спокойствіе людей будетъ пощажено, если будутъ уравнены экономическія условія,—будетъ ли добро насаждено въ мірѣ? Если не будутъ убивать животныхъ, мучить ихъ,—уничтожатся ли на землѣ страданія? Развѣ не будутъ ястреба уносить цыплятъ, ласточки глотать мухъ, тигры раздирать людей? Развѣ не такъ же ли будутъ болѣть зубы? Развѣ ты искоренишь чахотку, дифтеритъ? А разъ все это будетъ,—то что твое добро: не будетъ ли это каплей и крупицей?

— Мы говоримъ о здоровыхъ, а не о больныхъ, о людяхъ, а не о звѣряхъ, хрипѣлъ Палеевъ.—Предоставь мертвымъ хоронить мертвыхъ, а живые пусть думаютъ о живомъ. Пусть правда будетъ среди насъ, пусть любить мы будемъ, а не ненавидѣть,—и ничего болѣе не надо.

— А вотъ мы спросимъ молодое поколѣніе, сказалъ учитель и обратился къ гимназисту:—Скажи, ты можешь только любить и никогда никого не ненавидѣть?

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ, подумавъ.

— Ну, а можешь ты, подхватилъ художникъ:— воспитывать своихъ дѣтей въ той обстановкѣ, какъ ты воспитываешься?

— Нѣтъ, горячо отвѣтилъ Женя,

— Ну, вотъ! торжествовалъ художникъ.—Если ты не разучился еще ненавидѣть, то все же можешь отучить отъ ненависти будущее поколѣніе. Онъ первый свободный человѣкъ своего рода; въ немъ еще много горечи, что̀ накипѣло въ его отцѣ и дѣдѣ,—онъ еще отъ нея не избавленъ; но онъ научитъ своихъ дѣтей и терпимости, и правдѣ. Научишь?

Женя улыбнулся.

— Постараюсь, сказалъ онъ.

— Молодецъ, крикнулъ учитель. — Вѣра, дай ему за это тянушку.

Когда стемнѣло и на небѣ стали показываться звѣзды, Палеевъ вышелъ на крохотный балкончикъ квартиры учителя.

— Не красота? сказалъ онъ, всматриваясь въ млечный путь.—Смотрите, какая красота эта полярная звѣзда. Чистая такая, одинокая, хрустальная, холодная. Вѣчный маякъ. Кто умѣетъ ненавидѣть, пусть чаще смотритъ на звѣзды. Впрочемъ, говорятъ, свинья не можетъ видѣть неба,

— Маэстро, отозвался учитель:—ты, братецъ, сильно опоздалъ. Ты долженъ былъ родиться лѣтъ на семьдесятъ пять раньше. Тебѣ присталъ

бы больше цвѣтной кафтанъ и косица сзади: ты романтикъ, да еще на подкладкѣ сентиментализма. А и то сказать: Господь съ тобой, живи, ухаживай за котятами, пиши пейзажики.

— Я знаю, вы не любите живописи, сказалъ художникъ.

— Я не понимаю, зачѣмъ она, подтвердилъ Липинъ.—По-моему, все, что пишутъ художники, изъ рукъ вонъ плохо. Развѣ это лица смотрятъ съ полотенъ,—просто желтыя лепешки. Ничего общаго съ человѣческимъ лицомъ нѣтъ: все это скучно, плоско, никому не нужно.

— А что же нужно, великій профессоръ?

— Да что нужно? Нужно быть мало-мальски порядочными людьми. А искусство этому не поможетъ. Говорятъ, искусство облагораживаетъ: вздоръ все это. Что оно можетъ облагородить? На что нужны всѣ эти мужички, коровки и собачки? Да ну ихъ совсѣмъ. Зачѣмъ намъ нужна «Травіата» и «Русалка»? Да я, — деньги плати мнѣ,—не пойду ихъ смотрѣть.

— И вѣдь онъ всегда былъ такой, подтвердила Липина. — Всегда его ни на выставку, ни въ театръ нельзя было вытащить. У него отъ оперы изжога дѣлалась.

— Ну, у грековъ тамъ какіе-то были народные идеалы, продолжалъ Липинъ:—которые воплощались въ искусствѣ. А у насъ, позвольте спросить, какой идеалъ народный воплощается

въ картинахъ? Ну, вотъ въ твоихъ еще работахъ есть хоть извѣстный географическій интересъ: «вотъ, молъ, господа честные, посмотрите, рѣка Терекъ; вотъ городъ Санктъ-Петербургъ, основанный Петромъ Великимъ; вотъ изба великороссійскаго крестьянина, безъ крыши и подпертая кольями. Ну, а, скажи на милость, для какого лысаго бѣса нуженъ намъ этотъ «Послѣдній день Помпеи»? Что, скажи пожалуйста, общаго между мною и этой размалеванной дребеденью?..

— Ну, объ этомъ долго говорить, сказалъ художникъ. — Васъ не переспоришь сразу. Когда-нибудь на досугѣ отведемъ душу. А теперь, шерочка, скажите: отпустите вы вашу единственную дщерь со мною утромъ солнце писать? И Женька пойдетъ. Пойдешь?

— Пойду, отвѣтилъ мальчикъ.

— Коли хочетъ, пускай идетъ.

Вѣрочка бросилась къ матери и обвила ея шею руками.

— Мамочка, позволь, ради Бога.

Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, г-жа Липина согласилась. Рѣшено было, что къ тремъ часамъ она встанетъ и, напившись чая у художника, отправится вмѣстѣ съ нимъ на этюдъ.

— Что же вы думаете, спросилъ Палеевъ, прощаясь съ хозяиномъ и подождавъ, чтобъ Женя ушелъ:—что вы думаете объ этомъ шарманщикѣ?

Если онъ ростовщичествуетъ, способствуетъ убійству, укрываетъ деньги, не будетъ онъ когда-нибудь за все наказанъ?

— Полиціей?

— Нѣтъ, не полиціей, а кой-чѣмъ побольше!

— Повѣрь, Апеллесъ, что онъ кончитъ жизнь упитанной жирной свиньею, счастливо отойдетъ на своей сальной постели, когда ему Богъ по душу пошлетъ; да еще въ завѣщаніи монастырямъ что оставитъ и будетъ считать, что совершилъ въ предѣлахъ земныхъ все земное.

— А я говорю: нѣтъ! крикнулъ художникъ.

Всѣ рано отправились по постелямъ, чтобы завтра пораньше встать. Августовская темная звѣздная ночь тихо плыла надъ городомъ. Фонари дробились зигзагами въ каналахъ и рѣкахъ. Дребезжаніе дрожекъ становилось все рѣже. Гулъ толпы сосредоточивался только на главныхъ улицахъ, да и тамъ замиралъ понемногу. Лавки и магазины закрывались, огни тухли. Сонъ постепенно овладѣвалъ всѣми,—и людьми, и животными, и, казалось, самыя громады домовъ засыпали.

На больничной койкѣ, въ несвязномъ безпорядочномъ бреду, лежитъ Иванъ Новиковъ. Онъ говоритъ о какомъ-то сверткѣ, потчуетъ кого-то пивомъ, увѣряя, что туда ничего не положено. Слабо мерцаютъ ночники. Дежурный фельдшеръ,

сморщась, смотритъ на него и говоритъ сестрѣ милосердія:

— Швахъ, сестрица; кажется, наша наука безсильна по отношенію этого индивидуума.

Зато Сергѣй легко и свободно дышитъ на своемъ супружескомъ ложѣ. Онъ забылъ про судебнаго слѣдователя, онъ принесъ домой рубль шесть гривенъ, собранныхъ по дворамъ, и счастливъ своимъ честнымъ заработкомъ. Еще болѣе онъ счастливъ тѣмъ, что другія деньги зарыты далеко и прочно, и рѣшетка заперта крѣпкимъ замкомъ. Онъ такъ счастливъ, что даже не слышитъ виннаго запаха и тяжелаго кашля возлѣ себя. Онъ даже не думаетъ о томъ, что запой его супруги доведетъ ее до чахотки.

Женя спитъ въ квартирѣ художника на широкомъ диванѣ. Ему давно такъ не спалось,— даже котята ему не мѣшаютъ: они темными комочками тамъ и сямъ расположились на ночлегъ.

Вѣрочка спитъ тревожно, не по-дѣтски, она просыпается и смотритъ на часы. Она боится проспать разсвѣтъ; ее охватываетъ какая-то дрожь. Она наканунѣ великаго событія. Она увидитъ необычайную картину, — какъ будетъ всходитъ солнце. И ей во снѣ солнце кажется огромной огненной аркой, и она трепещетъ въ сладкомъ восторгѣ.

Та же ночь окутала своимъ мракомъ свѣжую могилу съ крестомъ на кладбищѣ Новодѣвичьяго

А на сосѣднемъ кладбищѣ, по
похоронены ея деньги. Онѣ тамъ
и спокойно, прикрывая собою мал
дѣвочки. И сторожатъ ихъ святая
венность кладбищенскаго мѣста и
августовской ночи.

XIX.

Подрагивая отъ утренняго холо
Вѣрочка и Женя весело шли по сон
Улицы, хорошо имъ знакомыя, тепе
шеходовъ и проѣзжихъ, при неприв
цанiи утра, имѣли совсѣмъ иной ви
какъ всегда. Сонные городовые п
посматривали на человѣка въ широ
и широкополой шляпѣ, съ этюдным
въ рукѣ, веселаго и улыбающагося.
молчаливъ и сосредоточенъ. Вѣроч
и весела. Она скоро оправилась от

барина и, не говоря ни слова, пошелъ на край плота, откуда и привелъ маленькую пузатую двухвесельную шлюпку, что всегда бралъ Палеевъ. Вѣрочка боязливо перепрыгнула черезъ бортъ; Женя, какъ опытный гребецъ, сѣлъ на весла, а художникъ помѣстился на рулѣ.

Мужикъ оттолкнулъ ихъ, сказалъ: «Съ Богомъ!» почесался, зѣвнулъ и пошелъ къ себѣ въ конуру.

Небо было холодное, ровное, какъ мраморная доска, голубовато-сѣрое. Сѣровато-лиловымъ казался и весь городъ, и набережныя, и зданія, что поплыли мимо ихъ. Огромный куполъ собора, съ яркими золотыми звѣздами, плылъ, какъ сказочная декорація, въ тюлевой дымкѣ прозрачнаго воздуха. Встрѣчныхъ судовъ не было; только одна пустая барка шла противъ теченія на шестахъ. Чугунный, окрашенный въ коричневую краску, Египетскій мостъ на цѣпяхъ воздушной кружевной гирляндою надвинулся сверху и, какъ ночное сновидѣніе, пронесся надъ ними и отошелъ назадъ. Спящія громады домовъ непрерывною цѣпью проплывали, заворачивались за уголъ и пропадали, а на смѣну имъ шли новыя, съ длинными высокими трубами и башнями.

Вотъ еще мостъ, — старый памятникъ екатерининскаго вѣка. Онъ весь каменный, съ четырьмя гранитными башнями и цѣпями. Цѣпи теперь уже не нужны: теперь не подымаютъ

кверху деревянныхъ площадокъ для пропуска судовъ, но все-таки онѣ висятъ на память о томъ времени, когда пудреные маркизы, верхами и въ золотыхъ каретахъ, въ треугольныхъ придавленныхъ шляпахъ съ плюмажемъ, ѣздили черезъ Фонтанную рѣчку. Сами они сгнили въ своихъ гробахъ; въ ихъ золотыхъ каретахъ долгое время возили молодыхъ на купеческихъ свадьбахъ; но и кареты развалились, — а мосты попрежнему стоятъ несокрушимо, какъ сѣрые призраки, какъ тѣни давно минувшаго.

Еще заворотъ. Рѣка дѣлается шире. Засинѣли купы деревьевъ. Пахнуло сыростью. Какой-то пароходикъ прошмыгнулъ сердито мимо и поднялъ за собою пѣнную волну, такъ что шлюпка пугливо закланялась ему своимъ носомъ—какъ будто испугавшись, что не замѣтила сразу и не отдала почтенія старшему собрату. Съ боковъ идутъ деревянныя высокія набережныя. На большой воротъ что-то наверчиваютъ четыре мужика. Вотъ будка и сторожъ. А шлюпка идетъ все дальше и дальше.

Широкая гладь морского залива развертывается роскошнымъ водянымъ пологомъ. Конца нѣтъ этой серебряной безконечной поверхности, которая не дрогнетъ ни одной струйкой и свѣтло, чисто, прозрачно отражаетъ сады, суда и набережныя. Тамъ, гдѣ Нева голубоватою рябью впадаетъ въ заливъ, тамъ безмятежная гладь мор-

щится, отраженія испуганно дробятся и исчезають. Тамъ, въ устьяхъ огромной рѣки, все кажется гигантскимъ. Висятъ гигантскіе краны надъ водою; огромныя верфи съ стеклянными крышами высоко воздымаются кверху. Чудовищныя морскія суда—выше пятиэтажныхъ домовъ. Красныя лопасти ихъ винтовъ кажутся какими-то адскими приспособленіями для пытокъ. Но и они всѣ отходятъ назадъ, уменьшаются, и только темный, съ золотой шапкой куполъ собора царитъ надо всѣмъ городомъ въ своемъ мрачномъ величіи.

Купы зелени все ближе. Душистымъ сырымъ ароматомъ осенняго утра тянетъ съ берега. Палеевъ искусно правитъ рулемъ, и лодка летитъ между тростниками и камышомъ. Спугнутая пара утокъ тянетъ надъ ними, и ясно видна ихъ вытянутая, какъ по шнурку, шея, круглая головка, и носъ, точно составляющій продолженіе шеи,— и кажется, что эта головка воткнута на вертелъ, а не принадлежитъ птицѣ.

— Вы не охотитесь, дядя Леша? спросила дѣвочка.

— Нѣтъ, моя радость.

— Отчего же? Вѣдь утки вкусныя.

— Да. Только убивать вѣдь ихъ надо?

— Надо.

— Ну, пусть это дѣлаютъ другіе. Я разъ выстрѣлилъ...

— Ну, и что же?

— Когда шлепнулся куличокъ въ воду и собака его принесла, — онъ живъ еще былъ. Мужиченко, что былъ съ нами, взялъ его изъ зубовъ собаки и прикусилъ ему горло...

— Какъ? Самъ прикусилъ? удивилась дѣвочка, а Женя только поморщился.

— Да. Разница была только въ томъ, что мы потомъ его зажарили и съѣли, а мужиченко его не ѣлъ, а прикусилъ живьемъ. Потомъ отплюнулъ кровь, утеръ рукавомъ бороду. Съ тѣхъ поръ я больше не билъ птицъ.

Онъ нахмурился и круто повернулъ шлюпку въ маленькій заливчикъ.

Небо зарозовѣло. По голубовато-сѣрому фону зардѣлись прозрачныя алыя тучки. На востокѣ что-то зазолотилось, но неясно,—точно какое-то предчувствіе свѣта проступало пятнами тутъ и тамъ.

Съ того мѣста, гдѣ остановилась шлюпка, былъ дугой виденъ заливчикъ, весь окаймленный сочными деревьями, пышно разросшимися на влажной почвѣ. Вся листва была коричневой, мѣстами лиловатой; по вершинамъ деревьевъ ползалъ молочный туманъ и придавалъ имъ разныя очертанія. Онъ то опускался, то поднимался, то зацѣплялъ сѣренькую избушку у берега, то сворачивался клубами и плылъ надъ зеркаломъ воды.

Палеевъ быстро раскрылъ этюдникъ, и, укрѣпивъ лодку между камнями, принялся за работу, указавъ сзади себя кистью и пробурчавъ Вѣрочкѣ:

— Смотри, солнце тамъ встанетъ.

Женя, сложивъ весла, подперъ руками подбородокъ и разсѣянно сталъ смотрѣть въ стальную даль моря, откуда, какъ диковинныя птицы, еле шли на широко разставленныхъ парусахъ морскія суда. Вѣрочка помѣстилась за спиною художника и наблюдала, какъ краски переходили изъ пузырьковъ на палитру, какъ на палитрѣ онѣ путались и смѣшивались и какъ съ палитры переходили на холстъ и ложились стройными, гармоническими аккордами. Она наблюдала и съ изумленіемъ видѣла, что въ этомъ утреннемъ серебряно-опаловомъ небѣ смѣшались цѣлые десятки разныхъ красокъ. Несмотря на молочную блѣдность, казавшуюся однообразной, на небѣ не было ни одного клочка, похожаго цвѣтомъ другъ на друга. Снизу, возлѣ тумана, небо розовѣло и тихо переходило въ серебристо-палевую нѣжную полосу; надъ нею шли такія же блѣдныя, какъ она, фіолетовыя полосы прозрачныхъ облачковъ, дробившихся наверху и какъ будто розовѣвшихъ. Потомъ изъ-за нихъ снова выплывало небо, но уже не палевое, а свѣтло-зеленое, какъ не созрѣвшее яблоко, и шло оно все выше и выше, и тамъ уже синѣло, а по этой синевѣ

бѣжалъ пушистый обрывокъ розоваго пуха, бѣжалъ, разсыпался и таялъ.

Въ деревьяхъ тоже были всѣ цвѣта, кромѣ зеленаго. Камни у берега были покрыты, точно жемчужной сѣтью, свѣтлымъ яркимъ мхомъ. А снизу они чернѣли темно-малиновыми пятнами углубленій и тѣней. И ничего подобнаго никогда дѣвочка не видѣла и не замѣчала. Да и самый туманъ былъ то сѣрый, то бѣлый, то желтый, то голубой, то фіолетовый, то совсѣмъ розовый. Это была игра калейдоскопа,—только не грубые симметрическіе узоры осколковъ цвѣтного стекла, а мягкіе нѣжные переливы свѣтовыхъ волнъ плыли теперь, какъ фантасмагорія, передъ нею.

А сзади востокъ разгорался. Золотистыя длинныя нити повисли въ воздухѣ. Въ лиловой дымкѣ одно мѣсто порозовѣло, и вырѣзался ярко пурпурной звѣздою первый лучъ свѣтила. Блеска въ немъ не было. Оно было кроваво, какъ ломтикъ королька-апельсина, и казалось скорѣе луною, чѣмъ солнцемъ. Оно быстро вырѣзывалось изъ-за далекихъ зданій, выкатываясь круглымъ ровнымъ дискомъ. Сверху оно точно налито было растопленнымъ золотомъ, а снизу ярко розовѣло алымъ густымъ свѣтомъ. Отраженіе перешло на воду и заколыхалось столбомъ отъ далекаго горизонта поперекъ всего залива. Шаръ быстро возносился кверху, точно празднуя побѣду надъ тьмою. Загорѣлись купола, загорѣлись шпицы,

кровли домовъ, утренній дымъ сталъ тоже кровавымъ; лучи брызнули черезъ крыши, зажгли яркимъ свѣтомъ вершины деревьевъ, добрались до воды, и тамъ заколыхались брызги сверкающаго золота и алмазовъ.

Всѣ трое молча смотрѣли на этотъ восходъ.

— Что, хорошо? спросилъ Палеевъ.

— Ахъ! только вырвалось у Вѣрочки.

XX.

Палеевъ написалъ еще этюдъ. Онъ написалъ на дощечкѣ судно съ повисшими безпомощно парусами, но паруса эти ярко горѣли на восходящемъ солнцѣ и такой же яркой, блистающей сѣтью отражались въ волнистой ряби воды. Потомъ онъ, посмотрѣвъ на часы, сказалъ, что уже семь и пора ѣхать домой.

Женя точно очнулся.

— Такое утро, сказалъ онъ,—всегда всѣ видѣли: и Ньютонъ, и Будда, и Юлій Цезарь.

— Только по разному они относились къ нему, возразилъ художникъ:—Ньютонъ думалъ о тяготѣніи, Юлій Цезарь говорилъ: «этотъ свѣтильникъ, быть можетъ, сослужитъ намъ сегодня хорошую службу»; а Будда молчалъ и думалъ обо всемъ, кромѣ солнца и красоты.

— Я буду грести? спросилъ юноша.

— Не выгребешь: съ востока вѣтеръ потянулъ. А хочешь,—попробуй.

Женя повернулъ шлюпку, и она, вспѣнивая встрѣчныя голубыя волны, двинулась въ обратный путь. Вѣрочка устала отъ безсонницы и напряженнаго вниманія; она ослабѣла, глаза ея плохо смотрѣли, все двоилось, краски перемѣшивались, мысли путались, вѣки закрывались. Палеевъ замѣтилъ это и сказалъ:

— Дремлется дѣвочкѣ? Вотъ я тебѣ устрою сейчасъ.

Онъ положилъ свой плащъ на дно лодки, свернувъ вчетверо воротникъ для изголовья.

— Ложись, дѣтушка. Еще не скоро пріѣдемъ.

Она машинально улыбнулась, послушно легла, вздохнула раза два и крѣпко заснула.

— Налягъ на весла, налягъ, совѣтовалъ Палеевъ.

— Я все смотрю на воду, сказалъ Женя.—И у меня является непреодолимое желаніе нырнуть туда и больше не всплывать.

— Это что же еще такое?

— А то. Мнѣ до того тяжело, до того противно жить. Я ничего не вижу впереди.

— Юнецъ ты! Какъ не видишь! Ну, осталось тебѣ три года въ гимназіи, потомъ будешь техникомъ, юристомъ.

Онъ потрясъ отрицательно головой.

Палеевъ посмотрѣлъ на него. Сѣро-голубые глаза Жени, слегка близорукіе и прищуренные, смотрѣли полупрезрительно и устало. Свѣтлые, какъ

ленъ, вьющіеся волосы трепались по вѣтру: кепи было сброшено на дно лодки и валялось въ ногахъ. На щекахъ игралъ здоровый румянецъ мальчика. Но бѣлые его зубы плотно сжимались и обрисовывали крѣпко зажатую нижнюю челюсть, и что-то животное, злое проступало на его красивомъ лицѣ.

— Зачѣмъ жить? спросилъ онъ.

— Ты еще не жилъ, а спрашиваешь: зачѣмъ? возразилъ художникъ. — Затѣмъ, чтобъ видѣть солнце, рѣку, дышать. У тебя не спрашиваютъ: зачѣмъ эта рѣка, зачѣмъ воздухъ, зачѣмъ солнце? Оно существуетъ,—значитъ, разумно. Ты существуешь,—значитъ, такъ надо.

— Слышалъ я про эту философію, засмѣялся Женя. — Слышалъ и про то, что все существуетъ по отношенію меня самого, солнце существуетъ потому, что мы его видимъ и сознаемъ это, а разъ не будетъ насъ, не будетъ сознанія существованія, то не будетъ и солнца.

— Да чего тебѣ такъ претитъ?

— Я чувствую себя совершенно одинокимъ. Это ужасно,—не любить никого. Ужасно не любить отца и мать.

— Жалкій ты идіотикъ, какъ говоритъ Липинъ:—вотъ ты кто. Отчего жъ ты чувствуешь себя совсѣмъ однимъ, когда я возлѣ тебя?

Женя посмотрѣлъ прямо ему въ глаза.

— Я и васъ не люблю, сказалъ онъ.—То-есть

я люблю васъ, какъ добраго, хорошаго человѣка; я скорѣе пойду къ вамъ, чѣмъ къ кому бы то ни было. Но я васъ не люблю. Я не чувствую къ вамъ привязанности. Если бъ вы умерли, мнѣ больше всего было бы тяжело потому, что негдѣ было бы жить. Я бы съ удовольствіемъ умеръ за васъ,—но развѣ это жертва, если я не дорожу своей жизнью? Что бы вы мнѣ ни сказали, я васъ послушаю, все сдѣлаю, схожу для васъ хоть въ Америку, но это не та любовь; я чувствую, это не та любовь, которая должна быть въ человѣкѣ.

— Въ тебѣ бродятъ дрожжи, сказалъ художникъ:—погоди, дай перебродить.

— Поймите вы, продолжалъ Женя:—мнѣ нѣтъ силъ тянуть дальше. Я гимназію ненавижу. Я не могу видѣть никого изъ учителей. Я не схожусь ни съ кѣмъ изъ товарищей. Я подозрителенъ,—мнѣ все кажется, что во мнѣ видятъ какого-то пролетарія и относятся ко мнѣ съ гадливостью.

— Что у васъ за аристократія такая тамъ, въ гимназіи? спросилъ художникъ.—Тоже, я думаю, есть сыновья лавочниковъ и буфетчиковъ?

— Есть, и все-таки я чувствую себя какъ-то подлѣе и ниже ихъ. Я знаю, что стыдиться происхожденія нельзя, и я нисколько не стыжусь, что отецъ мой былъ крѣпостной. Ну, и прекрасно, и тѣмъ лучше, что онъ самъ былъ рабомъ, а рабовъ у не[illegible]. Но что отецъ мой нищен-

ствуетъ на улицѣ и даетъ въ ростъ деньги,—я не могу этого вынести.

— Да вѣдь ты ушелъ отъ него? Въ чемъ же дѣло?

— Но онъ остался моимъ отцомъ. Я вижу его каждый день, когда онъ идетъ съ своей шарманкой по лѣстницѣ, какъ считаетъ на столѣ мѣдяки, мѣняетъ ихъ и прячетъ деньги. А когда дворникъ возьметъ за косу мою пьяную мать, обругаетъ ее и скажетъ, чтобъ она шла домой; когда она приходитъ домой вся въ крови, вы думаете, что я чувствую? И жалость къ ней, и омерзѣніе, и... я не знаю что. Я согласенъ съ отцомъ: не надо было меня отдавать въ гимназію: отдали бы мальчишкой въ фруктовую лавку, я бы мылъ стекла да таскалъ товаръ, да и деньги изъ выручки таскалъ бы. Зналъ бы, что сдѣлаютъ меня приказчикомъ, потомъ и самъ поднадулъ бы хозяина и открылъ бы магазинъ. Всѣ бы кланялись въ поясъ. Отецъ бы трактиръ держалъ—онъ давно мечтаетъ объ этомъ. Мать пила бы безъ просыпа. Вотъ и жизнь была бы. А теперь я зачѣмъ-то читаю исторію массонства, доказываю законъ параллелограмма силъ, перевожу Ксенофонта. И чѣмъ дальше—тѣмъ все хуже и тяжелѣе дѣлается. Между греческими глаголами и пьяной матерью такая разница, что я никакъ не могу одно связать съ другимъ; а то и другое—необходимая принадлежность моей жизни. И что

же впереди? Все то же: то же пьянство, та же шарманка, тѣ же неправильные глаголы...

Художникъ тряхнулъ своей широкополой шляпой.

— Слушай, Женька! Да какъ же я, вотъ я-то какъ живу? спросилъ онъ.—Моя мать просвирня; держитъ столовую для чиновниковъ; теперь стара, слѣпа, и живетъ на четырнадцать рублей въ мѣсяцъ, да на то, что я ей посылаю. Росъ я у ней въ огородѣ, училъ меня дьячокъ, а потомъ въ приходскомъ училищѣ меня за вихры трепалъ отецъ дьяконъ. И все мое образованіе этимъ и кончилось. Хотѣлъ поступить въ прогимназію—не вышло. Потомъ ужъ самъ кое-какъ, при помощи гимназистовъ, началъ почитывать, поучиваться, сошелся со студентами, — на лекціи въ университетъ потихоньку сталъ похаживать, тоже записывать то-сё. Потомъ попалъ въ академію, принялся за работу,—и вотъ съ голоду не дохну. Что дальше будетъ—увидимъ. Не жалуюсь я, что живу бобылемъ съ своими котятами. Все я люблю. И людей люблю, и котятъ, и небо, и воду, и краски; людей еще меньше всего остального. Не собираюсь топиться, а ловлю минуты, когда чувствую, что жить хорошо. Удачно выйдетъ картинка—я радуюсь. Встрѣчу хорошаго человѣка—радуюсь. Деньги получу, матери частицу пошлю—радуюсь. И думаю, что и впредь будетъ много такихъ минутъ.

— Вамъ хорошо! нервно подергиваясь, возразилъ Женя.—Вы талантъ. Талантъ все покрываетъ. А вотъ, когда не чувствуешь въ себѣ не только таланта, а и способности къ чему бы то ни было, такъ станешь на воду посматривать...

Палеевъ невольно оглянулся на воду.

— Скверно мы на воду смотримъ, крикнулъ онъ:—гляди, насъ назадъ несетъ.

Въ узкомъ протокѣ между судами было сильное теченіе, и лодка подвигалась не впередъ, а сносилась назадъ каждый разъ, когда Женя поднималъ на воздухъ весла.

— Налягъ, налягъ, говорилъ Палеевъ.—Борись противъ теченія, борись! Еще крѣпче, крѣпче!

Но какъ ни налегалъ онъ съ отчаяннымъ усиліемъ на весла, шлюпка не подвигалась.

— Плохо дѣло, сказалъ художникъ и, осторожно перешагнувъ черезъ дѣвочку, велѣлъ Женѣ пересѣсть на руль, а самъ сѣлъ на его мѣсто.

Палеевъ, несмотря на свою кажущуюся сухощавость, былъ силенъ и привыченъ къ греблѣ. Весла такъ и погнулись при первомъ его ударѣ. Шлюпка непослушно дрогнула, слабо подалась впередъ; потомъ другой, третій ударъ выгналъ ее на середину теченія, и, медленно подаваясь впередъ, она проплыла между судовъ и повернула къ устью Фонтанки.

Болѣе пловцы не говорили ни слова. Художникъ сосредоточенно погружалъ весла въ воду.

Женя крѣпко натягивалъ шнуры руля, лавируя между замелькавшихъ по рѣкѣ яликовъ и лодокъ. Дѣвочка попрежнему спала крѣпко, и щека ея, разрумянясь, такъ и алѣла на утреннемъ воздухѣ.

Когда они причалили къ пристани, Женя посмотрѣлъ, который часъ. Было половина девятаго.

— Я пойду прямо въ гимназію, сказалъ онъ.— Книгъ нѣтъ, да все равно,—и безъ книгъ обойдусь.

Онъ вышелъ на деревянный помостъ, надѣлъ порыжѣлое пальто, кивнулъ головой Палееву и поднялся на набережную.

Художнику жаль было будить дѣвочку. Въ это время какъ разъ шажкомъ пробиралась мимо двуконная извозчичья карета. Палеевъ крикнулъ ее, взялъ тихонько Вѣрочку на руки, снесъ въ экипажъ и велѣлъ ѣхать домой. Она не проснулась и тогда, когда они пріѣхали, — такъ былъ крѣпокъ ея молодой сонъ, такъ опьянило ее осеннее утро. И онъ опять взялъ ее на руки, отнесъ наверхъ и, передавая матери, сказалъ:

— Вотъ ваше дѣтище въ цѣлости и сохранности, а если изволятъ онѣ спать, такъ на здоровье.

XXI.

Женя шелъ скоро и опоздалъ всего на нѣсколько минутъ къ началу перваго урока. Но учитель физики повелъ учениковъ въ физическій

кабинетъ, и въ классѣ никого не было. Женя вяло пошелъ вверхъ по лѣстницѣ, заглядывая черезъ стекла въ младшіе классы; онъ увидѣлъ, какъ бородатый учитель смѣялся, сидя на каѳедрѣ, а маленькій, съ канареечной головой гимназистикъ о чемъ-то плакалъ и просилъ. И Женѣ пришло въ голову: вотъ если бъ онъ былъ директоромъ, отворилъ бы дверь и сказалъ:

«Какъ вамъ не стыдно мучить ребенка; ну, велика важность, что онъ не знаетъ предлоговъ, требующихъ винительнаго падежа. Вѣдь вы сами очень многаго не знаете, и если я надъ вами начну смѣяться, такъ и вы, чего добраго, начнете плакать. Подавайте въ отставку и возите воду: вамъ это болѣе пристало, чѣмъ учить дѣтей, которыхъ вы не любите. Но такъ какъ вы будете мучить лошадь, такъ возите воду на себѣ».

Гимназистикъ съ канареечнымъ пухомъ на головкѣ былъ тотъ самый, которому онъ долженъ былъ давать уроки и который былъ плохъ въ латинскомъ языкѣ. Фамилія его была Бараевъ, и онъ всегда возбуждалъ сожалѣніе въ Женѣ своимъ особенно безпомощнымъ видомъ.

«Надо поговорить съ этимъ бородатымъ», подумалъ Женя: «спросить, чѣмъ заняться съ Бараевымъ. За что мучаютъ цыпленка?»

Онъ прошелъ далѣе, въ физическій кабинетъ. Тамъ преподаватель показывалъ пріемъ наполненія термометровъ ртутью и нагрѣвалъ шарикъ

на спиртовой лампочкѣ. Вокругъ него толпились ученики, считая всѣ эти «опыты» дѣтской забавой сравнительно съ другими занятіями классической гимназіи. Болѣе практичные юноши сидѣли на окнахъ и усердно занимались переводами изъ Тита Ливія. Женя ничѣмъ не хотѣлъ заниматься. Онъ разсматривалъ разные приборы въ шкапахъ и думалъ:

«Если я, въ концѣ концовъ, узнаю употребленіе и примѣненіе всѣхъ этихъ приборовъ, то перестанетъ ли отъ этого пить моя мать, а отецъ ходить по дворамъ? Вотъ вопросъ очень важный, и рѣшить его необходимо».

— Ты рѣшилъ задачу по алгебрѣ? спросилъ его высокій и золотушный юноша, по фамиліи Горѣловъ.

— И не думалъ, спокойно отвѣтилъ Женя.

— Когда жъ ты будешь рѣшать?

— Я спишу у тебя.

— У меня, кажется, невѣрно.

— Ну, и у меня будетъ невѣрно, такъ же спокойно отвѣтилъ Женя.

Онъ развернулъ тетрадь Горѣлова.

— Конечно, наврано, сказалъ онъ и, вынувъ карандашъ, началъ рѣшать ту же задачу на сосѣдней страницѣ.—Ну, вотъ — проговорилъ онъ, подавая товарищу тетрадь.

— Теперь надо вырвать двѣ страницы, сокрушенно замѣтилъ Горѣловъ.

— Важное кушанье! возразилъ Женя.

Онъ началъ смотрѣть на улицу, гдѣ городовой что-то усердно объяснялъ господину въ лаковыхъ сапожкахъ, а господинъ кивалъ головой и блестящимъ цилиндромъ и соглашался со всѣмъ, что говорилъ полицейскій.

Шарикъ у физика лопнулъ; онъ взялъ новую трубочку и сызнова началъ все показывать. Это многимъ надоѣло, и большинство стало заниматься своими дѣлами. Только одинъ, особенно любопытный математикъ, по фамиліи Чижиковъ, остался при учителѣ и спросилъ:

— А если этотъ лопнетъ, вы еще новый возьмете?

Наконецъ прозвонилъ звонокъ. Всѣ гурьбой пошли внизъ. Женя пошелъ на площадку учительской комнаты и вызвалъ бородатаго учителя латинскаго языка.

— Ко мнѣ обратились родители гимназиста Бараева, объяснилъ онъ, — съ предложеніемъ репетировать его въ латинскомъ языкѣ. Такъ вотъ я рѣшаюсь васъ безпокоить просьбою сказать, въ чемъ онъ именно слабъ, чтобы я могъ, по преимуществу, на это и налечь при нашихъ занятіяхъ?

Учитель вдругъ осклабился и показалъ широкіе бѣлые лошадиные зубы.

— Я, любезнѣйшій, заговорилъ онъ: — рѣшительно противъ какихъ бы то ни было репетиторовъ. Ученикъ самъ долженъ заниматься, совер-

шенно самостоятельно, безо всякой посторонней помощи. И если я узнаю, что Бараевъ имѣетъ репетитора, я удвою и утрою къ нему строгость. Мой девизъ — самостоятельность.

— Да вѣдь это временная мѣра... рискнулъ замѣтить Женя.

— Все равно: она развращаетъ мальчика.

— Ну, единицы тоже развращаютъ, сказалъ Женя.

Учитель вдругъ скривилъ лицо на бокъ и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Любезнѣйшій, сказалъ онъ: — я вамъ совѣтую подать въ министерство докладную записку: «о развращеніи юношества при помощи плохихъ балловъ»; а пока ваше предложеніе не пройдетъ, позвольте ставить плохія отмѣтки ученикамъ лѣнивымъ и бездарнымъ. Наконецъ еще скажу вамъ, любезнѣйшій, дѣло въ томъ, что вы, отдавая часть своего времени господину Бараеву, наносите явный ущербъ самому себѣ: вы не можете полно отдаваться своимъ священнымъ обязанностямъ и заниматься въ высшемъ классѣ съ достодолжнымъ рвеніемъ. Болѣе того, припоминая тѣ средніе успѣхи, которые вы оказывали въ классическихъ языкахъ въ младшихъ классахъ нашего заведенія, я сомнѣваюсь, чтобы вы могли принести пользу вашему ученику. Я привелъ много доводовъ для поддержанія вѣскости своего мнѣнія и потому считаю возможнымъ прекратить

нашу бесѣду, не могущую привести насъ ни къ какому благому результату.

Женя откланялся и пошелъ въ классъ. На площадкѣ остановилъ его инспекторъ.

— Не забудьте напомнить, сказалъ онъ,— вашимъ родителямъ, родственникамъ или лицамъ, заступающимъ мѣсто оныхъ, о внесеніи платы за ваше ученіе.

— Я ужъ напомнилъ имъ, отвѣчалъ Женя, чувствуя, что злоба подступаетъ опять къ его горлу.

— Ну-съ, и что же?

— Мать сегодня заложитъ серебряныя ложечки, такъ что завтра я надѣюсь внести.

Инспекторъ не ожидалъ этого отвѣта.

— Развѣ ваши родители столь несостоятельны? стараясь изобразить на своемъ лицѣ участіе, спросилъ онъ.—Вашъ батюшка чѣмъ же, собственно, занимается?

— За меня платилъ до сихъ поръ, уклончиво отвѣтилъ Женя, чувствуя, что краснѣетъ:—мой крестный отецъ, извѣстный милліонеръ Муравьинъ.

— А! съ благоговѣніемъ сказалъ инспекторъ.

— Отецъ мой былъ его крѣпостнымъ...

— А! повторилъ инспекторъ, но уже съ меньшимъ благоговѣніемъ.

— Онъ у него былъ кофешенкомъ, продолжалъ Женя.

Глаза инспектора забѣгали.

— Скажите! сказалъ онъ, очевидно, не вполнѣ сообразивъ степень важности сана кофешенка.

— Но такъ какъ у господина Муравьина,— продолжалъ Женя:—придушили родную сестру, о чемъ вы, вѣроятно, читали въ газетахъ, то онъ въ семейномъ горѣ, и потому къ нему неловко обращаться съ напоминаніемъ о взносѣ. Желая же быть аккуратной, мать моя рѣшила снести въ ломбардъ ложечки, такъ что мѣшать чай намъ придется лучинками.

Инспектору это окончаніе показалось лишнимъ, и онъ только сказалъ:

— Отчего вы своевременно съ полной откровенностью не предупредили обо всемъ меня или господина директора?

— Помилуйте, я не зналъ, что старушку убьютъ, отвѣтилъ Женя.

— У васъ есть задатки остроумія, сказалъ инспекторъ и отпустилъ гимназиста движеніемъ головы.

XXII.

Вдругъ Женѣ пришла въ голову мысль, которая всегда какъ-то ускользала отъ него. На толстыхъ серебряныхъ ложкахъ была буква М. Какъ-то его мать говорила, что эти ложки—ея приданое. Но не гораздо ли вѣрнѣе то обстоятельство, что онѣ украдены изъ буфета Мура-

вьиныхъ? И не поэтому ли отецъ настаиваетъ на ихъ закладѣ, чтобы ихъ не было дома на случай обыска?

Онъ въ волненіи прошелся раза два по коридору. Конечно, эти ложки ворованныя. И ими будутъ платить за его ученье. Отецъ или мать, онъ не знаетъ кто, таскали по ложкѣ, по двѣ изъ буфета. Отецъ разсказывалъ, что еще въ пятидесятыхъ годахъ бывали обѣды на триста, на двѣсти человѣкъ. Удивительно ли, что изъ нѣсколькихъ сотъ ложекъ пропадала послѣ каждаго пира какая-нибудь полдюжина. Да и чѣмъ же рисковали тѣ, кто кралъ? Въ крайнемъ случаѣ мажордомъ разъ пять ударитъ кулакомъ по лицу,—вотъ и все.

Когда онъ входилъ въ классъ, учитель математики, красивый нѣмецъ, глянулъ на него изъ-подъ очковъ и просилъ показать ему тетрадку съ рѣшеніемъ задачи.

— У меня нѣтъ здѣсь тетради, сказалъ онъ.— Но я могу рѣшить сейчасъ ее на доскѣ.

— Мнѣ нужна тетрадь, мягко повторилъ учитель.—Я задалъ рѣшить задачу къ классу.

— Я ее рѣшилъ, сказалъ Женя.

— Покажите.

— Тетрадь осталась дома.

— Значитъ, вы не рѣшили. Мнѣ нѣтъ дѣла, что у васъ есть дома, чего нѣтъ. У васъ дома могутъ быть скворцы, швейныя машины, лимо-

и другія вещи. Но здѣсь, въ классѣ, мнѣ нужна ваша тетрадь. Вы предлагаете рѣшить задачу на доскѣ,—но, представьте, я совсѣмъ не желаю рѣшать ее въ классѣ, я хочу, чтобъ она была рѣшена только дома.

— Какъ хотите, сказалъ Женя, пожавъ плечами.

— Но вы не хотите дѣлать, что я хочу,— такъ же мягко продолжалъ учитель, разводя руками.—Вы не хотите исполнять моихъ хотѣній. Это странно. Мнѣ кажется, вы могли бы быть деликатнѣе къ моимъ желаніямъ. Если я прошу сдѣлать то или другое дома, то хотя бы изъ уваженія къ вашему преподавателю вы должны это сдѣлать. А если вы меня не хотите уважать, такъ и я васъ не буду.

— Какъ хотите, повторилъ Женя.

— Совсѣмъ я этого не хочу. Напротивъ, я хочу уважать васъ. И я попрошу васъ впредь относиться ко мнѣ съ большимъ вниманіемъ.

Онъ сокрушенно глянулъ на него изъ-подъ очковъ еще разъ и, вздохнувъ, просилъ сѣсть на мѣсто,

«Заниматься я все-таки съ Бараевымъ буду», раздумывалъ Женя про себя: «такъ какъ хоть что-нибудь я долженъ давать Палееву за то, что буду у него жить. Онъ, кажется, на меня обидѣлся за откровенность; я сказалъ, что не люблю его. Да, не люблю. Что же мнѣ дѣлать, если я

не люблю его, не могу любить и не хочу. И развѣ можно обижаться на откровенность?»

Онъ почувствовалъ усталость. Безсонная ночь начинала и ему давать себя знать. Если бъ его теперь вызвали, онъ бы не могъ связать двухъ словъ и едва ли бы рѣшилъ ту задачу, что свободно рѣшалъ часъ назадъ.

Въ перемѣну онъ пошелъ наверхъ и разыскалъ Бараева.

— Я съ завтра начну заниматься съ вами,— сказалъ онъ ему, подавая руку.

Канареечная головка что-то пискнула въ отвѣтъ

— Отчего вы плакали на первомъ урокѣ?— спросилъ Женя.

— За кляксу.

— За какую кляксу?

— У меня была клякса въ тетради. А онъ поставилъ мнѣ нота-бене изъ поведенія. Я заплакалъ.

— Стоитъ плакать! сказалъ Женя.

Въ это время рыжеволосый, весь въ веснушкахъ гимназистикъ выскочилъ изъ толпы и сталъ танцовать передъ его носомъ.

— Шарманщикъ! Шарманщикъ! запѣлъ онъ, показывая на него пальцемъ.

Первымъ движеніемъ Жени было схватить за вихоръ мальчишку. Но онъ воздержался и, сдѣлавъ видъ, что ничего не понялъ и не слышалъ, пошелъ назадъ, въ старшіе классы.

— Шарманщикъ, Шарманщикъ! — доносился до него ревъ десятка голосовъ, и онъ не зналъ, кричитъ ли въ средѣ ихъ и эта канарейка.

«Откуда у нихъ это?» соображалъ онъ. «Откуда могутъ это знать? И если знаютъ они, то знаютъ всѣ, знаютъ и у насъ въ классѣ».

Онъ спустился внизъ. Къ нему подошелъ Подметкинъ—удивительно элегантный молодой человѣкъ, все несчастіе котораго заключалось въ его фамиліи, отзывавшейся подваломъ сапожника.

«Что скажетъ этотъ?» подумалъ Женя, стискивая губы.

— Скажите, я блѣденъ? спросилъ Подметкинъ.

Женя посмотрѣлъ на него. Лицо его было желтенькое, подъ глазами синѣли круги.

— Да, у васъ нездоровый видъ.

— Я танцовалъ всю ночь, слабымъ, почти умирающимъ голосомъ проговорилъ онъ.—Такъ танцовали, какъ никогда. Вы знаете, балы въ августѣ это совсѣмъ не принято, а между тѣмъ именно поэтому было прекрасно. Я былъ, конечно, во фракѣ. Было много прелестныхъ женщинъ. Между прочимъ графиня Клейнъ—очаровательная. Вы не знаете ея? Кое-кто изъ правовѣдовъ и лицеистовъ. За ужиномъ Горбуновъ былъ и очень смѣшно разсказывалъ про мужиковъ: всѣ смѣялись. Но мнѣ сегодня, вы сами понимаете, какъ тяжело. Я совсѣмъ не ложился, я, снявъ фракъ, посидѣлъ полчаса въ вольтеровскихъ крес-

лахъ, выпилъ крѣпкаго чернаго кофе и поѣхалъ сюда.

— Я тоже почти не ложился, отвѣтилъ Женя:— я былъ на взморьѣ на лодкѣ, смотрѣлъ восходъ солнца.

— Tiens, удивился Подметкинъ. — Развѣ ѣздятъ смотрѣть восходъ? Вы à la pointe были?

— Нѣтъ, просто на лодкѣ на водѣ съ однимъ художникомъ; онъ писалъ красками.

— Это должно быть забавно! согласился Подметкинъ.—Но, однако, знаете, у меня такъ болитъ голова, такъ болитъ, что я просто готовъ отпроситься домой. Я вдобавокъ страдаю мигренями; это перешло ко мнѣ отъ maman. До свиданія, пойду проситься.

Онъ мягко, съ улыбкой пожалъ своей бѣлой рукой руку Жени и лѣнивой походкой пошелъ искать директора, придумывая предлогъ уѣхать домой. Черезъ минуту онъ возвратился веселый и, взявъ подъ мышку портфель съ великолѣпнымъ металлическимъ замкомъ и блестящими фигурными углами, весело сказалъ:

— Отпустилъ старикъ! Теперь спать, спать! Вплоть до вечера! Вы не будете сегодня въ Павловскѣ на музыкѣ? Я къ барону Дрентель ѣду.

Женя сказалъ, что онъ въ Павловскѣ не будетъ. Подметкинъ искренно пожалѣлъ, сказалъ, что напрасно, что тамъ собирается очень милое общество, и ушелъ.

Женя припомнилъ, что отецъ Подметкина нажилъ состояніе по откупамъ, и подумалъ:

«И его деньги, и наши ложки—все изъ одного источника».

Онъ припомнилъ еще, что на сегодня отца его вызывали къ судебному слѣдователю, и вздрогнулъ. Что-то будетъ, и вернется ли онъ домой?

XXIII.

Сергѣй воротился.

Слѣдователь заставилъ его прождать очень долго. Часа два ходилъ онъ взадъ и впередъ, выжидая, пока его позовутъ въ камеру.

«Какъ рабочаго человѣка отъ дѣла отрываютъ!» думалъ онъ и старался придать себѣ невинно-обиженный видъ.

Наконецъ его позвали. Слѣдователь—чрезвычайно длинный молодой человѣкъ — мелькомъ взглянулъ на него и продолжалъ читать только-что полученную бумагу. Дочтя ее, онъ сказалъ:

— Ну, вотъ!

И вздохнулъ, какъ будто отдѣлался отъ чего-то непріятнаго.

— Скажите, вы напоили допьяна вашего брата Ивана такого-то числа въ портерной купца Ивашкова? спросилъ слѣдователь послѣ предварительныхъ формальностей.

— И на мысль не приходило. Онъ самъ пилъ и меня потчивалъ.

— Говорилъ ли онъ вамъ, что собирается убить дѣвицу Муравьину?

— Говорилъ, сказалъ Сергѣй, припомнивъ, какъ онъ воскликнулъ: «убью!» и ударилъ кулакомъ по столу.

— А вы его отговаривали?

— Говорилъ, что онъ въ Сибирь уйдетъ.

— Такъ что для васъ не было неожиданностью это убійство?

— Я все жъ думалъ, что онъ только поговоритъ. Мало ли о чемъ говорятъ.

— Тѣ деньги, что были похищены вашимъ братомъ изъ комода покойной, въ тотъ же вечеръ были имъ вамъ переданы?

Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на лицѣ Сергѣя.

— А развѣ деньги были похищены? удивился онъ.

Слѣдователь ничего не отвѣтилъ и низко наклонился надъ бумагой.

— Ежели, ваше высокородіе, продолжалъ Сергѣй: — желательно меня запутать въ это дѣло, такъ я попрошу очной ставки съ братомъ. Ежели онъ что начнетъ утверждать, такъ это обязательно отъ болѣзни. Онъ совсѣмъ въ больномъ состояніи былъ, простудившись послѣ бани.

Слѣдователь подозрительно посмотрѣлъ на него.

— Вы справлялись о здоровьѣ брата? спросилъ онъ.

— Такъ точно.

— Когда?

— Позавчера. Или вчера. Я ужъ что-то запамятовалъ.

Опять наступило молчаніе.

— Итакъ, свидѣтель, вы утверждаете, началъ слѣдователь:—что вы никакихъ денегъ отъ брата не получали и послѣ убійства его не видѣли?

— Никакихъ денегъ не получалъ.

— И послѣ убійства его не видѣли?

— Я его видѣлъ вечеромъ. А я не знаю даже, въ какомъ часу ее задушили.

— Вашъ братъ говорилъ, что передавалъ вамъ свертокъ, а вы не брали.

— Позвольте очную ставку, ваше высокородіе, взмолился Сергѣй:—а то путаница выйдетъ. Велите принять присягу, и я все какъ на духу покажу.

— Что вы меня учите! сердито сказалъ слѣдователь.

Ему подали карточку. Тамъ значилась фамилія Муравьина.

Слѣдователь прочелъ Сергѣю его показаніе и велѣлъ подписать.

— Еще будутъ вызывать, ваше высокородіе? спросилъ Сергѣй, выведя каракули.

— Можетъ быть, и будутъ, уклончиво сказалъ слѣдователь.

Онъ велѣлъ просить Муравьина. Въ дверяхъ свидѣтели встрѣтились.

[redacted]

— Ахъ, это ты, брезгливо заговорилъ Муравьинъ и обратился къ слѣдователю.—Вы знаете: это братъ убійцы?

— Знаю, сказалъ слѣдователь.

— Я крестный отецъ твоего сына, съ укоромъ продолжалъ Муравьинъ:—а вотъ вы чѣмъ платите за добро! И неужели ты думаешь, что теперь ты что-нибудь получишь отъ меня? Я тебѣ запрещаю показываться ко мнѣ въ домъ. Слышишь? Мнѣ кажется, что и отъ тебя пахнетъ кровью.

Сергѣй развелъ руками.

— Ваша воля, Веніаминъ Васильевичъ, сказалъ онъ и, поклонившись еще разъ, вышелъ.

— А какія у васъ подозрѣнія относительно этого человѣка? спросилъ слѣдователь, когда Муравьинъ комфортабельно расположился у его стола въ креслахъ.

— Ахъ, никакихъ! Но вы понимаете: во мнѣ говоритъ братнина кровь.

— Намъ, кажется, придется совершенно прекратить это дѣло, заговорилъ слѣдователь.—Мнѣ каждое утро давали знать о состояніи здоровья убійцы. Сегодня онъ умеръ.

— Умеръ! ужаснулся Веніаминъ Васильевичъ.

— Самое лучшее, что онъ могъ сдѣлать, улыбнулся слѣдователь:—и себя, и насъ избавилъ отъ многихъ непріятностей. Теперь у насъ обрѣзаны всѣ нити для дальнѣйшаго слѣдствія. Съ

одной стороны, убійца самъ сознался и заявилъ, что ему никто не помогалъ въ совершеніи преступленія. Съ другой стороны, о покражѣ денегъ мы имѣемъ только предположенія. Никто не зналъ, сколько у покойной было наличныхъ денегъ. Вы вѣдь не изволили знать?

— Нѣтъ, потрясъ Веніаминъ Васильевичъ отрицательно головой.

— Наличными найдено около двухъ тысячъ: сумма почтенная для безпроцентнаго лежанія въ будуарѣ. Слѣдовательно, едва ли еще были деньги, тѣмъ болѣе, что купоны просрочены на полмѣсяца и отъ бумагъ еще не отрѣзаны. Затѣмъ, списка билетовъ и имѣющихся суммъ нигдѣ у покойной не оказалось. Убійца въ бреду говорилъ брату: «бери, бери!»—а что бери—кто его знаетъ. Этотъ шарманщикъ еще не знаетъ о смерти брата, но положительно утверждаетъ, что ничего отъ него не получалъ, и требуетъ очной ставки. Матеріала, такимъ образомъ, для дальнѣйшаго дѣла нѣтъ.

— И тѣмъ лучше! сказалъ, понижая голосъ, Веніаминъ Васильевичъ.—Меня, признаюсь, пугало ваше новое судопроизводство. Это хорошо для разныхъ убійствъ въ Гусевомъ переулкѣ, а не для порядочныхъ людей... Согласитесь, будутъ публично разсказывать въ судѣ, какъ моя сестра, дѣвица,—правда почтенныхъ лѣтъ, но тѣмъ уже,—найдена лежащею въ одномъ бѣльѣ, съ

судорожно подогнутой ногою. И обо всѣмъ этомъ будетъ печататься въ газетахъ. Недоставало только, чтобъ съ нея сняли фотографическую карточку и напечатали въ иллюстраціяхъ. Ну, а теперь этотъ несчастный умеръ и нашему суду не подлежитъ. Я, съ своей стороны, прощаю его.

— А большое состояніе переходитъ къ вамъ? полюбопытствовалъ слѣдователь.

— Представьте, удивленно заговорилъ Веніаминъ Васильевичъ, складывая на брюшкѣ ручки въ темныхъ перчаткахъ:—я не думалъ, что такъ много. Взявъ въ расчетъ то, что хранилось у меня и въ банкахъ на ея имя,—до милліона. Потомъ тысячъ на триста камней. Все надо реализировать. Да еще обстановки тысячъ на семьдесятъ. Я удивленъ.

«Вотъ идіотамъ счастье», подумалъ слѣдователь, у котораго жена родила уже третьяго сына, а онъ всего четыре года какъ былъ женатъ и жилъ только на жалованье.

Муравьинъ откланялся и уѣхалъ. Слѣдователь собирался уже домой, когда ему подали еще карточку Флоренсы Карловны Томсонъ.

— Онѣ говорятъ, что по важному дѣлу объ убійствѣ Муравьиной, пояснилъ сторожъ.

Голодный слѣдователь поставилъ свою шляпу на столъ и велѣлъ просить.

Миссисъ, вся въ черномъ, съ блѣднымъ, но,

какъ всегда, живымъ лицомъ, торопливо вошла въ камеру.

— Извините, сказала она:—я все ждала, что вы меня вызовете по этому дѣлу. Но вы меня не вызывали. А я могу, monsieur слѣдователь, показать вамъ много такого, чего не знаютъ другіе. Я вѣдь воспитывала покойную. Мы были подругами,—у насъ не было тайнъ, не было секретовъ. Мнѣ очень тяжело было ѣхать къ вамъ, да еще на другой день послѣ похоронъ. Но меня влечетъ любовь къ правдѣ. Мнѣ хочется пролить свѣтъ, и мнѣ кажется, что я могу его пролить.

— Вотъ, сударыня, сказалъ слѣдователь:—если бы вы сообщили намъ, сколько наличными деньгами лежало у покойной?

Миссисъ Томсонъ вспыхнула.

— Меня изумляетъ этотъ вопросъ, обиженно проговорила она.

— Но почему же? изумился, въ свой чередъ, слѣдователь.

— Да потому, что вы меня, кажется, принимаете не за то, что я есть. Неужели вы думаете, что я способна считать въ чужомъ карманѣ? Положимъ, мы были близки. Но тѣмъ больше! Я не могу себѣ представить, чтобы я стала у близкаго себѣ человѣка шарить по столамъ и комодамъ.

— Помилуйте, сударыня, я не въ томъ смыслѣ, сказалъ, сконфузившись, слѣдователь.

— Да въ какомъ же другомъ! воскликнула

миссисъ. Положимъ, вы лицо офиціальное, а я простая смертная, которая по глупости, да, именно по глупости,—это именно то слово,—хотѣла вамъ услужить, и первая пошла къ вамъ навстрѣчу, желая пролить свѣтъ. А вы, съ перваго же раза задаете мнѣ вопросъ: «Такъ какъ вы роетесь въ чужихъ столахъ, то, пожалуйста, сообщите, что тамъ лежитъ...»

— Я прошу у васъ извиненія, сударыня, говорилъ слѣдователь, кусая губы.

— Я вамъ скажу только одно, продолжала миссисъ:—вашего министра я знала, когда онъ ходилъ еще въ курточкѣ, и, въ случаѣ надобности, я увѣрена, онъ протянетъ мнѣ руку помощи и защититъ отъ оскорбленій.

Слѣдователь даже поблѣднѣлъ.

— Я знаю, продолжала дама:—у насъ сказано: «милость да царствуетъ въ судахъ». А какая же, извините, это милость. Вы знаете, что сказалъ нашъ великій поэтъ:

— We do pray for mercy:
Anb that same prayer doth teach
us all to render
The deeds of mercy?.. *).

Но слѣдователь не зналъ англійскаго языка, и потому ничего не могъ на это отвѣтить.

---

*) ...О милости взываемъ
Въ молитвѣ мы, и милосерднымъ быть
Насъ эта же молитва научаетъ...

— Единственная ваша защита — ваша молодость, болѣе спокойнымъ голосомъ заключила она.

— Сударыня, началъ слѣдователь, выходя изъ оцѣпенѣнія:—я только позволю сообщить вамъ одно: убійца сегодня умеръ, и дѣло прекращается.

Миссисъ разинула ротъ—и такъ и не могла его закрыть.

— Теперь онъ подлежитъ суду небесному!— сказала она и показала на потолокъ маленькимъ сухимъ пальцемъ.—Тамъ разберутъ и покончатъ. Какъ вы думаете, будетъ онъ осужденъ?

Слѣдователь боялся разсердить почтенную миссисъ, знавшую министра еще въ курткѣ, и потому отвѣчалъ уклончиво:

— Очень трудно сказать...

Миссисъ Томсонъ строго посмотрѣла на него.

— А по-моему, тутъ не можетъ быть сомнѣній. Пролившій кровь не можетъ спастись.

— Съ этой точки зрѣнія, конечно,—поспѣшилъ согласиться слѣдователь.

— Я сегодня буду молиться за него, сказала старушка. И вамъ совѣтую сдѣлать то же. Вообще, я бы вамъ совѣтовала всегда молиться за всѣхъ подсудимыхъ, которыхъ вы допрашиваете. Вы знаете ихъ имена. Запишите ихъ на бумажку, и вечеромъ, передъ сномъ, попросите небеса о томъ, чтобы они вразумили этихъ несчастныхъ. Вы увидите, какая великая миссія будетъ открыта для васъ, если вы своими молитвами облегчите участь

несчастныхъ. А здѣсь, на землѣ, не облегчайте. Помните: какъ бы ни было строго, даже несправедливо, наказаніе здѣсь,—оно только искупаетъ небесное наказаніе. Чѣмъ тяжелѣе здѣсь, тѣмъ легче тамъ. Понятно я выражаюсь?

Слѣдователь сказалъ, что понятно.

Она вынула изъ мѣшечка нѣсколько брошюрокъ на англійскомъ языкѣ и подала своему собесѣднику.

— Вотъ, почитайте на этотъ счетъ, сказала она:—и на васъ много прольется свѣту.

Она простилась, крѣпко пожала молодому человѣку руку, направилась къ дверямъ и вернулась вновь:

— Такъ вы мнѣ даете слово молиться по вечерамъ о нихъ? спросила она.

— Даю! даю! поспѣшилъ сказать слѣдователь.

— Пожалуйста, умоляющимъ тономъ подтвердила она:—вы увидите, какъ это для васъ будетъ полезно.

И она скрылась за дверью, а слѣдователь вынулъ платокъ и отеръ не только лобъ, но и затылокъ.

XXIV.

Женя подходилъ къ своему дому, когда ему попался навстрѣчу грязный босой мальчишка въ пестрядинномъ халатѣ. Лицо его какъ-будто показалось Женѣ знакомымъ, и онъ остановилъ его.

— Слушай, сказалъ онъ:—ты приходилъ дня три назадъ ночью спрашивать Сергѣя шарманщика?

Мальчикъ боязливо уставился на него черными, какъ маленькіе тараканы, глазами.

— Я! отвѣтилъ онъ.

— Тебя вѣдь посылалъ мужчина съ черными усами?

— Нѣтъ, барыня! быстро сказалъ мальчикъ.

— Ты видишь гривенникъ? Ты его получишь. Тебя посылалъ мужчина съ черными усами?

У мальчика на глазахъ навернулись слезы.

— Онъ не велѣлъ говорить, сказалъ онъ.

Женя сунулъ ему гривенникъ и побрелъ къ себѣ.

— Ну, значить, такъ оно и есть, такъ и есть! говорилъ онъ про себя.

Онъ зашелъ домой справиться, пришелъ ли отецъ, но онъ не возвращался.

— Будешь обѣдать дома? спросила мать. Она была противъ обыкновенія трезва и строга.

— Нѣтъ. Я ѣсть не хочу.

— Вернется ли твой батька-то на свѣтъ Божій? Связала съ нимъ меня нелегкая.

Сынъ ничего не отвѣчалъ. Онъ легъ ничкомъ на диванъ, подперъ руками голову и замеръ въ такомъ-то полуснѣ.

Часу въ шестомъ мать пошевелила его за плечо.

— Да поѣшь ты, что ли.

Онъ всталъ, съѣлъ нѣсколько ложекъ рыбьяго супа и опять задумался. Онъ не шелъ къ художнику: его безпокоила судьба отца.

Въ шесть часовъ Сергѣй вернулся. На его красномъ, потномъ лицѣ, сквозь напускное безразличіе, свѣтилась какая-то радость, которую онъ съ трудомъ сдерживалъ.

— Ну, что? встрѣтила его жена.

— Я изъ тюремнаго госпиталя, отвѣтилъ онъ.

— Я насчетъ слѣдственнаго пристава спрашиваю.

— Что слѣдователь, ну, поговорили, побалякали,—все это сорочьи разговоры. А вотъ дѣло: Иванъ померъ.

— Ну, слава тебѣ Создателю, заговорила она, крестясь:—упокой его грѣшную душеньку.

Сергѣй обратился къ сыну:

— Ты жить съ нами не хочешь? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ, не смотря на отца.

— Ну, тѣмъ лучше. Мы отсюда уѣдемъ.

— Откуда? испуганно спросила жена.

— Изъ города, отвѣтилъ мужъ.—Я въ Рамбовѣ дѣло одно намѣтилъ. Туда совсѣмъ переѣдемъ.

— Да съ чего ты вдругъ, завизжала она.

— Молчи! окрысился онъ.—Сказано,—такъ и будетъ. Женька пусть живетъ, какъ хочетъ. На ученье я ему деньги дамъ, а тамъ остальное—хоть съ голоду околѣвай.

— Не околѣю, пробормоталъ сынъ.

— Ну, тамъ увидимъ. А только ежели ты отъ меня уходишь, я отъ тебя отрицаюсь. Не желаю тебя знать. Я тебя не прокляну, не выгоню, но и признавать не желаю.

— Да вѣдь твой онъ сынъ? спрашивала жена.

— Мой, но сынъ для меня непріятный.

Женя всталъ съ дивана и началъ собирать свои вещи.

Собравъ, онъ остановился передъ отцомъ.

— Я узналъ сегодня, кто тебя звалъ тогда ночью черезъ мальчишку, проговорилъ онъ.

— Не попадайся ты мнѣ на глаза! захрипѣлъ Сергѣй.—Вонъ, вонъ сію минуту! Твою рухлядь пришлютъ тебѣ потомъ. Вонъ!

Женя, шатаясь, вышелъ, прошелъ по галлереѣ къ Палееву; его дома не было. Онъ сѣлъ въ уголъ,—и зарыдалъ горькими, юношескими, накопившимися давно слезами.

Такимъ, въ слезахъ, и засталъ его вечеромъ Палеевъ.

XXV.

Время идетъ.

Все мѣняется. Молодежь растетъ, старики старѣютъ. Но Сергѣй Прокофьевичъ не постарѣлъ; годы пошли ему впрокъ, хотя съ нимъ совершился рядъ какихъ-то странныхъ, необычайныхъ измѣненій.

Когда дѣло объ убійствѣ старухи Муравьиной

было кончено, онъ переѣхалъ въ Ораніенбаумъ. Тамъ ему случайно достался по двумъ протестованнымъ векселямъ лѣсной складъ, и онъ рѣшился внести гильдію и торговать лѣсомъ.

Поселился онъ съ женой въ маленькомъ деревянномъ домикѣ на берегу моря. Шарманка была заколочена въ особый ящикъ и поставлена въ сухомъ мѣстѣ. Коричнево-зеленый пиджакъ куда-то пропалъ. Широкополая шляпа смѣнилась картузомъ. Бриться онъ сталъ еще аккуратнѣе и пріобрѣлъ сразу нѣкоторую плавность движеній.

Зимой онъ ходилъ и пронюхивалъ о новыхъ постройкахъ. Въ городъ ѣздилъ рѣдко. Передъ Рождествомъ онъ пріѣхалъ къ Липинымъ и тихонько постучалъ въ окно кухни.

— Доложьте барину, сказалъ онъ нянькѣ:— на минуту желательно ихъ видѣть.

Его тотчасъ пустили.

— За деньгами? косо усмѣхаясь, спросилъ Липинъ.—Ну, а если у меня нѣтъ.

— Что же, нѣтъ, такъ и нѣтъ-съ. За этимъ и провѣдалъ васъ. Тогда переписать документъ надо.

Липинъ удивился.

— Что это ты такимъ добренькимъ сталъ?

— Никогда злымъ и не былъ.

— Половину я могу тебѣ отдать.

— Тогда на половинку и векселекъ приготовьте.

— И опять такіе же проценты?

— Нѣтъ, что же васъ обижать. За сынишку

за полугодіе внесите въ гимназію плату. А тамъ сочтемся.

Липинъ посмотрѣлъ на него. Безцвѣтные глаза смотрятъ такъ же холодно и жестоко.

— Да съ чего, въ самомъ дѣлѣ, ты такъ уступчивъ сталъ? переспросилъ Липинъ.

— Вижу, коли вы въ нуждѣ, притти обязанъ же я на помощь, чѣмъ могу... Дѣлишки теперь поправляются, думаю лѣскомъ приторговывать...

Въ тотъ же день вексель переписали, и Новиковъ получилъ половину долга.

— Что съ твоимъ отцомъ? спрашивалъ Липинъ у Жени, когда онъ завернулъ къ нимъ на праздникахъ.

— Не знаю. Снялъ лѣсной дворъ, набираетъ подряды.

Съ ранней весны закипѣла у Новикова работа. Какъ разъ въ дачныхъ мѣстахъ подъ Петербургомъ шла строительная горячка, и лѣса требовалось много. Прежній хозяинъ двора былъ изъ милости взятъ Новиковымъ въ рабочіе и завѣдовалъ отпускомъ лѣса. Жалованье ему Новиковъ выдавалъ половинное, такъ какъ, по его счету, тотъ ему остался долженъ какихъ-то семьдесятъ рублей. Дѣла шли у него хорошо, и къ концу года онъ уже снялъ трактиръ гдѣ-то подъ Стрѣльной.

— Зарвешься! говорила ему жена, которая пила мертвую,

— Что жъ, никто какъ Богъ! смиренно отвѣчалъ Сергѣй.

Онъ помѣстилъ ее въ трактиръ для контроля надъ прислугой, но она дралась и буянила.

— Не достаточно въ линіи себя держишь, солидно выговаривалъ ей мужъ.—Видишь, я собрался въ люди выходить, а ты ведешь себя, какъ баба подзаборная. Вѣдь ты второй гильдіи,—все это прежнее забыть надо, и быть совсѣмъ на новомъ положеніи. Что была шарманка, о томъ чтобъ и въ мысляхъ не было, и во снѣ чтобъ она не снилась.

Но, несмотря на это требованіе, самъ онъ, точно въ насмѣшку надъ собой, постоянно видѣлъ себя во снѣ съ шарманкой. И все такіе тяжелые сны. Видитъ онъ брата Ивана, который изъ окна, вмѣсто пятака, свертокъ синей бумаги бросаетъ, а старуха Муравьина на треугольникѣ играетъ и подъ его шарманку пляшетъ. То вдругъ,—мерещилось ему,—пришла повѣстка: доставить въ окружной судъ шарманку, какъ вещественное доказательство. А въ шарманкѣ какъ разъ и лежали его капиталы.

Вообще ночи ему были тяжелѣе дней. Но днемъ онъ чувствовалъ себя бодро, распоряжался всѣмъ, за всѣмъ самъ смотрѣлъ и обворовывать себя не позволялъ.

Наконецъ онъ сталъ замѣчать, что жена плоха; онъ перевезъ ее опять на лѣсной дворъ, гдѣ былъ

постоянный смолистый запахъ отъ бревенъ и гдѣ съ моря дулъ свѣжій вѣтерокъ. Онъ не жалѣлъ ея: не помощница она была ему, а скорѣе мѣшала въ дѣлахъ.

Когда сдѣлалось ей совсѣмъ плохо, она упросила мужа написать сыну, чтобы онъ пріѣхалъ. Женя на другой день явился.

Она заплакала и обняла его. Это его удивило: такъ чужда ей была всегда материнская ласка. Что-то дрогнуло въ немъ, какое-то далекое чувство зашевелилось въ груди. Отецъ хмуро смотрѣлъ на нихъ изъ-за стола и не говорилъ ни слова.

— Евгеньюшка, лепетала она:—какъ же ты, родной, жизнь проживешь? Отецъ отъ тебя отрекся, мать уйдетъ въ сыру-землю?

— Проживу,—всѣ вѣдь живутъ, отвѣчалъ онъ, кусая губы.

— Какой ты красивый сталъ, Евгеньюшка; заглядываются, поди, на тебя бабы?

Сынъ ничего на это не отвѣтилъ.

— Ужъ ты побудь денька два со мной, просила она.—Вѣдь ужъ навсегда,—никогда больше не увидимся. Ужъ не пожалѣй для матери двухъ деньковъ.

Женя остался. Говорили они мало. Онъ сидѣлъ у окна, смотрѣлъ на синій просторъ моря и вспоминалъ, какъ больше года назадъ, въ концѣ *лѣта*, онъ съ [illegible] ѣздилъ

утромъ на взморье. Какая разница—тогда и теперь! Тогда море было бирюзовое, ни одна струйка не рябила его глади. Теперь синевато-сѣрыя волны, вспѣниваясь, переваливаются одна за другой и бьютъ черезъ камни на песчаный берегъ. Вѣтеръ гудитъ и воетъ и день и ночь, качаетъ сучья оголенныхъ деревьевъ, плачетъ въ печныхъ трубахъ, звенитъ дождемъ въ стекла и проносится съ глухимъ свистомъ межъ сложенными стѣнами досокъ, и гонитъ вдаль свѣжія стружки, закрутившіяся, какъ локоны деревяннаго идола. Хмуро и сѣро; въ домикѣ тѣсно и душно. Иногда онъ выходитъ, садится въ лодку и безцѣльно ѣздитъ взадъ и впередъ между камнями. Потомъ опять подходитъ къ изголовью матери, подаетъ ей пить, перебрасывается нѣсколькими словами.

— Женя, позвала она его однажды, когда Сергѣя не было дома.

— Я здѣсь, отозвался онъ.

— Какъ ты думаешь, у отца было дѣло съ Иваномъ?.. Когда ту старушку...

Сынъ отворотился.

— Не знаю я, процѣдилъ онъ сквозь зубы.

— Коли такъ говоришь, значитъ знаешь, сказала она.—А я тебѣ вотъ что... Подойди ближе, наклонись.

Сынъ наклонился къ ея изголовью.

— Въ углу стоитъ шарманка, заговорила она.—

Ящикъ какъ будто заколоченъ, только не трудно его вскрыть... А въ шарманкѣ внутри деньги.

Глаза Жени расширились.

— Ну, такъ мнѣ-то что до того? спросилъ онъ

Она долго молча смотрѣла на него.

— Ничего, сказала она наконецъ.—Я только вотъ указала тебѣ, гдѣ онѣ...

— Я отца грабить не буду, проговорилъ онъ.

— А много тамъ денегъ, задумчиво сказала она.—Онъ не знаетъ, что я видѣла. Гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ онѣ у него были, теперь здѣсь, да не надолго: скоро опять куда запрячетъ.

— Мнѣ этихъ денегъ не надо, повторилъ сынъ.

Мать закрыла глаза и ничего больше не сказала.

XXVI.

Послѣ похоронъ жены, когда на могилѣ остался только Сергѣй съ сыномъ, онъ сказалъ ему:

— Прощай.

— Прощай, отвѣтилъ Женя. — Береги шарманку.

И прежде чѣмъ успѣлъ Сергѣй ему что-нибудь отвѣтить, онъ повернулся и, посмѣиваясь, быстро ушелъ.

«Да, это мѣсто ненадежное!» подумалъ Новиковъ.

Скоро онъ стрѣльнинскій трактиръ передалъ, и съ выгод[illegible] появилась цѣлая гости-

ница, и въ Петербургѣ, правда, не на Невскомъ проспектѣ, но въ хорошемъ бойкомъ мѣстѣ. «Номера» занимали два этажа, а внизу былъ ресторанъ. Сбылись его давнія мечты. На рослой шведкѣ подкатывалъ онъ къ подъѣзду, швейцаръ высаживалъ его. И такъ, какъ рисовалось ему въ мечтахъ, такъ именно и было устроено при гостиницѣ: въ концѣ всѣхъ залъ былъ маленькій кабинетикъ, гдѣ за хорошій процентъ всегда можно было учесть векселя, особенно подъ вѣрное обезпеченіе. Появились какіе-то ходатаи по дѣламъ съ портфелями и въ красныхъ перчаткахъ; появились сѣденькіе полячки съ низкими поклонами и предложеніемъ—очень дешево, по случаю, пріобрѣсти имѣнье или домикъ. Образовалось цѣлое бюро, и Сергѣй Новиковъ былъ совсѣмъ директоромъ этого почтеннаго учрежденія.

Картузъ такъ же быстро исчезъ съ его головы, какъ и появился. Развѣ лѣтомъ надѣваетъ онъ бѣлую че-сунчовую фуражку и такое же платье. Зимою же онъ одѣтъ чрезвычайно прилично. Длинный сюртукъ, цвѣтной жилетъ изъ пике, что ему казалось признакомъ хорошаго тона, даже перстень съ брильянтомъ,—все это, при его бритой наружности, придавало ему видъ мѣнялы. Еще болѣе придало ему вѣса, когда пятиэтажный домъ, гдѣ помѣщалась гостиница, перешелъ въ его владѣніе, и онъ потомъ говорилъ съ полгода:

— Такъ-то, такъ-то, достоуважаемый! Неужели же вы думали, что дѣловой человѣкъ основываетъ свои симпатіи исключительно на этическихъ отношеніяхъ. Ни Боже мой! Какъ каждая рыбица ищетъ, гдѣ глубже,—такъ и каждый, даже маленькій, человѣкъ. Я, благодареніе Творцу, ни въ чемъ не нуждаюсь, дѣлъ свыше головы, но съ вами всегда готовъ дѣла дѣлать. Вотъ что, достоуважаемый: вамъ очень къ лицу было бы быть антрепренеромъ.

Новиковъ прищурился.

— Это театръ держать? Но я недостаточно солидно освѣдомленъ касательно этого вопроса.

— Коли вы, достоуважаемый, такія огромныя дѣла ведете, какъ вашу гостиницу,—что вамъ стоитъ театральное антреприза? Почему всѣ на нее кидаются? Потому, что выгодно. Почему всѣ лопаются? Потому, что не могутъ выдержать. Нуженъ основной капиталъ. Нужно умѣть переждать мертвое время. А тогда деньги лопатами загребайте. Кромѣ того, обращаю ваше вниманіе, достопочтеннѣйшій, на положеніе антрепренера. Вы дѣлаетесь сразу извѣстнымъ лицомъ въ городѣ, дѣлаетесь, такъ сказать, импрессаріо. Теперь вы владычествуете надъ поварами, коридорными, лакеями,—а тогда въ вашемъ распоряженіи труппа артистовъ, музыкантовъ, авторовъ. То ли это положеніе? Тамъ уже вы служите искусству.

— Все это плевое дѣло, сказалъ Новиковъ.— А есть тутъ одинъ пунктъ,—подумать можно.

— Это что же такое?—весь навострился Стржелецкій.

— А вотъ подумаемъ. Вы мнѣ матерьялы по этой антре... атрепризѣ можете предоставить?

— Когда хотите, достоуважаемый. Повѣрьте, вы не раскаетесь. Спросите обо мнѣ въ правленіи «Банка поземельнаго кредита»,—вамъ скажутъ, что Болеславъ Стржелецкій никогда плохого дѣла не предложитъ.

Новиковъ просилъ пріѣхать къ нему на другой день вечеромъ.

XXVII.

«Плевое дѣло!» повторилъ онъ, когда Стржелецкій ушелъ. «Тутъ загвоздка не въ актерахъ,— а въ буфетѣ. Тотъ антрепренеръ вытянетъ дѣла, у кого свой буфетъ и вѣшалка. Безъ буфета все вздоръ. Привлеки лѣтомъ обѣдами да ужинами,—совсѣмъ другая матерія. Чѣмъ на глухое время поваровъ распускать, перевести ихъ только за городъ: хорошее дѣло затѣять можно. Да если съ вѣшалки швейцарскій доходъ получать,—то это уже пахнетъ суммами».

Черезъ день сѣрый рысакъ катилъ ихъ за городъ. Осмотрѣли огромный сарай, долженствующій изображать храмъ искусствъ, но почему-то болѣе напоминающій манежъ. Осмотрѣли сцену,

построенную безо всякаго понятія о томъ, чѣмъ она должна быть. Осмотрѣли уборныя, устроенныя съ тончайшими перегородками, которыя не доходили до потолка, очевидно, въ расчетѣ на отсутствіе какихъ бы то ни было тайнъ въ закулисномъ мірѣ. Осмотрѣли внимательно буфетное помѣщеніе, спускались въ ледникъ, кололи ледъ и оцѣнивали его достоинство. Смотрѣли, какъ устроены вѣшалки, вытаскивали изъ кладовой столы и стулья, чтобъ убѣдиться, нужно ли ихъ красить.

— Вѣдь вотъ въ чемъ дѣло, сказалъ Новиковъ, когда, осмотрѣвъ все, они остановились на террасѣ.—Возьмешь на себя обузу, а потомъ, смотришь, появилась холера или дифтеритъ, и всѣ дачники, какъ тараканы, прочь поползутъ.

— Вы, достоуважаемый, берете стихійные примѣры, возразилъ Стржелецкій.—Почему же непремѣнно холера будетъ въ этомъ году и въ этой мѣстности? При холерѣ и ваша петербургская гостиница торговать не будетъ.

Новиковъ отплюнулся, но ничего не сказалъ.

— Подумаю, проговорилъ онъ на крыльцѣ, прощаясь съ Стржелецкимъ, которому надо было зачѣмъ-то остаться въ этой мѣстности до вечера.

Къ Новикову подошла лохматая цыганка съ шафранной кожей и стала просить ручку.

— Смотри, купецъ, такъ нагадаю счастливо, какъ другая никто не нагадаетъ, заговорила она.

Онъ занесъ было ногу въ коляску, да остановился.

— А ну-ка! сказалъ онъ, протягивая руку и замѣтивъ, что Стржелецкій скрылся за угломъ.

Старуха глянула на ладонь.

— Откуда у тебя деньги? спросила она.

Онъ потянулъ назадъ руку, но она крѣпко держала.

— Постой. Какой купецъ счастливый, ухъ какой счастливый! До девяноста лѣтъ доживешь... Ничего больше не скажу,—нельзя ничего больше говорить... Сердиться будешь.

Онъ поморщился, сунулъ ей мелочь и опять подошелъ къ коляскѣ.

— А все твое счастье отъ старика, закричала она.—Старикъ съ бородою бѣлой, длинной.

Онъ опять остановился.

— Какого старика?

— Позови старика. Пусть у тебя живетъ. Пои, корми. Счастье будетъ.

Коляска тронулась.

— А старика не будетъ—счастья не будетъ! кричала она вслѣдъ.

Новиковъ отвалился къ спинкѣ коляски и велѣлъ ѣхать домой.

— Старика? Старика? бормоталъ онъ про себя.—Про какого старика она бормотала?

И вдругъ его точно молотомъ ударило:

— Да вѣдь старикъ отецъ живъ!

Живъ ли? Онъ лѣтъ тридцать его не видѣлъ. Онъ тоже жилъ у Муравьина, въ числѣ старшихъ псарей, но его оглушила на охотѣ молнія, и онъ ни на какое дѣло не сталъ способнымъ. Его отправили въ деревню. Тамъ къ нему вернулся языкъ, но правой рукой онъ не могъ владѣть больше. Пять лѣтъ назадъ онъ былъ еще живъ, а теперь?

Въ тотъ же вечеръ было написано письмо въ Тверскую губернію, былъ позванъ расторопный артельщикъ, которому и внушено—какъ и гдѣ разыскать такую-то деревню и найти такого-то старика и доставить сюда, буде онъ не очень боленъ.

— Пекусь о родителѣ, пояснилъ онъ артельщику:—думалъ, что давно уже онъ въ могилѣ; но сегодня получилъ указаніе свыше, и немедля желаю успокоить его старость.

«Отведу ему отдѣльный покой», разсуждалъ онъ про себя: «человѣка приставлю, пусть за старичкомъ ходитъ. Пусть въ деревнѣ узнаютъ, что я за человѣкъ сталъ».

Онъ воротилъ артельщика.

— Ежели спросятъ про меня тамъ, въ деревнѣ, наказывалъ онъ:—скажи, что, молъ, живетъ въ пятиэтажномъ собственномъ домѣ, и въ ресторанѣ окна зеркальныя. Скажи, что собственный театръ собирается держать, куда только отборная публика [illegible] будетъ. Скажи, хозяину

всѣ должны, и всѣ ему кланяются. И потому онъ такъ скоро въ гору пошелъ, что было надъ нимъ благословеніе Божіе. И вотъ на высотѣ вспомнилъ онъ о родителѣ и посылаетъ за нимъ.

Артельщикъ успокоилъ хозяина.

— Ужъ будьте благонадежны, не въ первой.

Онъ говорилъ это съ такимъ видомъ, что ему не въ диковинку разыскивать и привозить престарѣлыхъ родителей.

«И не знаешь, что дѣлать», сокрушенно говорилъ Новиковъ, ходя вечеромъ по комнатамъ: «отслужить ли панихидку по старцѣ, или молебенъ о здравіи?»

Вопросъ объ антрепризѣ онъ рѣшилъ положительно. Онъ не сомнѣвался, что буфетъ дастъ барышъ,—ну, а при буфетѣ и театръ не прогоритъ. А только познакомиться все же необходимо съ дѣломъ поближе. Онъ зналъ, что ходитъ къ нему въ трактиръ обѣдать одинъ актеръ, всегда платитъ на наличныя, хотя ѣстъ скромно: солянючку, ветчинку съ горошкомъ, сосисокъ съ капустой,—да водочки маленькій графинчикъ. Ходилъ онъ періодически, когда оставались гроши отъ казенной пенсіи,—и кутилъ втихомолку. Вотъ съ этимъ-то актеромъ и рѣшилъ онъ познакомиться, для чего и позвалъ буфетчика, чтобъ тотъ далъ о немъ справки.

— Бѣликовъ-съ? Бѣликовъ, актеръ казенный. Человѣкъ почтенный, семейный, живетъ рядомъ.

стоянный нашъ посѣтитель, хочу поблагодарить за вниманіе. Позвольте просить васъ присѣсть за столикъ. Быть можетъ, позволите угостить васъ немножко?

— Merci, важно заговорилъ Бѣликовъ:—я вотъ закусилъ у буфета,—что-то не хочется сегодня. Но весьма радъ знакомству. Очень польщенъ, что вы и небольшого посѣтителя замѣтили. У васъ космополитическій взглядъ: нѣтъ узкости.

— Самъ еще не завтракалъ, продолжалъ Новиковъ:—прошу раздѣлить трапезу.

Онъ распорядился холодненькой осетринкой.

— Заманчивая рыба... на рѣдкость получка, прибавилъ онъ и велѣлъ заодно подать хереску, съ буфета открытую бутылку.

— Вотъ, Петръ Акимычъ, желаю съ вами посовѣтоваться, сказалъ онъ.

XXVIII.

Петръ Акимовичъ заткнулъ салфетку за галстукъ, приготовившись кушать. Но, въ сущности, это была совершенно лишняя опрятность, такъ какъ сюртукъ его былъ весь въ пятнахъ, и новыя прибавки едва ли могли быть замѣтны.

— Всѣмъ, чѣмъ могу, готовъ служить.

— Хочу атре... призой заняться.

Новиковъ еще не вполнѣ привыкъ къ новому слову и выговаривалъ его осторожно.

Петръ Акимовичъ протянулъ ему черезъ столъ руку.

— Позвольте крѣпко пожать, сказалъ онъ.— Вы посвящаете себя великой миссіи. До сихъ поръ смотрѣлъ на васъ съ уваженіемъ, а теперь готовъ выразить удивленіе. Театръ—это великій суррогатъ искусства. Это осязательное проявленіе невѣсомаго,—проявленіе фантазіи. Поэтъ творитъ: образы его—только атомы, греза. Вы читаете и сами ихъ создаете въ воображеніи. Но что такое это воображеніе? — Тоже атомы. — Но вотъ, воплощаетъ ихъ актеръ, и атомъ облекается въ плоть и кровь; онъ уже запечатлѣнъ, какъ бы изъ бронзы. Вотъ почему театръ я назвалъ великимъ суррогатомъ, вѣрнѣе, великой функціей искусства. Театры должны находиться въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, и я удивляюсь, какъ этого до сихъ поръ нѣтъ.

— Я вотъ хотѣлъ съ вами посовѣтоваться насчетъ будущаго дѣла, прервалъ его Новиковъ:— такъ какъ мало ознакомленъ съ этой частью.

— Располагайте, сказалъ Петръ Акимовичъ:— располагайте. Я весь къ вашимъ услугамъ. Могу набрать вамъ труппу, могу рекомендовать бутафорію, парикмахера, костюмера, сценаріуса, могу составить репертуаръ.

— Вотъ я хотѣлъ просить васъ обо всемъ этомъ; быть можетъ, вы заглянете какъ-нибудь ко мнѣ, я бы съ вами и побесѣдовалъ.

— Съ наслажденіемъ, съ истиннымъ наслажденіемъ. Мнѣ это тѣмъ болѣе интересно, что я какъ разъ пишу теперь пьесу, которая должна рѣшающимъ образомъ повліять на народные театры. Пьеса, натурально, въ стихахъ и написана по образцу пушкинскаго «Годунова». Знаете это: «Тѣнь Грознаго меня усыновила?»

Новиковъ мотнулъ головой такъ, что можно было понять двояко: конечно, «Годунова» онъ знаетъ, а, можетъ быть, никогда и не слыхивалъ.

— Въ двадцати четырехъ картинахъ, продолжалъ Бѣликовъ. — Первая картина — призваніе варяговъ. Понимаете—тутъ Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ. Они пируютъ въ станѣ, вдругъ ѣдутъ ладьи. Это пришли славяне: «Порядка у насъ нѣтъ, — пойдемте къ намъ, княжите нами». Потомъ Владиміръ Красное Солнышко. Онъ окруженъ богатырями и мечтаетъ о христіанствѣ. Онъ засыпаетъ и видитъ щитъ Олега на вратахъ Цареграда. Потомъ — татарскій погромъ. Наши князья на колѣняхъ передъ ханами. И вдругъ— Дмитрій Донской... и такъ далѣе,—вы понимаете? Каждая картина—по десяти минутъ, — но вѣдь народъ познакомится съ исторіей. И назову я эту пьесу: Старая Русь. Она мнѣ десятки тысячъ дастъ!.. Это будетъ источникъ экономическаго благосостоянія моей семьи.

— А у васъ семья значительная? спросилъ Новиковъ.

— Количество выдающееся. Семь душъ, да четверо на небесахъ. Первые — двойни, Петръ и Павелъ. Оба въ прогимназіи. Изъ шкуры лѣзу, чтобы дать образованіе. Безъ начальныхъ элементовъ знанія—всюду крышка, — такое время. Прежде способностями путь открывали, а теперь аттестатомъ. Пожалуйте аттестатъ. Все дѣло въ упорствѣ. Аттестатъ только упорствомъ взять можно. Въ упорствѣ вся сила. Такъ что поневолѣ даю потомству современное направленіе. Надо итти за вѣкомъ, нельзя быть антиподомъ: держаться противоположной точки существующаго направленія. А при нашей пенсіи чрезвычайно трудно итти за вѣкомъ.

— Ну, а, кромѣ вашей комедіи, вы что же еще мнѣ посовѣтуете? спросилъ Новиковъ.

Петръ Акимовичъ подумалъ.

— «Горе отъ ума», «Женитьба», сказалъ онъ.

Новиковъ какъ-то повелъ носомъ.

— Тоже новенькія? спросилъ онъ.

— Старенькія, но лучше новенькихъ.

— Желательно мнѣ матеріальныя подробности, сокрушенно сказалъ Новиковъ. — Я бы вамъ остался благодаренъ.

— Вы меня обижаете! возмутился Петръ Акимовичъ. — Неужели я изъ-за благодарности готовъ подѣлиться съ вами плодами моей опытности? Я узурпаторомъ никогда не былъ и пре-

доставляю мерзавцамъ брать мзду за совѣты, въ которыхъ нуждаются порядочные люди.

Разстались они друзьями. Бѣликовъ былъ для перваго знакомства настолько благодаренъ, что не допилъ бутылки хереса.

— Завтра я къ вашимъ услугамъ, сказалъ онъ и, пародируя Гамлета, прибавилъ: — и все, чѣмъ вамъ можетъ быть полезенъ такой бѣднякъ, какъ я,—онъ вамъ будетъ полезенъ.

Новиковъ подошелъ къ буфету.

— Пожалуйста, ежели этотъ Петръ Акимычъ что спроситъ—все давать безпрекословно. И денегъ не брать,—потомъ, молъ, сочтемся. И всякое уваженіе оказывать,—въ предѣлахъ пятидесяти, даже семидесяти рублей.

«Много пустого говоритъ по своей актерской привычкѣ», разсуждалъ самъ съ собою Новиковъ: «но все же толку отъ него добиться можно: человѣкъ семейный, каторги боится, и потому угождать будетъ».

Главные вопросы по организаціи театра — съ поваромъ, швейцаромъ и лакеями онъ кончилъ. Оставались—сущіе пустяки: набрать актеровъ и составить лѣтній репертуаръ.

— Конкуренціи вы не боитесь? спрашивали у него.

— Ни въ какомъ случаѣ. Полуторарублевые обѣды и семидесятипятикопеечные ужины на выборъ изъ двухъ блюдъ; красное и бѣлое вино

стаканами. Никакія конкуренціи мнѣ при такомъ порядкѣ вещей не страшны.

Когда человѣкъ идетъ на повышеніе, онъ чувствуетъ въ себѣ особую храбрость, онъ рискуетъ свободно, вѣритъ въ удачу. И Новиковъ чувствовалъ, что онъ никакихъ убытковъ и на этомъ дѣлѣ не понесетъ.

— Да и чего такого бояться? Что за министерство финансовъ? Велика штука этотъ самый театръ? Актеришки-проходимцы безъ капитала держатъ, такъ неужто жъ я не сумѣю?

Одно, какъ будто, нѣсколько безпокоило его. Онъ чувствовалъ свою безпомощность относительно какого бы то ни было знанія. Ему даже приходило на мысль выписать изъ Москвы сына, который перешелъ туда въ университетъ, чтобъ не быть въ одномъ городѣ съ отцомъ. Но ему не позволяла гордость сдѣлать это. Кланяться сыну,—это ужъ послѣднее дѣло.

Онъ переѣзжалъ на большую квартиру, но боялся приступить къ отдѣлкѣ ея. Онъ купилъ случайно старинную мебель краснаго дерева съ бронзой, но это былъ только кабинетъ. Да и то онъ не зналъ, чѣмъ набить стеклянные шкапы, которыхъ было цѣлыхъ пять, и куда бы помѣстилось тысячи двѣ книгъ. По стѣнамъ онъ повѣсилъ нѣсколько олеографій, и притомъ необычайно высоко—подъ самый потолокъ,—такъ что смотрѣть на нихъ можно было только въ под-

зорную трубу. Занавѣсы онъ сдѣлалъ изъ настоящаго бархата и привѣсилъ къ нимъ колоссальныя кисти, такія, какъ рисуются на занавѣсахъ театровъ. У окна онъ поставилъ огромный акваріумъ съ какими-то черными плавунами и золотыми рыбками; акваріумъ этотъ ему навязалъ одинъ докторъ, увѣряя, что это вещь солидная. Актеръ досталъ ему тоже украшеніе, которое страннымъ образомъ оттѣнило его кабинетъ: въ углу появился огромный манкенъ средне-вѣковаго рыцаря въ бутафорскихъ латахъ, съ опущеннымъ шлемомъ, въ желѣзныхъ перчаткахъ и башмакахъ съ длинными узкими носками.

— Раритетъ! говорилъ Петръ Акимовичъ.— Очень субъективное украшеніе. И чрезвычайно подходитъ къ вашей теперешней должности. Пріѣдетъ кто-нибудь, посмотритъ и скажетъ: вѣроятно, у него трагедіи пойдутъ—Гамлетъ, Король Лиръ, Серафима Лафайль.

Pendant рыцарю, въ другомъ углу—былъ медвѣдь на заднихъ лапахъ, державшій подносъ,— такія чучела ставятся въ прихожихъ. Но лампъ все онъ никакъ не рѣшался покупать, и у него горѣла какая-то жестяная кастрюлька безъ абажура, когда онъ по вечерамъ садился читать, и острымъ бѣлымъ свѣтомъ озаряла рыцаря и толстыя кисти портьеръ почтеннаго антрепренера.

XXIX.

Однажды утромъ мальчикъ въ высокихъ сапогахъ, съ намасленной головой, взятый имъ въ качествѣ лакея изъ трактира, доложилъ ему, что его спрашиваетъ какая-то дама, по нужному дѣлу, касательно театра.

Онъ пригладилъ волосы, подошелъ къ зеркалу, придалъ лицу возможно большее выраженіе дѣловитости и, оперщись одной рукой о столъ, въ позѣ полководца, сталъ ожидать посѣтительницу.

Вошла маленькая, хорошенькая женщина, съ глубокими черными глазами, тонкими губами, матовымъ цвѣтомъ кожи, въ черномъ, отлично сшитомъ платьѣ, плотно обнявшемъ ея гибкую талію, въ черной шляпкѣ съ ярко-пунсовымъ цвѣткомъ. Вошла она легкой, свободной походкой, слегка пріостановилась на порогѣ, тихо улыбнулась и скромно сказала:

— Извините.

— Нѣтъ, прошу, сказалъ онъ.

Она подошла, прямо глянула своими черными глазками въ его безцвѣтные глаза, пожала маленькой рукой его рыжую, въ веснушкахъ руку и голосомъ ребенка сказала:

— Я вамъ мѣшаю? Вы, я думаю, такъ заняты?

Онъ вдругъ покраснѣлъ и заторопился.

— Вы бы сѣли, что же вы на ножкахъ стоите?

Она сказала merci и сѣла. Она потупилась, улыбка сбѣжала съ ея лица: оно стало печально.

— Я къ вамъ по дѣлу, грустно заговорила она.—Вся моя надежда на васъ. Я поставлена обстоятельствами въ ужасное положеніе.

Новиковъ тоже сѣлъ и, выпучивъ глаза, тупо смотрѣлъ на нее.

— Я ingénue, сказала она: —ingénue dramatique.

По выраженію его лица, она поняла, что такое объясненіе является для него слишкомъ туманнымъ.

— «Страдающая наивность», поправилась она. Вамъ извѣстно, что есть амплуа «наивностей»: «веселыхъ» — comique, и «страдающихъ» — dramatique. Я составила уже себѣ имя: въ Ростовѣ я пользовалась въ прошломъ сезонѣ колоссальнымъ успѣхомъ. Прошлымъ лѣтомъ играла въ Ораніенбаумѣ, и тоже засыпали меня цвѣтами. И когда я играла, всегда пріѣзжали моряки изъ Кронштадта; помощникъ режиссера уставалъ выпускать меня на вызовы. Даже вышла одна маленькая непріятность: одинъ...

Она опять потупилась.

— Одинъ юнкеръ отравился; наломалъ фосфорныхъ спичекъ въ пиво и выпилъ; насилу его спасли.

Она опять подняла глаза.

— На это лѣто у меня было столько ангаже-

ментовъ, я ото всѣхъ отказалась: мнѣ, по семейнымъ обстоятельствамъ, надо остаться въ Петербургѣ. И я подписала на невозможныхъ условіяхъ контрактъ съ вашимъ предмѣстникомъ... Я даже фамиліи его не помню: Крушина, кажется... Знаете, я такъ привыкла поступать, какъ честная женщина, что мнѣ никакого нѣтъ дѣла до фамиліи. Теперь вдругъ оказывается, что его продали съ аукціона.

Ея глаза внезапно налились слезами. Она вытерла ихъ маленькимъ платочкомъ.

— И я остаюсь ни при чемъ. У меня никого нѣтъ на свѣтѣ, кто бы заступился за меня. Есть мать-старушка, но она стара... Я вѣдь замужемъ. Но съ мужемъ я не могу жить, и мнѣ не только полиція выдала отдѣльный паспортъ, но я получила официіальный разводъ. Я не могу вамъ передать всѣхъ интимныхъ подробностей, но довольно того сказать, что онъ съ ножомъ гонялся за мной по улицамъ. Это было въ Владикавказѣ.

— Съ ножомъ? сочувственно спросилъ ея собесѣдникъ.

— То-есть, съ кинжаломъ, поправилась она.— Знаете, бываютъ такіе турецкіе кинжалы или кавказскіе: всѣ въ серебрѣ и съ насѣчками. Онъ схватилъ такой кинжалъ и бѣжалъ за мною по улицѣ, и кричалъ: «держите ее!» Согласитесь, monsieur Новиковъ, могла ли я, — вы видите, какая я маленькая, — ужиться съ нимъ? А онъ

богатый, очень богатый офицеръ. Ну, тутъ мама мнѣ говоритъ: «Юлечка, жизнь дороже богатства; я дольше не могу допустить, чтобы вы дѣлили одинъ кровъ». Онъ просилъ прощенія, стоялъ на колѣняхъ. Я простила его. А черезъ мѣсяцъ онъ опять поступилъ жестоко: заперъ меня на чердакѣ съ крысами и продержалъ тамъ семь съ половиной часовъ. Я просила у него хлѣба и воды, онъ не давалъ. Между тѣмъ, monsieur Новиковъ, я совсѣмъ не такъ воспитана. Мама принадлежитъ къ королевскому роду. Ну, тутъ ужъ я совсѣмъ ушла и осталась одинокой. Да, я очень молода, — но я столько испытала, сколько иная женщина не испытаетъ во всю жизнь.

— За что же, сударыня, онъ такъ съ вами дѣйствовалъ? спросилъ Новиковъ.

— Подозрительность. Онъ былъ ревнивъ. Вѣдь вы сами понимаете, что, когда служишь въ театрѣ, нельзя отрѣшиться отъ напускной хотя бы любезности. Онъ запрещалъ принимать мнѣ цвѣты, получать письма... Ахъ... да не напоминайте мнѣ этого ужаснаго періода...

Она опять приложила платокъ къ увлажненнымъ глазамъ, которые не только могли, по желанію, дѣлаться мокрыми, но и выпускали слезы, жемчугомъ скатывавшіяся по щекамъ до подбородка.

— А вч[illegible]олжала она:—я встрѣтилась [illegible]имъ знакомымъ. Говорю

ему о своемъ трагическомъ положеніи, онъ мнѣ и говоритъ: «Юлія Ѳедоровна, — да что же вы медлите! Идите къ monsieur Новикову. Это человѣкъ огромнаго ума, отзывчивый! Одно его слово—и вы будете служить,—онъ хозяинъ большого дѣла. Прямо къ нему идите, изложите, и, повѣрьте, онъ вамъ поможетъ...» Мама мнѣ тоже говоритъ: «Иди, Юлечка, если это благородный человѣкъ, онъ приметъ въ тебѣ участіе...»

— Я готовъ-съ,—съ трудомъ переводя дыханіе, сказалъ Новиковъ.—Я готовъ-съ, но чѣмъ-съ?

— Да вѣдь у васъ театръ, monsieur Новиковъ? Возьмите меня. Повѣрьте, я оправдаю ваши надежды. Я въ провинціи получала четыреста рублей, но для васъ я пойду за двѣсти.

— Я-съ не прочь, а только...

Она схватила его за руку.

— Нельзя ли безъ «только»? Вы спасете отъ голода меня и маму, мы дошли до такого состоянія, что я принуждена закладывать фамильные брильянты.

Онъ погладилъ бритый подбородокъ.

— Надо постараться, сказалъ онъ.—Я постараюсь, сударыня, насколько возможно.

— Нѣтъ, вы скажите: да.

— Насчетъ чего-съ?

— Что я у васъ служу.

Новиковъ чувствовалъ что-то особенное. Въ первый разъ передъ нимъ сидѣла, какъ проси-

тельница, молодая красивая женщина, хорошо одѣтая. Такихъ женщинъ онъ считалъ такъ далекими отъ себя, такъ неприступными. А вотъ теперь, онъ не только говоритъ съ нею, какъ равный, но она проситъ его, молитъ, — онъ можетъ быть надъ ней хозяиномъ, бранить ее, распоряжаться ею,—и все за двѣсти рублей въ мѣсяцъ.

— Плевое дѣло! вырвалось у него.

— Что? въ изумленіи переспросила она.

— Ничего-съ, отвѣтилъ онъ. — Я переговорю съ своимъ управляющимъ, и отвѣтикъ получите завтра же.

— Да вы мнѣ принципіально скажите...

Новиковъ рѣшился выдержать характеръ.

— Безъ управляющаго не могу-съ. Пожалуйте завтра въ это время, и отвѣтикъ получите.

Никакого управляющаго у него не было, но онъ въ эту минуту произвелъ въ него Петра Акимовича. «Долженъ же у меня человѣкъ быть, который всю эту черную работу на себѣ понесетъ», подумалъ онъ.

Она опять схватила его за руки.

— Merci, тысячу разъ merci, заговорила она.— То, что вы для меня сдѣлали, — этого я не забуду никогда.

Она вытерла еще разъ платкомъ свои свѣтя-[illegible]ся глазки и оглянулась.

— Ахъ, [illegible]сь хорошо! проговорила она,

восторженно глядя на олеографію, изображающую городовыхъ, пришедшихъ поздравлять купца съ свѣтлымъ праздникомъ. У городовыхъ лица были совсѣмъ зеленыя, а у купца такого же цвѣта борода. Произошло это, очевидно, по небрежности печатника, который съ похмелья хватилъ не ту краску.

— Только что устраиваюсь, самодовольно сказалъ Новиковъ.—Еще все не въ благоустройствѣ.

— Вы знаете, моя спеціальность—устраивать квартиры, сказала она.—Я отлично, лучше всякаго обойщика, умѣю это дѣлать.

— Не зналъ, удивился Новиковъ, хотя въ его незнаніи не было ничего удивительнаго: онъ съ самой Юліей Ѳедоровной познакомился всего только четверть часа назадъ.

— У меня врожденное чувство уютности, продолжала она.—Я очень люблю устраивать уголки. Въ Саратовѣ былъ одинъ помѣщикъ Паксутовъ, такъ я ему весь домъ устроила. Потомъ, когда пріѣхалъ къ нему старшій нотаріусъ, такъ прямо и сказалъ: «Ну, это дѣло рукъ Юліи Ѳедоровны...»

— Такъ, можетъ, посовѣтуете мнѣ что? спросилъ онъ. — Позвольте вамъ предложить пройтись по всѣмъ аппартаментамъ. Можетъ быть, свои соображенія выскажете?

— Ахъ, съ наслажденіемъ! воскликнула она, подымаясь съ мѣста.

Но имъ не суждено было въ этотъ день осмотрѣть квартиру. Въ комнату вдругъ ворвался мальчикъ.

— Папашеньку привезли! крикнулъ онъ и скрылся.

— Боже мой, какая жалость! сказала «драматическая наивность», но сама остановилась, не зная, къ чему бы отнести эту жалость. Хозяинъ стоялъ передъ нею какой-то ошпаренный.

— Такъ тогда до завтра? У васъ семейныя обстоятельства, сказала она.

— Будемъ ждать, сказалъ онъ, пожимая ей руку и растерянно глядя прямо ей въ глаза, такъ что она, въ третій разъ сегодня, принуждена была опустить ихъ долу.

XXX.

Папашеньку вынимали изъ наемной кареты. Это былъ сухой, трясущійся старикъ, съ оловянными глазами, одѣтый въ длинную черную сибирку, повидимому, только что сшитую. На ногахъ у него были красные сафьянные сапоги, шитые золотомъ. Старикъ давно уже не носилъ обуви, у него болѣли ноги, и артельщикъ нашелъ самымъ правильнымъ, за неимѣніемъ ничего лучшаго, надѣть ему сафьянные боярскіе сапоги. Старикъ говорилъ хриплымъ фальцетомъ, пока его извлекали изъ

— Охъ, тише, не переломите меня. Осторожнѣй, ребятушки,—вѣдь я надтреснутый.

Когда его взводили на подъѣздъ, черноглазая ingénue посторонилась и, внимательно взглянувъ на него, воскликнула:

— Ахъ, какой симпатичный!

Сынъ ждалъ папашеньку на верхней площадкѣ лѣстницы, заложивъ руки въ карманы. Старика поставили передъ нимъ.

— Папашенька! проговорилъ сынъ, раскрывая объятія.

Старикъ вдругъ согнулся, упалъ на его плечо, обнялъ его за шею худыми, какъ жерди, руками, и хрипло зарыдалъ. Впрочемъ, это были не рыданія, а какой-то звѣриный ревъ, судорожный, прерывистый.

— Сереженька, Сереженька!.. глухо слышалось изъ плеча.

— Успокойся, папашенька, важно говорилъ Сергѣй, осанисто поглядывая на артельщика и дворника и словно сожалѣя, что такъ мало зрителей.—Конечно, мы съ тобою, можно сказать, потрясены. Но надо сдержаться, особливо при людяхъ.

— Вспомнилъ обо мнѣ, вспомнилъ! лепеталъ старикъ.—Я ужъ два года съ печи не слѣзалъ. Вотъ сняли меня, одѣли, повезли... Я отговаривался: пошто, говорю, поѣду? Такъ твой прохвостъ такой липкій: «Нешто, говоритъ, можно,

коли приказано? Меня, говоритъ, онъ живымъ съѣстъ!» — Помру, говорю, въ дорогѣ. — Нѣтъ, все жъ повезъ... Всего разломило... До чугунки-то шестьдесятъ верстъ, телѣга-то трясется... Ровно масло сбивали...

— Три дня семьдесятъ верстъ ѣхали, вставилъ артельщикъ. — Боялся совсѣмъ расплескать ихъ милость. Какъ тряхнетъ на выбоинѣ, такъ все и кажется, что духъ изъ нихъ выскочитъ.

— Ну, милости прошу въ хату, сказалъ Сергѣй и повелъ въ комнаты.

— Ишь ты, какъ въ ресторацiи! замѣтилъ старикъ, оглядывая окна.

Его посадили въ кресла. Онъ попросилъ чайку.

— Что же ты, прерывающимся голосомъ заговорилъ онъ: — раньше-то меня не трогалъ? Вѣдь я съ голода дохъ. Ты хошь бы плюнулъ на отца. А теперь съ такимъ фельдъегеремъ меня... Охъ!

— Гдѣ же ты чувствуешь боль, папашенька? спросилъ сынъ.

— Во всѣхъ суставахъ... Ревматизмъ... Муравьиный спиртъ былъ... Въ вагонѣ склянку раздавили, всѣхъ пассажировъ продушили...

— То-то отъ васъ муравейникомъ припахиваетъ, замѣтилъ сынъ.

Отецъ началъ просить чайку. Сынъ позвонилъ [illegible]ный колокольчикъ.

[illegible]ери-ка чаю, сказалъ онъ: — папашеньку

напоить. Можетъ, пивца желательно? прибавилъ онъ.—У насъ пяти сортовъ пиво.

— Аристократомъ живешь! замѣтилъ отецъ.

Чай подали по-московски, въ чайникахъ.

— Совсѣмъ меня согнуло, началъ отецъ, покончивъ съ двумя стаканами: — согнуло послѣ того, какъ Ивановъ грѣхъ этотъ самый случился. Опять и языкъ отнялся, и членами владѣніе...

Голова его безсильно упала на грудь.

— Какъ же это онъ такъ, Бога не побоялся? спросилъ онъ наконецъ.

— Въ нетрезвомъ состояніи, папашенька. Вступилъ хмель въ голову, ну тутъ сдержать не могъ своего нрава... И притиснулъ ее...

— Грѣхъ-отъ его задавилъ, потому и померъ, сказалъ отецъ.

— Тифомъ померъ, поправилъ его сынъ.

— А тамъ у насъ калякали, началъ опять старикъ: — ну, много чего калякали... и про тебя,— много про тебя.

Лицо Сергѣя скривилось.

— Помогалъ я, что ли, ее убивать? спросилъ онъ.

— Не то. А ты сокрылъ деньги послѣ него. Что быдто онъ тебѣ передалъ и быдто ты сокрылъ.

— Слѣдствіе велось по всей формальной строгости, перебилъ его Сергѣй:—и установлено онымъ слѣдствіемъ, что никакихъ денегъ похищено не было.

— Да нешто зналъ кто, сколько у покойницы денегъ? спросилъ отецъ.—У нея куры не клевали. Помню я ее, всегда скупа была. Годовъ тридцать въ деревнѣ-то въ одномъ домѣ жили, такъ наслыхался я о ней.

Онъ выпилъ еще стаканъ и сталъ проситься въ баню.

— Не далеко она у тебя?

— Нѣтъ, далековато. Въ каретѣ надо ѣхать.

— О! удивился старикъ.—Неужто при домѣ бани нѣтъ?

— Нѣтъ.

— У насъ въ деревнѣ не повѣрили бы. У насъ при каждой избѣ. А тутъ—домъ такой огромный и безъ бани. И вся улица безъ бани?

Узнавъ, что баня въ двухъ верстахъ, онъ покрутилъ головой.

— Нечисто у васъ живутъ.

Пока старика возили парить, Новиковъ послалъ за Петромъ Акимовичемъ. Тотъ сейчасъ же пришелъ. Ему Новиковъ передалъ о желаніи сдѣлать его управляющимъ.

— То-есть, главнымъ режиссеромъ? переспросилъ Петръ Акимовичъ.—Ну, что жъ, дѣло знакомое. Другой привилегіи ни у кого не найдете: я съ патентомъ.

Они сошлись на жалованьѣ.

— Только, почтеннѣйшій, разъ мы коснулись [illegible]выхъ вопросовъ, заговорилъ актеръ: —

то я не могу не замѣтить, что мнѣ необходимы подъемныя.

— То-есть это какія же подъемныя? поморщился Новиковъ.

-- Да такія же: государственныя, кредитныя. Вы понимаете, не могу же я, въ моемъ скромномъ туалетѣ, быть представителемъ вашего дѣла. Вонъ у меня на рукавчикахъ бахрома, на полусапожкахъ заплата, отъ сюртука свѣтится, какъ отъ планеты. Необходимъ приличный рединготъ съ шикарнымъ бархатнымъ воротникомъ, лаковые полусапожки,—ну, часы нужны.

— Часы съ цѣпочкой на время дамъ, замѣтилъ Новиковъ.

— Благодарю. Кромѣ того, фуляръ нуженъ, шляпа, пальто, тросточка?

— Зачѣмъ же тросточка?

— То-есть, трость. Не могу же я, какъ режиссеръ, безъ трости. Ночью возвращаешься послѣ спектакля, мало ли какія, родной мой, непріятности могутъ быть. И собаки, да и свои—недовольныхъ всегда много.

— Сколько же вамъ надо?

— Я вамъ представлю счетъ. Дайте рублей сто, а тамъ что останется или передержу — сочтемся.

Новиковъ бросилъ сотенную.

— Передержекъ не принимаю, сказалъ онъ:— а сдачи не надо.

— Ну, мерси, сказалъ Петръ Акимовичъ, засовывая аккуратно бумажку въ жилетный карманъ. — Къ завтрему одѣнусь джентльменомъ, корректно. Я составлю инвентарь нашихъ дальнѣйшихъ дѣйствій и прочту вамъ завтра.

Новиковъ сказалъ, что назначаетъ у себя пріемные часы, каждое утро отъ 9 до 11, по дѣламъ театра, и желаетъ, чтобы Петръ Акимовичъ присутствовалъ непремѣнно при пріемѣ.

— Натурально! подтвердилъ тотъ, и прибавилъ:—Вѣдь вотъ портсигаръ надо завести, а то куришь изъ коробки, для режиссера опять-таки неприлично.

— И портсигаръ дамъ, сказалъ Новиковъ и пошелъ куда-то за три комнаты. Потомъ онъ воротился и принесъ плоскіе открытые часы, тоненькіе, золотые, такіе вытертые, что они наощупь напоминали обмылокъ. Цѣпочка на нихъ была старинная панцырная, съ сердоликовой печатью, на которой была изображена голова сфинкса.

— Идеально, сказалъ Петръ Акимовичъ и посмотрѣлъ, на сколькихъ камняхъ часы.

Портсигаръ былъ тяжелый, серебряный, почернѣвшій, съ огромнымъ гербомъ.

— Дорогой мой, проговорилъ актеръ: — вѣдь тутъ княжеская корона. Какъ будто это неловко?

— Чего неловко! грубо оборвалъ его Нови-ковъ.—Говорите, что съ княземъ портсигарами [illegible]ись.

— Отличная варіація, мнѣ это очень нравится. Мерси, очень любезно.

— Потомъ возвратите, напомнилъ Новиковъ еще разъ.

— Ну, натурально, успокоилъ его Петръ Акимовичъ.

XXXI.

Вечеромъ Новикову доложили, что папашенькѣ плохо.

Онъ пошелъ къ отцу. Тотъ лежалъ на кровати въ отведенной ему комнатѣ и стоналъ.

— Не послать ли за докторомъ, тутъ у насъ есть недалеко? спросилъ сынъ.

— Охъ, за попомъ бы лучше! простоналъ старикъ.—И кишки и кости—все перетрясли.

— Не отчаивайся, сейчасъ все поправимъ, сказалъ Сергѣй и велѣлъ позвать доктора, что жилъ тутъ же во дворѣ.

Пришелъ толстый, съ крючковатымъ носомъ, гладко выбритый еврей и сѣлъ на кровать больного.

— Неблагоразумно, сказалъ онъ, выслушавъ сперва разсказъ больного, а потомъ его пульсъ.— Все неблагоразумно. Неблагоразумно было сидѣть на печкѣ два года. Неблагоразумно было слѣзть съ печки и сразу отправиться въ отдаленное путешествіе. Неблагоразумно было сѣ
въ телѣгу, сидѣть сгорбившись, а на ночле

натираться муравьинымъ спиртомъ. Неблагоразумно сидѣть всю ночь въ вагонѣ. Неблагоразумно пріѣзжать въ дождливую погоду въ Петербургъ. Наконецъ, неблагоразумно пойти въ баню и тамъ выпариться до одурѣнія. Это все неблагоразумно.

— А ежели оставить въ сторонѣ нотаціи, замѣтилъ Сергѣй,—и оказать медицинскую помощь?

Докторъ какъ будто смутился и сказалъ, что пришлетъ микстуру.

— Охъ, въ ведро вылью! простоналъ старикъ.

— Слышите? спросилъ эскулапъ, разводя руками.—Что же я могу послѣ этого?

Онъ отказался отъ платы за визитъ и ушелъ обиженный.

— Да что, въ тебѣ Бога нѣтъ? стоналъ старикъ.—Неужто ты хочешь, чтобъ я, какъ червь, безъ покаянья умеръ? Жаль тебѣ, что ли, попу заплатить?

За батюшкой ходили дольше, чѣмъ за докторомъ. Новиковъ послалъ за знакомымъ отцомъ Анѳимомъ. Отецъ Анѳимъ дома не оказался, и нашли его за преферансомъ у экзекутора Киріанова, гдѣ всегда играли по средамъ въ картишки. Услыхавъ о томъ, по сколь важному случаю и въ сколь важный домъ его зовутъ, отецъ Анѳимъ собрался немедленно.

— Исполню требу—и назадъ, говорилъ онъ.—[illegible]ого безъ меня поиграете.

Но вошелъ онъ неторопливо, широкимъ взмахомъ руки благословилъ хозяина и спросилъ:

— Что приключилось?

Узнавъ всѣ подробности, онъ ни слова не сказалъ о неблагоразуміи, а услыхавъ про мнѣніе доктора, не одобрилъ его.

— Неужели онъ полагаетъ, что, сидя на печи, нельзя быть придавленнымъ балкой? сказалъ онъ. — Все это только выказываетъ скудность кругозора господъ представителей науки.

У старика онъ пробылъ съ часъ и вышелъ совсѣмъ умиротвореннымъ.

— Достойный уваженій старецъ! сказалъ онъ.— Смотритъ прямо и не дрогнувъ въ міръ невѣдомый, ибо знаетъ, что Создатель милосердъ; а только по многолѣтнему моему навыку могу сказать, что онъ у васъ еще долго протянетъ. Очень онъ весь подсохъ, какъ иммортель,—есть, знаете, цвѣтокъ такой. Его не разберешь: живъ ли онъ, или нѣтъ; онъ и на стеблѣ шуршитъ, какъ сухая бумага, и сорванный не измѣняетъ колеръ.

Онъ опять благословилъ Сергѣя, получилъ приличное случаю вознагражденіе и отправился къ экзекутору.

Глазъ не обманулъ отца Аноима. Напившись малины и натеревшись водкой съ перцемъ, что съ нимъ продѣлала старуха-кухарка, на другой день старикъ проснулся куда бодрѣе.

П. П. Гнѣдичъ.

— Полегчало отъ исповѣди-то, прошамкалъ онъ и попросилъ чаю съ медомъ.

Бѣликовъ явился въ назначенный часъ, одѣтый джентльменомъ. Особенно хорошъ былъ галстукъ, продѣтый въ кольцо, да и самое кольцо было настолько внушительно крупными рубинами и сапфирами, что ни у кого не могло остаться сомнѣнія въ почтенности фирмы Новикова. Дѣйствительно, онъ купилъ трость, и даже съ ней пришелъ въ кабинетъ, при чемъ попросилъ Новикова подержать ее за самый конецъ, дабы убѣдиться, какой тяжелины былъ набалдашникъ.

— Тяжесть-то, а? Кистенекъ! говорилъ онъ въ восхищеніи. — Этакой порціей угостишь по темечку, такъ вѣдь получится одно недоразумѣніе, а человѣка не будетъ. Вотъ съ этимъ прерогативомъ я и буду ходить.

Онъ молодцовато отряхивался, ходилъ, не сгибая колѣнъ, и, оглядываясь, удивлялся, что въ кабинетѣ у Новикова нѣтъ зеркала.

Вскорѣ явилась и Юлія Ѳедоровна, съ немного заспаннымъ личикомъ, но съ тѣми же грустными глазками.

— Мой режиссеръ, рекомендовалъ Петра Акимовича Новиковъ и пригласилъ всѣхъ садиться.

Бѣликовъ надѣлъ пенснэ, развалился въ креслѣ, заложилъ высоко ногу на ногу, вынулъ портсигаръ съ княжеской короной и закурилъ папиросу.

— Вы, смѣю спросить, гдѣ служили? проговорилъ онъ, пуская изъ носа двѣ длинныя струи дыма.

Она назвала рядъ городовъ.

— А роли? Объясните, какой районъ вы можете охватить?

— Мой районъ обширенъ: «Бѣдовая бабушка», «Сесиль Орасъ», «Офелія», «Лиза», «Марья Антоновна»...

— Довольно, я васъ понялъ... Скажите, съ кѣмъ вы служили, кто бы могъ намъ дать о васъ справки?

Тутъ Юлія Ѳедоровна назвала цѣлый рядъ фамилій самыхъ неудобовыговариваемыхъ, но гремѣвшихъ въ провинціи, и прибавила:

— Всѣ вамъ скажутъ про меня одно и то же.

— Пардонъ. А фамилія ваша?

— Настоящая моя фамилія по мужу—Сысоева. А по сценѣ я—Бѣлозерская-Гринвичъ.

Бѣликовъ важно задумался и поворотилъ голову къ патрону.

— Что же, я думаю, госпожа Гринвичъ удовлетворяетъ нашей диспозиціи, сказалъ онъ.

Ея глазки вспыхнули, она протянула руку и сказала: «благодарю васъ».

— Вотъ госпожа... Юлія Ѳедоровна, хотѣла у меня мебель разставить, проговорилъ Новиковъ.

— А, пожалуйста, весело проговорила она и начала снимать перчатки.

— Едва ли это удобно теперь, въ часы, назначенные для аудіенцій, строго замѣтилъ режиссеръ.—Вотъ если вы пожалуете передъ обѣдомъ, такъ будетъ превосходно. Такъ ли, Сергѣй Прокофьевичъ?

— Оно, конечно, посвободнѣе будетъ, согласился Новиковъ.

Госпожа Гринвичъ уѣхала и въ четвертомъ часу появилась вновь въ комнатахъ Новикова. На этотъ разъ на ней было палевое платье, которое очень къ ней шло. Она сняла шляпу и перчатки.

— Первое правило, сказала она серьезнымъ, менторскимъ тономъ:—никогда не ставьте мебель прямо,—всегда накось. Это придаетъ уютность.

Она велѣла поставить посреди комнаты его письменный столъ, отодвинувъ его отъ окна.

— Во-первыхъ, будетъ дуть, вы можете простудиться, объяснила она:—а вамъ надо беречь ваше здоровье. Во-вторыхъ, должно быть мѣсто, чтобы ходить вокругъ стола...

Новиковъ не зналъ, зачѣмъ ему ходить вокругъ стола, но, захлебываясь, слушалъ свою гостью.

— Въ-третьихъ, какъ можно имѣть такой маленькій столъ? Вамъ нужно по крайней мѣрѣ вдвое больше. Или надо заказать въ pendant отдѣльный столъ для газетъ и журналовъ.

Въ гостиной она отодвинула отъ стѣнъ диваны.

[illegible]ны не могутъ стоять по стѣнѣ, возму-

щалась она. Диванъ долженъ быть отставленъ и стоять угломъ, а вокругъ—кресла. И передъ диваномъ—никакихъ столовъ, никакихъ. Развѣ маленькій, для пепельницы. И потомъ, я не понимаю, зачѣмъ вы съ деревомъ покупаете мебель? Надо, чтобъ дерева не было видно,—одна матерія,—это гораздо красивѣе... Потомъ—картины, статуи. У васъ должны быть статуи. Медвѣдя вынесите на лѣстницу, рыцаря поставьте подальше въ уголъ,—а картинъ вамъ необходимо. У меня есть двоюродный братъ въ Академіи Художествъ, я его пришлю къ вамъ,—вамъ онъ устроитъ очень дешево всю художественную часть.

Съ перестановкою мебели прошло время незамѣтно. Пришелъ Петръ Акимовичъ, и рѣшились всѣ втроемъ обѣдать.

— Гдѣ, здѣсь пообѣдать, или туда пойдемъ? спросилъ хозяинъ.

— Пойдемъ въ ресторанъ, говорилъ Бѣликовъ:—я ресторанъ предпочитаю всѣмъ палаццо. Займемъ отдѣльный кабинетъ и покушаемъ, какъ Лукуллы. Сегодня у насъ супъ изъ бычачьихъ хвостовъ. Пикантно до умозабвенія.

Гринвичъ слабо отговаривалась, что ее будетъ ждать мама, которая совершенно одна.

— А мы скомандуемъ мальчика съ запиской къ вашей мамашечкѣ, чтобъ она дочку не ждала, сказалъ Новиковъ.

Но «страдающая скромность» отъ этого отка-

залась. Они отправились въ ресторанъ и пообѣдали, при чемъ Новиковъ, совершенноне ожиданно, спросилъ двѣ бутылки «холодненькаго».

— Замороженное любите? спросилъ онъ сосѣдку, весь расплываясь.

— Да, чтобъ иголочками, инеемъ такимъ, плотоядно сказала она.

Скоро то благоустройство, которое она водворяла въ квартирѣ Новикова, распространилось и на него самого. Онъ подстригся совершенно иначе, и надѣлъ синія очки,—такъ что безцвѣтные, молочные глаза его совершенно скрылись. Портной былъ измѣненъ. Появились легкіе пиджачки изъ англійской матеріи, и галстукъ завязался по модѣ широкимъ бантомъ. Вся фигура какъ-то стала молодцоватѣе, и едва ли могъ бы найтись человѣкъ, который узналъ бы въ этомъ солидномъ коммерсантѣ бывшаго шарманщика.

У подъѣзда появилась коршевская коляска съ деревянными прямыми крыльями, точь-въ-точь такая, какъ заказывали великіе князья. Явился двоюродный братецъ, и Новиковъ ѣздилъ въ новой коляскѣ съ Юліей Ѳедоровной куда-то на Васильевскій Островъ и покупалъ какую-то «кавалерійскую атаку въ 12 году»,—картину необычайной величины, и продававшуюся, въ самомъ дѣлѣ, недорого—за пятьсотъ рублей. Картину всѣ одобрили: она чуть не цѣлую стѣну заняла въ кабинетѣ.

— Мнѣ что нравится, говорилъ Бѣликовъ:— много очень дыму. Я люблю, когда много дыму. Это экспресивно.

— А только вотъ насчетъ того, что я человѣкъ партикулярный, говорилъ Новиковъ, почесывая затылокъ.—Въ сраженіяхъ я никогда не былъ: такая картина больше подъ стать генералу.

— Ничего, ободрялъ его Бѣликовъ.—Если такъ говорить, то придемъ къ заключенію, что военные не имѣютъ права держать у себя статскихъ сюжетовъ; это, другъ мой, абсурдъ.

Появилась въ квартирѣ Новикова и еще новая личность, и появилась совершенно неожиданно: Софія Витовтовна, мать Юліи Ѳедоровны.

Эта особа, носившая столь громкое историческое имя княгини, прославившейся нѣкогда извѣстнымъ скандаломъ на свадьбѣ Василія Темнаго, была очень внушительна на видъ. Лѣтъ ей было пятьдесятъ съ хвостикомъ. Носъ у нея былъ грушевый, глаза черненькіе, прищуренные, фигура монументальная. Всякій, посмотрѣвъ на нее, сказалъ бы:

— Ну, баба!

Пріѣхала она къ Новикову незванная, прямо подошла къ нему, взяла за руки, и сказала:

— Я попросту: поцѣлуйте старуху.

Когда онъ ее поцѣловалъ, она крѣпко пожала ему руки и сказала:

— Это я за дочь. Я слышала, какъ вы ее полюбили.

Она придвинула къ хозяину кресло и сѣла противъ него.

— Да, сказала она:—искреннее, живое сочувствіе теперь рѣдко въ комъ встрѣтишь. Я вижу, что васъ съ Юлечкой связываетъ искренняя симпатія. Я пріѣхала только васъ поблагодарить, понимаете: только поблагодарить, и не болѣе.

XXXII.

Но уже второе посѣщеніе этой дамы носило роковой характеръ. Она пріѣхала, когда у Новикова былъ неизмѣнный Петръ Акимовичъ.

— Я попрошу васъ позволить поговорить наединѣ съ господиномъ Новиковымъ, сказала она актеру.

— Что же, это можно, далъ онъ ей позволеніе.—По поводу дочери желаете говорить?

Софья Витовтовна вонзилась въ него глазами. Бѣликовъ чувствовалъ, какъ этотъ взглядъ прокололъ его насквозь до лопатокъ.

— Вы человѣкъ опытный, сказала она и протянула ему руку.

Онъ крѣпко пожалъ ее.

— Вы на Петра Бѣликова можете положиться, сказалъ онъ.

— То-есть?

— То-есть, почтенная моя Софья Витовтовна...

Онъ осмотрѣлся, пододвинулъ къ ней стулъ и сказалъ шопотомъ:

— Я вашъ!

Она недовѣрчиво пронзила его съ другого бока.

— Я васъ не понимаю.

— Ну, вотъ! А говорили: изъ королевскаго рода. Я думалъ, что вамъ Ольгердъ и Кейстутъ родственники.

— Изъяснитесь проще, пытала старуха.

— Извольте. Хотите карася словить? Не понимаете? Я говорю про достойнаго всякаго уваженія хозяина здѣшняго дома, про этого дисконтера и кабатчика. Хорошее дѣло. Возьмите меня въ долю.

— То-есть, какъ это въ долю?

— А такъ, я вамъ помогу...

— Я, милостивый государь, заговорила Софья Витовтовна:—всю мою жизнь дѣйствовала самостоятельно и въ помощникахъ не нуждаюсь.

— Вѣрю-съ, согласился Петръ Акимычъ: — но, съ другой стороны, что вы думаете про камуфлетъ?

— Какой камуфлетъ? удивилась она.

— Не знаете, что сіе обозначаетъ слово? Это подкопъ, который ведется противъ подкопа. Саперный терминъ. Вы подкопъ ведете, а противъ васъ—камуфлетъ. Ежели вы глубоко подъ землю идите, то я на полъ-аршина глубже. А ежели

не дробить силъ и вмѣсто двухъ подкоповъ вести одинъ,—то скорѣе цѣли можно достигнуть.

Она опять протянула руку.

— Вы благородный человѣкъ, сказала она.— Я ваша!

Онъ поцѣловалъ у нея руку.

— То-то, дорогая, то-то... Ну, поговорите съ амфитріономъ, я подожду; тамъ видно будетъ, что и какъ.

Вошелъ Новиковъ. Лицо Софьи Витовтовны подернулось тучей, что-то зловѣщее проступило на немъ.

— Я бы у васъ просила двухъ минутъ,— сказала она.

Онъ молча пригласилъ ее въ кабинетъ. У самой двери его дернулъ за рукавъ Бѣликовъ.

— Остерегайтесь ея, шепнулъ онъ:—капканы разставляетъ.

Двери затворились. Петръ Акимовичъ развалился въ креслахъ, разставленныхъ въ безпорядкѣ ручками Юліи Ѳедоровны, и сталъ внимательно читать уличный листокъ, составлявшій любимое чтеніе и его, и хозяина. Пока въ кабинетѣ глухо раздавались голоса, Петръ Акимовичъ пріобрѣталъ удивительно полезныя свѣдѣнія. Онъ узналъ изъ передовой статьи, что нельзя носить перчатокъ, такъ какъ онѣ дѣлаются изъ зараженной собачьей кожи. Далѣе онъ [illegible]ъ, что умеръ государственный дѣятель въ

Англіи Джемсъ Джудль, который такъ долго оппонировалъ въ палатѣ лордовъ. Потомъ разсказывалось о чудесной ясновидящей, которая живетъ на Екатерининскомъ каналѣ и читаетъ запечатанныя письма, свободно разбирая даже клинообразныя надписи, а недавно прочла для Британскаго музея папирусъ съ іероглифами. Далѣе говорилось о необходимости улучшить молоко, особенно для дѣтскаго возраста. Потомъ шли не менѣе интересныя сообщенія о пожарахъ, при чемъ имущество всѣхъ неимущихъ оказывалось незастрахованнымъ. Потомъ восхваляли удивительную актрису, дебютировавшую на казенной сценѣ, которая «проявила много энергіи въ роли Мильфордъ и показала, что серьезно вдумалась въ изображаемое лицо, несмотря на то, что оно отстоитъ отъ нея на разстояніи цѣлаго вѣка». Наконецъ, нумеръ оканчивался разсказомъ, гдѣ описывалось, какъ пьянаго купца поднимали приказчики въ корзинѣ подъ потолокъ на большомъ блокѣ, а онъ махалъ флагами и говорилъ, что летитъ на шарѣ. Бѣликовъ прочелъ даже объявленія, и одно изъ нихъ зачѣмъ-то вырѣзалъ, гдѣ говорилось, что въ Надеждинской улицѣ продаются птицы и таксы отъ родителей съ медалями. Потомъ онъ сложилъ газету и бросилъ ее на столъ, а разговоръ все продолжался.

Онъ всталъ, тихо подошелъ къ двери и приложилъ къ ней ухо.

— Я требую соблюденія приличій, слышался голосъ Витовтовны.—Я требую, чтобы вы исполнили тѣ обязанности, которыя налагаетъ на васъ свѣтъ. Да, я согласна: дочь моя поступила необдуманно. Но она неопытна: она сущій ребенокъ, хотя и была годъ семь мѣсяцевъ замужемъ...

Бѣликовъ покрутилъ головою.

«Задаетъ она ему баню», подумалъ онъ, начавъ шагать по комнатамъ. «Вотъ этакую бабенку въ супруги? Господи, Боже праведный! Такую она заведетъ стратегію, что на Хеопсову пирамиду отъ нея убѣжишь».

Онъ походилъ взадъ и впередъ и опять подошелъ къ двери.

— Я васъ не спрашиваю, слышался значительно повышенный женскій голосъ:—я васъ не спрашиваю, что вы лично думаете и чувствуете. Мнѣ, сударь, нѣтъ до этого дѣла. Мнѣ важно, что чувствуетъ моя дочь. Вчера она проплакала цѣлый вечеръ. Къ такимъ оскорбленіямъ она не привыкла.

Новиковъ что-то тихо ей отвѣчалъ.

— А! Это, по-вашему, не оскорбленіе!—закричала она.—Не оскорбленіе накинуться на женщину и начать цѣловать ея руки?

— Но вѣдь она не протестовала, раздался [illegible] Новикова съ дрожащими нотками.

— Она слишкомъ молода и чиста, чтобы протестовать! крикнула Витовтовна.

Бѣликовъ отошелъ и опять заходилъ по комнатамъ. День былъ хорошій, весенній. Теплый дождикъ только что спрыснулъ улицы, и было свѣтло, свѣжо и не пыльно.

— Хорошо теперь, мечталъ Бѣликовъ:—сидѣть гдѣ-нибудь на пароходной пристани въ буфетѣ и попивать хорошій эль, настоящій хорошій эль. Чтобъ народъ мимо ходилъ. Сигарочку хорошую гаванскую съ Маниллы. Хорошо весной!

Онъ вздохнулъ и подошелъ въ гостиной къ большому простѣночному зеркалу.

— Откуда на бортѣ сюртука пятно? забезпокоился онъ.—Нужно оттереть бензиномъ. Какъ это можно?

— Мой племянникъ, милостивый государь, уже слышались цѣлые перекаты грома изъ кабинета.—Мой племянникъ хотя и художникъ, но онъ стрѣляетъ, какъ гвардеецъ; онъ гвозди пулями забиваетъ, и, клянусь вамъ, онъ васъ къ барьеру вытянетъ. А если вы откажитесь, онъ изломаетъ о васъ зонтикъ, обыкновенный дождевой зонтикъ. Я васъ предупреждаю...

— Ого-го! сказалъ Бѣликовъ, высоко поднявъ брови и расширивъ глаза.—Тутъ ужъ цѣлая демонстрація! Съ такой бабой шутки плохи.

Онъ взялъ шляпу и, оставивъ пальто въ передней, отправился въ ресторанъ завтракать. Тамъ

ему теперь отпускали и завтраки, и обѣды даромъ, что давало возможность ему говорить:

— По-графски ѣмъ, чортъ возьми.

Онъ не торопясь поѣлъ, взялъ съ собою двѣ зубочистки и воротился назадъ.

— Уѣхала барыня? спросилъ онъ мальчика.

— Никакъ нѣтъ: все сидятъ.

— Вотъ смола! сказалъ Петръ Акимовичъ.— Не отдерешь ее ничѣмъ, какъ пристанетъ.

Онъ вошелъ въ гостиную. Изъ-за двери слышался болѣе сдержанный и менѣе горячій говоръ.

— Наконецъ, вы можете уѣхать, говорила Витовтовна:—поѣзжайте въ Швейцарію, въ Парижъ, въ Ниццу. Вы сами говорите, что за границей не бывали, это позоръ! Съ такой женой вамъ нигдѣ не стыдно показаться.

Петръ Акимовичъ не удержался и свистнулъ, но спохватился и закрылъ ротъ рукой.

— Вотъ куда бабецъ гнетъ! сказалъ онъ.— Ну, теперь прощай, Сергѣй Новиковъ. Сваритъ его въ котелкѣ вѣдьма. Этакая позорная особа. Скажите, пожалуйста!

— Да развѣ вы могли мечтать о чемъ-нибудь лучшемъ, доносилось изъ-за двери.—Красавица, нѣжна, образованная, талантливая... Вѣдь вы, извините, вы посмотритесь въ зеркало,—вѣдь [illegible] расавцемъ васъ нельзя назвать. А съ жен-[illegible]турой что подѣлаешь! Влюбилась,—меч-

таетъ о васъ. Она говоритъ: выучу я его по-французски, придамъ ему лоскъ...

Говоръ дѣлался все тише. Очевидно, приходили къ взаимному соглашенію. Наконецъ дверь отворилась, и оба вышли. Лицо ея сіяло торжествомъ побѣды: даже зеленые листья ея шляпы какъ будто напоминали вѣнокъ тріумфатора. Она ласково протянула руку Петру Акимовичу.

— До свиданія, cher monsieur Бѣликовъ, съ улыбкой проговорила она, поводя своей грушей.

Онъ опять поцѣловалъ ея руку и посмотрѣлъ на Новикова; тотъ былъ совсѣмъ мокрый, и потъ, какъ бусами, усѣялъ все его лицо.

XXXIII.

Папашенькѣ опять стало плохо.

— Пусти ты меня домой, взмолился онъ.—У тебя въ твоихъ хоромахъ, какъ въ погребѣ,—а мнѣ солнышко надо. Завалинки у дома нѣтъ, посидѣть негдѣ. Теперь благодать такая, а ты меня, какъ крота въ норѣ, держишь.

— Неудобно мнѣ, папашенька, чтобы ты жилъ на положеніи, такъ сказать, простого мужика, говорилъ сынъ.—Видѣлъ ты, какъ я живу,—и вдругъ мой родитель гдѣ-то въ деревнѣ на печи издыхаетъ. Не модель совсѣмъ. Многіе укорить меня могутъ, а я желаю, какъ стеклышко, въ чистотѣ быть.

— Дай ты мнѣ четвертную бумажку въ мѣсяцъ, такъ я тебѣ заживу акцизнымъ чиновникомъ, зашамкалъ старикъ. — И ходить за мной будутъ, и растирать будутъ, и почетъ оказывать. И попъ разъ въ мѣсяцъ исповѣдать меня будетъ. Что я здѣсь у тебя,—одна обуза. А тамъ я все одно что староста буду.

Сергѣй, въ сущности, радъ былъ, что старикъ просится въ деревню. Онъ ему ни слова не говорилъ о предстоящемъ бракосочетаніи, точно неловко ему было. Да и боялся онъ, что вдругъ проболтается о чемъ-нибудь старикъ: о шарманкѣ, либо о чемъ-нибудь подобномъ.

— Объ одномъ жалѣю, внука не повидалъ. Ужъ какъ хотѣлось мнѣ внука видѣть.

— Непокорности въ немъ много! сухо замѣчалъ Сергѣй.

— Захотѣлъ ты покорности! Пошелъ по ученой части, самъ себѣ хлѣбъ добывать будетъ.

Старика отправили. Тотъ же артельщикъ усадилъ его въ карету; только на немъ были не сафьянные, а плисовые сапоги. Сынъ самъ проводилъ его на вокзалъ и усадилъ въ отдѣльное купе до Твери.

— Въ гостиницѣ переночуешь, говорилъ онъ [illegible]льщику:—наймешь спокойную коляску и до[illegible]шь родителя на мѣсто, и тамъ всѣмъ рас[illegible]дишься въ лучшемъ видѣ.

[illegible]тари[illegible]щаясь, заплакалъ.

— Ну, теперь ужъ не увидимся... Ужъ теперь шабашъ. Мнѣ осталось малый самый конецъ...

— Благослови, папашенька, сказалъ, снимая шляпу, Сергѣй.

Тотъ съ трудомъ поднялъ лѣвую руку и остановился.

— А не знаю, могу ли я тебѣ благословеніе дать, сказалъ онъ.—Не знаю я... Скажи ты мнѣ вотъ теперь, какъ передъ Богомъ: откуда у тебя капиталъ пошелъ, и былъ ли тутъ Ивановъ грѣхъ причиненъ?...

— Тише, артельщикъ тутъ! дергалъ его сынъ.

— Ну, вотъ: я про благословеніе, а ты про артельщика. Ну, вышли ты его прочь.

Артельщикъ и самъ догадался, и вышмыгнулъ въ коридорчикъ.

— Ну, говори! сказалъ старикъ.

— Удивительно даже, да что говорить? возразилъ Сергѣй.—Докладывалъ же я вамъ, что во всемъ дѣлѣ, насчетъ старухи, я не причастенъ. И судомъ такъ рѣшено, и никакихъ тутъ нѣтъ недоразумѣній. И мнѣ даже удивительно, что у васъ за подозрительность.

Старикъ сталъ задыхаться.

— Скажи ты мнѣ, откуда у тебя деньги? Нельзя такіе дома сразу нажить. Тебѣ тысячъ сто откуда-нибудь привалило?

— Кредитъ! проговорилъ, заикаясь, Сергѣй.

— А можешь мнѣ въ томъ клятву дать?...

— Слышишь, второй звонокъ! Выходить надо, сейчасъ тронется, возразилъ сынъ.—Ну, прощай, папашечка, дай Господь тебѣ...

Но старикъ поднялъ локоть.

— Уйди, сказалъ онъ, отстраняя сына.—Уйди! Коли захочетъ тебя Богъ простить — проститъ. А мнѣ ты... не нужно мнѣ ничего. Пусть твой довезетъ меня до избенки моей и броситъ. Мнѣ тепло на печкѣ. Мнѣ ничего не надо. Я и такъ проживу. Жилъ безъ тебя, помру безъ тебя. Мнѣ легче свой квасъ пить, чѣмъ изъ твоихъ рукъ смотрѣть...

Артельщикъ доложилъ, что пора уходить.

— Иди, иди!... проговорилъ старикъ, и опять рыданія, такія же, какъ тогда, въ день пріѣзда, вырвались у него. Сергѣй выпрямился, кивнулъ головой артельщику и пошелъ изъ вагона.

Онъ смотрѣлъ, какъ уходилъ вдаль поѣздъ, какъ уменьшалась съ каждымъ мгновеніемъ четырехугольная стѣнка послѣдняго вагона, какъ паръ бѣлыми клубами вырывался изъ трубы. Брови его были сдвинуты, но сѣрыхъ глазъ черезъ очки не было видно. Что-то щемящее, тяжелое сдавило ему грудь. Въ первый разъ онъ почувствовалъ, съ того самого времени, какъ ушелъ отъ него Женя, какое-то неопредѣленное состояніе оскорбленія.

— Строптивый старикъ! пробормоталъ онъ.

поворотился и пошелъ къ экипажу. Но

тягость осталась та же, когда онъ поѣхалъ по Невскому. Онъ любилъ вспоминать о томъ, какъ ходилъ онъ по этимъ тротуарамъ съ шарманкой, а вотъ теперь онъ ѣдетъ мимо нихъ на своихъ рысакахъ. Но мысль эта, всегда его радовавшая, теперь показалась какимъ-то страннымъ, непріятнымъ кошмаромъ. Маленькая старушка въ горностаевой шубкѣ закивала ему, улыбаясь, головой и точно говорила:

«Что, дождался, дождался!...»

Онъ сидѣлъ развалясь въ своемъ ландо, сбросивъ шляпу.

«Что жъ, неужто она и въ самомъ дѣлѣ меня любитъ»? думалъ онъ. «Женюсь, и ничего не дамъ Женькѣ. Пусть издыхаетъ съ голоду. Все ей отдамъ. Пусть меня покоитъ. Только бы ей не разсказали! И откуда эти черти въ деревнѣ заговорили? Подождать надо было: слишкомъ поторопился, — домики-то потомъ скупать можно было бы. Ну, да ужъ началъ, теперь назадъ поздно».

Ему пришла мысль: а ну, старикъ разскажетъ всѣ свои соображенія артельщику? Отказать ему отъ мѣста? Развѣ поможетъ? Нѣтъ, надо было ему въ Москву переѣхать, въ Москвѣ дѣла дѣлать. Да оно, пожалуй, и не поздно. За границу онъ никуда не поѣдетъ, это Витовтовна напрасно совѣтуетъ. Юлія Өедоровна говоритъ о Крымѣ. И въ Крымъ тоже ему ѣхать не рука... Нужно

присмотрѣть за буфетомъ при театрѣ. Да и театръ этотъ самый...

Пріѣхавъ, онъ засталъ у себя будущую тещу.

— Serge, сказала она:—я назначила на завтра обрученіе. Вы извините, я безъ вашего вѣдома была у вашего духовника и просила его прибыть завтра въ семь часовъ.

— Да кто же васъ просилъ?

— Юлечка. Онъ просила.

Онъ махнулъ рукой.

— Мнѣ все равно!

Онъ не зналъ, что выйдетъ изъ этой женитьбы,—но чѣмъ же онъ рисковалъ?

— Хотѣлось бы подарочекъ невѣстѣ приготовить,—сказалъ онъ.—А вы такъ скоро...

— О подарочкѣ, Serge, поговоримъ потомъ, сказала Витовтовна.—Теперь понапрасну не тратьтесь.

Serge тупо посмотрѣлъ на нее.

— А я тутъ присмотрѣлъ часики съ брильянтовой собачкой на доскѣ.

Она снисходительно улыбнулась.

— Что такое для васъ часики! сказала она.—По вашему состоянію впору бы купить эрмитажные часы съ павлиномъ и музыкой. Да и несчастіе приносятъ часы. Ни часовъ, ни колецъ, [illegible]естовъ дарить никогда не надо.

[illegible]къ что же вамъ угодно? спросилъ онъ.

[illegible]ертвый это капиталъ, продолжала Витов-

товна.—Процентовъ не приноситъ, пользы отъ него никакой, а что блеститъ, такъ и фальшивые камни блестятъ нисколько не хуже.

— Такъ ужъ я не знаю, что... Вамъ къ чему больше симпатіи?

— Ну, ужъ такъ и быть, скажу я вамъ. Продается тутъ неподалеку имѣньице, совсѣмъ даромъ. Загородный домъ, вилла такая. Вотъ бы вамъ презентовать ей. Такъ, знаете, чтобъ ужъ совсѣмъ на ея имя.

— Что жъ, коли стоитъ того имѣнье, такъ можно, замѣтилъ онъ.

— Только, понимаете, на ея имя...

— На мое ли, на ея, думаю я такъ, что это все равно.

— Заблуждаетесь, Serge, это далеко не одно и то же. Я уже научена опытомъ. Я знаю, какъ мужъ съ женою поговариваетъ, когда угла у нея нѣтъ. Не только среди вашего коммерческаго міра, гдѣ все еще страсти низменны (я, конечно, не про васъ говорю), но даже среди представителей дворянскихъ фамилій, и тамъ нѣтъ уваженія къ женщинѣ; выгоняютъ на морозъ,—иди на всѣ четыре стороны. А тутъ, какъ есть свой пріютъ,—другое дѣло. Да и мужъ поостережется, знаетъ, что у жены есть убѣжище.

— Мнѣ довольно непріятно, замѣтилъ онъ:— что вы столь невысокаго мнѣнія о моихъ понятіяхъ и чувствахъ.

— Serge, у васъ теперь такія чувства; а пройдетъ два-три мѣсяца послѣ свадьбы, и будутъ чувства совсѣмъ другія. Все это мнѣ хорошо извѣстно, и много разъ я все это видѣла. Я, извините, считаю, что мужчина это—одно, а женщина—это другое. Между женщиной и мужчиной вѣчная вражда. Но мужчина вооруженъ сильнѣе, и когда люди соединяются, то надо стараться по возможности уравнять ихъ права. Тогда борьба съ ними легче. Видите, какъ я откровенна, Serge, я всегда прямо открываю карты; скрывать, хитрить—это все совсѣмъ не въ моей натурѣ. Ну, словомъ, вотъ въ свѣтленькій, хорошенькій день съѣздите вы и посмотрите это имѣньице.

XXXIV.

На слѣдующій день произошло скромное обрученіе, а еще черезъ день женихъ и невѣста поѣхали смотрѣть имѣніе.

Софья Витовтовна сумѣла взять у Новикова нѣсколько сотъ рублей на приданое, котораго она не дѣлала, а на эти деньги «освѣжила» туалеты дочери. Поэтому Юлечка была прелестна въ простенькой модной шляпкѣ, въ новенькой кофточкѣ и свѣженькихъ перчаткахъ.

Когда они наняли на станціи экипажъ, чтобъ [illegible]ть въ имѣнье, и сытыя лошади покатили ихъ [illegible]мягкой дорогѣ, она подставила весеннему

вѣтру свое маленькое лицо съ прищуренными глазками и какъ-то загадочно смотрѣла вдаль. Оба молчали. Вообще они были неразговорчивы, и онъ даже чувствовалъ въ ея присутствіи неловкость. А у нея всегда блуждала на губахъ какая-то странная улыбка, когда она взглядывала на него.

Но теперь, когда она мелькомъ, искоса, скользнула по немъ взглядомъ, онъ ей показался какимъ-то убитымъ и грустнымъ. Она тихо дотронулась до его руки и проговорила:

— Что вы какой, Serge?

Онъ встрепенулся.

— Ничего-съ. Такъ, раздумался.

— Не секретъ о чемъ?

Онъ замялся, словно придумывалъ предлогъ:

— Объ актер... антрепризѣ этой, сказалъ онъ наконецъ. — Смущаетъ она меня. Не люблю я браться за дѣло, котораго я не понимаю. Оно положимъ, вы у меня теперь. А все же это какъ будто не то...

— И васъ это безпокоитъ?

— Безпокоитъ.

— Ахъ, милый, да отъ этого такъ легко отдѣлаться. Не держите театра—и все тутъ.

Онъ удивился.

— Не держать? А я думалъ, что это вамъ столь желательно.

— Ну, да, когда я была въ такомъ положеніи,

это была единственная поддержка. Но теперь обстоятельства измѣнились, и я, напротивъ, рада отдохнуть лѣто. Наконецъ, я сомнѣваюсь, чтобы вы не потерпѣли большихъ убытковъ. А теперь вѣдь ваши убытки и мои—одно и то же.

— Это точно, подтвердилъ онъ:—вамъ теперь надлежитъ со мною все дѣлить... А почему же вы полагаете, что убытки будутъ?

— Всегда убытки въ этомъ театрѣ бываютъ. Если и будутъ барыши, такъ незамѣтно для васъ растащатъ.

— Вы меня, можно сказать, оживляете! проговорилъ онъ.—Точно жерновъ съ шеи сняли.

Они опять замолчали. Тройка въѣхала въ сосновый лѣсокъ и поскакала по ровной дорогѣ, такой узкой, что пристяжныя совсѣмъ прижались къ оглоблямъ коренника.

— Нѣтъ, у васъ еще что-то есть! не отставала Юлечка, которая считала необходимымъ въ день осмотра имѣнья быть болѣе, чѣмъ когда-нибудь, любезной съ женихомъ.—Ну, вы не стѣсняйтесь, скажите. Если грызетъ васъ сомнѣніе, подѣлитесь со мной. Можетъ быть, легче будетъ.

Онъ колебался.

— Мало ли что въ головѣ бродитъ?.. Не все ловко вамъ говорить.

— Какъ, Serge? Вашей будущей женѣ и неловко? Нѣтъ, вы должны, вы непремѣнно должны *все сказать*.

И маленькая ручка въ шведской перчаткѣ, обжигая его, легла на его руку.

— А вы не разсердитесь? спросилъ онъ.

— Даю слово.

— Я насчетъ маменьки вашей...

— Что же?..

— Ужъ очень она такая... Терпкая... Каждый разъ, поговоришь съ нею,—точно оскомину набьешь.

Юлечка расхохоталась.

— Терпкая, мама — терпкая! хохотала она, такъ что смѣхъ далеко разносился по лѣсу, и ямщикъ, осклабясь, оглянулся съ козелъ, и сорока съ крикомъ шарахнулась съ вѣтки въ сторону, бѣлѣя своими крутыми, жирными боками,

— Простите, растерянно продолжалъ Новиковъ.—Но ужъ очень она скручивать на свой салтыкъ все любитъ. Даже съ нашей свадьбой. Я полагаю, все бы пришло къ тому же, но не столь неестественнымъ путемъ. Она, какъ туча, налетѣла, кричать начала, стулья ронять по кабинету. Вѣдь если бы это была не ваша мамашенька, я бы ее въ ту же минуту высадилъ изъ комнаты. Она какъ черкесъ какой.

Юлечка лукаво посмотрѣла на него.

— И васъ это смущаетъ?

— Очень боюсь я, красатуша, что будетъ она вмѣшиваться въ нашу семейную жизнь. Она даже говорила, что желаетъ поселиться на одной

квартирѣ съ нами. Такъ я готовъ обязаться письменно выдавать ей ежемѣсячную субсидію... А въ квартирѣ,—это никакъ невозможно.

Она продолжала такъ же лукаво смотрѣть на него.

— Слушайте же, Serge... Вѣдь если она намъ надоѣстъ,—такъ мы ее и выставимъ... какъ вы хотѣли...

Онъ изумленно посмотрѣлъ на нее.

— Наше счастье намъ дороже всего, сказала она.—Разъ я выхожу за васъ замужъ, вы мнѣ и отцомъ, и матерью дѣлаетесь... Не понравится вамъ ея пребываніе у насъ, я скажу: «мама,—чтобы и духа твоего у насъ не было; я у тебя готова бывать, но чтобы ты и на глаза не попадалась Сержу».—Я такъ и предупрежу ее. Она умная женщина, повѣрьте, она пойметъ; особенно, если вы будете ей давать субсидію, хотя она пенсіонъ послѣ папаши получаетъ. Вѣдь мой папаша важное мѣсто въ таможняхъ занималъ, въ Западномъ краѣ.

Новиковъ какъ будто нѣсколько повеселѣлъ. Скупой по природѣ, никогда никому ничего не дарившій, онъ съ удовольствіемъ готовъ былъ купить для этой крохотной женщины имѣніе, лишь бы удержать ее при себѣ. Чувство одиночества начинало охватывать его все сильнѣе. [illegible]чужденность сына бѣсила его.

— Я за вами все закрѣплю, царица моя цар-

ственная, сказалъ онъ, какъ бы подтверждая свои мысли.—Отъ сына своего я отрекаюсь и видѣть даже его не желаю.

— Конечно, если онъ не солидаренъ съ вами, то зачѣмъ же вамъ его и признавать? сказала она.

Коляска выѣхала изъ лѣска, и на поворотѣ дороги мелькнула серебристая гладь озера.

— Это «Озерное» и есть, сказалъ ямщикъ.— Къ самому дому, что ли?

Новиковъ сказалъ, что къ самому. Они въѣхали въ ворота и по крупному рѣчному песку, шурша колесами, подкатили къ крыльцу. Ихъ никто не встрѣтилъ, даже собака не залаяла. Только котенокъ, умывавшійся на верхней ступенькѣ, оставилъ свое занятіе и сонно смотрѣлъ на пріѣзжихъ.

— Эй, кто тутъ! крикнулъ Новиковъ, стукая палкой въ дверь.

Никто не откликался. Юлечка взяла котенка и стала его гладить; онъ, цѣпляясь, полѣзъ къ ней на плечо.

Новиковъ попробовалъ отворить дверь, но она была заперта. Онъ подошелъ къ окну и сталъ стучать палкой. Наконецъ за стекломъ показалось какое-то блѣдное морщинистое лицо, смотрѣвшее изъ платка, какъ изъ кулька, и скрылось. Потомъ послышались шаги, отперлась дверь, и то же лицо промолвило:

— Пожалуйте.

— Вотъ мы имѣніе покупать,— начала было Юлечка, входя маленькими шажками въ прихожую и постукивая каблучками.

— Пожалуйте, повторила старуха: — барыня ждетъ васъ.

Она провела ихъ черезъ большую запущенную залу съ колоннами и портретами какихъ-то вихрастыхъ генераловъ, стоявшихъ въ полной формѣ посреди пустыни, и ввела ихъ въ рѣзную дубовую столовую, гдѣ за кипящимъ самоваромъ сидѣла пестренькая старушка.

— Ахъ, очень рада! жеманно и въ носъ сказала она, присѣдая. — Я думала, вы пріѣдете завтра. Очень рада, что къ чаю. Желаете?

Гости попросили. Она положила въ стаканы по ложкѣ сахарнаго песку и налила какую-то желтенькую жидкость изъ полутеплаго чайника, сиротливо пригрѣвшагося на самоварѣ.

— Да, вотъ продаю имѣніе, сказала она, все стараясь болѣе говорить въ носъ, вѣроятно, для пущей важности.—Все это тлѣнъ, и ничего этого не нужно. Меня въ монастырь зовутъ,—потому и хочу разстаться со всѣмъ земнымъ. Довольно пожила, много видѣла. Во время маневровъ самъ императоръ Николай Павловичъ былъ въ этомъ домѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ вы сидите, изволилъ возсѣдать въ рейтузахъ, осматривалъ портреты [illegible]овъ моего мужа и на прощаніе пожалъ

мнѣ руку и оставилъ корзинку съ персиками, какихъ я и не ѣла никогда. Государь изволилъ и домъ похвалить, и паркъ, — а теперь вотъ я продаю. Мнѣ ничего не надо. Съ собой я въ землю не возьму. А здѣсь жить—еще придушатъ, пожалуй.

Новиковъ какъ-то вздрогнулъ.

— Да, хорошій домъ, сказалъ онъ.

— Еще бы; его строилъ архитекторъ Фитингофъ, тотъ самый, что дачи строилъ на Бабьемъ Гонѣ въ Петергофѣ, сказала старуха. — Женатъ онъ былъ на падчерицѣ министра путей сообщенія, которая потомъ пошла въ сестры милосердія и вторымъ бракомъ вышла за барона Парадиза, что служилъ при московскомъ губернаторѣ и былъ высланъ за взятки по дѣлу ремонтированія парадныхъ комнатъ.

Все это она говорила такимъ тономъ, какъ будто книжку читала.

— А вы давно лишились супруга? прервала ее Юлечка.

— Не такъ, чтобы очень. Въ Севастопольскую кампанію какъ разъ.

— Убитъ былъ? съ соболѣзнованіемъ спросила она.

— Нѣтъ. Онъ бараниной обкушался. Онъ очень лютъ на ѣду былъ. Его предостерегалъ докторъ Шмитъ: не ѣшьте черезъ мѣру, особенно въ жар-

кую пору. А онъ не попридержался, поналегъ,— приkончился.

— Это тамъ, въ Севастополѣ? не отставала Юлечка.

— Нѣтъ, здѣсь. Онъ статскій былъ. Я говорю, что въ самую Севастопольскую кампанію онъ умеръ, въ пятьдесятъ четвертомъ году, а я не говорю, чтобъ онъ служащимъ былъ.

— А можно осмотрѣть имѣніе? спросилъ Новиковъ.

— Да Богъ съ вами, осматривайте. Только, ужъ извините, сама не пойду. У меня хирагра, видите,—всѣ пальцы іодомъ вымазаны.

Теперь Юлечкѣ стало яснымъ, отчего чай припахивалъ чѣмъ-то похожимъ на іодъ.

Они пошли. Паркъ былъ чудесный, большой, запущенный, со столѣтними дубами. Въ озерѣ плескалась рыба, на берегу стояла покривившаяся купальня, и гнила вытащенная на берегъ лодка. Хозяйственныя службы были въ порядкѣ: все ново и ремонтировано.

— Хозяйка-то, кажется, тронутая? засмѣялась Юлечка, вспоминая о ней.

Новиковъ ничего не отвѣтилъ. Его непріятно поразило сходство старухи съ покойной Надеждой Васильевной. Въ послѣднее время онъ все чаще ...алъ о ней. Первые годы послѣ ея смерти ... какъ-то незамѣтно, и рѣдко-рѣдко смут-

нымъ образомъ всплывала она. А теперь все чаще и чаще вставала она передъ нимъ, и то одно, то другое напоминало ему о давноминувшемъ.

XXXV.

Торгъ со старушкой очень скоро состоялся. Она отдавала имѣніе дешево: за шестнадцать тысячъ, но только чтобъ деньги тотчасъ, безо всякихъ разговоровъ. Новиковъ далъ ей тысячу рублей задатка и сказалъ, что черезъ двѣ недѣли будетъ готова купчая, на имя его невѣсты.

Они напились еще разъ чая. Старушка потчевала ихъ вареньемъ изъ крыжовника. Юлечка удивлялась,—какъ оно простояло годъ и не засахарилось.

— Сама варю, самодовольно сказала старушка:—и ягоды сама чищу. Никогда не позволю, чтобы кто погаными руками дотрогивался до тѣхъ ягодъ, что я ѣсть буду.

Юлечка посмотрѣла на ея перепачканные іодомъ пальцы и ничего не сказала.

На прощанье она подарила баночку крыжовника и слушать не хотѣла объ отказѣ.

— Вы меня уважили, купили, позвольте и мнѣ васъ уважить, говорила она.

— Merci, merci,—ласково сказала Юлечка своему жениху, когда они отъѣхали отъ дома.—Вотъ это подарокъ; можете приложиться къ щечкѣ.

И она подставила ему головку. Онъ снялъ шляпу и осторожно прильнулъ губами черезъ вуаль къ ея лицу.

— Ну, довольно, сказала она и откачнулась.

На другой день Новиковъ объявилъ Петру Акимовичу, что театръ онъ сдаетъ своему бывшему должнику.

Тотъ оцѣпенѣлъ.

— Какое оглушительное извѣстіе! сказалъ онъ. Позвольте, а какъ же я?

— Да вѣдь съ тобой нешто контрактъ заключенъ?

— Не заключенъ. А честное слово купца?

— Да ты развѣ мало попользовался? И деньгами сто рублей, и кредитомъ въ ресторанѣ.

— Это все отдѣльная бухгалтерія. Однако, я раскинулъ такъ по твоимъ словамъ своими финансами, что дачу по близости театра для семейства нанялъ.

— Возвращу тебѣ задатокъ.

За него вступилась невѣста.

— Вѣдь въ самомъ дѣлѣ онъ не виноватъ. Можетъ, онъ издержался. Подарите ему портсигаръ и часы съ цѣпочкой, что дали, вотъ и будетъ ему за хлопоты.

— Мало ли я время здѣсь потратилъ? Монатъ то теймсъ,— говорятъ американцы. За это платятъ.

— Жирно будетъ. Ему бы американскіе часы, а не брегетовскіе, сказалъ Новиковъ.

— Ну, да ужъ будьте великодушны, не скряжничайте! укорила его невѣста.

— Богъ съ тобой, бери! торжественно сказалъ Новиковъ.

— Вотъ спасибо! сказалъ Петръ Акимовичъ и трижды облобызался. — А только съ тебя необходимо еще пятнадцать рублей получить, коли ты хочешь, чтобы твой подарокъ принялъ вещественную матеріализацію.

— Это что еще такое?

— А то, что портсигаръ въ пятнадцать рублей заложенъ, и необходимо его выкупить... Вѣдь ты понимаешь, почему я его заложилъ? Въ надеждѣ на солидное жалованье.

Свадьба Новикова была сыграна на Красную Горку. Духовенство въ новыхъ ризахъ служило особенно усердно. Хоръ пѣвчихъ пѣлъ такіе концерты, что морозъ подиралъ по кожѣ любителей пѣнія. Новиковъ во фракѣ отъ Шармера, съ жемчужными запонками на рубашкѣ, коротко подстриженный (это было условіе брака со стороны Юлечки: стричься подъ гребенку), стоялъ неподвижно и смотрѣлъ въ алтарь, гдѣ среди облаковъ синеватаго дыма высился крестъ и блисталъ своей серебряной обшивкой. Онъ смотрѣлъ на свѣчу, горѣвшую въ его рукахъ, смотрѣлъ на куполъ, откуда, въ свой чередъ, смотрѣли на него лики святыхъ, — не строгіе, полные милосердія и могучаго порыва вдохно-

венія, какъ на старыхъ образахъ, а спокойные, ничего не выражающіе, кромѣ архаической улыбки,—тѣ лики, которыми стали расписываться въ послѣднее время церкви художниками-католиками, старающимися писать въ «итальянскомъ стилѣ». Сквозь синеву очковъ онъ смутно различалъ толпу народа, видѣлъ нѣсколько лентъ и звѣздъ. Припомнилось ему, какъ двадцать пять лѣтъ назадъ въ церкви на Петербургской Сторонѣ вѣнчали его съ Марьей и какъ заплатилъ онъ за вѣнчаніе пять рублей, и рубль стоило освѣщеніе церкви. Тогда, кромѣ Муравьинской челяди, никого не было на свадьбѣ. А теперь?

Онъ повелъ глазами. Съ его стороны было много какихъ-то сомнительныхъ людей, но всѣ одѣты въ короткіе фраки. Два генерала въ полной формѣ важно стоятъ на первомъ мѣстѣ. Со стороны невѣсты — еще почтеннѣе гости. Богъ знаетъ, откуда Софья Витовтовна набрала столько звѣздъ, очковъ, лентъ, орденовъ и шпагъ. Но толпа была пестрая. Дамы одѣты блистательно: сама теща, въ малиновомъ бархатномъ платьѣ съ кружевами, молится на колѣняхъ, не смотря на образа, и крестится по-католически. Скользя глазами по толпѣ, Новиковъ вдругъ вздрогнулъ и остановился.

Худенькая старушка въ горностаевой шубкѣ тоже стояла среди гостей и съ улыбкой выглядывала между двухъ другихъ дамъ. Она, какъ

казалось ему, весело кивала головой, что-то шамкала ртомъ и говорила своей сосѣдкѣ; и Новикову казалось, что онъ слышитъ, что говоритъ она ей:

— Наслѣдникъ мой, наслѣдникъ!..

Онъ съ трудомъ оторвалъ отъ нея глаза и перевелъ ихъ на молодую. Та стояла неподвижно, опустивъ длинныя черныя рѣсницы, держа въ маленькой обнаженной рукѣ обвитую золотомъ и украшенную пышнымъ бантомъ свѣчку. Она, казалось, ничего не видѣла и не слышала. Не слышала, что ей шептали шафера, а ихъ было двое: ея кузенъ-художникъ, и другой, къ великому удивленію Новикова, старый знакомый, частный ходатай по дѣламъ—Стржелецкій. Они оба ей что-то говорили, возлѣ самаго ея розоваго ушка, не съ той стороны, гдѣ стоялъ женихъ, а съ другой.

Молодыхъ поздравили, они поѣхали въ каретѣ домой,—и ни слова не говорили. Дома̀ быстро мелькали: молодой кучеръ лихо везъ ихъ, въ надеждѣ на десятирублевку отъ хозяина по случаю великаго дня. Вечеръ былъ ясный, спокойный. На душѣ молодого было смутно и тяжело, а молодая только повторяла про себя:

— Хорошо или глупо? Глупо или хорошо?

Мать предлагала имъ послѣ свадьбы прокатиться: съѣздить въ Крымъ или за границу. Сначала какъ будто Юлечка и склонялась къ

этому плану. Но послѣ свадьбы отказалась наотрѣзъ.

— Что я тамъ съ нимъ цѣлый мѣсяцъ глазъ-на-глазъ дѣлать буду? говорила она. — Да это повѣситься придется. Да и онъ, безъ своего трактира, съ ума сойдетъ. Онъ ужъ виляетъ-виляетъ передо мной: даже предлагаетъ на мое имя дачу купить подъ самымъ Петербургомъ.

— Пусть купитъ! рѣшила мать.

Но дачи они не купили, а наняли на Каменномъ островѣ цѣлый участокъ, съ флигелемъ для тещи и флигелемъ для гостей. Петръ Акимычъ перебрался туда первымъ, привезъ съ собою двухъ старшихъ сыновей и удилъ съ ними цѣлые дни рыбу, — давая имъ десять копеекъ на обѣдъ; но въ великосвѣтскій домъ Новиковыхъ ихъ не пускали. Домъ Новикова дѣйствительно перемѣнился настолько же, насколько перемѣнился онъ самъ. Японскій кабинетъ Юлечки, устроенный не только благодаря вкусу хозяйки, но и при помощи ея кузена-художника, былъ и оригиналенъ, и милъ, и прохладенъ для дачи. Когда мужъ входилъ въ него, онъ старательно осматривался, чтобы не сронить столиковъ, пепельницъ, статуэтокъ, спичечницъ, курильницъ и корзиночекъ, всюду громоздившихся между ширмами, табуретками и экранами. Нога его скользила по цыновкамъ, но онъ одобрялъ обстановку и говорилъ:

— Главное, чисто.

Софья Витовтовна подсчитала, на сколько онъ сдѣлалъ Юлечкѣ подарковъ въ теченіе лѣта: оказалось, съ имѣньемъ вмѣстѣ, на тридцать тысячъ.

— Вѣдь это, въ восторгѣ говорила она:—это значитъ, если ты будешь такъ же умно себя вести, то черезъ десять лѣтъ у тебя будетъ триста тысячъ.

— А черезъ сто — три милліона! неожиданно прибавила дочь.

Новиковъ бывалъ на дачѣ только по вечерамъ. Утромъ, пока жена еще спала сномъ «страдающей наивности», онъ уже катилъ на своемъ рысакѣ въ городъ. Въ ресторанѣ попрежнему шли операціи учета, дисконта; попрежнему ѣздилъ онъ по нотаріусамъ и попрежнему закладныя такъ и сыпались въ его бюро. Для неисправныхъ должниковъ онъ былъ неумолимъ. По мелочи не давалъ и любилъ болѣе всего закладныя подъ недвижимости.

Звалъ онъ жену посмотрѣть Озерное, но она отказалась: сказала, что поѣдетъ туда осенью. Непремѣннымъ гостемъ у нея былъ кузенъ-художникъ. Онъ готовился къ конкурсу и усердно писалъ липы. Писалъ онъ ихъ систематично, вглядываясь и вдумываясь въ каждый тонъ, въ каждый сучокъ. Онъ точно микстуру составлялъ,—бралъ краски въ извѣстныхъ сочетаніяхъ и даже записывалъ на бумажкѣ разные составы.

— Если я получу заграничное пенсіонерство, кузина, спрашивалъ онъ: — встрѣчу я васъ за границей.

Она лежала на козеткѣ въ модномъ капотикѣ и, обмахиваясь вѣеромъ, лѣниво говорила:

— Попросите хорошенько!

Постоянно бывалъ у нея и частный повѣренный, тоже оказавшійся ея троюроднымъ братомъ. Онъ велъ дѣла разныхъ антрепренеровъ въ Новой и Старой Деревнѣ, и ему поэтому всегда было по дорогѣ заѣхать къ Новикову. Хозяинъ усердно всѣхъ угощалъ, не стѣснялъ жену ни въ чемъ и робѣлъ передъ ней. Насколько она была способна плакать когда угодно передъ бракомъ, настолько она утратила эту способность послѣ брака, и даже глаза ея изъ печальныхъ стали какими-то полусонными.

Новиковъ точно боялся жены. Онъ чаще говорилъ ей «вы», чѣмъ «ты»; терялся въ ея присутствіи, цѣловалъ ручку и продолжалъ коротко стричься. Голова его напоминала не то голову каторжника, котораго принято, какъ извѣстно, не обременять куафюрой, не то жителя сумасшедшаго дома, нуждающагося, по мнѣнію докторовъ, именно въ такой прическѣ. Какой-то чехъ приходилъ къ нему давать уроки чистки и шлифовки ногтей, и онъ сталъ носить ногти такой формы, что они были бы подъ стать и англійскому министру. Къ зимѣ заказалъ онъ ильковую

шубу, а женѣ—соболью, и даже, по настоянію жены, абонировался въ итальянскую оперу, перекупивши за огромныя деньги ложу бельэтажа.

Но мрачная складка, залегшая съ весны между бровей, не расходилась. Онъ осунулся и пожелтѣлъ. Дѣла шли превосходно, все расширяясь и суля огромные проценты. А какой-то дьяволенокъ, сидя у самаго сердца, точилъ его. Точно ядовитая вода капала на него капля по каплѣ, и ржавѣло что-то внутри его, затягиваясь плѣсенью, и мѣшало жить. Что это было,—онъ не могъ понять, и тщетно искалъ разгадки своего настроенія.

XXXVI.

Что Новиковъ любилъ жену—это было несомнѣнно. Онъ чувствовалъ къ ней то, что чувствуетъ археологъ, который пріобрѣлъ рѣдкую хрупкую вазу. Онъ осторожно ходилъ вокругъ нея, не зналъ, какъ подступиться, какъ вести себя. А вдругъ какой-нибудь неосторожный шагъ, и все пропадетъ, всему наступитъ конецъ?

Ему казалась жизнь какимъ-то сномъ, страннымъ, смутнымъ, неопредѣленнымъ. Прошлое,—тусклое, полное униженій. Настоящее какъ будто и было полно чѣмъ-то хорошимъ,—а въ сущности было также тяжело. Какой-то грузъ давилъ его. Днями ему было легко. Онъ чувствовалъ подъ ногами твердую землю: капиталъ есть—чего жъ еще?

По временамъ ему казалось, что капиталъ,— это далеко не все. Капиталъ, повидимому, долженъ все подчинить. А между тѣмъ онъ чувствуетъ, что часто онъ находится въ зависимости отъ чего-то другого. Онъ чувствуетъ, что онъ пришелъ съ улицы, отъ шарманки, что судьба дала ему денегъ, но что онъ чуждъ многому тому, что занимаетъ, что интересуетъ тѣхъ, среди кого онъ живетъ. Онъ понимаетъ половину изъ того, что они говорятъ; силится понять, напрягаетъ мозгъ — и не можетъ. Французское слово и выраженіе бросаетъ его въ потъ; онъ купилъ себѣ словарь, гдѣ пояснено десять тысячъ иностранныхъ словъ, но и это дѣлу не помогаетъ. Онъ чувствуетъ, что надо хоть немного, хоть что-нибудь знать, хоть иностраннымъ буквамъ выучиться; но одновременно какой-то голосъ нашептываетъ ему:

— А зачѣмъ? Капиталъ при мнѣ? Какое же еще нужно образованіе? Да и къ чему оно, ежели безъ образованія я все благосостояніе пріобрѣлъ?

Онъ повѣдалъ свои сомнѣнія Петру Акимычу.

— Слова—дѣло великое, сказалъ онъ, поигрывая цѣпочкой. — Слова — это тотъ прерогативъ, который отличаетъ насъ отъ низшихъ животныхъ [illegible]. И чѣмъ слово абстрактнѣе, тѣмъ оно чище, [illegible] одухотвореннѣе. Я не знаю, что тебя, [illegible]енно [illegible]вожитъ?

— Да этихъ словъ, духотворныхъ, я мало знаю, тревожно проговорилъ онъ.

— Насчетъ дисконта, кажется, тебѣ все вѣдомо? Такъ что жъ тебѣ еще? удивился Петръ Акимовичъ.

— Недохваты большіе.

— Да. Это непріятно, что недохваты.

Петръ Акимовичъ посмотрѣлъ пристально на Новикова.

— Собственно, ты по какимъ импульсамъ женился? спросилъ онъ.—Что тебя побудило?

— Женщина она несравненная! возразилъ Новиковъ.

— Я ничего, кромѣ всего самаго безподобнаго, и сказать не могу относительно глубокоуважаемой хозяйки этого дома. Конечно, много въ ней есть субтильнаго, тонкаго, нѣжнаго, воздушнаго. Но, однако, почему же, все-таки, со стороны тебя, реальнаго дѣльца, и такое увлеченіе?

— Дерзнулъ. Дерзалъ на многое. Дерзнулъ и на нее.

Петръ Акимовичъ придвинулся къ нему.

— Какъ же ты, почтеннѣйшій мой, съ твоей опытностью, съ твоимъ тактомъ,—ты такъ поддался уговорамъ и даже насилію этой родственницы Ягелло, — этой литовской уніи? Вѣдь я помню, какъ она появилась въ тотъ знаменательный день: нахрапомъ насѣла и заявила, что исхода нѣтъ. Но въ такомъ разѣ надо было ч

требить силу. Позвать меня и спросить у нея: «Вы знаете, сколько ступеней въ моей лѣстницѣ? Если не помните твердо, то я могу заставить васъ пересчитать ихъ».—И я бы эту даму спустилъ. А то, что говорили о братѣ, о стрѣльбѣ черезъ платокъ,—это все гиперболы. Развѣ съ тобой, несмотря на твое состояніе, будутъ стрѣляться? Не принято-съ, то-есть совершенно не принято. И хоть бы ты позвалъ меня тогда на конференцію. А то, совершенно неожиданно и вдругъ пойти на всѣ компромиссы.

Бѣликовъ изобразилъ крайнее удивленіе на лицѣ и широко разставилъ руки.

— Знаю тебя за человѣка незыблемаго, продолжалъ онъ: — твердо стоящаго на пьедесталѣ; и вдругъ такое странное меланхолическое уныніе, такой упадокъ силъ. Меня это поразило своей неожиданностью. Я видѣлъ въ тебѣ болѣе суровую натуру, чѣмъ сентиментальную. Ты, какъ дисконтеръ, болѣе могъ бы давить, играть роль гидравлическаго пресса; ты, такъ сказать, болѣе былъ бы способенъ заставить звучать больныя струны сердца, а не вызывать меланхолическую мелодію.

Бѣликовъ громко высморкался.

— И вдругъ, раскисъ, говорилъ онъ.—Размякъ, какъ шептала въ компотѣ! Изъ-за чего? Изъ-за женщины. Что такое женщина? По Шекспиру— *даже* ничтожество. Я, другъ мой, убѣленный опы-

томъ, такъ смотрю на женщинъ. Съ одной стороны, считаю подлымъ грубо дотронуться до нихъ даже пальцемъ, а не только бить дышломъ, какъ это дѣлаютъ многіе изъ мужей. Бить женщину можно только вѣткой ландыша. Но, съ другой стороны—считать женщину горниломъ созданія... или... виноватъ—перломъ созданія—это тоже черезчуръ. Женщина—очень странное и интересное явленіе на земномъ шарѣ, но—во всякомъ случаѣ — только отчасти похожее на человѣка. И увѣрять, что это Будда, передъ которымъ надо преклоняться — это черезчуръ. Этого я не признаю!

Новиковъ вдругъ всталъ.

— А ежели я къ нимъ чувствую страсть? заговорилъ онъ, закладывая руки въ карманы.— Я думаю, что этимъ самымъ я себѣ полное оправданіе подвожу. Неужели ты думаешь, актерская твоя душа, что я не сумѣлъ бы спустить эту самую даму съ лѣстницы? Такъ спустилъ бы, что только пыль пошла бы! Но изъ-за этой страсти я и сдержалъ. Ежели бы я не чувствовалъ того, что я чувствую, такъ она могла бы надорвать потроха, а я ни на вершокъ не поддался бы. И всѣ твои резоны пустячные и праздные, и ничего не стоятъ.

Онъ прошелся по кабинету.

— Если въ тебѣ бушуетъ такая Этна, сказалъ Петръ Акимовичъ:—тогда другое дѣло. Но

я не думалъ, что у тебя столь огнедышащая натура.

Но не то чувствовалъ Новиковъ. Его мучило нѣчто другое. Съ тещей онъ могъ примириться, могъ примириться даже съ тѣмъ, что жена держалась слишкомъ независимо, почти полупрезрительно. Его давило другое, странное чувство.

Онъ родился рабомъ и былъ рабомъ до тридцати лѣтъ, вѣчно чувствуя себя подъ гнетомъ чьей-то власти. Потомъ онъ сталъ свободнымъ человѣкомъ, и, ставъ свободнымъ, началъ таскать по улицѣ шарманку, которая, какъ властелинъ, давила его и мучила цѣлый день, и даже ночью онъ чувствовалъ на шеѣ боль отъ натертаго ярма.

И теперь, когда шарманка гдѣ-то далеко спрятана въ сундукѣ, когда деньги открыли ему всюду доступъ,—онъ почувствовалъ себя рабомъ, рабомъ новаго мощнаго властителя, который лишалъ его сна, лишалъ покоя, гналъ его съ утра на работу. И онъ съ какимъ-то озлобленіемъ учитывалъ векселя, подписывалъ довѣренности адвокатамъ, получалъ исполнительные листы, назначалъ аукціоны, покупалъ, продавалъ, описывалъ имущество у должниковъ.

Просыпаясь, онъ торопился напиться чая, торопился уѣхать. Ему казалось, что всѣ ему мѣшаютъ, что онъ только одинъ дѣлаетъ дѣло, а *остальные* только путаются въ дѣла. Ему каза-

лось, что всѣ завидуютъ ему, его богатству, его быстрому возвышенію. Ему казалось, что изъ каждой щели смотритъ на него его врагъ, готовый каждую минуту накинуться на него, какъ паукъ, — и выжидаетъ только, чтобъ онъ, хотя бы на минуту, зазѣвался.

Онъ остался рабомъ, тѣмъ же рабомъ, что и прежде. Но прежде онъ былъ независимѣе. Онъ прежде могъ не думать о будущемъ, не заботиться о дѣлахъ, — теперь онъ долженъ былъ всегда и обо всемъ думать. Прежде онъ обворовывалъ барина и боялся только одного—не попасться; теперь онъ не воровалъ, но грабилъ, гдѣ только можно, и никого не боялся, потому что стоялъ на законной почвѣ. Онъ грабилъ должниковъ, онъ утягивалъ гроши у своихъ поставщиковъ. И забота объ этомъ грабежѣ подавляла его, мѣшала ему жить, мѣшала ему дышать.

Онъ былъ рабъ своихъ дѣлъ—грязныхъ, мелкихъ, постыдныхъ. И онъ не могъ противиться велѣнію кого-то, кто руководилъ имъ и двигалъ впередъ и впередъ. Останавливаться было уже поздно.

Тамъ, гдѣ нельзя было давить и насильничать, онъ подавлялъ кажущейся щедростью, даже расточительностью. Онъ старался быстрымъ, неожиданнымъ платежомъ крупной суммы всѣхъ удивить. Онъ покупалъ дорогія вещи, ненужныя ему, если видѣлъ, что торгуются изъ-за нихъ

блестящіе адъютанты или сѣдовласыя дамы съ гербами на каретахъ. Онъ жертвовалъ на благотворительныя заведенія, даже въ университетъ,— чтобы досадить кому-нибудь, удивить кого-нибудь. Даже жена какъ-то притихала и отстранялась, когда художникъ цѣловалъ ея ручки, послѣ того какъ многотысячныя колье переходили въ ея шкапы изъ несгораемаго шкапа мужа, гдѣ хранились у него залоги.

XXXVII.

Въ началѣ ноября, какъ всегда, былъ актъ въ Академіи Художествъ. Съ утра въ этомъ святилищѣ искусствъ все приняло торжественный видъ. Жрецы Аполлона затянулись въ узкіе мундиры, подперли вышитыми воротниками шеи, прицѣпили шпаги, надѣли придворныя бѣлыя панталоны и расхаживали торжественно по лѣстницамъ, въ круглой залѣ и даже по прихожей, въ ожиданіи пріѣзда высокопоставленныхъ особъ. Ректоръ академіи, совершенно глухой, гладко выбритый и вымытый старичокъ, знаменитый граверъ, по случаю высокоторжественнаго дня оглохъ совершенно и только ласково улыбался и поправлялъ звѣзды на своей груди.

Въ огромной актовой залѣ, гдѣ царила мраморная статуя великой основательницы академіи, солнечные лучи врывались черезъ расписныя

стекла, изображающія музъ живописи, зодчества и скульптуры, въ видѣ дебелыхъ рослыхъ женщинъ, изъ которыхъ одна была очень похожа на Софью Витовтовну, только немного казалась помоложе. Свѣтовыя волны окрашивались, благодаря этимъ дамамъ, въ розовые, зеленые и синіе лучи, и страннымъ образомъ играли на лысинахъ и щекахъ почтенныхъ сановниковъ. То онѣ яркимъ пурпуромъ озаряли ихъ носъ, давая совершенно превратное понятіе о ихъ умѣренной жизни; то огромнымъ желвакомъ рисовалось на лбу желтое пятно; то синякъ съ зелеными подтеками расплывался подъ самымъ глазомъ — точно все это были отчаянные фехтовальщики, сохранявшіе на себѣ слѣды недавнихъ стычекъ.

Въ толпѣ стоялъ неясный гулъ. Удостоенные наградъ академисты стояли группами — зодчіе съ зодчими, скульпторы со скульпторами, живописцы съ живописцами. Ихъ сортировалъ инспекторъ и осматривалъ ихъ костюмы. Въ числѣ живописцевъ былъ и молодой Драньковецкій, — кузенъ Юліи Өедоровны. Увы, онъ не получилъ пенсіонерства, но, тѣмъ не менѣе, удостоивался званія художника первой степени. По этому случаю онъ подстригъ бородку клиномъ и крѣпко надушился; особенно досталось правой рукѣ, которая должна была протянуться за дипломомъ.

Въ числѣ посѣтителей были и супруги Новиковы. Она — въ плюшевомъ зеленомъ платьѣ;

онъ — въ соотвѣтствующемъ фракѣ. Два рѣзкія измѣненія произошли къ зимѣ: онъ отпустилъ бородку, которая тщательно подстригалась по модѣ; кромѣ того, русская закладка была замѣнена англійской, и теперь они ѣздили по городу въ шорахъ и съ кучеромъ въ цилиндрѣ съ кокардой. Когда они подъѣхали къ подъѣзду, надъ которымъ была начертана надпись: «Свободнымъ художествамъ», ихъ съ особеннымъ почтеніемъ высадили сторожа: ужъ очень блестѣли посеребренные гербы на лакированныхъ шорахъ.

Оба супруга скромно помѣстились на желтыхъ кожаныхъ скамьяхъ. Неподалеку отъ нихъ стоялъ инспекторъ и говорилъ съ нестарымъ господиномъ, слегка сѣдѣющимъ и шепелявящимъ.

— Отчего же вамъ не выйти, говорилъ инспекторъ:—не съѣдятъ васъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, я этихъ помпъ выносить не могу. Вѣдь тутъ будутъ на трубахъ играть?

— Будутъ.

— Нѣтъ, я въ сосѣдней залѣ буду. Безъ меня, пожалуйста, безъ меня.

«Гдѣ я видѣлъ это лицо?» вспоминалъ Новиковъ, и не могъ вспомнить.

Но онъ вспомнилъ, когда пріѣхалъ президентъ, и гладко выбритый и еще глаже причесанный чиновникъ со звѣздой началъ читать годовой отчетъ. Въ числѣ лицъ, удостоившихся званія академика, былъ Палеевъ.

Когда секретарь произнесъ его имя, загремѣлъ тушъ и торжественно пронесся по залѣ. Но онъ сдержалъ обѣщаніе, и въ залъ не показался.

«Палеевъ, Палеевъ!» вспомнилъ Новиковъ: «пріятель сына, тотъ, что пророчилъ мнѣ всякую гибель и всякую мерзость».

И ему страстно захотѣлось увидѣть этого Палеева и купить у него, купить, во что бы то ни стало, картину, заплатить ему тысячу, двѣ тысячи рублей, показать ему, что не сбылись его предсказанія...

Но на ряду съ этими мыслями опять черное облако нашло откуда-то и покрыло все.

Вѣдь это человѣкъ, который былъ такъ близокъ къ моему промыслу? Вѣдь у него на глазахъ каждый день, взваливая на спину шарманку, я шелъ на свой промыселъ? У него на глазахъ произошла вся исторія съ убійствомъ старухи... Нѣтъ, лучше не поминать ничего стараго.

Но зато въ числѣ почетныхъ посѣтителей былъ одинъ человѣкъ, къ которому неудержимо захотѣлось подойти Новикову. Это былъ Муравьинъ. У него сѣдыхъ волосъ не было: онъ, очевидно, красился. Новиковъ рѣшилъ, что какъ только кончится актъ, онъ подойдетъ къ нему, конечно, безъ жены, и посмотритъ, какъ тотъ къ нему отнесется.

Вотъ актъ окончился. Всталъ президентъ, за нимъ и всѣ посѣтители. Грянула музыка. Опять

все загудѣло и зашевелилось. Новиковъ сдал
жену кузену, ходившему съ аттестатомъ въ ру
кахъ, и подошелъ къ Муравьину.

— Какъ изволите быть въ добромъ здоровьѣ
Веніаминъ Васильевичъ? сказалъ онъ съ покло
номъ.

Тотъ окинулъ его взглядомъ и неувѣренн
протянулъ руку.

— А, bonjour! сказалъ онъ, очевидно, не зная
съ кѣмъ говоритъ.

— Не изволите узнавать меня? продолжал
Новиковъ, держа обѣими руками сложенный ци
линдръ у своей груди. — Оно точно, я бород
отпустилъ.

И онъ назвалъ себя.

Муравьинъ отскочилъ отъ него, точно увидѣл
адское чудовище.

— Ахъ... братъ Ивана? спросилъ онъ.

— Веніаминъ Васильевичъ! Вѣдь не прича
стенъ же я былъ къ этому самому происшествію
молящимъ тономъ заговорилъ онъ.

— Конечно, конечно, поспѣшно отвѣтилъ Му
равьинъ.—Но, понима...

Онъ не зналъ, какъ окончить слово, въ ка
комъ числѣ.

— Понимаете, мнѣ все-таки тяжело васъ ви
дѣть, тяжело. Сила рефлекса. Я не могу.

Онъ повернулся и исчезъ въ толпѣ.

Новиковъ почесалъ бороду, поправилъ очки и

пошелъ за толпой въ сосѣднія залы, гдѣ были выставлены конкурсныя работы. Онъ не ожидалъ такой неудачи, и опять прежняя тягость налегла на него.

Темами на программы, согласно тогдашнему уставу академіи, въ этомъ году было два сюжета: «Бесѣда Христа съ самарянкой», и «Обдумываніе Александромъ Великимъ похода въ Индію». Самарянки были очень разнообразны; въ лицѣ этой жительницы Сихема не трудно было узнать старыхъ знакомыхъ: булочницу-нѣмку изъ 12-й линіи, на предыдущемъ академическомъ маскарадѣ всѣхъ побѣдившую своей красотой; торговку старымъ платьемъ, жившую противъ Андреевскаго рынка и отличавшуюся ярко-рыжимъ цвѣтомъ волосъ; было еще изображеніе одной барышни, каждое воскресенье ходившей въ академическую церковь и тоже позировавшей въ живыхъ картинахъ. Зато Христосъ не оставлялъ ни малѣйшаго сомнѣнія: это былъ точный портретъ натурщика Ивана, съ котораго особенно любили писать не только ученики, но и профессора. На Иванѣ они сошлись съ такою любовью, что когда открыли новый соборъ въ Москвѣ, такъ тамъ оказались всѣ святые вылитыми Иванами, а на одной картинѣ одинъ профессоръ изобразилъ рядомъ трехъ Ивановъ, и только окрасилъ у нихъ бороды и волосы въ разные цвѣта.

Что касается «Обдумыванія Александромъ Великимъ похода въ Индію», то это «обдумываніе» нисколько не смутило учениковъ. Они изобразили голаго молодого человѣка, который, очевидно, за неимѣніемъ другой одежды, сидѣлъ въ дѣтской простынѣ у стола въ разныхъ позахъ: у одного онъ подпиралъ голову рукой, у другого онъ задумчиво смотрѣлъ вдаль, у третьяго — воинственно держался за мечъ. Одинъ даже написалъ карту изданія генеральнаго штаба, изображающую британскія владѣнія въ Азіи, но потомъ, по совѣту одного изъ профессоровъ, замѣнилъ ее рельефными дисками, при чемъ, для полноты археологической точности, написалъ на полуостровѣ по-гречески ΙΝΔΙΑ, что уже совсѣмъ было хорошо. Что касается археологіи вообще, то она столь тщательно была проштудирована, что у македонскаго владыки оказался мечъ съ перламутровой рукояткой. А про одного молодого художника, который съ необычайной тщательностью заканчивалъ детали, товарищи пустили анекдотъ, что у него на песочныхъ часахъ, стоявшихъ передъ Александромъ, даже обозначена фирма фабрики: Винтергальтеръ.

Кромѣ этихъ вещей, былъ выставленъ рядъ пейзажей на текстъ Пушкина: «Деревня, гдѣ скучалъ Евгеній, была прелестный уголокъ». Къ сожалѣнію, никто не могъ изобразить «прелестнаго» уголка, и вѣрнѣе его было назвать—скуч-

нѣйшимъ. Затѣмъ была выставлена бездна этюдовъ, изображающихъ голыя тѣла, ткани, деревья. Далѣе шелъ рядъ архитектурныхъ проектовъ. Особенно обращали на себя вниманіе конкурсныя темы на сюжеты, имѣющіе непосредственное отношеніе къ жизни и общественнымъ нуждамъ: «проектъ исправительнаго заведенія на двѣ тысячи человѣкъ, съ паркомъ, фонтанами, театромъ и библіотекой», а также другой проектъ—на малую золотую медаль: «Виллы въ горахъ надъ пропастью». На послѣднихъ программахъ особенно хорошо были изображены архитекторами горы и облака. Иные даже изобразили орловъ, терзающихъ ягнятъ на крышѣ виллы.

Новиковъ шелъ скучая: онъ смутно понималъ, почему можно платить дорого за картины. По его мнѣнію, свыше ста рублей нельзя было дать, какая ни будь картина. Въ маленькой боковой залѣ онъ увидѣлъ толпу передъ пейзажемъ, изображающимъ «Лѣтній вечеръ». На картинѣ, въ сущности, ничего не было: покривившаяся купаленка, сзади—озеро и мостки къ купальнѣ, по которымъ идетъ какая-то барышня, вся въ бѣломъ. На первомъ планѣ камни и кусты, а вдали словый розовѣющій на закатѣ лѣсъ. Все такъ плоско и просто. Но отъ всего этого вѣетъ чѣмъ-то до того роднымъ и знакомымъ: вы знаете этотъ знойный іюльскій вечеръ, знаете эти алыя облака, тающія, разбрасывающіяся, какъ хлопья

ваты, и спокойно колыхающіяся въ озерѣ. Вы знаете этотъ дальній лѣсокъ, полный ландышей въ маѣ и полный грибами въ августѣ. Знаете эту сѣренькую купальню, въ которой какъ-то особенно пахнетъ деревомъ, знаете мостки, даже знаете эту бѣлокурую барышню съ простынею и краснымъ зонтикомъ. На водѣ такая тишина, такое спокойствіе, что ни одна струйка не бороздитъ ея поверхности.

Новиковъ увидѣлъ подъ ней фамилію Палеева. Самъ Палеевъ стоялъ тутъ же и говорилъ съ какимъ-то звѣздоносцемъ. Когда онъ кончилъ бесѣду, Новиковъ подошелъ къ нему.

— Продается ваша картина? спросилъ онъ.

Палеевъ повелъ плечами.

— Продана, сказалъ онъ. — Вы опоздали на пять минутъ. Купилъ вотъ этотъ господинъ.

Онъ показалъ на стоящаго въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него Муравьина.

— Но, можетъ быть, какъ-нибудь можно перепродать?

— Не знаю, поговорите съ нимъ.

Новиковъ говорить съ нимъ не хотѣлъ. Онъ отошелъ отъ Палеева, но его опять какъ будто что толкнуло къ нему. Онъ подошелъ, заложилъ руки въ карманы, и небрежно, черезъ плечо, назвалъ себя, продолжая разсматривать картину.

Палеевъ даже руки поднялъ къ головѣ отъ изумленія.

— Вы? повторилъ онъ.—Шарман...

Онъ не договорилъ. Новикова всего передернуло.

— Что было, то прошло-съ, рѣзко отвѣтилъ онъ и круто перемѣнилъ разговоръ.—Не желаете ли продать мнѣ какую-нибудь изъ вашихъ вещей; вѣрно, дома у васъ найдется? Я бы купилъ, не торгуясь: составляю коллекцiйку и хотѣлъ бы не обойти васъ.

Палеевъ смотрѣлъ на него, какъ будто улыбаясь.

— Я на дняхъ уѣзжаю за границу, сказалъ онъ:—и все распродаю. Хотите—заѣзжайте.

Онъ далъ ему свою карточку.

Новиковъ кивнулъ головой. Къ нему подошла жена, онъ важно подалъ ей руку, и они пошли дальше по выставкѣ.

Палеевъ отыскалъ въ толпѣ молодую женщину, говорившую съ двумя художниками, какъ двѣ капли похожую на ту, что выходитъ изъ купальни.

— Вѣрочка, сказалъ онъ:—подь, кого я тебѣ покажу.

Онъ повелъ ее вслѣдъ за Новиковымъ.

— Видишь ты этого джентльмена? Узнаешь?

— Нѣтъ, отвѣчала она.

— Отецъ Жени.

Она чуть не вскрикнула.

— На дняхъ онъ къ намъ прiѣдетъ, сказалъ художникъ.—Онъ не думаетъ о томъ сюрпризѣ, что ожидаетъ его.

XXXVIII.

Палеевъ уже два года былъ женатъ на Вѣрочкѣ. Сперва умеръ ея отецъ, потомъ мать. Умирая, она просила Палеева не оставить дочери.

— Какъ же я ее оставлю? спросилъ онъ. — Хочешь, Вѣруша, идти за дядю Лешу замужъ?

Она широкими глазами посмотрѣла на него, — между ними была разница лѣтъ на двадцать, — и сказала:

— Хочу.

— Теперь я умираю спокойной, проговорила мать.

Палеевъ не только занимался живописью, но и писалъ статьи по искусству въ двухъ изданіяхъ. Жили они скромно, но въ довольствѣ. На лѣто онъ уѣзжалъ съ женой на этюды: или въ Тульскую губернію, въ Козловку, или въ Финляндію. Юга Палеевъ не любилъ. Теперь онъ собрался за границу, гдѣ никогда не былъ, и скопилъ для этого нѣсколько деньжонокъ, распродавая свои этюды. Собирался онъ тамъ пробыть года два. Вещи изъ квартиры онъ ставилъ въ складъ, а то, что бралъ съ собою, уже было уложено въ сундукахъ.

Черезъ день послѣ акта, раздался звонокъ въ его квартирѣ, и горничная подала карточку Новикова.

— Меценатъ пріѣхалъ, сказалъ онъ въ дверь

сосѣдней комнаты и велѣлъ просить гостя въ мастерскую.

Не снимая ни съ одной руки перчатокъ, съ сознаніемъ глубокаго достоинства, вошелъ Новиковъ въ кабинетъ.

— Давненько не видались! сказалъ онъ, протягивая руку.

Но Палеевъ руки не подалъ: онъ какъ разъ въ это время двигалъ визжавшій колесами мольбертъ съ картиной въ тяжелой рамѣ.

— А вѣдь сосѣди были? продолжалъ Новиковъ.

— Сосѣди были, подтвердилъ Палеевъ.

— Теперь въ измѣненномъ видѣ оба. Вы — знаменитость, у меня — дѣла крупныя коммерческія.

— Вы ихъ коммерческими называете? спросилъ Палеевъ.—А у насъ это иначе называется.

— Какъ же у васъ это называется? вызывающимъ тономъ спросилъ Новиковъ.

Художникъ сдѣлалъ видъ, что не слышитъ вопроса, и, окончательно уставивъ мольбертъ, сказалъ:

— Вотъ «Лѣтняя ночь на Невѣ»; это я могу продать.

Новиковъ откинулся на спинку кресла и посмотрѣлъ въ кулакъ.

— Натурально, сказалъ онъ послѣ паузы.

Въ комнату вошла блондинка и издали, какъ-то одними глазами, поклонилась ему.

— Не узнаете? спросилъ Палеевъ.

Новиковъ всталъ.

— Не имѣю удовольствія, сказалъ онъ.

— Жена моя, Вѣрочка.

— Помните Липина, учителя? заговорила она.— Вы десять лѣтъ назадъ описывали наше имущество за полтораста рублей.

Судорога пробѣжала по его лицу.

— Ну, кто старое помянетъ... заговорилъ онъ, стараясь придать веселье своему голосу.

— Вы давно видѣли Женю? продолжала Вѣрочка.

Онъ сдвинулъ брови.

— Я, сударыня, съ нимъ не вижусь, строго сказалъ онъ.

— Отчего же вы не видитесь? не отставала она.

— Считаю его недостойнымъ сыномъ.

— А онъ васъ считаетъ достойнымъ отцомъ? Вы знаете, что онъ чуть не умираетъ въ Москвѣ отъ голода?

— Не умретъ, спокойно возразилъ отецъ.— Студенты отъ голода не умираютъ. Много есть поощрителей. И стипендіи, и все прочее.

Она пристально посмотрѣла на него.

— Вы даже не знали, что онъ давно университетъ кончилъ? спросила она.

— Вотъ я пріѣхалъ картину покупать у вашего супруга, а не праздными разговорами за-

ниматься, возразилъ онъ и, опять сложивъ руку въ кулакъ, сталъ смотрѣть на «Лѣтнюю ночь».

Палеева подошла къ двери.

— Слышите, Женя, сказала она въ другую комнату: — вашъ отецъ считаетъ совершенно празднымъ разговоръ о томъ, что вамъ ѣсть нечего?

— Слышу, отвѣчалъ голосъ оттуда.

Новиковъ снова поднялся съ мѣста.

— Я не зналъ, что встрѣчусь съ нимъ у васъ, сказалъ онъ.

Палеевъ вытянулъ губы.

— Я не держу васъ, сказалъ онъ. — Вы можете уходить хоть сейчасъ.

— Напротивъ, говорилъ Новиковъ, чувствуя, какъ къ горлу подступаютъ спазмы отъ злобы и руки дрожатъ.—Напротивъ, я бы хотѣлъ его видѣть.

— Женя, васъ отецъ хочетъ видѣть, сказала Палеева.

Вошелъ Женя. Сѣрые глаза его смотрѣли такъ же жестко и холодно, какъ и прежде; онъ подошелъ къ отцу и слегка прикоснулся рукой къ его перчаткѣ, протянувшейся къ нему навстрѣчу.

— Тебѣ денегъ надо? спросилъ онъ.

— Да, у меня нѣтъ, отвѣчалъ сынъ, и по его истомленному, блѣдному лицу видно было, что не даромъ проходитъ ему эта борьба за существованіе.

— Однакоже, ты разъѣзжаешь взадъ и впередъ по желѣзнымъ дорогамъ, спросилъ отецъ:— и находишь деньги раскатывать?

— Я не на свой счетъ сюда прiѣхалъ, возразилъ Женя.—Мнѣ прислалъ Палеевъ деньги. Я привыкъ побираться. Это у насъ родовое.

— Я прислалъ ему деньги, быстро заговорилъ художникъ: — потому что мнѣ надо было повидать его передъ отъѣздомъ за границу. И онъ былъ такъ добръ, что прiѣхалъ.

— Онъ вамъ еще что-нибудь долженъ? спросилъ Новиковъ, вынимая бумажникъ.

— Онъ мнѣ ничего не былъ долженъ и не долженъ, сказалъ Палеевъ.

— Ты можешь зайти ко мнѣ, спросилъ Новиковъ:—или брезгаешь отцомъ?

— Нѣтъ, я зайду, сказалъ Женя.

Новиковъ всталъ.

— Вы потрудитесь прислать по моему адресу вашу картину, сказалъ онъ. — И счетъ... тамъ заплатятъ...

— Я картины вамъ не пришлю, сказалъ Палеевъ.

Новиковъ засмѣялся.

— Чего же это вы обидѣлись? спросилъ онъ.

— Да такъ вотъ: пришло мнѣ въ голову не отдавать вамъ этой картины, сколько бы вы ни предложили.

— Я вѣдь о цѣнѣ васъ не спрашивалъ: ежели

это важно для васъ, то для меня сущности не составляетъ.

— И для меня тоже-съ не составляетъ. Вотъ вы хотите купить, а я не продамъ. Вы думаете, что все продажное,—анъ не все. Вотъ ни за какія деньги вы ничего не получите.

— Очень на меня зла супруга ваша за ту опись движимости, сказалъ Новиковъ.—А такъ какъ ничѣмъ ничего вы мнѣ сдѣлать не можете, такъ хоть на этомъ злобу сорвать.

— Не злоба это, почтенный коммерсантъ, возразилъ художникъ:—а только, помните, нѣкогда,—давно это было, говорилъ я вамъ, что рано ли, поздно ли, а за все расплачиваться надо, и все дурное, что сидитъ въ насъ, само же выраститъ и пожретъ насъ?

— Много вы чего говорили, небрежно замѣтилъ Новиковъ.

— Ну, да, много я чего говорилъ, подтвердилъ художникъ.—И вотъ, не сбылось пророчество: все вы ползете въ гору, все ширитесь, пучитесь, думаете, что и чортъ вамъ не братъ. И вдругъ оказывается, что какія-то мошки и букашки, что ползаютъ подъ вашими ногами, не признаютъ васъ, говорятъ, что вы зазнались, и не хотятъ поклониться, и денегъ вашихъ не берутъ; вы даете, а они говорятъ: «не надо». Вы въ карманы ихъ суете, а они изъ кармановъ ихъ выбрасываютъ и топчутъ ихъ ногами, и смѣ-

ются надъ ними. Вы—милліонеръ-дисконтеръ, а я художникъ, живущій на какія-нибудь пять-шесть тысячъ въ годъ, и я вотъ могу взять съ васъ за эту картину полугодовой доходъ, и не беру,—онъ мнѣ не нуженъ. Я только этимъ и могу вамъ отплатить за тотъ день, когда вы пришли къ Липинымъ съ приставомъ, и онъ началъ описывать ихъ шкапы и диваны. Я помню, какъ я побѣжалъ въ магазинъ и взялъ авансъ въ полтораста рублей, продавши чуть не за треть цѣны всѣ будущія работы, чтобы дать Липину эти несчастныя деньги. Я помню, какъ вы ихъ положили въ карманъ, а приставъ требовалъ какой-то дополнительный взносъ за что-то. Чѣмъ же я могу напомнить вамъ эти минуты? Вотъ я и напоминаю ихъ вамъ теперь. И безсильны вы причинить какое-нибудь зло мнѣ и моей женѣ. Вся ваша власть—въ области вексельныхъ бланковъ. А такъ вы не страшны. Вы для меня тотъ же... тотъ же, какъ и прежде...

Онъ посмотрѣлъ на Женю, и вдругъ умолкъ.

— Всегда вы были болтливы, такимъ и остались, сказалъ Новиковъ и, обратившись къ сыну, прибавилъ:—Я жду тебя сегодня, приходи.

Онъ, не поклонившись, вышелъ. Кухарка выскочила подавать ему пальто. Онъ усмѣхнулся, вынулъ изъ кармана три рубля, подалъ изумившейся старухѣ и съ сознаніемъ своего достоинства сталъ спускаться съ лѣстницы.

XXXIX.

Но онъ задыхался отъ злобы. Онъ съ ненавистью смотрѣлъ на синюю ливрею кучера, съ блестящими металлическими пуговицами, на мѣрное встряхиванье конскихъ головъ. Коляска катилась по осенней грязи, разбрызгивая ее во всѣ стороны. Смутное, тяжелое чувство, хмурое, какъ это осеннее небо, охватывало его со всѣхъ сторонъ. Онъ чувствовалъ гнетущую тоску, онъ чувствовалъ, какъ все колышется подъ его ногами, что безысходная, томительная тьма обволакиваетъ его, — и нѣтъ нигдѣ и ни въ чемъ просвѣта.

Онъ старался проснуться отъ этого ужаснаго сна, отъ этого адскаго кошмара.

— Да что же случилось? спрашивалъ онъ себя.—Я богатъ, у меня молодая жена. Въ чемъ же дѣло? Изъ-за чего я безпокоюсь? Развѣ вотъ эти сны...

Сны, тяжелые сны вотъ ужъ полгода мѣшаютъ ему жить. Отъ этихъ сновъ ничто его не избавляетъ. Тщетно креститъ онъ во всѣ стороны отъ своей кровати, тщетно онъ молится передъ кіотомъ и зоветъ отца протопопа окропить его спальню: ничто ни помогаетъ. Онъ боится ночи, онъ боится заснуть. Днемъ онъ бодръ, живетъ, дышитъ, движется. Но какъ только наступаетъ ночь, онъ подпадаетъ подъ власть какого-то

мрачнаго, ужаснаго міра. Онъ чувствуетъ что-то черное, могучее, что подходитъ къ его кровати и держитъ его въ своихъ когтяхъ до утра. Онъ говорилъ съ докторомъ,—докторъ давалъ ему соду и совѣтовалъ не ужинать. Онъ говорилъ съ протопопомъ,—тотъ утѣшалъ, что и угодниковъ темныя силы испытываютъ, и нѣтъ противъ этого средствъ. Но такъ ли, иначе ли, а изнуряютъ его эти ночи. Точно постепенно передъ нимъ открывается какой-то новый адскій міръ, гдѣ копошатся и ютятся тѣ черныя силы, о которыхъ не надо и вспоминать и которыя могутъ овладѣть имъ послѣ смерти...

Лошади останавливаются у подъѣзда. Швейцаръ высаживаетъ его. И кажутся ему всѣ эти швейцары, лошади, грумы тоже сномъ, а не дѣйствительностью. Ему кажется, что никто его не уважаетъ, не признаетъ за барина, а смотритъ съ презрѣніемъ на него.

— Тутъ посыльный съ письмомъ ждетъ отвѣта отъ вашей милости, говоритъ швейцаръ.

Посыльный снимаетъ фуражку и подаетъ письмо. Оно запечатано маленькой золотисто-зеленой печатью. Новиковъ вскрываетъ его. Подъ яркимъ гербомъ красивымъ почеркомъ написано нѣсколько строкъ. Онъ смотритъ на подпись и видитъ, что это отъ Муравьина. Муравьинъ пишетъ, что ему очень грустно, что онъ такъ поддался первому впечатлѣнію и не продолжилъ бе-

сѣды съ любезнымъ Сергѣемъ Прокофьевичемъ. Ему бы хотѣлось теперь продолжить эту бесѣду. Поэтому онъ проситъ назначить время, когда бы онъ могъ посѣтить его въ любое, назначенное имъ, время.

Чувство удовлетвореннаго довольства разливается по жиламъ Новикова. «Ага, почувствовалъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло», мелькаетъ у него въ головѣ.

— Скажи, говоритъ онъ посыльному:—что въ четыре часа каждый день я дома и очень радъ видѣть его превосходительство.

И онъ, довольный, идетъ кверху по ступенямъ лѣстницы.

Вечеромъ онъ сталъ объяснять своей супругѣ, кто у нихъ завтра будетъ, и какъ надо съ нимъ обойтись.

— Вамъ небезызвѣстно, объяснялъ онъ:—что я изъ податного сословія, и предки мои находились въ зависимости отъ помѣщика. Былъ такимъ помѣщикомъ Муравьинъ. И вотъ завтра по какому-то дѣлу онъ посѣтитъ насъ. Желательно мнѣ было бы, чтобъ вы надѣли на себя всѣ брильянты и встрѣтили бы его на французскомъ языкѣ. Мнѣ необходимо сразу его поставить на точку. Очень васъ прошу объ этомъ.

Юлечка спросила только одно: сколько ему лѣтъ, и, узнавъ, что около шестидесяти, сказала

— Извольте, попробую.

П. П. Гнѣдичъ.

Когда настала ночь, Новиковъ долго ходилъ по своей комнатѣ. Онъ боялся лечь въ постель, боялся тѣхъ видѣній, что могутъ вновь придти къ нему. Но усталость одолѣла его, онъ легъ, и только что сталъ засыпать, какъ обычное, страшное видѣніе надвинулось на него.

Въ сѣромъمракѣ онъ увидѣлъ какого-то страшнаго сѣраго человѣка. Лицо у него было неопредѣленное, темное. Онъ шелъ мимо кровати Новикова. Сергѣй лежалъ, открывши глаза, и смотрѣлъ на него. Когда онъ подошелъ совсѣмъ близко, Новиковъ увидѣлъ, что лицо у него чугунное, черное, какъ вьюшка, глазъ нѣтъ — они плоскіе, какъ у мраморныхъ головъ,—а ротъ улыбается, такъ и змѣится улыбка. А сзади ковыляла въ горностаевой шубкѣ старушка и такъ и покатывалась со смѣха, такъ и покатывалась..

Новиковъ спалъ одинъ въ большомъ кабинетѣ; Юлечка занимала отдѣльную половину квартиры. Онъ проснулся въ поту, безсвязно шепча слова молитвы. Но чугунное лицо, точно живое, плыло передъ нимъ и не пропадало...

Первые синіе лучи разсвѣта возвратили ему дневную бодрость. Въ восемь часовъ онъ былъ уже одѣтъ и молча ходилъ по комнатѣ, освѣщенной свѣчами. Въ головѣ была тяжесть, въ виски стучало.

Постепенно наступалъ день. Принесли газеты. Онъ машинально развернулъ ихъ и сталъ читать.

Въ его любимой уличной газетѣ описывалось два самоубійства. Какая-то слушательница высшихъ курсовъ отравилась морфіемъ, и какая-то вдова коллежскаго регистратора, семидесяти двухъ лѣтъ, повѣсилась. Репортеръ такъ сообщалъ о послѣднемъ происшествіи.

«Желая привести въ исполненіе свой умыселъ, старушка, лишенная средствъ къ пропитанію, прибѣгла къ слѣдующему оригинальному способу. Привязавъ къ мѣдной ручкѣ двери веревку, она перекинула ея свободный конецъ черезъ дверь и, притворивъ ее, повѣсилась на противоположной сторонѣ. Мы впервые встрѣчаемъ такой оригинальный способъ самоубійства...»

Новиковъ отшвырнулъ газету.

— Не потому она повѣсилась, что ѣсть нечего, сказалъ онъ вслухъ:—не въ этомъ дѣло...

Когда-то, когда онъ еще мальчишкой бѣгалъ по двору, на него обвалилась снѣжная глыба, и онъ часа два сидѣлъ подъ нею, пока не выбрался изъ нея. Даже не знали, что онъ тамъ сидитъ. А онъ, прижавшись къ какой-то бочкѣ, плакалъ и думалъ, что болѣе никогда онъ не увидитъ свѣта. Потомъ онъ догадался разбирать руками снѣгъ, долго разбиралъ, прорылъ цѣлый проходъ и вылѣзъ ползкомъ на свѣтъ Божій. Потомъ онъ удивлялся, какъ ему сразу не пришло на мысль рыться.

Нынѣшнее его положеніе ему казалось схожимъ

съ тогдашнимъ: тоже какая-то глыба придавливала его, и онъ не зналъ, въ какую сторону рыться...

Передъ обѣдомъ доложили о пріѣздѣ Муравьина и ввели его въ гостиную. Юлія Ѳедоровна, въ визитномъ платьѣ и шляпкѣ (она знала, что къ ней идутъ вообще шляпки),—какъ будто только воротившаяся домой—приняла его, стягивая съ рукъ перчатки. Она заговорила съ нимъ по-французски. Онъ оторопѣлъ отъ этой неожиданности. Она небрежно попросила его садиться, сказала, что мужъ ея, кажется, его ждетъ.

А Новиковъ только что вернулся: въ два часа Стржелецкій пріѣхалъ къ нему, запыхавшись, и сказалъ, что Муравьинъ будетъ предлагать ему купить свой домъ,—послѣднее, что у него осталось,—гдѣ-то возлѣ Литейной. Этого было довольно для опытнаго дѣльца: къ четыремъ часамъ домъ уже былъ ему въ общихъ чертахъ извѣстенъ, и изъ банка, гдѣ домъ былъ заложенъ, по знакомству, были получены всѣ нужныя свѣдѣнія.

На этотъ разъ Муравьинъ любезно подалъ руку Сергѣю Прокофьевичу и шелъ развалистой поступью въ его кабинетъ, переставляя худыя, какъ спицы, ноги въ широчайшихъ панталонахъ. Его густо накрашенные волосы составляли контрастъ со старческими безцвѣтными глазами. Языкъ слушался его какъ-то странно: онъ выговаривалъ слова, какъ говорящая машина: отдѣльно каждое слово.

— Какая у васъ прелестная супруга, сказалъ онъ, падая на диванъ, точно онъ не могъ сидѣть и сгибаться, а могъ только прямо лежать и прямо стоять.—Очень, очень хороша.

Онъ закрылъ глаза и помолчалъ съ минуту.

— Вы не сердитесь, любезный мой другъ, заговорилъ онъ, открывая глаза и точно просыпаясь отъ глубокаго сна:—вы не сердитесь за то, что я такъ холодно принялъ ваше радушное привѣтствіе на актѣ? Но вы понимаете: воспоминаніе о безвременномъ концѣ моей нѣжно-любимой Оли—явилось призракомъ между нами. Я долженъ былъ употребить усиліе, чтобы прогнать это видѣніе. Но теперь все кончено; я пріѣхалъ, любезный другъ, повиниться передъ вами, кстати поговорить объ одномъ дѣльцѣ и просить содѣйствія.

— Слушаю-съ, сказалъ хозяинъ.

— Я, какъ вы знаете, лишенъ потомства, продолжалъ Муравьинъ.—Произошло это потому, что я никогда не состоялъ въ бракѣ. Да, я никогда не состоялъ въ бракѣ. Я уже въ лѣтахъ, я уже усталъ для жизненной борьбы, я хочу отдохнуть.

Онъ это сказалъ съ такимъ видомъ, точно всю жизнь былъ кочегаромъ на пароходѣ.

— Я не могу возиться съ недвижимостями, съ этимъ грузомъ, который болѣе идетъ къ расцвѣту молодости, чѣмъ къ зрѣлымъ лѣтамъ. Я желалъ бы освободиться отъ этого груза.

Онъ облизалъ языкомъ свои тонкія бѣлыя губы и продолжалъ:

— Я свой дворецъ продалъ давно уже, за безцѣнокъ. Теперь эти развалины дворянской славы никому не нужны. Я купилъ вмѣсто этого три дома. Два я уже продалъ, у меня остался одинъ. Я хочу и этотъ продать: онъ только мѣшаетъ. Слушать доклады управляющаго—это скучно. Я поѣду за границу и тамъ проведу вечеръ моей жизни. Здѣсь туманы и дожди слишкомъ грубо дѣйствуютъ на меня: я—растеніе экзотическое. Я буду жить въ Дрезденѣ. Я люблю Дрезденъ. Вы не бывали въ Дрезденѣ? Чудный, свѣженькій городокъ. Я вамъ совѣтую тамъ пожить. Парижъ хорошъ для утра жизни, когда вы чувствуете еще броженіе въ жилахъ; для заката—онъ слишкомъ шуменъ. А этотъ тихій германскій городокъ вноситъ тихое очарованіе и умиротвореніе.

Веніаминъ Васильевичъ опять закрылъ глаза, и на губахъ его заиграла улыбка. Точно онъ перенесся мечтою на брюлевскую террасу и сидѣлъ тамъ на скамейкѣ рядомъ съ своими сверстницами—княгинями Бѣлокаменными и графинями Палтусъ,—смотрѣлъ на плавное теченіе Эльбы и на бѣгущіе мимо пароходы съ неимовѣрно высокими трубами.

— Такъ вотъ, продолжалъ онъ, снова открывая взоръ:—я, зная, что вы любите скупать дома, хотѣлъ предложить вамъ увеличить вашу коллек-

цію моимъ домикомъ. Онъ въ три двора и въ пять этажей, и притомъ сквозной.

Очевидно, Муравьинъ причислялъ къ большимъ достоинствамъ послѣднее качество дома,—какъ будто онъ рекомендовалъ его лицамъ, не привыкшимъ къ уплатѣ извозчикамъ и предпочитавшимъ сквозные дома.

— Что вы скажете, любезный другъ, на мое предложеніе? закончилъ онъ.

— Домикъ старенькій.

— Конечно, онъ давно строенъ, согласился Веніаминъ Васильевичъ.

— Лѣтъ восемьдесятъ ему?

— Да. Весьма возможно. Но доходъ, доходъ прекрасный.

— Въ большую сумму заложенъ-съ.

Веніаминъ Васильевичъ очень удивился.

— Это странно. Вамъ извѣстна сумма залога?

— Да-съ. И всего второй годъ, какъ залогъ состоялся. Подъ вторую закладную никто, скажемъ такъ, и гроша не дастъ. Для васъ, конечно, столь высокую оцѣнку произвели. А домъ того не стоитъ-съ.

Веніаминъ Васильевичъ лежалъ съ раскрытымъ ртомъ.

— Вы серьезно это говорите? спросилъ онъ.

— Какъ же съ вами я шутить смѣю?

— Такъ что же? Значитъ, по-вашему, я могу

только даромъ передать кому-нибудь закладную и перестать быть домовладѣльцемъ?

— Пустячокъ можно прибавить, сказалъ Новиковъ.

— А что вы называете: пустячокъ? протяжно спросилъ Муравьинъ, вытянувъ шею, точно выжидая смертельный ударъ.

— Тысячъ тридцать.

Муравьинъ поднялъ кверху руки.

— Но это все, что у меня осталось! жалобно заговорилъ онъ.— Вѣдь не могу же я жить на тридцать тысячъ! Вотъ я купилъ на дняхъ картину какого-то художника,— я тысячу рублей заплатилъ. Мнѣ она понравилась, я заплатилъ.

— Послѣ сестрицы изволили милліонъ получить? спросилъ Новиковъ.

— А три дома? Они развѣ ничего не стоили? Вѣдь этотъ послѣдній по случаю былъ купленъ за восемьсотъ тысячъ. Теперь вотъ мнѣ дали подъ него семьсотъ. А ты говоришь... вы говорите, что... что онъ всего стоитъ семьсотъ тридцать...

Старикъ задыхался отъ волненія и не могъ говорить.

— Извольте къ кому другому обратиться, сказалъ спокойно Новиковъ:—можетъ, и девятьсотъ дадутъ. А я... ужъ если такъ желаете, несмотря на свой интересъ, для стараго знакомства, извольте, сорокъ тысячъ на закладную накину.

Муравьинъ попытался встать, но голова его

настолько перевѣшивала ноги, что онъ нѣсколько разъ съ безполезными усиліями пробовалъ это продѣлать. Хозяинъ взялъ его осторожно за локоть, приподнялъ и слегка встряхнулъ.

— Это безсовѣстно съ твоей стороны, безсовѣстно, говорилъ Веніаминъ Васильевичъ, и глаза его наливались слезами.

— Да вамъ сколько желательно? освѣдомился Новиковъ.

— Ну... по крайней мѣрѣ, сто прибавьте...

Новиковъ засмѣялся.

— Невозможно, Веніаминъ Васильевичъ? У кого хотите спросите, я вамъ оцѣнщиковъ приведу. Стѣны старыя.

Муравьинъ пошатнулся и, не прощаясь, заплетающимися шагами пошелъ къ выходу. Въ прихожей, надѣвъ шубу и мѣховую шапку, такъ что изъ-подъ нихъ былъ виденъ только его востренькій носикъ, онъ какъ-то еще разъ качнулъ головою и сказалъ:

— Безсовѣстно! Да!

XL.

Миссисъ Томсонъ уже седьмой годъ жила у Муравьина въ качествѣ экономки. Она долго утѣшала его послѣ смерти сестры и наконецъ переѣхала къ нему. Несмотря на свои семьдесятъ лѣтъ, она была подвижная и энергичная особа. Цѣлый день она шныряла по дому, совала

всюду свой носъ, охраняла хозяйство своего бывшаго воспитанника и округляла свой капиталецъ, который, по ея завѣщанію, долженъ былъ перейти на содержаніе какого-то пріюта.

Она возмутилась до самыхъ нѣдръ своего организма отвѣтомъ бывшаго крѣпостного.

— Я говорила вамъ, съ торжествующимъ видомъ сказала она:—что нельзя лицамъ чистой крови, къ какимъ принадлежите вы, нельзя лорду обращаться къ проходимцу. Неужели вы не вѣрите въ породу? Если порода лошади и собаки передается потомству, то она передается и въ людяхъ. И у насъ, на нашемъ островѣ, аристократія высоко держитъ свое знамя. Великобританецъ никогда не унижается до просьбы передъ лицомъ непривилегированнаго сословія, хотя бы умиралъ отъ голода, хотя бы тысячи жерлъ пушекъ фортуны были направлены на него. Англичанинъ можетъ только съ презрѣніемъ проходить мимо такого лица, хоть обладай онъ милліонами фунтовъ стерлинговъ. А у васъ нѣтъ этого сознанія родовитости, — вы готовы слиться съ народомъ. И я съ ужасомъ думаю, что черезъ двятри поколѣнія вы сольетесь, и настанетъ одно сѣренькое, скучное прозябаніе,—да, именно прозябаніе, а не жизнь,—безъ гербовъ, безъ девизовъ, безъ преданій рода, безъ галлерей предковъ, безъ всего, чѣмъ велика еще и крѣпка старая Англія!

И, проговоривъ это пророчество, миссисъ подняла торжественно палецъ кверху, какъ будто призывала небо въ свидѣтели своей рѣчи.

Вечеромъ она вспомнила, что у нея есть одинъ знакомый, человѣкъ очень богатый, который ссужаетъ подъ закладъ домовъ. Во всякомъ случаѣ, онъ—дворянинъ и женатъ на дворянкѣ. Это не какой-нибудь крѣпостной. Если онъ скажетъ, что не можетъ, то тутъ ничего оскорбительнаго нѣтъ.

Утромъ она потащила съ собой Муравьина къ дворянину, фамилія котораго была Курослѣповъ. Жилъ онъ въ своемъ собственномъ деревянномъ особнячкѣ на краю города, съ садомъ и огородомъ. Когда гости пріѣхали, самъ Курослѣповъ, въ заячьемъ халатикѣ, копался въ огородѣ, пользуясь тѣмъ, что ноябрь стоялъ безснѣжный. Это былъ тоненькій старичокъ, востроклювый, съ вороньими глазами и странной улыбкой, при которой выставлялось у него два зуба; при видѣ ея нельзя было распознать: хочетъ ли онъ сдѣлать пріятное собесѣднику, или куснуть его за руку. Супруга его была, напротивъ, чрезвычайно пространныхъ размѣровъ, такъ что, садясь въ кресло, не только цѣликомъ наполняла его своей особой, но еще значительную часть себя должна была поддерживать крѣпкими тумбообразными ногами. Узнавъ причину пріѣзда миссисъ, которую они глубоко уважали, они переглянулись тоже какъ-то по-птичьи.

— Такихъ суммъ, въ сто тысячъ, теперь не найти, да и едва ли гдѣ найдете, заговорилъ Курослѣповъ, показывая свои зубы.—Теперь въ Потербургѣ нѣтъ денегъ.

— Ну, а если вы или почтенная супруга ваша поищетъ? не отставала миссисъ.—Можетъ быть, тогда вы и найдете?

— Какъ ты думаешь, Котикъ? спросилъ супругъ, посмотрѣвъ на супругу, несравненно болѣе похожую на носорога, чѣмъ на котика.

Она потрясла отрицательно головой.

— Ста тысячъ не найти, сказала она. — Да если бъ и нашли, то такими суммами мы не рискуемъ.

— Да, именно, подхватилъ супругъ:—такими суммами мы не рискуемъ.

Онъ спряталъ руки въ карманы заячьяго тулупа и сталъ тамъ что-то перебирать.

— Какой же рискъ? замѣтилъ Муравьинъ.— Вамъ въ залогъ остается домъ.

— Что домъ! скептически замѣтилъ носорогъ.— Вотъ у насъ былъ домъ въ залогѣ. Вдругъ провалились въ немъ потолки, и всѣ жильцы со страха выѣхали.

Она смотрѣла на мужа, а не на гостей, точно разсказывала ему, а не имъ про это событіе, а онъ утвердительно кивалъ ей головой и говорилъ:

— Да! Да!

— И кончилось тѣмъ, что мы на свой счетъ его перестраивали, говорилъ носорогъ:—и кромѣ убытка ничего не потерпѣли.

Носъ у г-жи Курослѣповой былъ до того вздернутъ вверхъ, что эта игра природы еще болѣе увеличивала ея сходство съ африканскимъ толстокожимъ.

— И мы съ тѣхъ поръ размѣнялись на мелочи, продолжала она. — Мы не держимъ болѣе крупныхъ суммъ, и свыше пятнадцати—двадцати тысячъ не выдаемъ.

— Да, мы размѣнялись на мелочи, подтвердилъ супругъ.

— Но если вы возьмете во вниманіе, сказала миссисъ, — всю исключительность даннаго случая: вы ссужаете не какому-нибудь выскочкѣ, а прирожденному аристократу?

Курослѣповъ посмотрѣлъ на жену. Та только повела бровями.

— Въ такой мѣрѣ, какъ вы желаете, это невозможно, сказала она и оборотилась къ мужу.— Ты какъ думаешь, Зозя?

Зозя (его звали Созонтъ) пожевалъ губами и осклабился.

— Я согласенъ съ тобою, Котикъ, проговорилъ онъ.

Гости встали и начали прощаться. Въ каретѣ миссисъ опять пришла въ негодованіе. Видя унылые хилаго ученика, она сказала ему:

— Ободритесь, Веніаминъ. Пути Промысла не-

исповѣдимы. Дайте мнѣ адресъ этого пролетарія, этого выскочки, и я поѣду съ нимъ говорить. Я сумѣю убѣдить его. Я — женщина, а логика женщинъ нерѣдко выше логики мужчинъ. Я попробую сама говорить съ нимъ, и посмотримъ, что изъ этого выйдетъ.

Почеркомъ, такимъ же сморщеннымъ, какъ ея лицо, она записала фамилію пролетарія и отправилась къ нему.

XLI.

Она ѣхала съ увѣренностью, что застанетъ его дома. Она слишкомъ была настроена къ этому объясненію, чтобы ея настроеніе разсѣялось подъ вліяніемъ какой-нибудь случайности. Шелъ липкій, мокрый снѣгъ и крутился за окнами кареты. Миссисъ смотрѣла на него и чувствовала необычайный подъемъ мощи.

«Да, мнѣ семьдесятъ лѣтъ», думала она про себя. «Но я еще способна мыслить, я способна говорить. Года тутъ ни при чемъ. Мы знаемъ, по свидѣтельству Библіи, въ какіе года Сарра сдѣлалась матерью Исаака. И посмотримъ, какъ онъ устоитъ противъ той логики, которой будетъ оснащена моя рѣчь».

Швейцаръ сказалъ, что господа Новиковы дома, но сейчасъ уѣзжаютъ,—экипажъ уже поданъ, и едва ли примутъ. Тогда миссисъ сбросила ему на руки ротонду и сказала:

— Меня приметъ. Звони.

Онъ позвонилъ. Супруги стояли въ передней и, повидимому, ссорились. Дверь на лѣстницу была открыта.

— Вы не на поѣздъ ѣдете? спросила миссисъ, останавливаясь въ дверяхъ.

— Нѣтъ, удивленно отвѣтилъ Новиковъ.—Что прикажете?

— Пять минутъ разговора. Извините, миссисъ, обратилась она по-англійски къ Юлечкѣ, но сейчасъ же перешла на французскій языкъ:—я на пять минутъ задержу вашего достойнаго мужа.

Они прошли въ залу.

— Я думаю, мы сядемъ здѣсь, сказала миссисъ Томсонъ, увидя мягкую мебель въ гостиной, и, не ожидая приглашенія, опустилась въ кресло.

— Меня не узнаетъ г. Новиковъ? сказала она. Да, мы давно не видѣлись: болѣе четверти вѣка.

Кровь бросилась въ голову Новикова. Онъ узналъ ее. Сколько разъ онъ подавалъ ей кофе и поднималъ платки въ былое время. Вотъ и теперь, стоя передъ ней, онъ чувствовалъ, какъ какое-то прежнее рабское чувство закрадывается въ него. Онъ превозмогъ себя и сказалъ:

— Кажется, г-жа Томсонъ?

И, обращаясь къ женѣ, прибавилъ:

— Это бывшая гувернантка г. Муравьина.

Какъ онъ долженъ былъ раскаяться въ этихъ

словахъ! Напрасно онъ возбудилъ гнѣвъ въ старой англичанкѣ.

— Да, я была гувернанткой въ домѣ Муравьиныхъ, подтвердила она,—Да, и меня держали на равной ногѣ съ дочерью, съ Ольгой Васильевной, и крѣпостные такъ же бѣгали передо мною, какъ и передъ своими господами. Г. Новиковъ, вѣроятно, это помнитъ не хуже, чѣмъ я, и даже я думаю, лучше?

— Вамъ, собственно, что угодно? спросилъ, блѣднѣя, хозяинъ.

— Мнѣ угодно вотъ что вамъ сказать. Я стою у преддверія гроба, а я, между тѣмъ, сохранила признательность къ Муравьинымъ. Я не оставлю Веніамина Васильевича никогда; я на тѣ гроши, что собрала за мою долгую жизнь, доставлю ему обезпеченное существованіе и съ голода онъ не умретъ. А вотъ ты, Сергѣй, какъ же смѣлъ отказать ему въ томъ, что онъ отъ тебя потребовалъ? Откуда у тебя все это есть? Откуда это платье твоей жены? Не деньги это убитой Муравьиной? Не ты съ Иваномъ ее убивалъ?

— Подите вонъ! крикнулъ Новиковъ.

Юлечка слабо вскрикнула и съ испугомъ схватилась за столъ. Миссисъ поднялась съ мѣста.

— Ты у его ногъ ползать долженъ, сказала она:—пыль отъ его ногъ цѣловать, молебенъ служить, что не на каторгѣ. А ты торгуешься, прижимаешь, соки вытягиваешь изъ больного ста-

рика. Я только затѣмъ пріѣхала, чтобъ сказать тебѣ, что ты—негодяй... шарманщикъ!

И, выговоривъ послѣднія слова съ театральнымъ паѳосомъ, точно она на сценѣ играла патетическую роль, миссисъ повернулась и быстро пошла къ выходу. Дама съ грушеобразнымъ носомъ и открытымъ ртомъ стояла ей на дорогѣ и еле посторонилась отъ изумленія. Сконфуженный лакей быстро отперъ передъ ней двери.

— Сумасшедшая старуха! долетѣло до нея, когда она выходила.

— Ну, дай Богъ ему столько ума, сколько есть у меня, сказала она, смотря на лакея, который потупилъ глаза.

Пока въ швейцарской накидывали на ея плечи ротонду, дама съ грушеобразнымъ носомъ, какъ аэролитъ, упала передъ ней.

— Ради Бога, сударыня, заговорила она пофранцузски.—Объясните, что такое. Я мать, моя дочь за нимъ замужемъ. Мнѣ важно знать,—что такое?

— А то, крикнула она по-русски:—что если вы не знаете, кто этотъ Новиковъ, то я знаю. Это—шарманщикъ, бродившій по дворамъ, бывшій лакей Муравьиныхъ! Онъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ Иваномъ, тоже лакеемъ, убилъ сестру своего господина и обокралъ ее. Отсюда все его богатство. Пусть онъ зоветъ меня сумасшедшей, пусть зоветъ на судъ,—я на улицахъ кричать

буду: шарманщикъ и воръ!.. Вели подавать карету! Чего стоишь! обратилась она къ швейцару.

Швейцаръ кубаремъ выкатился на подъѣздъ и съ непокрытой головой, несмотря на снѣгъ, подсадилъ сердитую барыню въ ея карету. Когда экипажъ отъѣхалъ, онъ долго съ изумленіемъ смотрѣлъ ей вслѣдъ и не замѣчалъ, какъ новая, только что сшитая ливрея мокнетъ и морщится отъ ноябрьской измороси.

А наверху Юлечка лежала безъ чувствъ. На полу валялась ея выѣздная шляпка. Воротъ ея платья былъ разстегнутъ, и лицо съ грушеобразнымъ носомъ наклонялось то и дѣло надъ ней.

— Все ты, мать! Все ты! заговорила Юлечка, придя въ себя.—Зачѣмъ ты устроила мой позоръ? Зачѣмъ? Кто тебя просилъ?

— Юлечка, отвѣчала мать:—я думала онъ коммерсантъ... а онъ чуть не бѣглый.

И она, пользуясь паузами между слезъ, разсказывала своей дорогой дочкѣ все то, что слышала въ швейцарской. Дочь снова заливалась слезами, мать успокаивала ее и, успокоивъ, прибавляла:

— Ты понимаешь, какой срамъ: при швейцарѣ! Теперь вся прислуга, всѣ дворники, горничныя, всѣ знаютъ...

— Господи, да неужели! воскликнула Юлечка.

Новиковъ ходилъ по своему кабинету и пилъ

воду стаканъ за стаканомъ. Въ глазахъ его мутилось, въ виски било молотомъ.

— Что это такое? Что такое? говорилъ онъ — Убить ее, убить эту англичанку? Больше ничего не остается. Убить... убить...

Онъ хватился за голову. Онъ сбросилъ очки, которыя, разбитыя, валялись на полу, и каждый разъ, проходя черезъ нихъ, онъ съ особеннымъ удовольствіемъ наступалъ на стекло и прислушивался, какъ оно трещало.

Въ комнатѣ стемнѣло. Онъ зажегъ свѣчи и все продолжалъ ходить. Пробило половина шестого, пробило шесть часовъ,—время ихъ обѣда но никто не приходилъ и не звалъ его. Въ половинѣ седьмого онъ позвонилъ, и велѣлъ затопить каминъ. Лакей какъ-то виновато присѣлъ на корточки и сталъ разжигать березовыя полѣнья.

— Кушать прикажете подавать? несмѣло спросилъ онъ, когда огонь разгорѣлся.

— Барыня дома? спросилъ онъ.

— Дома. Онѣ сказали, что кушать не будутъ.

— Хорошо. Подавай.

Онъ вошелъ одинъ въ столовую. Огромная лампа ярко озаряла гарраховскій хрусталь и саксонскій сервизъ. На закусочномъ столѣ дымились горячія польскія закуски, которыя любила Юлечка.

Новиковъ пилъ не много. Но теперь онъ налилъ водки; выпилъ одну рюмку, другую, третью. Мысли его точно стали спокойнѣе, но ѣсть не

хотѣлось. Онъ пододвинулъ къ себѣ бутылку крѣпкаго испанскаго вина и сталъ машинально пить стаканъ за стаканомъ.

XLII.

Бьетъ восемь часовъ. Онъ ходитъ по кабинету. На столѣ стоитъ новая бутылка съ мадерой. Онъ пьетъ какъ-то безсознательно, пьетъ и не чувствуетъ, вліяетъ ли на него вино. Онъ еще не видѣлъ жены. Но у него созрѣла мысль— сказать всѣмъ: и ей, и тещѣ, и прислугѣ, что старуха сумасшедшая. Чтобы Юлечка безповоротно была ему предана, надо сейчасъ же сдѣлать завѣщаніе, по которому она получитъ все его состояніе послѣ его смерти.

И онъ пьетъ стаканъ за стаканомъ, и все ходитъ. Ноги точно не его: онъ не чувствуетъ ихъ, точно какой-то механизмъ носитъ его по комнатѣ Ему гораздо легче было когда-то ходить по дворамъ, чѣмъ теперь, въ этой квартирѣ, въ платьѣ отъ Тедески, гибнеровскихъ сапогахъ, ступать по французскимъ коврамъ и сознавать, что то зданіе, которое онъ создавалъ десять лѣтъ, колеблется и рушится.

Ему казалось, что его уважаютъ, что онъ пользуется почетомъ, что капиталъ его всемогущъ. Однако, выжившая изъ ума старуха врывается къ нему, осыпаетъ его оскорбленіями, и

онъ ничего не можетъ возразить ей. И ей вѣрятъ кучера, швейцары, дворники. И отъ нихъ пойдетъ и раскинется паутина сплетенъ, все дальше и больше, и ничѣмъ нельзя предотвратить этого разрастанія...

Бросить все и уѣхать съ женой, съ Юлечкой? Но эта Юлечка? Любитъ ли она его? Повѣритъ ли она ему? Должна повѣрить! Ей хочется получить его сотни тысячъ. Пусть она не любитъ его, но почему-нибудь да пошла же она замужъ? Они уѣдутъ куда-нибудь за границу,—въ Крымъ, на Кавказъ,—будутъ жить, съ голода не умрутъ.

Какъ будутъ жить, что дѣлать? Здѣсь, въ столицѣ, онъ лицо и лицо важное,—а тамъ, что онъ тамъ представитъ изъ себя?

Но все-таки онъ рѣшаетъ пойти и сказать ей, что завтра же онъ утверждаетъ у нотаріуса завѣщаніе, по которому все передаетъ ей. Онъ выпиваетъ еще стаканъ и хочетъ итти, но въ это время ему докладываетъ лакей:

— Сынокъ вашъ пожаловали.

Вслѣдъ за докладомъ входитъ Женя. Лицо его устало и измождено. Вокругъ глазъ—синева. Какія-то презрительныя морщинки расположились возлѣ угловъ его рта. Брови сдвинуты, взглядъ холоденъ и сосредоточенъ.

— Я не помѣшалъ? спрашиваетъ онъ.

— Нѣтъ, говоритъ отецъ и подаетъ руку.

Сынъ садится. Отецъ продолжаетъ ходить.

Женя смотритъ на кабинетъ. Онъ удивляется, почему на стѣнѣ виситъ такая большая картина и почему на ней изображено что-то въ родѣ Полтавской битвы. Онъ удивляется, почему на стѣнѣ—лампы и подсвѣчники старинной бронзы, и каждый изъ нихъ стоитъ столько, сколько ему надо платить въ годъ за слушаніе университетскихъ лекцій, а между тѣмъ отецъ отказался за него платить,—и не платилъ.

— У тебя денегъ нѣтъ?—говоритъ наконецъ Сергѣй, послѣ долгаго молчанія.

— Нѣтъ, отвѣчаетъ хмуро Женя.

— А ты чѣмъ жилъ? спрашиваетъ отецъ, тоже хмурясь.—Побирушничалъ?

— Побирушничалъ: уроки, переводы, корректуры.

— Палеевъ присылалъ?

— Присылалъ.

— Что жъ тебѣ отъ меня надо?

— Ничего. Ты меня звалъ придти, а то я не пришелъ бы.

— Что же Палеевъ не прислалъ картины? Прислалъ бы и счетъ тысячи въ три; я бы заплатилъ.

— Онъ не привыкъ такъ продавать, сквозь зубы возразилъ Женя.

— Онъ привыкъ по грошамъ получать. Вотъ съ тобой и подѣлился бы. Сорвалъ съ отца хоть шерсти клокъ.

Женя молчалъ.

— Ты давно кончилъ ученье? спросилъ снова отецъ, раза два пройдя по кабинету.

— Три года.

— Мѣсто есть?

— Нѣтъ.

— У меня тоже нѣтъ. Вѣдь трактиромъ съ номерами не пойдешь управлять?

— Не пойду.

— А у меня другихъ занятій нѣтъ. Хе-хе! А хорошо бы оно: университетскій сынъ въ конторѣ трактира сидитъ.

Онъ подошелъ къ столику, налилъ стаканъ вина и снова выпилъ.

— Ты затѣмъ меня звалъ, чтобъ ломаться надо мной? спросилъ сынъ.

Отецъ, заложа руки въ карманы, остановился передъ нимъ.

— Нѣтъ, сказалъ онъ, поводя налившимися кровью глазами:—я позвалъ тебя, чтобъ денегъ тебѣ дать.

Онъ подошелъ къ несгораемому шкапу и вынулъ двѣ пачки бумажекъ.

— Бери! сказалъ онъ, бросая на столъ.—Тутъ двѣ тысячи.

Женя съ удивленіемъ посмотрѣлъ на отца.

— Спасибо, сказалъ онъ нерѣшительно.

Отецъ опять остановился передъ нимъ.

— А только какъ же ты, началъ онъ снова:— какъ же ты, человѣкъ честности непомѣрной, эти

деньги рѣшишься взять? Вѣдь ты же кричалъ, что я съ братомъ старуху убилъ и ограбилъ? Вѣдь это все грабленное? Какъ же ты на грабленныя деньги жить собираешься? Какъ взяло кота поперекъ живота, такъ и спесь сбилась?

Глаза у Жени заискрились.

— Что жъ, ты теперь сознаешься, что все ограбленное утаилъ? спросилъ сынъ.

— Я не сознаюсь, а говорю тебѣ, что вотъ у меня шкапъ грабленнымъ добромъ полонъ. Придушили старушку и припрятали. Я же и научилъ брата, какъ это сдѣлать, я же сказалъ ему, чтобъ онъ все ко мнѣ принесъ: сохраню, молъ.

Новиковъ видѣлъ, какъ вся кровь сбѣжала съ лица сына. Онъ наслаждался тѣмъ ужасомъ, который искажалъ его лицо.

— И сохранилъ, продолжалъ онъ, растягивая ротъ въ пьяную улыбку.—И знаешь, кто хранилъ ихъ, кто ихъ стерегъ у меня? Твоя сестренка. У нея на гробикѣ и хранилось. Я ей за это теперь чугунный памятникъ поставилъ. Тамъ, въ послѣднемъ разрядѣ: золоченая рѣшетка и ангелъ, а у ангела въ рукахъ шкатулка, и такъ онъ ее крыломъ прикрылъ.

Сынъ всталъ.

— Дядя покаялся, и тѣмъ очистилъ себя, сказалъ онъ.—Неужто ты того же не сдѣлаешь?

Отецъ засмѣялся.

— Въ участокъ пойти? Заявить: укрылъ молъ

деньги послѣ убитой? Такъ, пожалуй, въ сумасшедшій домъ меня запрутъ.

— Лучше быть въ сумасшедшемъ домѣ, чѣмъ здѣсь.

— Такъ вотъ, ты бы, достолюбезный сынъ нашъ, отправился бы самъ въ полицію или къ градоначальнику и заявленіе бы сдѣлалъ,—вотъ, молъ, отецъ мой каковъ: къ убійству причастенъ. Нельзя ли его на каторгу, стараго бродягу?

Онъ опять засмѣялся и выпилъ остатки изъ бутылки.

— Я не доносчикъ, сказалъ Женя и пошелъ къ выходу.

— Денегъ не берешь? остановилъ его отецъ.

— Нѣтъ.

— И управлять трактиромъ не хочешь?

Женя не отвѣчалъ и неровными шагами шелъ черезъ темныя комнаты къ выходу.

Опять старикъ ходитъ по кабинету. Каминъ давно потухъ. Часы безучастно щелкаютъ маятникомъ и отбиваютъ половины. За окномъ гудитъ вьюга, снѣгъ валитъ сплошною массой и укутываетъ бѣлой пеленою крыши, подъѣзды, фонари и тумбы. Онъ видитъ черезъ окно, какъ газъ судорожно прыгаетъ въ фонаряхъ, и по стѣнамъ домовъ, какъ призраки, мечутся невѣрныя тѣни.

— Однако, пойду къ ней, скажу, что завтра все переведу на ея имя.

Онъ идетъ черезъ гостиную въ ея комнату. Въ мягкихъ коврахъ тонетъ нога и не слышенъ шагъ. За дверью слышенъ разговоръ. Онъ пріостанавливается.

— Увези меня отсюда, я не могу оставаться у этого чудовища, слышитъ онъ женинъ голосъ:— увези меня скорѣе!

«Теща!» мелькаетъ въ головѣ Новикова «Войти, или нѣтъ? Все равно, войду».

Онъ входитъ. Нѣтъ, это не теща. Это Стржелецкій, какъ всегда гладкій, прилизанный, вычищенный. Онъ сидитъ на кушеткѣ рядомъ съ Юлечкой и гладитъ ее по головѣ, а она плачетъ, уткнувшись въ его плечо, и судорожныя рыданія заставляютъ вздрагивать ея узенькія плечи.

— Вонъ! Вонъ сейчасъ! раздается надъ ними дикій голосъ, и каминная рѣшетка летитъ мимо нихъ, раздробляя столики и опрокидывая кресло.— Чтобъ духу твоего не было... Вонъ!...

XLIII.

Глухая ночь. Часы пробили и два, и три. Вьюга все злится, все бѣснуется, газъ все мечется въ фонаряхъ. Въ квартирѣ Новикова темно. Въ будуарѣ Юлечки все раскидано. На полу валяются какіе-то сундучки, коробки, брошено нѣсколько платьевъ. Туалетный шкапъ открытъ, [illegible] ящики выдвинуты. На столикахъ разсы-

паны булавки, пролиты духи. Розовый корсеть съ оборваннымъ кружевомъ брошенъ въ самыхъ дверяхъ.

Свѣтъ горитъ въ кабинетѣ Новикова. На полу тоже валяется нѣсколько бутылокъ. А онъ все ходитъ и ходитъ по комнатѣ, только шагъ его менѣе увѣренный, чѣмъ днемъ: колѣна у него какъ-то подгибаются.

— Я завтра составлю завѣщаніе, громко говорилъ онъ.— Оставлю все Бѣликову. Позову его и оставлю. Пусть грызутъ ногти, пусть кусаютъ...

Въ головѣ тупая, мертвенная боль. Болитъ гдѣ-то въ самомъ нутри головы, болитъ тяжело и скверно, точно сверлитъ тамъ и копошится какой-то червячокъ, и сосетъ его мозгъ, и нѣтъ силъ отъ него избавиться.

Свѣчи догораютъ. Онъ лежитъ на диванѣ. Тяжелый, безпорядочный сонъ съ кошмарами опять надвинулся на него. Безформенные сѣрые образы опять проникли къ нему и сюда, въ этотъ роскошный кабинетъ, какъ проникали они въ его спальню. Опять эта англичанка усѣлась рядомъ съ нимъ и быстро-быстро начала тараторить. И Палеевъ стоялъ тутъ же, и подтверждалъ, что она говорила.

— Рано ли, поздно ли,—а ты свое получишь. Въ каждомъ мерзостномъ твоемъ поступкѣ таится наказаніе. И не ждешь ты его, и не знаешь, откуда придетъ...

..., но онъ тол...
съ кладбища, схоронив...
много денегъ. Болѣе семи...
— Но вѣдь васъ схор...
англичанкѣ, глядя на е...
тилью.—И нечего вамъ мен...
вы умерли и поэтому гово...
— А какъ же я была с...
вляясь, возражаетъ она.—...
такъ кто же бы пріѣзжал...
щикъ? Ты—рабъ! рабъ!..
Онъ читаетъ молитву. Сл...
ходятъ совсѣмъ не тѣ. И о...
то съ чугуннымъ безглазым...
сленной блуждающей улыбко...
новится передъ нимъ. Онъ ...
чугунное лицо все стоитъ и...
Въ холодномъ поту просы...
ные сѣрые проблески дня ...
игра...

Юлечки—она ко дню его именинъ снялась нарочно у Бергамаско. Онъ схватилъ за малиновую плюшевую раму, сорвалъ его съ гвоздя и швырнулъ далеко въ уголъ.

Въ одной изъ бутылокъ еще остался стаканъ вина, онъ выпилъ его. И вдругъ онъ замѣтилъ, что на стѣнѣ что-то шевелится и колышется.

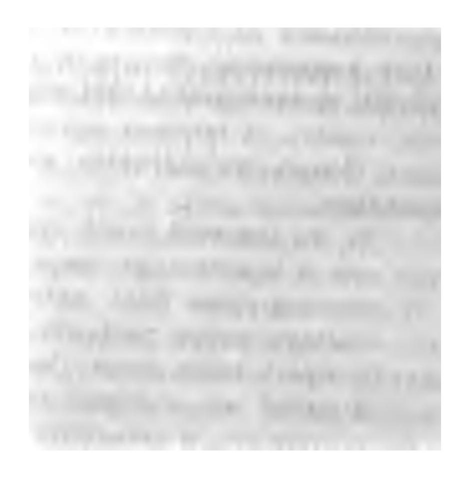
Онъ подошелъ: это колыхались шелковые шнурки сорваннаго портрета. Онъ, срывая, вырвалъ изъ рамы мѣдныя кольца, и они мѣрно раскачивались на красномъ шнурѣ.

Онъ машинально пощупалъ его и дернулъ: крѣпкій, прочной работы. Онъ потянулъ его. Онъ легко сошелъ съ высокаго крючка изъ-подъ потолка. Потомъ онъ задумался, какъ будто что-то вспоминая.

— Да, къ замочной ручкѣ привязать, вспомнилъ онъ и подошелъ къ двери.

И замочная ручка была крѣпкая, золоченая. Онъ завязалъ шнуръ двойнымъ узломъ и перекинулъ черезъ верхъ двери. Старуха въ горностаевой шубкѣ все вертѣлась тутъ передъ глазами, и суетилась, и какъ будто хлопотала и помогала въ чемъ-то, и все говорила, говорила безъ умолку. Потомъ она стала говорить глуше, глуше, совсѣмъ замолкла. Чугунное лицо смутно мелькнуло — тоже исчезло, и наступилъ безпросвѣтный мракъ...

1898 г.
Финляндія.



НА ВЕРШИНУ БИБЛЕЙСКОЙ ГОРЫ

ГЛАВА I,

въ которой авторъ знакомитъ читателя съ двумя героями его грустной эпопеи.

5 мая 189* года, въ девять часовъ утра, Игнатій Платоновичъ Туровѣровъ былъ разбуженъ, не безъ усилія со стороны его лакея Аѳиногена, упорно раскачивавшаго его за плечо въ теченіе весьма почтеннаго промежутка времени. Когда, наконецъ, усилія эти увѣнчались успѣхомъ,—Игнатій Платоновичъ открылъ свои взоры, именующіеся у философовъ зеркаломъ души. Если послѣднее положеніе правильно,—то, несомнѣнно, несмотря на видимое пробужденіе, душа Игнатія Платоновича еще отсутствовала и въ тѣлѣ не находилась, ибо глаза ровно ничего не выражали, а смотрѣли заспанно и прямо, какъ у хорошихъ заграничныхъ куколъ. Но послѣ новаго толчка Аѳиногена и кроткаго увѣщанія, душа, наскучивъ блуждать въ пространствѣ, соединилась съ Игнатіемъ Платоновичемъ. Въ глазахъ заиграла

жизнь, онъ довольно осмысленно протянулъ руку и сказалъ:

— Письмо? Давай письмо!

Аѳиногенъ поднялъ штору. Игнатій Платоновичъ сорвалъ конвертъ и на развернутомъ листкѣ прочелъ всего одну только строку:

«Нашелъ. Гора Араратъ. Приду къ обѣду. Ахлибиновъ».

Игнатій Платоновичъ потеръ переносицу, что онъ всегда дѣлалъ въ затруднительныхъ случаяхъ, подумалъ и сказалъ:

— Чудесно!

Но для того, чтобы пояснить, почему все написанное въ письмѣ господина Ахлибинова «чудесно», авторъ принужденъ прервать начатый разсказъ и возвратиться нѣсколько назадъ, а именно къ канунному вечеру, 4-го мая. Дѣло въ томъ, что въ этотъ вечеръ Туровѣровъ и Ахлибиновъ, сидя послѣ обѣда за чаемъ...

Нѣтъ, опять не совсѣмъ такъ. Прежде всего, разсказъ долженъ быть ясенъ, и авторъ долженъ разсказать, кто такой господинъ Туровѣровъ и кто такой господинъ Ахлибиновъ, дабы у читателя не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что это люди въ высшей степени порядочные, и знакомство съ ними никоимъ образомъ не можетъ его шокировать,

Оба они были старые холостяки, а одинъ изъ [illegible] Ахлибиновъ, настолько упорный, что ему

никогда даже не приходила мысль о зажженіи брачнаго огня на алтарѣ Гименея. Туровѣровъ, тотъ дважды, лѣтъ двадцать тому назадъ, дѣлалъ предложеніе, но оба раза былъ отверженъ; быть можетъ, въ силу послѣдняго обстоятельства, на кругломъ и рыхломъ лицѣ его всегда ползала какая-то грустная улыбка. Ахлибиновъ служилъ въ одномъ очень хорошемъ министерствѣ вице-директоромъ и отличался рѣдкой худобою и длиннотою фигуры, отчего его посторонніе люди всегда принимали за англичанина. Туровѣровъ нигдѣ не служилъ, а только «числился»; но было время, когда онъ, въ качествѣ магистра, занималъ каѳедру русской словесности и, читая лекціи, умѣлъ до упаду смѣшить слушателей, хотя бы дѣло шло о «Задонщинѣ» или «Завѣщаніи Мономаха». Въ противоположность своему другу, онъ былъ ниже средняго роста и имѣлъ совершенно шарообразную фигуру. Когда они шли рядомъ по Невскому (а это можно было наблюдать ежедневно въ шестомъ часу), одинъ—быстро переваливаясь на своихъ коротенькихъ ножкахъ, другой—неторопливо разставляя длинныя и тонкія, какъ циркуль, ноги,—казалось, болѣе нагляднаго доказательства разнообразія развитія формъ природа не могла представить. Вдобавокъ, Ахлибиновъ заказывалъ сапоги съ большими каблуками и носилъ цилиндръ, а Туровѣровъ требовалъ полнѣйшаго уничтоженія каблуковъ и ходилъ въ

низкой плоской шляпѣ. Какъ холостяки, он
«горячаго» стола не держали, а питались
знакомыхъ, или въ «Камеральномъ» клуб
торый славился своими обѣдами и которы
житъ и до сихъ поръ самымъ тѣснымъ
ствомъ общенія между всѣми холостякам
тербурга. И Ахлибиновъ, и Туровѣровъ со
на томъ, что оба любили хорошую мадеру,
тому, сидя за столомъ всегда рядомъ, сп
вали бутылку на двоихъ. Хорошая мадера
у каждаго изъ нихъ дома, и потому, как
ворится въ англійскихъ романахъ, иногд
долгіе зимніе вечера, когда за окномъ буш
зимняя вьюга, они сидѣли у ярко топящ
камина, вспоминали былое и потягивали т
золотистую крѣпкую влагу изъ тонкихъ г
ховскихъ стаканчиковъ. Оба нрава были ве
уживчиваго, незлобиваго, никогда ни съ
не ссорились, и сумѣли такъ себя поставить
при входѣ ихъ въ комнату лица всѣхъ при
ствовавшихъ растягивались въ улыбку, и
радостно привѣтствовали восклицаніемъ:

— А-а!

Если, для полноты характеровъ, автору
дется сказать объ отрицательныхъ качест
его героевъ, то онъ принужденъ будетъ отн
къ числу крупнѣйшихъ недостатковъ Тур
рова его любовь къ чистотѣ русскаго я
вообще и русскаго правописанія въ особенн

Онъ приходилъ въ неописуемое волненіе, когда видѣлъ слово «панихида» вмѣсто «паннихида», и даже по этому поводу спорилъ не разъ съ самимъ академикомъ Гротомъ. Онъ не поѣхалъ на именинный обѣдъ къ одной премилой вдовѣ доктора только потому, что она написала «имянины», и навсегда съ ней разошелся. Онъ разошелся съ одной почтенной редакціей, потому что она не соглашалась писать «Вельсскій», а писала «Уэльсскій», несмотря на самые горячіе его доводы о произношеніи англійскаго w. Слѣдующимъ его недостаткомъ была удивительная чистоплотность. Онъ мылъ руки при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Онъ бралъ ванну черезъ два дня, ежедневно вытирался уксусомъ, мылся передъ завтракомъ, послѣ завтрака, иногда во время завтрака, — если первое кушанье хотя тѣнь подозрѣнія накладывало на его руки. Игнатій Платоновичъ брился ежедневно и притомъ собственноручно и пробривалъ себя дважды до степени полной атласистости щекъ. Онъ говаривалъ, что тогда только чувствовалъ себя хорошо, когда зналъ, что на его тѣлѣ нѣтъ пылинки, и онъ весь «чистъ, какъ горній духъ».

Въ противоположность ему, Корнелій Никитичъ Ахлибиновъ весьма равнодушно относился и къ тонкостямъ россійскаго правописанія, и къ безукоризненной чистотѣ своихъ рукъ. Когда Игнатій Платоновичъ со слезами на глазахъ умо-

лялъ его писать не «въ забытьи», а «въ забытьѣ», увѣряя, что первое—грубо-безграмотно, пошло и обнаруживаетъ тупость, граничащую съ идіотизмомъ,—Корнелій Никитичъ только великодушно снисходилъ, говоря, что если онъ не забудетъ, то непремѣнно въ предложномъ падежѣ словъ средняго рода будетъ ставить ѣ. Передъ обѣдомъ въ «Камеральномъ» клубѣ, Туровѣровъ насильно таскалъ его подъ руку въ умывальню, говоря, что нельзя просидѣть пять часовъ въ кабинетѣ вице-директора и не вымыть рукъ,—и заставлялъ при себѣ густо намыливать пѣною обѣ руки.

Что же касается политическихъ убѣжденій героевъ, то авторъ, съ нѣкоторымъ смущеніемъ, долженъ признаться, что никакихъ политическихъ убѣжденій у нихъ не было. Какъ это ни покажется съ перваго раза страннымъ, но это было такъ, — если подразумѣвать подъ словомъ «убѣжденія» — то, что искренно, а не является слѣдствіемъ извѣстнаго общественнаго положенія. У насъ вообще убѣжденія мѣняются сообразно возрасту, климатическимъ условіямъ и должностному положенію каждаго лица, и отчасти напоминаютъ движеніе флюгера при циклонахъ. Туровѣровъ и Ахлибиновъ никогда не мѣняли своихъ убѣжденій, потому что ихъ никогда у нихъ не было. Они очень были привязаны къ своему [illegible]ому отечеству и чувствовали себя въ немъ

прекрасно—участь, завидная для очень многихъ и составляющая удѣлъ немногихъ.

Итакъ, вотъ кто такіе Ахлибиновъ и Туровѣровъ. Теперь остается сказать, чѣмъ была вызвана записка перваго и, слѣдовательно, пробужденіе второго.

Наканунѣ, 4-го мая, придя изъ «Камеральнаго» клуба, оба пріятеля сѣли у открытаго окна, наполнили стаканы пуншемъ и закурили сигары.

— Пора рѣшать! сказалъ Ахлибиновъ.

Онъ, вообще, говорилъ отрывочно, рѣзко, но опредѣленно.

— Рѣшимъ, добродушно отозвался Туровѣровъ.

— Первый вопросъ: имѣетъ ли настоятельную необходимость, въ общемъ теченіи нашей жизни, предполагаемое путешествіе?

Наступило молчаніе. Оба пріятеля напоминали древнихъ боговъ Олимпа: до того густы были клубы сигарнаго дыма, что, казалось, они, какъ небожители, возсѣдали на облакахъ.

Наконецъ Туровѣровъ вынулъ сигару изо рта и сказалъ:

— Я думаю, имѣетъ.

Воцарилась новая пауза, но болѣе короткая.

— Если по первому пункту отвѣтъ является положительный, продолжалъ Ахлибиновъ,—то по второму пункту слѣдуетъ отвѣтить на вопросъ: тогда—куда?

Наступившее молчаніе было самое продолжи-

тельное. На противоположной сторонѣ ул
тоже у открытаго окна, инженеръ съ гвар
скимъ адъютантомъ играли въ шахматы. И
неръ успѣлъ взять ладью, рокироваться и
лать шахъ королю,—а молчаніе друзей все
должалось.

— На западъ? спросилъ осторожно Туровѣр

Ахлибиновъ качнулъ отрицательно голово

— На сѣверъ? На Маточкинъ шаръ?

Длинная голова снова закачалась отрицател

— На дальній востокъ? Индія, Японія, Сахали

Молчаніе.

— На югъ?

Легкое пожатіе плечами.

Туровѣровъ сталъ соображать, какая мож
быть пятая страна свѣта, которая болѣе понра
лась бы его пріятелю, но такъ и не сообрази

Адъютантъ проигралъ партію и, въ свой
редъ, сталъ припирать въ уголъ инженера, ко
Ахлибиновъ, погасивъ сигару, сказалъ:

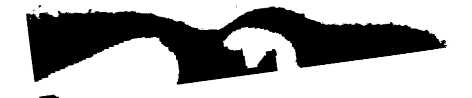
— Надо подумать.

На этомъ пріятели наканунѣ и разошлись.

ГЛАВА II.

**Библейская гора Араратъ — мѣстопребываніе Но
ковчега.**

Прежде чѣмъ продолжать разсказъ, слѣду
упомянуть еще объ одномъ весьма важномъ
стоятельствѣ. Ахлибиновъ и Туровѣровъ в



жизнь довольно разсѣянную, особенно лѣтомъ. Три года подъ рядъ они нанимали общую дачу: въ Павловскѣ, въ Парголовѣ и въ Ораніенбаумѣ. Но, не довольствуясь такимъ пребываніемъ на «чистомъ воздухѣ», они, кромѣ того, раза два въ недѣлю совершали то, что французы называютъ «partie de plaisir», нѣмцы—«in's Grüne», а наши мастеровые—«гулянкой». Другими словами, они отправлялись то въ Кронштадтъ на поднятіе флага на какомъ-нибудь чудовищномъ броненосцѣ и до поздней ночи сидѣли за стаканами настоящей «морской» мадеры, въ обществѣ веселыхъ моряковъ; то они ѣхали въ «Шлюшино» на дачу къ одному мировому судьѣ, и тамъ три дня безъ просыпу играли въ винтъ, не обращая вниманія на роскошные сѣверные восходы солнца, подымающагося изъ прозрачныхъ водъ Ладожскаго озера; то они ѣздили на Сиверскую станцію, и въ ночь на Ивана Купала искали съ барышнями цвѣтущихъ папоротниковъ и свѣтящихся червячковъ. Но въ то же время имъ и въ голову не приходило, что за Сиверской къ югу, за Кронштадтомъ къ западу, за Шлиссельбургомъ къ востоку и за Юкками къ сѣверу есть еще страны, быть можетъ, не менѣе интересныя. Правда, оба когда-то бывали въ Москвѣ, и оба, еще раньше того, учились географіи. Но въ Москву ѣздили они совсѣмъ давно, еще въ ту пору, когда литераторы ходили въ

красныхъ рубашкахъ и поддевкахъ, и полицеймейстеръ пугалъ ихъ тѣмъ, что велитъ остричь «на барабанѣ». Географіи же хотя ихъ учили настолько упорно, что даже оставляли по субботамъ на лишнихъ два часа въ классѣ для «вящшаго упроченія» въ памяти городовъ Черниговской губерніи и королевства Баварскаго,—но такъ какъ впослѣдствіи ни въ Черниговскую губернію, ни въ Баварію они не поѣхали, то знаніе, за ненадобностью, мало-по-малу совершенно испарилось изъ ихъ головы. А впрочемъ, если положить руку на сердце и чистосердечно взвѣсить знанія каждаго изъ насъ, то, вѣдь, и мы не перечислимъ губерній, окружающихъ Черниговскую въ послѣдовательномъ порядкѣ, болѣе, чѣмъ на тройку съ минусомъ.

И вдругъ, въ ту весну, на фонѣ которой развертывается настоящій разсказъ, оба друга, подъ вліяніемъ расцвѣтающихъ ландышей и сирени, внезапно рѣшили пуститься въ дальнее путешествіе. Ихъ потянуло невыразимо вдаль, «подъ новыя небеса», какъ принято выражаться у поэтовъ. Но, какъ люди, съ одной стороны, здоровые, съ другой -- солидные, они не могли безцѣльно фланировать изъ стороны въ сторону, подобно моднымъ «пшютамъ», а могли ѣхать если ужъ не «по казенной надобности», то, во всякомъ случаѣ, съ болѣе или менѣе опредѣленной цѣлью. Но указать эту цѣль оказалось не

легко. Блестящая мысль, пришедшая въ голову вице-директору, о которой онъ сообщилъ Туровѣрову письменно, очевидно, до нѣкоторой степени разрѣшала эту трудную задачу.

Ровно въ шесть часовъ, какъ всегда, они сошлись у закусочнаго стола въ «Камеральномъ» клубѣ. Ахлибиновъ былъ нѣсколько нервенъ и, очевидно, весь, до мозга костей, поглощенъ мыслью объ Араратѣ. Положивъ въ ротъ поджаренную устрицу (что отлично приготовляли въ клубѣ), онъ только могъ сказать Туровѣрову:

— У меня все созрѣло.

Послѣ обѣда, за которымъ говорить было неудобно, такъ какъ разговоръ былъ всегда общій,—и на этотъ разъ говорили о подложномъ духовномъ завѣщаніи, потому что за столомъ сидѣли два адвоката и одинъ прокуроръ,— послѣ обѣда, оба пріятеля удалились въ комнату, которая почему-то называлась «китайской», спросили себѣ кофе и финь-шампань, и легли на софу.

— Я изложу, почему остановился именно на этомъ выводѣ, а не на иномъ, началъ Ахлибиновъ. — Слѣди внимательно за развитіемъ моей мысли. Мы поставили передъ собой цѣль, при чемъ эту цѣль не опредѣлили. Всякая цѣль должна быть болѣе или менѣе цѣлесообразна, иначе она не цѣль. Мы рѣшили ѣхать далеко. Посмотримъ на далекія страны. Слѣди. Первое—

Испанія. Хорошо: быки, кастаньеты, пикадоры, матадоры, мадера. Но говоримъ ли мы по-испански?

— Мимо! сказалъ Туровѣровъ и наклонилъ бутылку надъ чашкой.

— Далѣе, продолжалъ Ахлибиновъ,—Африка: Тунисъ, Марокко и прочее. Наконецъ, Египетъ, Нубія. Спрашивается: что мы — Ливингстоны, Стэнли, Шампольоны? Что мы несемъ въ эти страны? Какимъ свѣтомъ освѣтимъ ихъ въ глазахъ нашихъ соотечественниковъ?

Туровѣровъ махнулъ рукой.

— Палестина? Теперь тамъ жарко. Индія? Пожалуй, насъ примутъ за шпіоновъ. Наконецъ, что намъ—на бенгальскихъ тигровъ охотиться? Китай? Сибирь?

Онъ сдѣлалъ передышку.

— А между тѣмъ Араратъ — Арменія, — это наше, отечественное землевладѣніе. Наконецъ, столько воспоминаній, столько священныхъ воспоминаній. Дождь сорокъ дней. Ковчегъ плыветъ по волѣ вѣтра. Ной и три сына. Вода спадаетъ. Воронъ и голубица. Масличная вѣтвь. Радуга. Хамъ и виноградъ. Все это на склонахъ и кручахъ одной горы. Притомъ — это путешествіе, не прогулка, не безцѣльное шатаніе. Это— поклоненіе міровой святынѣ...

Туровѣровъ схватилъ за руки пріятеля и потрясъ ихъ.

— Это удивительно! воскликнулъ онъ.—Мысль настолько блестяща, что я... я не знаю. Именно—Араратъ, именно...

— У меня еще не составился въ головѣ ясный планъ дороги, продолжалъ Ахлибиновъ.—Хотѣлось бы обставить серьезно, строго. Какъ направиться: моремъ или черезъ горы. Если моремъ, то, осмотрѣвъ генуэзскія колоніи Крыма, подплывемъ, какъ аргонавты, къ Колхидѣ. Если сушей, то пройдемъ Кавказскими воротами.

Туровѣровъ подумалъ.

— Я полагаю, лучше сушей, сказалъ онъ.—Генуэзскія колоніи мы осмотримъ въ другой разъ. У тебя отпускъ всего три мѣсяца,—не успѣемъ. Меня смущаетъ только одно...

— А именно?

— Пыль, грязь азіатская. Впрочемъ, говорятъ, вездѣ тамъ по дорогамъ фонтаны. Вѣдь мусульмане любятъ омовеніе... Я, вообще, хотѣлъ съ тобой поговорить о чистоплотности во время пути. Это великое дѣло. Надо заказать спеціальные несессеры для дороги. Уложиться надо осмотрительно и не торопясь.

— Три часа времени.

— Уложиться? Дай Богъ въ мѣсяцъ. Все надо обдумать.

— Чего думать. Открылъ шкафъ, положилъ въ сундукъ бѣлье и платье, и кончено дѣло.

— Во-первыхъ, сколько разъ я тебѣ замѣчалъ,—оставь ты эту привычку говорить шкафъ. Надо говорить шкапъ. Слово это шведское, пришло къ намъ оттуда, и по-шведски—skap. По-нѣмецки говорятъ Schaff, да и то на сѣверѣ, а по нижне-нѣмецкому — Schapp. Ты вице-директоръ, у тебя вездѣ шкапы въ канцеляріи, а ты не умѣешь ихъ назвать. Это—во-первыхъ. А во-вторыхъ, надо такъ устроиться, чтобъ всегда были подъ руками въ дорогѣ слѣдующія вещи: полотенца, одеколонъ, уксусъ, пудра, животный пластырь, прованское масло.

— Постой, зачѣмъ же прованское масло? остановилъ его Ахлибиновъ.

— А скорпіонъ, а фаланга? Если укусятъ, что тогда? Далѣе: коньякъ, боткинскія капли, гофманскія капли, темныя очки, бинокли, зрительныя трубы, револьверы, ножи, хлѣбъ, яйца, водка, плоды, записныя книжки, фотографическій аппаратъ. Это все подъ рукой. Протянулъ—и тутъ. Если ѣхать, то ѣхать съ комфортомъ. Въ прежнее время можно было взять верблюда и на верблюдѣ ѣхать. А теперь есть лучшія приспособленія. Есть не только желѣзныя дороги, но и купе, да и не только купе, а купе перваго класса. Отчего же не воспользоваться плодами цивилизаціи? Если сказать, что они не нужны, такъ, вѣдь, и пѣшкомъ итти можно,—надѣть лапти и [illegible]. А я согласенъ путешествовать подъ однимъ

условіемъ: полнаго комфорта. И вообще, ты меня извини, я бы хотѣлъ такого рода заключить условіе съ тобой: всю внѣшнюю часть комфорта предоставь мнѣ и подчиняйся ей безусловно. Ты хоть и вице-директоръ, но ты не понимаешь, что такое комфортъ. Комфортъ—это чистота. Только чистота, и больше ничего. Покажи свои часы. Ну, вотъ, ты не понимаешь комфорта. Часы отличные, мозеровскіе, а захватаны, какъ будто ты гимназистъ. Вѣдь часы надо же протирать снаружи хоть два раза въ мѣсяцъ замшей, смоченной слегка нашатыремъ. Посмотри, у меня какіе, точно сейчасъ изъ магазина. И цѣпочка у тебя: ты долженъ непремѣнно мыть ее щеткой съ мыломъ въ нашатырѣ съ тепленькой водицей. И запонки... покажи запонки,—и запонки давно не мыты. Вотъ я про это и говорю. Надо, другъ мой, такъ или иначе, но дойти до сознанія, что чистота — это все. Вѣдь сапоги тебѣ чистятъ каждый день ваксой, такъ какъ же не чистить запонокъ разъ въ недѣлю? Чѣмъ онѣ хуже?

Ахлибиновъ чувствовалъ, что глаза у него слипаются (это все клубская мадера!) и онъ только полусознательно слѣдитъ за рѣчью Туровѣрова. Иногда онъ совершенно ясно сознавалъ, что замша съ нашатыремъ вещь практичная, но онъ никакъ не могъ связать ее съ Араратомъ и не понималъ, какъ это нашатырь въ замшѣ вліяетъ на комфортъ мѣстонахожденія Ноева ковчега. Но

ГЛАВА

Подготовленіе къ уче

Оба пріятеля начали уси.
готовленіями къ отъѣзду.
тельно, заказалъ огромный
ную корзинку. Онъ увѣрялъ
подраздѣляется на двѣ кат
горія: багажъ, который нуж
рая—багажъ, который необх
эти понятія нельзя смѣшив
слѣдуетъ строго отдѣлять д
этому, все нужное при ѣздѣ
чалось къ сдачѣ въ багажн
обходимое въ вагонѣ—брало
обложившись вокругъ всѣм
ровъ дѣлалъ репетиціи. Вд
пажа онъ поранилъ руку. Н

не стрѣлялъ, а ножомъ, который вдобавокъ оказывается въ лѣвой рукѣ, онъ не знаетъ, какъ дѣйствовать, но фигура все же получается внушительная. Третій примѣръ. Коляска въѣхала въ область снѣговъ, и стало холодно. Надо достать пледы и выпить коньяку. И опять все это дѣлается быстро, увѣренно и съ должнымъ успѣхомъ.

Туровѣровъ повезъ Ахлибинова къ портному и заставилъ заказать такой же костюмъ, какой сшилъ самъ для себя. Въ такихъ костюмахъ мальчики въ богатыхъ шведскихъ семьяхъ играютъ въ крокетъ. Онъ состоитъ изъ бѣлой рубашечки, галстука, который несравненно длиннѣе, чѣмъ ему надлежитъ быть по закону природы, панталонъ съ широкимъ поясомъ, легкаго шелковаго пиджака и круглаго краснаго берета, въ родѣ тѣхъ, что носятъ тулонскіе каторжники. Когда все это было готово, Ахлибиновъ долго съ грустью вглядывался въ зеркало и потомъ вдругъ сказалъ:

— Вотъ если бы въ пріемный день я принялъ просителей въ этомъ костюмѣ!

Онъ запряталъ платье на самый низъ сундука и рѣшился вынимать его только въ самомъ крайнемъ случаѣ.

Постепенно подготовляясь къ отъѣзду, они начали объѣзжать всѣхъ знакомыхъ и прощаться. Воспринятъ былъ ихъ отъѣздъ разными лицами совершенно разно.

П. П. ГНѢДИЧЪ.

Старушка-фрейлина, къ которой они пріѣхали первой, долго плакала и съ грустью смотрѣла на нихъ.

— Что жъ, говорила она,—коли велятъ—надо!

Ей пробовалъ втолковать Ахлибиновъ, который приходился ей какимъ-то внучатнымъ племянникомъ, что ихъ никто не посылаетъ, а они ѣдутъ по доброй волѣ, но старушка стояла на своемъ:

— Я понимаю, ты скрываешь, чтобъ меня успокоить, говорила она, — но я убѣждена, что это командировка...

— Но, ma tante, откуда же въ нашемъ «департаментѣ сокращеній расходовъ и смѣтъ» можетъ быть командировка на Араратъ?

— Это очень похвальная черта съ твоей стороны, продолжала она.—Ты весь въ мать-покойницу. Но ты меня не обманешь, у меня есть предчувствіе.

Въ семьѣ одного артиллерійскаго генерала, гдѣ оба пріятеля были непремѣнными лицами въ домѣ, напротивъ того, приняли съ большою радостью это извѣстіе. Всѣ просили привезти хоть щепочку отъ Ноева ковчега, —и предложили даже устроить въ залѣ витрины съ реликвіями отъ потопа. Стали обсуждать, что можетъ быть изъ остатковъ ковчега на Араратѣ.

— Допотопныя деньги, пожалуй, старыя сан- [illegible] кости жертвенныхъ животныхъ, кольца,

серьги... Мало ли можетъ быть сколько такихъ вещей.

Но одинъ легкомысленный молодой человѣкъ, по фамиліи Бзинъ, спеціальность котораго заключалась въ томъ, что онъ рыскалъ по городу и развозилъ самые невѣроятные слухи, въ родѣ того, что такой-то министръ назначается митрополитомъ, и что этому мѣшаетъ только языческій орденъ Льва и Солнца; или что папа написалъ романъ изъ великосвѣтской жизни «Тайны Итальянскаго Двора»,—этотъ Бзинъ началъ славить во всѣхъ гостиныхъ, что и Ахлибиновъ, и Туровѣровъ поѣхали со спеціальною цѣлью на Араратъ, чтобы потомъ открыть въ Пассажѣ музей, гдѣ будутъ показывать не только волосы Хама и калоши Сима, но даже обломки радуги, видѣнной Ноемъ послѣ потопа. Конечно, такими пустыми разговорами онъ не могъ нисколько повредить самимъ путешественникамъ, но все же его безцѣльныя насмѣшки были для нихъ непріятны.

Министръ принялъ прошеніе объ отпускѣ Ахлибинова очень милостиво, но, узнавъ, что онъ ѣдетъ на Араратъ, высоко поднялъ брови.

— Почему же на Араратъ?

— Отчего же нѣтъ, ваше—ство?

— Однако, почему?

— Библейская гора, вокругъ которой сплелись преданія всѣхъ народовъ.

Старушка-фрейлина, къ которой они прі
первой, долго плакала и съ грустью смот
на нихъ.

— Что жъ, говорила она,—коли велятъ—
Ей пробовалъ втолковать Ахлибиновъ, к
рый приходился ей какимъ-то внучатнымъ
мянникомъ, что ихъ никто не посылаетъ, а
ѣдутъ по доброй волѣ, но старушка стоял
своемъ:

— Я понимаю, ты скрываешь, чтобъ
успокоить, говорила она, — но я убѣждена,
это командировка...

— Но, ma tante, откуда же въ нашемъ
партаментѣ сокращеній расходовъ и смѣтъ
жетъ быть командировка на Араратъ?

— Это очень похвальная черта съ твоей
роны, продолжала она.—Ты весь въ мать-по
ницу. Но ты меня не обманешь, у меня
предчувствіе.

Въ семьѣ одного артиллерійскаго генерал
оба пріятеля были непремѣнными лицам
домѣ, напротивъ то приняли съ большо
достью это извѣс просили привез
щепочку отъ Р а,—и жили
устроить в іям
потопа. С быт
остатков арых

— Д ъ, к
даліп

— Это конечно,—но почему же именно вы?

— Хочется посмотрѣть, ваше—ство, на міръ съ высоты, гдѣ былъ Ноевъ ковчегъ.

— Хорошо! сказалъ министръ послѣ нѣкоторой паузы, но, видимо, былъ недоволенъ страннымъ желаніемъ вице-директора.

Въ клубѣ отнеслись сочувственно къ этой поѣздкѣ и рѣшили устроить обѣдъ въ честь отъѣзжающихъ. Одинъ изъ старшинъ сказалъ, что они могутъ несомнѣнно принести огромную пользу клубу. Для этого они должны въ Кахетіи сойтись съ мѣстными винодѣлами и, перепробовавъ разные сорта винъ, остановиться на болѣе пріятныхъ; въ клубѣ растетъ съ каждымъ мѣсяцемъ большая и большая потребность въ кахетинскомъ, между тѣмъ наличное вино не всѣхъ удовлетворяетъ; пріятели, по словамъ краснорѣчиваго старшины, ѣхали въ страну, гдѣ Ной впервые посадилъ виноградную лозу, и гдѣ, слѣдовательно находится колыбель винодѣлія. За цѣной клубъ не постоитъ, лишь было бы хорошее вино.

Пріятели обѣщались, что употребятъ всѣ усилія, чтобы исполнить съ честью возложенное на нихъ порученіе.

Начались серьезныя приготовленія къ экспедиціи. Куплены были самыя подробныя географическія карты, и Арменія разсмотрѣна со всѣхъ сторонъ. Затѣмъ Туровѣровъ, за цѣлую недѣлю впередъ, съѣздилъ на Николаевскій вокзалъ и

заплатилъ за большое купе приплату, чтобы быть совершенно гарантированнымъ въ помѣщеніи. Онъ озаботился насчетъ обуви и заказалъ себѣ и своему пріятелю башмаки чуть ли не съ желѣзными гвоздями. Одна вдова, къ которой они пріѣхали уже за день до отъѣзда, не могла скрыть волненія по поводу ихъ путешествія.

— И вы не боитесь? спрашивала она.

— Чего?

— Черкесовъ.

— Мы будемъ вооружены.

— Бойтесь! Когда я была въ Крыму... Вы знаете, тамъ татары... Я была одинока, такъ мнѣ прямо одинъ татаринъ, вооруженный съ ногъ до головы, говорилъ, чтобъ я никуда безъ него не выходила, если не хочу подвергать себя непріятности. Я такъ и сдѣлала,—онъ ни на шагъ не отходилъ отъ меня. Вотъ и вамъ бы слѣдовало поступить такъ же.

Пріятели обѣщали, что такъ и поступятъ.

— А скажите, острая верхушка на Араратѣ? спрашивала она.

— Не думаю, говорилъ Туровѣровъ, — иначе ковчегъ получилъ бы пробоину. Напротивъ, есть прямое основаніе предполагать, что наверху— площадка, именно тамъ, гдѣ сѣло это огромное судно.

— Тогда это не такъ страшно, подтвердила она. — А то представьте, огромная гора, уходя

щая за облака кверху, и наверху вдругъ востро. Но вообще и теперь я вамъ удивляюсь. Вокругъ Петербурга такія дивныя окрестности—Елагинъ островъ, Каменный, Петергофъ, а вы вдругъ ѣдете Богъ знаетъ куда, подвергаете себя всякимъ случайностямъ и непріятностямъ.

— Мы рѣшили и ѣдемъ, сказалъ Ахлибиновъ твердо.

Вдова увидѣла, что не ей удержать отважныхъ путешественниковъ, и печально поникла головой.

Обѣдъ, данный наканунѣ отъѣзда въ клубѣ, прошелъ весело, оживленно, съ большими рѣчами, шампанскимъ и пожеланіями. Одинъ присяжный повѣренный сказалъ между прочимъ:

— Когда вы будете тамъ, на библейскихъ высотахъ, зарытые въ облачныя ризы, когда вы будете сознавать, что этотъ міръ жалокъ, малъ и ничтоженъ, когда вы, какъ боги, будете чувствовать себя выше сферы человѣческихъ страстей, будете стоять выше условной легальности,—тогда, друзья мои, вспомните въ этотъ мигъ, что далеко-далеко, на туманномъ Сѣверѣ, на берегахъ холодной красавицы-рѣки, въ небольшомъ, но уютномъ клубѣ бьются маленькія человѣческія сердца, бьются любовью къ вамъ, бьются страхомъ за васъ, бьются съ гордымъ сознаніемъ человѣчности и сознаніемъ того, что всякій подвигъ есть отраженіе въ душѣ человѣческой вѣковѣчнаго начала и источника всего—Божества!

ГЛАВА IV.

Канунъ отъѣзда.

Нервное настроеніе охватило нашихъ героевъ, когда они возвратились съ обѣда домой. Итакъ, они наканунѣ одного изъ крупнѣйшихъ событій ихъ жизни. И въ этотъ мигъ вдругъ имъ стало жалко и этого большого красиваго города, съ прямыми линіями улицъ, съ паркетными мостовыми, съ блестящими памятниками и дворцами. Невѣдомый, облачный, мрачный Кавказъ пугалъ ихъ. Они готовы были уже остаться въ родномъ гнѣздѣ...

Но это была только минутная слабость. Туровѣровъ обвелъ въ послѣдній разъ глазами свой кабинетъ, позвалъ Аѳиногена и сказалъ ему:

— Аѳиногенъ, при мнѣ сегодня же покрой все чехлами. Ты знаешь, я не люблю пыли. Ковры завтра сними и выколоти. Чтобы ни одна пылинка не сѣла никуда безъ меня. Если я не вернусь...

Голосъ его дрогнулъ, на глазахъ показались слезы.

— Здѣсь, въ столѣ, завѣщаніе. Ты тоже не забытъ въ немъ.

Теперь слезы выступили и у Аѳиногена. Онъ даже пытался поцѣловать руку барина (какой примѣръ преданности для вольнонаемнаго чело-

вѣка!), но тотъ уклонился, такъ какъ считалъ себя выше этого.

Аѳиногенъ принялся все закрывать чехлами. Диваны, стулья, шкапы, — все покрылось длинными саванами. Люстра, какъ огромная висѣльница въ кринолинѣ, покачивалась подъ потолкомъ. Бюсты: Пушкина, Гоголя, Крылова и Лермонтова, завернутые въ газетную бумагу, казались кочнами капусты. Картины, обернутыя въ кисею, слабо сквозили деревьями и глазами сквозь тонкую марлю. Все приняло видъ пустынный и холодный.

— Непремѣнное условіе, говорилъ Туровѣровъ своему пріятелю, который лежалъ у него на диванѣ, — непремѣнное условіе нашего путешествія—безусловная чистота и опрятность,—повторяю это тебѣ въ сотый разъ. Каждый день въ вагонѣ ты обязанъ мѣнять бѣлье, я буду смотрѣть за этимъ. Иначе, лучше и не ѣхать. Несессеры у насъ подъ руками. Полдюжины полотенецъ у меня въ сумкѣ, у тебя—столько же. Мыло, пудра, зубной порошокъ, зубныя щетки,—все на мѣстѣ, все подъ руками. Сафьянныя подушки въ шелковыхъ чехлахъ и тонкихъ наволочкахъ. Все предусмотрѣно, все устроено.

— Въ случаѣ чего, заговорилъ Ахлибиновъ, то-есть, ты понимаешь о чемъ я говорю, — привези меня сюда въ Петербургъ, и на Александро-Невское кладбище...

— Объ этомъ мы уже говорили,—я, съ своей стороны, ты помнишь, предпочитаю Новодѣвичій монастырь. Кстати о памятникахъ: черную гранитную полированную плиту съ золотою надписью. Чтобъ было просто и солидно.

— Хорошо. Мнѣ тоже.

— Теперь вопросъ о жизни, а не о смерти. Ѣздилъ ты верхомъ когда-нибудь?

— Да. Я умѣю ѣздить.

— Гм! Ты въ болѣе счастливомъ положеніи. Я съ десятилѣтняго возраста не ѣздилъ. Надо себя тренировать. Конечно, въ случаѣ чего, можно пѣшкомъ... Но это утомительно...

— Я тебѣ сознаюсь въ одной вещи, перебилъ его Ахлибиновъ.—Ты помнишь, вчера меня просила madame Скрижальцева проводить ее въ Гостиный дворъ. Мы были не въ Гостиномъ дворѣ...

Туровѣровъ, всегда ревниво оберегавшій холостое положеніе своего друга, безпокойно уставился на него.

— Гдѣ же вы были?

— Мы были у... гадальщицы. То-есть, конечно, гадала Скрижальцева. Но потомъ, ради шутки, я тоже спросилъ ее... Она беретъ всего пять рублей. Старая француженка, madame Пильцъ.

— Что же?

— Она сказала удивительныя вещи. Она сказала: вы ѣдете далеко, съ толстымъ маленькимъ господиномъ, вотъ съ такимъ животомъ.

Туровѣровъ подошелъ къ зеркалу и посмотрѣлъ на свою фигуру въ профиль.

— Потомъ, продолжалъ Ахлибиновъ,—она сказала, что видитъ гору, но что ни я, ни толстый господинъ ея не видятъ. Каково?

— И это она сказала? переспросилъ Туровѣровъ.

— Мало того. Она сказала, что видитъ не двоихъ, а больше, и въ томъ числѣ женщинъ.

Туровѣровъ испуганно повернулся къ пріятелю.

— Это она вретъ!

— Слушай дальше. Она говоритъ, что я возвращусь съ прибылью, а ты съ убыткомъ. Но что все-таки мы должны ѣхать.

Туровѣровъ прошелся по комнатѣ.

— Гдѣ ея адресъ? спросилъ онъ.

— Фу, какъ тебѣ не стыдно вѣрить гаданьямъ? сказалъ Ахлибиновъ. — Я случайно попалъ съ барыней—и только. А спеціально ѣхать—фи!

Туровѣровъ сообразилъ, что это для мужчины слишкомъ «позорно», какъ говорили его ученицы-институтки о тѣхъ, кто дѣлалъ въ диктовкѣ свыше десяти ошибокъ.

— Конечно, это вздоръ, сказалъ онъ. — Ну слушай: ты далъ слово мнѣ подчиняться. Чтобы ничего въ рукахъ у тебя не было.

— То-есть, какъ ничего.

— Ничего. Я тебя не впущу въ вагонъ иначе,

какъ съ пустыми руками. Это хамство—набирать съ собою всякой драни.

— Но, вѣдь, у насъ большое отдѣленіе?

— Тѣмъ болѣе хамство! Ѣхать надо свободно, налегкѣ, какъ бы ни было сложно путешествіе. Мы сами себѣ всегда понапрасну усложняемъ жизнь. Я тебѣ не позволю пріѣхать на поѣздъ иначе, какъ за десять минутъ до отхода.

— Почему?

— И это хамство. Зачѣмъ толкаться, сновать, бѣсноваться. Аѳиногенъ возьметъ мои и твои вещи, поѣдетъ, возьметъ билеты, потомъ мы пріѣдемъ, какъ на прогулку. Предоставь салопницамъ пріѣзжать за часъ до отхода, кричать и метаться изъ стороны въ сторону. Это не нужно. Затѣмъ, хотя мы и куримъ, но дадимъ слово выходить для куренія въ коридоръ: зачѣмъ запружать дымомъ чистый воздухъ. Спокойная ночь будетъ обусловлена свѣжимъ притокомъ воздуха и постоянной его смѣной.

— Ну, а путеводитель можно взять?

— Путеводитель—можно. Но ты знаешь, я выхожу изъ себя, когда вижу, какъ ѣдетъ мамаша, дочки, сынки, клѣтки съ канарейками, узелки, горничныя... Я бы ихъ всѣхъ тутъ же пришибъ...

— Отчего ты такой нервный?...

— Не люблю свинства, что̀ дѣлать! Не выношу, когда пепелъ стряхиваютъ на полъ. Первый *признакъ* непорядочнаго человѣка: значитъ,

онъ не привыкъ, чтобъ у него лежала подъ ногами хорошая шкура или свѣтлый коверъ...

— Да, ужъ это ты говорилъ.

— И триста разъ еще повторю.

— Ну, потомъ еще что?

— Не ѣшь много на станціяхъ. Тамъ, на югѣ, говорятъ, отравляютъ.

— Не съ голода же умирать?

— Лучше умирай, потомъ воскреснешь.

— Посмотрю, какъ ты будешь голодать.

— Буду, для Арарата я способенъ на все...

Ночь у обоихъ прошла тяжело и смутно. Особенно смутные сны были у Туровѣрова. Видѣлось ему во снѣ, что они опаздываютъ на поѣздъ, и поѣздъ уходитъ безъ нихъ. Они хотятъ сѣсть, но жандармъ не пускаетъ, вагоны двигаются все быстрѣе и быстрѣе, и уходятъ въ синѣющуюся даль, къ Арарату, а они остаются растерянные и грустные. Фрейлина плачетъ и говоритъ:

— Вѣдь, я предупреждала, что это командировка.

Присяжный повѣренный стоитъ въ фартукѣ у лотка на открытой платформѣ и выложилъ на прилавокъ рядъ сердецъ.—«Вотъ сердце, горячее сердце, самое лучшее, клубное!» восклицаетъ онъ, и всѣ смѣются.

А по рединѣ станціи возвышается витрина, и на витринѣ всевозможныя вещи, вывезенныя съ [illegible] ломъ, куски чернаго хлѣба, чучело бѣлки,

гвозди, гомеопатическая аптечка, китайская ваза, обломки сургуча, бутылка съ надписью: «Уксусъ двойной». И всѣ продолжаютъ смѣяться. Бзинъ смѣется больше всѣхъ и утверждаетъ, что этотъ уксусъ дѣлается у Сухарнаго моста, и фирма «Симъ съ братьями» фальшивая, что это все выдумалъ Туровѣровъ, который давно уже на замѣчаніи у полиціи. Клубный лакей подаетъ кахетинское и говоритъ: «Вотъ бутылочка, оставшаяся отъ потопа. Господинъ Ахлибиновъ называетъ меня хамомъ,—я точно такъ и есть Хамъ, потому эта бутылочка у меня и сохранена».

Потомъ все путается и мѣшается. Оказывается, что Арарата совсѣмъ нѣтъ, что его видитъ только одна madame Пильцъ, да и то потому, что Скрижальцева подарила ей отличныя очки. А вмѣсто Арарата въ Арменіи есть Маточкинъ шаръ. Всѣ географы, начиная съ Реклю, перепутали и Маточкинъ шаръ, и Араратъ, и чортъ знаетъ какихъ насоставили картъ: недаромъ въ послѣднее время такъ много тонетъ кораблей, и особенно броненосцевъ.

Наконецъ, передъ утромъ, сновидѣнія стали спокойнѣе. Ахлибиновъ видѣлъ снѣжное пространство и голосъ, говорящій ему: «ты вернешься съ прибылью». А Туровѣровъ,—тотъ ничего даже не видѣлъ.

ГЛАВА V.

Начало экспедиціи. Печальный эпизодъ съ лимонадъ-газесомъ. Приложеніе закона инерціи на практикѣ.

Туровѣровъ требовалъ необычайной точности и безусловнаго подчиненія его распоряженіямъ. Онъ былъ торжественно-спокоенъ. Ахлибиновъ, напротивъ того, началъ съ утра волноваться, и ко времени отъѣзда волненіе его достигло чрезвычайной степени. Онъ смотрѣлъ на свои часы, на часы кабинета, подходилъ къ окну, смотрѣлъ на огромный циферблатъ, выставленный въ окнѣ часового мастера напротивъ,—и ждалъ съ минуты на минуту пріѣзда Туровѣрова. Наконецъ Туровѣровъ пріѣхалъ—веселый, улыбающійся, въ легкомъ лѣтнемъ пальто нараспашку, новенькомъ сѣренькомъ платьѣ и въ свѣтломъ галстучкѣ. Онъ сдержалъ слово: былъ налегкѣ; съ нимъ не было никакихъ вещей, кромѣ пачки газетъ, которыхъ онъ не успѣлъ прочесть съ утра, и полбутылки коньяку «на случай холеры». Онъ энергично запротестовалъ противъ кожаной сумки, что повѣсилъ на себя Ахлибиновъ, увѣряя, что это только соблазнъ для воровъ и что ее у него отрѣжутъ еще на петербургскомъ вокзалѣ. Но Ахлибиновъ еще энергичнѣе далъ отпоръ, объяснивъ, что онъ будетъ придерживать сумку двумя руками, и что въ ней заключаются зубной порошокъ, полотенце, мыло и го-

ловная щетка. Туровѣровъ былъ побѣжденъ, вспомнивъ, что его дорожный несессеръ втрое болѣе этой сумки.

Но онъ все-таки настоялъ, чтобы пріѣхать на дебаркадеръ только за десять минутъ до отхода поѣзда. Отпуская карету, онъ небрежно сказалъ кучеру: «съ тобою разочтется Аѳиногенъ»,—и медленной, перевалистой походкой, заложивъ руки за спину, направился на платформу. Встрѣчный господинъ, очень сладко улыбавшійся и ведшій подъ руку тощую даму съ родимымъ пятномъ на щекѣ, спросилъ у него, поздоровавшись:

— Провожаете?

Это было верхомъ наслажденія для Туровѣрова. Онъ громко отвѣтилъ, такъ что всѣ проходившіе вокругъ оглянулись:

— Нѣтъ, я ѣду на Араратъ.

Къ сожалѣнію, его лиловые брюки и батистовый галстукъ до такой степени не гармонировали съ почтеннымъ памятникомъ библейской исторіи, что такъ-таки никто и не повѣрилъ ему. Даже дама съ пятномъ отнеслась къ сообщенію настолько равнодушно, какъ будто дѣло шло объ увеселительномъ садѣ въ окрестностяхъ Петербурга. Только когда онъ прибавилъ довольно равнодушно: «Знаете, это за Закавказьемъ, въ Арменіи,—недалеко», только тогда его знакомые испуганно открыли глаза и пожелали ему счастливаго пути.

Выйдя на платформу, онъ небрежно спросилъ у кондуктора: «гдѣ купе Туровѣрова?» и такъ же неторопливо прошелъ по коридорчику до своего помѣщенія. Тамъ уже возился Ахлибиновъ съ Аѳиногеномъ, хотя, кромѣ несессера Игнатія Платоновича, двухъ пледовъ и зеленой книжки путеводителя, въ отдѣленіи ничего не было. Осмотрѣвъ помѣщеніе черезъ двери, Туровѣровъ вышелъ изъ вагона, дошелъ до самаго конца поѣзда, посмотрѣлъ, какъ прицѣпляютъ паровозъ, и, заслышавъ второй звонокъ, возвѣщавшій, что поѣздъ тронется черезъ двѣ минуты, пошелъ назадъ. Но и на обратномъ пути онъ успѣлъ дважды сказать разнымъ знакомымъ, что ѣдетъ на Араратъ. Въ моментъ третьяго звонка, онъ уже стоялъ въ сѣняхъ вагона и говорилъ Аѳиногену:

— Только, пожалуйста, смотри, чтобъ не было пыли, пожалуйста. Пріѣду я внезапно, безъ писемъ, контроль будетъ самый строгій.

А Аѳиногенъ безъ шапки шелъ за тронувшимся тихо поѣздомъ и, кланяясь, приговаривалъ:

— Будьте покойны, Игнатій Платоновичъ, стираніе буду производить каждодневно.

Итакъ, они поѣхали. На лицахъ ихъ плавала блаженная улыбка. Поѣздъ, постукивая колесами, катился черезъ рѣшетчатый мостъ Обводнаго канала. Петербургъ оставался позади, уходя вдаль своими башнями, шпицами и колокольнями. Вокругъ дымились трубы фабрикъ и заводовъ, тем-

нѣли кладбища. Паръ бѣлыми густыми клубами летѣлъ мимо оконъ и то закрывалъ, то открывалъ окружающіе виды.

«На свѣтлый югъ, на яркій югъ,—
Туда мечта меня уноситъ,—
Больное сердце свѣту проситъ,
Забвенья радостнаго мукъ!»

— вдругъ задекламировалъ Туровѣровъ и спросилъ Ахлибинова:

— Ты знаешь, вице-директоръ, чьи эти стихи?

Тотъ подумалъ.

— Тютчева, Фета, Майкова?

— Ошибаешься: мои! Писалъ влюбленнымъ юношей, когда «она» уѣхала отъ меня въ Италію. А какъ оканчивается, вообрази:

«Тамъ вмѣсто звѣздъ, во тьмѣ полночи,
Лучами яркими огней
Горятъ агатовыя очи
Царицы пламенной моей!...»

— Ого, «пламенной царицы»! сказалъ Ахлибиновъ.—Ну, и что же?

— Ничего. Потомъ напечаталъ. Заплатили по семи гривенъ за строку. Не въ томъ дѣло; а вотъ я чувствую, что подъ вліяніемъ путешествія на меня находитъ опять приливъ поэтическаго творчества. Мнѣ все хочется стихи сочинять:

«Тебя, народовъ колыбель,
О, Араратъ широкохолмный...»

П. П. Гнѣдичъ.

Или что-нибудь въ этомъ родѣ. На колыбель— риѳмы: свирѣль, метель, повѣрь...

— А знаешь, весьма возможно, перебилъ его Ахлибиновъ,—что я къ осени буду директоромъ.

— А-а! обрадовался Туровѣровъ.—Что же, у тебя совсѣмъ директорскій видъ. Скажи, а если ты сгруппируешь данныя по своей спеціальностямъ касательно Арарата, быть можетъ, еще что перепадетъ?

Ахлибиновъ многозначительно сжалъ губы и ничего не отвѣтилъ.

— «О, Араратъ широкохолмный!» продолжалъ Туровѣровъ,—«гдѣ стонетъ снѣжная мятель»...

— У меня вотъ списокъ бѣлья и платья, что я взялъ, сказалъ Ахлибиновъ.—Боюсь, не много ли всего?

Онъ протянулъ записку Туровѣрову. Тотъ съ перваго же слова пришелъ въ ярость.

— Какъ! ты галстукъ пишешь черезъ х? Надо к, надо к, надо к! Нѣмецкое Halstuch — ни при чемъ. К переходитъ въ ч, галстучекъ. А если х, то галстушекъ.

— Ладно, читай дальше...

— Пара коломенковая...

Онъ швырнулъ на полъ записку...

— Тебѣ нельзя, нельзя дать мѣста директора! Ты пишешь «коломенка!» Откуда это слово?

— А чортъ его знаетъ!

— Отъ нѣмецкаго Kalamank. Значитъ—кала-

мянка! Нѣтъ, съ тобой рѣшительно невозможно путешествовать.

Онъ вышелъ изъ купе и сталъ смотрѣть въ противоположное окно на югъ, бормоча:

— «На свѣтлый югъ, на яркій югъ...»

Къ Любани они примирились. Мысль о телячьей котлетѣ съ гарниромъ и полубутылкѣ добраго вина соединила ихъ въ одно неразрывное цѣлое. Когда они входили въ залъ, входъ ихъ ознаменовался довольно помпезнымъ событіемъ. На петербургскомъ вокзалѣ Туровѣровъ купилъ бутылку лимонаду и, велѣвъ ее откупорить, опять плотно привернулъ пробку и сунулъ въ карманъ. Въ вагонѣ онъ забылъ ее вынуть; она согрѣлась и теперь, отъ движенія, газы скопились, и пробка съ такимъ трескомъ вылетѣла изъ его кармана, что купчиха, усѣвшаяся за щи, взвизгнула и присѣла. Къ счастью, сладкій фонтанъ обмочилъ только самого Туровѣрова и никакихъ протестовъ со стороны публики не было.

Мадера пріятно настроила друзей. Они возвратились въ вагонъ въ самомъ игривомъ настроеніи духа и рѣшили немедленно ложиться спать. Кондукторъ приподнялъ бархатныя спинки дивановъ, перепрокинулъ сидѣнье, принесъ простынь и подушекъ, взялъ сладкое пальто Туровѣрова для чистки, забралъ ихъ билеты и пожелалъ спокойной ночи.

Оба пріятеля раздѣлись совсѣмъ какъ дома,

покрылись простынями и замерли въ блаженной истомѣ. Уже совсѣмъ засыпая, Туровѣровъ проговорилъ:

— А какъ было бы хорошо, если бъ можно было такъ доѣхать до самаго Арарата.

Подъ утро имъ пришлось убѣдиться на практикѣ, какъ строго соблюдается природой законъ инерціи, о которомъ недаромъ ихъ предупреждали въ гимназіи. Внезапно произошелъ толчокъ. Ахлибиновъ попалъ носомъ въ пространство между стѣной вагона и подушкой, а Туровѣровъ моментально очутился на полу, и даже вмѣстѣ съ подушкой. Поѣздъ тотчасъ остановился. Изъ окна рисовался холмистый пейзажъ Московской губерніи, внизу, у колесъ, бѣгала поѣздная прислуга.

— Очевидно, мы потерпѣли крушеніе, философически замѣтилъ вице-директоръ.

— То-есть ты не потерпѣлъ, сердито отозвался Туровѣровъ,— а вотъ я такъ изрядно треснулся бедромъ.

Вскорѣ явился кондукторъ и объяснилъ, что причиной остановки было любопытство одного пассажира, который, проходя изъ умывальной комнаты коридоромъ, рѣшился испытать, дѣйствуетъ ли автоматическій тормозъ и повернулъ [illegible] ручку, тщательно соблюдая напечатанное на [illegible]тѣ правило: «держать эту ручку до полной [illegible]новки поѣзда». Хотя говорятъ, что любопыт-

ство часто граничитъ съ любознательностью, но этого оберъ-кондукторъ рѣшительно не принялъ во вниманіе и предложилъ виновнику переполоха, немедля по прибытіи въ Москву, пожаловать въ дежурную комнату, гдѣ будетъ съ нимъ поступлено по законамъ. Въ результатѣ явилась остановка въ полѣ на полчаса, такъ какъ снова установить тормоза оказалось дѣломъ довольно кропотливымъ. Но зато поѣхали еще быстрѣе и, судя по точному отношенію между верстовыми столбами и секундной стрѣлкой часовъ Туровѣрова (которые наканунѣ были вытерты нашатырной тряпкой), оказалось, что поѣздъ имѣетъ поступательное движеніе со скоростью почти восьмидесяти верстъ въ часъ.

ГЛАВА VI.

Москвичи, потерявшіе понятіе о масштабѣ. — Начинается чувствоваться Востокъ, по мѣрѣ удаленія отъ Запада.

«Москва! о, сколько въ этомъ звукѣ для сердца русскаго слилось!..» Москва — это Иванъ Великій, царь-пушка, царь-колоколъ, сорокъ-сороковъ! Москва — это видъ съ Воробьевыхъ горъ на Замоскворѣчье; Москва — это эллизіумъ тѣней великихъ актеровъ: Мочалова, Щепкина, Садовскаго, Шумскаго, — и недаромъ она гордится своею драматическою труппою на Ваганьковскомъ

кладбищѣ. Москва — это вмѣстилище картинъ русской школы, которая рано или поздно заявитъ о своемъ существованіи всей Европѣ. Москва — это подовые пироги, солянка, разстегаи, стерляжья ушица, это поросенокъ съ хрѣномъ и сметаною, такой поросенокъ, который можетъ только явиться на московской почвѣ, а петербуржецъ о немъ и мечтать не смѣетъ! Москва — это красныя, лиловыя, оранжевыя и ярко-зеленыя церкви и домá. Москва — это извозчичьи рыдваны, въ которыхъ, несмотря на ихъ внушительность, можетъ помѣститься развѣ болонка, но ужъ никакъ не человѣкъ. Москва — это «Яръ» въ Петровскомъ паркѣ, это торговля въ самомъ центрѣ города вареной печенкой на лоткахъ; Москва — это процвѣтаніе ежедневной прессы, гдѣ газеты издаются заведеніями шипучихъ водъ, погребщиками и торговцами дичью. Москва — это городъ, гдѣ одинъ и тотъ же магазинъ торгуетъ говядиной, кружевами, сапогами, бюстами, кроватями и керосиномъ, и при этомъ еще издаетъ иллюстрированный журналъ. Наконецъ, Москва — это городъ, гдѣ благотворительныя учрежденія получаютъ по шестисотъ тысячъ единовременно отъ «неизвѣстнаго». Вотъ что̀ такое Москва.

Первое впечатлѣніе Москва производитъ ошеломляющее на каждаго смертнаго,— и одинъ москвичъ только не чувствуетъ, въ чемъ кроется [illegible]ренная оригинальность. У Москвы потерянъ

масштабъ. Она не понимаетъ, что такое пространство, что такое величина. Съ дѣтства москвичъ видитъ царь-пушку, Ивана Великаго, съ дѣтства ѣздитъ въ гости къ бабушкѣ, за девятнадцать верстъ, въ Кривой переулокъ,—при чемъ извозчикъ везетъ всю семью около трехъ часовъ времени за двугривенный. Потомъ, возросши, москвичъ уже теряетъ глазомѣръ, и ему кажется чудовищный разстегай отнюдь не чудовищнымъ, а обыкновеннымъ, удобосъѣдаемымъ. Онъ думаетъ, что въ самомъ дѣлѣ можно имѣть улицы, которыя были бы болѣе семи верстъ въ длину и тянулись бы отъ Серпуховской заставы до Тверской, прикрываясь для приличія разными названіями,—Пятницкихъ, Серпуховскихъ, Земляныхъ и т. д. Онъ думаетъ, что можно ѣздить на Нижегородскій вокзалъ, который отстоитъ верстъ на пятнадцать отъ какой-нибудь Малой Грузинской или Сущевки, гдѣ тоже люди живутъ. Когда гдѣ-нибудь въ захолустьѣ жалуются, что отъ нихъ до желѣзной дороги далеко — десять верстъ, всѣ соболѣзнуютъ, а москвичъ — тотъ только бровями поводитъ: прибавить коли, молъ, извозчику пятиалтынный — повезетъ у насъ въ Москвѣ куда хочешь. Есть такой одинъ конецъ: отъ Преображенской заставы на Дѣвичье поле; это пространство, годное для вмѣстимости любого государства древней Эллады, а москвичъ его проѣзжаетъ изъ конца въ конецъ ежедневно, да еще посвистываетъ.

Міросозерцаніе древняго эллина, по увѣренію почтеннаго знатока «античнаго» человѣчества, Ипполита Тэна, отличалось замѣчательной опредѣленностью. Грекъ все окружающее заключалъ въ общепонятные, компактные образы, оттого, что все его государство было компактно, миніатюрно. Москвичъ—антиподъ грека. Грекъ ходилъ въ сандаліяхъ; москвичъ изобрѣлъ сапоги бутылками. Грекъ растворялъ вино «водою трезвой», а москвичъ построилъ необычайное количество водочныхъ заводовъ и сталъ фабриковать «жестокую мадеру», отъ которой любой жрецъ Бахуса моментально былъ бы перевезенъ Харономъ на ту сторону Стикса. Грекъ создалъ пластику; московское ваяніе все сосредоточено на фигурѣ трубача, стоящей надъ Красными воротами,—да и то потому эту фигуру чтутъ, что существуетъ повѣрье, будто бы когда она затрубитъ, то конецъ Москвѣ будетъ. По крайней мѣрѣ, нѣкоторыя старушки по утрамъ ходятъ къ Краснымъ воротамъ на всякій случай послушать: трубитъ трубачъ, или нѣтъ. Больше общественныхъ статуй въ Москвѣ нѣтъ,—ихъ до сихъ поръ зовутъ истуканами и плюются, если гдѣ увидятъ. Словомъ, между эллинами и москвичами ничего нѣтъ общаго, кромѣ развѣ Одиссея, который очень отзываетъ московской пронырливостью, хитростью и вѣчнымъ мошенничествомъ.

За москвича говоритъ его патріотизмъ. Мо-

сквичъ любитъ свою родину и, куда бы ни пріѣхалъ на житье, увѣряетъ, что Москва лучше всего въ мірѣ, хотя отлично уживается всюду: отъ Петербурга до Сахалина включительно. Петербуржецъ, тотъ изъ вѣжливости увѣряетъ, что Москва хорошій городъ, но, живя въ ней, тоскуетъ по родинѣ, какъ обезьяна въ клѣткѣ по тропическому лѣсу, котораго ей не замѣняютъ трапеціи и лѣстницы.

Путешественники наши, прибывъ съ опозданіемъ на двадцать двѣ минуты, были немедленно посажены въ каретку отеля и плотно захлопнуты дверцей. Когда каретка тронулась, имъ показалось, что началось свѣтопреставленіе и гремятъ сразу семьдесятъ тысячъ трубъ архангеловъ. Огромныя колеса прыгали съ такимъ грохотомъ по мостовой, точно катилась цѣлая каменная лавина; внутренность кареты была устроена хитрыми строителями такъ, что служила резонансомъ для этого грохота; аккомпаниментомъ ему служилъ непрерывный звонъ стеколъ въ рамахъ, которыхъ было что-то много, такъ какъ они шли вокругъ всѣхъ стѣнокъ. Если прибавить, что карета ныряла изъ ухаба въ ухабъ, какъ утлый челнокъ, и пріятели поминутно сталкивались другъ съ другомъ, съ вещами и съ потолкомъ,—то получится картина, довольно полно изображающая ту обстановку, которой встрѣтила Москва нашихъ героевъ.

Въ гостиницѣ имъ очень обрадовались. Когда управляющій повелъ ихъ изъ конторы по коридору и сказалъ: «давно не изволили у насъ бывать»,—Ахлибиновъ не вытерпѣлъ и замѣтилъ: «Давненько: лѣтъ пятнадцать, да и то не у васъ останавливался». Номеръ имъ дали престранный: хотя это была одна комната, но какъ-то развѣтвлялась на три части. Впрочемъ, было свѣтло и удобно. Сейчасъ же спросили чая и калача съ масломъ. То и другое моментально явилось на никелированномъ подносѣ, покрытомъ бѣлоснѣжной салфеткой. Калачъ жилъ, дышалъ, его теплая «дужка» (Туровѣровъ кстати замѣтилъ, что москвичи говорятъ и пишутъ «душка», и что Гротъ недостаточно подчеркнулъ это въ своемъ правописаніи), казалось, говорила: «съѣшь меня, съѣшь съ масломъ, миленькій, ну, пожалуйста». Холодный ростбифъ такъ элегантно былъ гарнированъ «ланшпикомъ» и зеленью, что жалко было къ нему притронуться. Туровѣровъ даже по этому поводу замѣтилъ:

— Въ Лондонѣ такъ не подадутъ.

— Да вѣдь ты не былъ въ Лондонѣ, возразилъ Ахлибиновъ.

— Не былъ, но я себѣ представляю.

Затѣмъ они переодѣлись, умылись мытищенской водой, надѣли на себя заново вычищенныя пальто и шляпы и рѣшили итти гулять.

[illegible]ь былъ солнечный, яркій, веселый. По Твер-

ской катились съ шикомъ кривобокіе экипажи. Порой проѣзжала московская «купецкая» закладка, которая стоитъ внѣ конкурса по своей гармоніи. Пролетка низенькая, точно ползетъ на брюхѣ, колеса маленькія, на широкихъ резинахъ стараго образца, зато кучеръ несомнѣнно въ слоновой болѣзни; онъ туго подпоясанъ, такъ что лицо кажется апоплектическимъ. Лошадь огромная, съ неестественно волнистымъ хвостомъ, что придаетъ ей ассирійскій видъ. Путешественники наши съ невольнымъ благоговѣніемъ остановились, глядя на сіи упряжки, – и Туровѣровъ, не выдержавши, сказалъ:

— Востокъ!

Въ самомъ дѣлѣ, они теперь только почувствовали, что попали въ восточный городъ, слегка тронутый западной цивилизаціей. Это ничего, что на углахъ жандармы, а въ театрахъ, говорятъ, хорошо играютъ Шекспира. Вѣдь и въ Петербургѣ есть постоянная французская труппа, однако это не французскій городъ. Вонъ Василій Блаженный вздымается кверху своими луковицами, ананасами, раковинами и тыквами. Это ли не Индія!

Они перешли площадь и остановились передъ этимъ чудовищно-грандіознымъ зданіемъ. Москвичъ опять-таки привыкъ къ «Василью Блаженному», и ему кажется, что такъ и должно быть, чтобы среди чисто индійскихъ формъ архитектуры возвышалась готическая башня. Но самъ,

блаженной памяти, Иванъ Грозный, прозванный, какъ увѣряютъ французскіе историки, за свою жестокость «Васильевичемъ», и тотъ, увидя въ первый разъ это фантастическое строеніе, немедленно распорядился, чтобъ архитектору выкололи глаза на поученіе дальнѣйшимъ поколѣніямъ. Наполеонъ, который смыслилъ въ искусствѣ столько же, сколько смыслитъ патагонецъ во французской литературѣ, принялъ «Блаженнаго» за огромную группу грибовъ и мечталъ, со свойственной великимъ завоевателямъ гуманностью, взорвать его на воздухъ. Но, къ счастію для Ахлибинова и Туровѣрова, это ему не удалось, и они могли теперь созерцать весь ассортиментъ овощей на отдѣльныхъ куполахъ. Къ сожалѣнію, москвичи очень боязливы и не рѣшаются возстановить храмъ въ первобытномъ видѣ: т. е. густо пустить позолоту вперемежку съ красной, синей, желтой и зеленой краской, какъ это было въ «Москвѣ царской». То-то было бы зрѣлище!

Подавленные грандіозностью храма, путешественники прошли въ Кремль и остановились передъ величайшими памятниками старины: пушкой, изъ которой нельзя стрѣлять, и колоколомъ, въ который нельзя звонить. При этомъ Туровѣровъ припомнилъ знаменитые стихи:

«Кто царь-колоколъ подниметъ,
Кто царь-пушку повернетъ»,—

[illegible]тѣмъ по этому поводу:

— Оно, конечно, даже не царь-колоколъ, а и простой колоколъ въ тридцать пудъ никто не подниметъ, и самую маленькую пушку не повернетъ. Но ежели ихъ поднимали и повертывали въ свое время, когда въ Кремль втаскивали, то отчего же ихъ не повернуть и теперь?

И пошли наши друзья по соборамъ и ризницамъ, и пахнуло на нихъ старой, древней Москвой, Москвой важной, величавой, застывшей въ своемъ варварскомъ великолѣпіи. Золото, парча, драгоцѣнные камни волшебнымъ калейдоскопомъ пересыпались передъ ними. Туровѣровъ все щупалъ и нюхалъ, что можно было щупать и нюхать, и все повторялъ: «удивительно! удивительно!..»

Осмотрѣвъ все, до Грановитой палаты включительно, они уже собирались покинуть древности для наполненія желудка «тѣстовскимъ» обѣдомъ, какъ вдругъ Туровѣрову пришла въ голову блистательная мысль:

— Стой! Мы на Араратъ собираемся, а на Иванѣ Великомъ не были. Вѣдь это стыдъ!

Ахлибинову стало стыдно. Они тотчасъ подошли къ этому чисто индійскому минарету и попросили проводить ихъ на самый верхъ. Они вошли и ахнули. Конечно, панорама эта несравненно была интереснѣе, чѣмъ та, которая открывается съ вершины Арарата. «Имъ видѣлась Москва, что муравейникъ, внизу народъ на пло-

щади кишѣлъ...» А вдали, за серебряной лентой рѣки, въ золотомъ туманѣ весенняго дня, искрились, сверкали, пестрѣли, сіяли, переливались и играли купола, колокольни, дома, сады и парки. Гдѣ-то далеко-далеко ползли поѣзда желѣзныхъ дорогъ. Туровѣровъ показалъ пальцемъ на рѣку и сказалъ:

— Вотъ единственная ошибка Лермонтова.

— То-есть какъ? удивился Ахлибиновъ.

— У него въ «Калашниковѣ» бойцы сходятся на Москву-рѣку, на кулачный бой. А надо на «Москва-рѣку». Въ народномъ говорѣ «Москва-рѣка» сливается въ одно слово и измѣняется по падежамъ только во второмъ случаѣ.

Ахлибиновъ, во избѣжаніе непріятностей, постарался запомнить ошибку Лермонтова.

ГЛАВА VII.

Оглушеніе почтенныхъ туристовъ при помощи колокольнаго звона.—Новое открытіе: Иванъ Сусанинъ былъ несомнѣнно польскаго происхожденія,

При спускѣ съ Ивана Великаго внизъ, съ ними случилась маленькая непріятность. По случаю праздника, на колокольнѣ заблаговѣстили къ вечернѣ въ такой колоколъ, что все зданіе пришло въ колыханіе и дрожь. Воздухъ дрожалъ какъ въ лихорадкѣ. Пріятели остановились.

— Что же это? спросилъ вице-директоръ.

Увы! Его возгласа не было слышно. Проводникъ

кричалъ ему что-то на ухо, но барабанная перепонка отказывалась воспринимать какіе бы то ни было звуки. Проводникъ схватилъ ихъ за руки и повлекъ внизъ, туда, откуда шелъ ревъ и звонъ.

Лѣстница была полутемная и тоже тряслась. Гулъ становится все ужаснѣе. Туровѣровъ заткнулъ уши и открылъ ротъ, чтобъ не лопнули перепонки. Еще одинъ поворотъ, и вотъ, внизу, въ отверстіе нижняго яруса, показалось мѣдное тѣло ревущаго чудовища. Грохочущія волны воздуха спирали грудь и дыханіе. Но итти надо. Еще заворотъ. Вотъ они надъ самымъ колоколомъ, вотъ у его края. Весь міръ сосредоточился въ одномъ звукѣ. Сейчасъ надо миновать бортъ и очутиться внизу, подъ самымъ ревуномъ. Что же будетъ тамъ?...

Но проводникъ ихъ тащитъ, и вотъ они нырнули подъ самую пасть великана. Но, къ изумленію ихъ, грохотъ сразу ослабъ здѣсь, подъ этой шапкой. Тѣмъ не менѣе, они уже сами бросились къ выходу и, быстро, насколько возможно прыгая со ступеней, устремились внизъ.

Вотъ они, наконецъ, и внизу. Расплатились съ проводникомъ и, улыбаясь, посмотрѣли другъ на друга.

— Что жъ, теперь къ Тѣстову, или въ Большой Московскій? спросилъ Туровѣровъ.

Ахлибиновъ спрашивалъ, должно быть, то же

самое, но голоса не было слышно. Только открывались и закрывались губы. Очевидно, друзья были оглушены.

Придя въ «Большой Московскій» и занявъ отдѣльный кабинетъ, они повалились на диванъ и только одно могли прошептать:

— Квасу!

Къ шестому блюду московской «образцовой» кухни они нѣсколько очнулись. Впечатлѣнія были ошеломляющія, какъ и обѣдъ, напоминавшій если не лукулловскія, то каннибальскія пиршества. Послѣ гурьевской каши Туровѣровъ спросилъ:

— Каково?

На это Ахлибиновъ только махнулъ рукой.

— Востокъ! подтвердилъ Туровѣровъ.—Пріятно! Сразу погрузились въ объятія Азіи. Я, кажется, отсюда уже вижу и чувствую Араратъ.

Конецъ дня рѣшили посвятить болѣе кроткимъ удовольствіямъ, чтобы очнуться отъ колокольнаго звона. Позвали полового. Ярославецъ явился веселымъ, чистымъ, улыбающимся, въ бѣлоснѣжной рубахѣ и широкихъ бѣлыхъ штанахъ.

— У насъ удовольствій сколько изволите пожелать, объяснилъ онъ.—Теперь садъ открылся «Миѳологія», очень одобряютъ. Потомъ еще есть «Линолеумъ», но это больше для холостыхъ. Ежели въ серьезъ желаете, то есть садъ «Мессопотамія»—это опера-съ, строгая, въ родѣ какъ бы казен[illegible]. Туда болѣе обстоятельные люди ѣздятъ.

Спросили афиши и стали читать. «Мессопотамія», точно, оказалась самой «строгой», ибо на ней почему-то давали «Трубадура». «Линолеума» не оказалось; очевидно, половой спуталъ, а былъ садъ «Эдемъ», гдѣ подвизались жонглеры, эквилибристки и «національная танцовщица на рукахъ». Въ «Миѳологіи» же было что-то неясное: говорилось болѣе про кегельбанъ, бильярды и кухню, чѣмъ про увеселенія. Рѣшились ѣхать въ «Мессопотамію», какъ въ мѣстность наиболѣе приличествующую путешественникамъ на Араратъ.

Вышли изъ трактира и подозвали извозчика. Подъѣхалъ скверный возница на скверныхъ резинахъ и запросилъ почему-то десять рублей, хотя потомъ поѣхалъ за пять. Когда у него спросили, много ли бываетъ люда въ «Мессопотаміи», онъ отвѣтилъ:

— Можно сказать, что страсть даже какъ!

Онъ лихо довезъ ихъ на запаленномъ рысакѣ до заборчика увеселительнаго сада, гдѣ качались заспанные электрическіе фонари, мелькали нарумяненныя женскія щеки и гудѣла праздная толпа какихъ-то модистокъ, одѣтыхъ по послѣдней модѣ, евреевъ, репортеровъ, рецензентовъ, приказчиковъ, француженокъ и чухонокъ. Они вошли въ садъ. Среди чахлой растительности стояли тощія статуи, вазы, гроты изъ известковаго туфа, тиры и кіоски для продажи букетиковъ. Подъ

сили афиши и стали читать. «Ме
очно, оказалась самой «строгой»,
чему-то давали «Трубадура». «Лин
залось; очевидно, половой спуталъ,
Эдемъ», гдѣ подвизались жонглеры
тки и «національная танцовщица

Въ «Миѳологіи» же было что-то
лось болѣе про кегельбанъ, биль
чѣмъ про увеселенія. Рѣшились
ессопотамію», какъ въ мѣстность
риличествующую путешественникамъ
ъ.

ли изъ трактира и подозвали изво
халъ скверный возница на скверныхъ
ь и запросилъ почему-то десять руб
потомъ поѣхалъ за пять. Когда у него
много ли бываетъ люда въ «Мессопотаміи
твѣтилъ:

Можно сказать, что страсть даже какъ!
ь лихо довезъ ихъ на запаленномъ рысак
орчика увеселительнаго сада, гдѣ качали
электрическіе фонари, мелькали нару
щеки и гудѣла праздная толпа.
цветокъ, одѣтыхъ по послѣдней модѣ,
ъ, рецензентовъ, приказчи-
и чухонокъ. Они вошли въ
растительности стояли то-
ты изъ извѣстково туфа,
продажи букетиковъ.

крытымъ навѣсомъ пили чай «семействами» открытой сценѣ, изображавшей горныя верши кувыркались знаменитыя «феи воздуха, с фиды, сестры Шантепа» и вызывали боль одобреніе у нѣкоторой части публики. Несмо на то, что было девять часовъ, опера не на налась.

— Да объявленной оперы и не будетъ, объ нилъ сторожъ.—У насъ теноръ боленъ. А п детъ замѣсто этого «Жизнь за Царя». Опера рошая.

Пріятели согласились, что опера хорошая отправились пить чай. Вмѣсто сестеръ Шант на открытой сценѣ толстый и большой мужч въ мѣдно-красномъ трико и черномъ бархатн жилетѣ поднималъ зубами большого теленка, торый, несмотря на связанныя ноги, энерги протестовалъ противъ такого представленія, х и стоялъ на афишѣ подъ заманчивымъ номер «Мѣстный Милонъ Кротонскій».

— Я тебя долженъ предупредить, внеза вспомнилъ Туровѣровъ,—что какъ только сяд въ вагонъ, такъ начнемъ подготовительныя нятія по восхожденію на Араратъ. У меня библіотека вынута, и мы займемся серьезно. Во мемъ опять отдѣльное купе, и засядемъ.

Ахлибиновъ ничего не отвѣтилъ, отчасти тому, что онъ все еще переваривалъ жирн обѣдъ, а отчасти потому, что энергія его зна

тельно пропала, какъ только онъ тронулся въ путешествіе. Хотя, въ виду предстоящаго трехдневнаго странствованія въ вагонѣ, онъ, пожалуй, радъ былъ заняться и географіей.

За столомъ, рядомъ съ ними, сидѣли какіе-то молодые люди въ цилиндрахъ и котелкахъ. Разговаривали они довольно громко и энергично, употребляя иногда довольно крупныя выраженія.

— Вѣдь за это-съ бьютъ, говорилъ одинъ, постукивая палкой о землю.—Увѣряю васъ: нарветесь какъ-нибудь.

— То-есть, какъ это бьютъ? поинтересовался господинъ съ большими бакенбардами.

— По физіономіи. Вы рискуете многимъ.

Господинъ съ бакенбардами не повѣрилъ и потрясъ отрицательно головой.

— Ну, что вы хвастаете, ввязался въ разговоръ рыжій юноша въ бѣлой пуховой шляпѣ.— Что вы хвастаете! Скажете, что ужъ васъ никогда и не били?

Лакей заявилъ, что опера сейчасъ начнется. Ахлибиновъ съ Туровѣровымъ пошли въ огромный сарай, напоминавшій собою скорѣй кавалерійскій манежъ, чѣмъ театральную залу. На занавѣсѣ были нарисованы амуры со щеками, натертыми свеклой, и большая лира, составленная изъ двухъ роговъ изобилія. Стояла она на пьедесталѣ на берегу озера, гдѣ плавали лебеди, у подножія голубыхъ горъ. На небѣ виднѣлись

зв

плохо закрашенныя буквы, но при нѣкоторомъ напряженіи можно было прочесть наверху:

«Милости просимъ!»

а ниже:

«Ridendo castigant mores».

Очевидно, занавѣсъ прежде висѣлъ въ другомъ театрѣ, гдѣ съ публикой антреприза бесѣдовала при помощи восклицаній и нравоученій. До начала увертюры вышелъ господинъ въ сюртукѣ и черныхъ усахъ и заявилъ съ поклономъ, что, вслѣдствіе нежеланія со стороны Подлещиковой пѣть партію Леоноры и требованія впередъ ста рублей за выходъ, опера «Трубадуръ» итти не можетъ, а пойдетъ четвертый актъ изъ «Жизни за Царя», послѣдняя картина изъ «Евгенія Онѣгина» и потомъ будетъ дивертисментъ. Публика стала шикать, но задніе ряды обрадовались и съ чувствомъ зааплодировали.

Сейчасъ же заиграла увертюра, при чемъ флейта весьма упрямо сбивалась черезъ каждые три такта, почему самымъ слышнымъ инструментомъ оказалась палочка дирижера, игравшая все время по краю пюпитра. Подняли занавѣсъ, и передъ публикой явился голубой лѣсъ съ голубой калиткой. Выбѣжалъ Ваня, оказавшійся несомнѣнно семитическаго происхожденія, несмотря на овчиный тулупъ и большую бобровую шапку; сапоги

у Вани были съ красными отворотами и, очевидно, сдѣланы изъ клеенки. На лбу была густо завитая челка, а по плечамъ шли изъ-подъ шапки длинные локоны, какъ у Леонардо да-Винчи. Ваня пѣлъ съ акцентомъ и одинъ разъ пропѣлъ:

Вы сѣдлайте коней,
Зажигайте огней!...

а потомъ поправился и на второй разъ просилъ народъ:

Вы сѣдлайте коневъ,
Зажигайте огневъ...

Тѣмъ не менѣе, ему поднесли букетъ изъ розъ, и онъ не безъ шика дѣлалъ ручкой въ боковую ложу. Затѣмъ декорацію перемѣнили: то-есть убрали калитку и поставили на полъ бензиновую кухню, которая изображала костеръ. Сусанинъ, къ общему удивленію, оказался чистокровнымъ полякомъ и пѣлъ: «не зȃростетъ дȏчерній слѣдъ къ рȏдимой хатѣ». А поляки, его окружавшіе, напротивъ, очень походили на добродушныхъ костромичей и требованія къ нему предъявляли въ самой кроткой формѣ. Только когда уже въ концѣ акта, волей-неволей, пришлось его убивать, они стали щелкать саблями надъ его головой, не отводя, впрочемъ, глазъ отъ суфлера. Сусанина тоже весьма усердно вызывали, и фамилія его оказалась Харкевичъ.

Путешественники вышли въ садъ. Совсѣмъ стемнѣло, и между кустовъ били самосвѣтящіеся фонтаны. Они опять сѣли на свое мѣсто подъ навѣсъ и услышали, что споръ между цилиндрами и котелками все еще продолжается.

— Вы меня не посмѣете ударить! утверждалъ господинъ съ бакенбардами.

— Нѣтъ, посмѣю, увѣрялъ котелокъ.

— Господа, только не здѣсь, благоразумно останавливала пуховая шляпа. — Выйдемте на площадь и тамъ. Здѣсь нехорошо, слишкомъ гласно.

— Я не боюсь гласности. Вотъ сидятъ два незнакомца. Хотите, я приглашу ихъ въ благородные свидѣтели?...

Ахлибиновъ даже поблѣднѣлъ, такъ какъ указаніе это относилось къ нимъ. Онъ быстро всталъ и, застегивая пальто, проговорилъ:

— Извините, намъ некогда: мы ѣдемъ съ научной цѣлью на Араратъ и оставаться для судоразбирательства не будемъ.

— И чортъ съ ними! утѣшилась пуховая шляпа.—Вотъ недоставало еще — путать постороннихъ; сами разберемся.

А путешественники, торопливо расплатившись, еще болѣе торопливо направились къ выходу.

ГЛАВА VIII.

Новое дѣйствующее лицо, которому суждено играть значительную роль въ печальномъ концѣ экспедиціи.

Рѣшили закончить день приличной солянкой и съѣсть ее дома. Рѣшили также не засиживаться въ Москвѣ, а завтра же двинуться дальше. Возвратившись въ гостиницу, позвали слугу, распорядились ужиномъ и каретой на завтрашній день. Проходившій въ это время по коридору господинъ лѣтъ подъ сорокъ, съ бѣлокурыми кавалерійскими усами, но въ статскомъ платьѣ, внезапно остановился у двери.

— Pardon, заговорилъ онъ, и въ голосѣ его послышались одновременно и флейта, и фортепіано.—Вы, кажется, изволите говорить о рязанскомъ вокзалѣ? О завтрашнемъ полуденномъ поѣздѣ? Такъ мнѣ, любезный, тоже чтобъ была карета,—я тоже по тому направленію.

Онъ приподнялъ шляпу и слегка притопнулъ ногой.

— Позвольте рекомендоваться — Больдераевъ, дворянинъ.—Куда изволите ѣхать?

— На Араратъ, несмѣло отвѣтилъ Туровѣровъ.

Больдераевъ протянулъ руку.

— Очень пріятно: попутчики. На Араратѣ былъ много разъ, могу быть полезенъ.

Этого наши путешественники никакъ не ожидали. Все, что они только могли проговорить на

такое сообщеніе,—это: «въ такомъ случаѣ, б
любезны войти».

Больдераевъ вошелъ, повѣсилъ на вѣш
пальто и шляпу, еще разъ пожалъ руки и
въ кресло. На немъ былъ черный, наглух
стегнутый сюртукъ, изъ-подъ котораго видн
бѣлоснѣжный жилетъ и алый галстукъ, зат
тый булавкой не съ кошачьимъ, а прямо-
съ тигровымъ глазомъ; да, пожалуй, и для т
онъ былъ великоватъ...

— Отъ Географическаго общества изво
быть посланы? освѣдомился онъ.

— Нѣтъ, мы аматеры-туристы, мягко з
тилъ Туровѣровъ.

— Слѣдовательно, свободны, какъ вѣтеръ?
десно! Чѣмъ могу быть полезенъ? Я ѣду въ
флисъ.

— Прекрасно. Мы вѣдь тоже должны ѣ
на Тифлисъ.

— Въ которомъ классѣ изволите слѣдова

Туровѣровъ отвѣтилъ, что въ первомъ.

Больдераевъ повелъ усомъ.

— Никогда! сказалъ онъ, сдѣлавъ мя
жестъ отрицанія въ воздухѣ.—Принципіальн
никогда. Иначе какъ въ третьемъ не ѣзжу.

— Но тамъ дерево, мужичье, удивился А
биновъ.

— Дерево, да. Но что дерево, когда мнѣ
время похода приходилось спать чуть ли н

пороховыхъ ящикахъ! Что же касается мужичья, то я ищу сближенія съ народомъ. Я люблю его.

Противъ такой любви нельзя было возражать. Туровѣровъ несмѣло напомнилъ:

— Вы, кажется, замѣтили, что бывали на Араратѣ?

Больдераевъ взглянулъ на него вопросительно.

— Въ вашемъ голосѣ я чувствую нѣкоторую ноту удивленія. Такъ ли это?

— Такъ, принужденъ былъ подтвердить Туровѣровъ.

— Что же васъ удивляетъ? Нѣтъ ничего легче подъема на Араратъ. Берутъ лошадей и ѣдутъ наверхъ до снѣговой черты. Затѣмъ надѣваютъ лыжи, самоѣдскіе костюмы и идутъ дальше. Идутъ вереницей, связавши себя канатомъ; когда одинъ проваливается въ пропасть, другіе его вытаскиваютъ за веревку. Спятъ, зарывшись въ снѣгъ. Такимъ образомъ доходятъ до вершины. Впрочемъ, лично я никогда до самаго верха не доходилъ. Какой интересъ?

— А остатки Ноева ковчега? Помилуйте!

— Меня археологія не интересуетъ. Наши топографы говорили, что видѣли не только остатки ковчега, но и жертвенникъ Ноевъ. Они приносили обугленныя кедровыя дрова, но я мало всѣмъ этимъ интересовался.

— Это странно, что вы не интересуетесь, ва-

говорилъ Ахлибиновъ. — Вѣдь это колыбель человѣчества.

— Прекрасно, но если даже это колыбель, возразилъ гость,—то въ этой колыбели, кромѣ снѣга и бревенъ, ничего нѣтъ.

— Зачѣмъ же вы тогда воздымались?

— За компанію. Играли въ винтъ въ снѣжныхъ шалашахъ. Было премило. Былъ, всенечно, съ собою коньякъ...

— Вы не отужинаете ли съ нами? предложилъ Туровѣровъ.

— Почту за честь.

Ахлибиновъ распорядился прибавить еще одну порцію къ солянкѣ. Туровѣровъ освѣдомился объ имени и отчествѣ гостя, и узналъ, что онъ Антонъ Ивановичъ.

— Меня удивляетъ, Антонъ Ивановичъ, заговорилъ онъ,—что о вашихъ многочисленныхъ восхожденіяхъ на Араратъ ни слова не писалось въ газетахъ. Согласитесь, это довольно странно... Вѣдь мы знаемъ, что туда восходили Перротъ, Энгельгардтъ, Обовьянцъ, Автономовъ, Ханыковъ, студентъ Марковъ... Но мы рѣшительно не знаемъ, вы насъ извините, чтобы восходили вы и ваши товарищи.

— Боже мой! удивился, въ свою очередь, пожимая плечами, Антонъ Ивановичъ.—Все дѣло въ томъ, что мы дѣйствовали безъ рекламы. [...]лялись: взяли и вошли наверхъ. Повто-

ряю вамъ, это прогулка... Мы и на Эльборусъ ходили...

— На самый верхъ?

— На самый верхъ. Туда я ужъ самъ ходилъ, лично. На Эльборусъ легче, чѣмъ на Араратъ. Мною тамъ и памятникъ поставленъ: три бутылки изъ-подъ кахетинскаго и флагъ. Въ бутылкѣ записка: «Отъ сего такого-то іюля, по сему моему документу явствуетъ», и т. д. Конечно, послѣдующія экспедиціи скрыли находку этой бутылки и оставили свои реликвіи. Я, напримѣръ, утверждаю, что Эльборусъ имѣетъ вышину свыше 19 тысячъ футовъ, но этому не вѣрятъ. Я говорю, что, согласно моимъ самымъ точнымъ измѣреніямъ, высота его 19,003 фута. Правда, немного выше 19 тысячъ, но все же выше.

— Отчего же не сдѣлали вы сообщенія Географическому обществу? полюбопытствовалъ Ахлибиновъ.

— Зачѣмъ? Реклама? Почетное званіе? Я выше этого, мнѣ этого не надо! Къ чему? Я одинокъ, холостъ. Я доволенъ тѣмъ, что знаю, что въ Эльборусѣ 19,003 фута, — и больше мнѣ ничего не надо. Я, напримѣръ, лѣчу отъ укушенія фалангой. Меня все Закавказье знаетъ. Скорпіонъ меня не жалитъ, онъ никогда ко мнѣ не прикасается, бѣжитъ отъ меня.

— Однако, позвольте, замѣтилъ Туровѣровъ, — отчего же отъ васъ бѣжитъ скорпіонъ?

— А отчего онъ бѣжитъ отъ барана? Бара... его преспокойно кушаетъ. Отчего скорпіонъ н... когда не ужалитъ его въ языкъ или губу?

— Очевидно—запахъ.

— Ну, это еще не очевидно.

Подали жидкую солянку—янтарную, густ... Антонъ Ивановичъ отъ водки отказался, с... завъ, что ничего никогда не пьетъ. Но рю... мадеры онъ все-таки выпилъ. Ахлибиновъ сп... силъ, хорошій ли городъ Тифлисъ?

— Чудесный городъ, отозвался Больдераевъ. Во-первыхъ, музыкальный городъ, — все вре... поютъ и играютъ. Вездѣ конки. Гостиницы п... восходныя. Вина кахетинскія «отъ помѣщиковъ»... удивительныя. Бани восточныя, понимаете, н... стоящія, горячія. Шашлыкъ поразительны... Только жарко лѣтомъ: 59 по Реомюру.

— 59! не выдержалъ Туровѣровъ.

— Каково? 59, чаще — 58! Яйца въ песо... если положить — пекутся. Лошади отъ апоп... ксіи гибнутъ. Ночью 30 градусовъ при лунѣ! Лу... грѣетъ! А въ горныхъ источникахъ тутъ же, ... домъ, вода на нулѣ—мерзнетъ по краямъ. Ка... сады! Какіе тополя! Благоуханіе одуряющее. Ес... отворить окно въ садъ и гроздья цвѣтовъ по... дутъ въ окно, — къ утру находятъ всѣхъ сп... щихъ въ комнатѣ бездыханными. То-есть и... оттираютъ нашатырнымъ спиртомъ со льдомъ... къ жизни возвращаютъ; совершенно подобіе отр...

вленія угаромъ. Чрезвычайно помогаетъ тоже кахетинское со льдомъ натощакъ.

— Скажите, а въ общемъ теперь безопасно ѣздить по Кавказу? Нападеній не бываетъ? освѣдомился Ахлибиновъ.

— Совершенно безопасно! успокоилъ его Антонъ Ивановичъ. — Конечно, не надо брать съ собой дорогихъ вещей и денегъ. Вотъ, посмотрите мои часы.

Антонъ Ивановичъ вытащилъ изъ жилетнаго кармана огромную луковицу, повидимому, сдѣланную изъ желѣза, которой можно было бы перебить цѣлую банду разбойниковъ.

— Затѣмъ, купите хорошее дальнобойное ружье, продолжалъ онъ,—парочку револьверовъ на каждаго, ну, кинжалъ, пожалуй, и вы совершенно можете быть спокойными. Не могу только не сказать, что, несмотря на сравнительную безопасность, Кавказъ еще не покорёнъ до сихъ поръ.

Опять-таки это было настолько неожиданно, что путешественники открыли рты и глаза при такомъ сообщеніи.

— Не покорёнъ, продолжалъ Больдераевъ.— Аулы нельзя покорить по очень понятной причинѣ. Вообразите, что между даннымъ ауломъ и остальнымъ міромъ — какъ путь сообщенія— тропинка. Пройти по ней нельзя, до того узка. Можно только проѣхать. Кабардинка съ двумя всадниками пройдетъ, человѣкъ—нѣтъ. Есть мѣ-

ста, гдѣ лошадь садится, какъ собака, на зад
ноги и съѣзжаетъ по наклонной плоскости вни
на разстояніи полутора географическихъ ми
Есть мѣста — одна жердочка черезъ пѣнный
допадъ, который клокочетъ гдѣ-то тамъ, вни
вы только слышите его шумъ, но не вид
даже. И по этой жердочкѣ идетъ лошадь! Д
того, чтобы ступить, она должна описывать од
ногой полукругъ около другой. И такъ сто верс
Съ одной стороны—стѣна въ десять тысячъ ф
товъ, съ другой стороны — пропасть въ дес
тысячъ футовъ. Узкій карнизъ, и больше н
чего. Спрашивается, если покорять аулъ,—ка
провести артиллерію? Немыслимо! Однимъ с
вомъ, всѣ центральные аулы, заключенные
горахъ, покорены никогда не будутъ. Правда,
насъ былъ канониръ Горшкотрясовъ! Онъ по
валъ интересный проектъ: подняться на аэ
статахъ и сыпать на аулы мышьякомъ и фра
цузской зеленью, пока не сдадутся. Но, конеч
этотъ проектъ безчеловѣчный, и оставленъ бе
послѣдствій.

Онъ затянулся изъ своего мундштука, глаза е
блеснули, онъ какъ будто не рѣшался сразу чего-
сказать; затѣмъ вдругъ протянулъ руки пріят
лямъ.

— Я вижу ваше расположеніе ко мнѣ, гл
голосомъ заговорилъ онъ, хотя никто е
наго расположенія не выказывалъ.—И п

тому я рѣшаюсь вамъ сообщить мои сокровенные планы. Я объясню вамъ мою причину пребыванія на Кавказѣ. Я хочу...

Онъ остановился, голосъ его сталъ еще глуше, но съ оттѣнкомъ нѣкоторой торжественности...

— Я хочу открыть вѣковѣчную тайну Кавказа, скрытую ото всѣхъ. Вы знаете, что весь Кавказъ залитъ серебромъ. Уздечка, сѣдло, застежки на каждой буркѣ, кинжалы, газыри, пояса, все это—серебро, серебро, серебро! Каждый джигитъ, каждый абрекъ въ серебрѣ. Количество серебра, носимаго на Кавказѣ, милліоны пудовъ!

— Милліоны! воскликнулъ Туровѣровъ.

— Навѣрно не знаю, не вѣшалъ, поправился Больдераевъ.—Но вопросъ: откуда же это серебро? Изъ Россіи? Нѣтъ! Оно дешевле на Кавказѣ, чѣмъ у насъ. Изъ Азіи? Нѣтъ! Мы знаемъ, что Кавказскія горы даютъ серебро, знаемъ—гдѣ, но все это жалкія, маленькія розсыпи. Гдѣ же эти жилы? Въ какомъ мѣстѣ схоронены онѣ? Вотъ задача моей жизни: найти ихъ! Этимъ я облагодѣтельствую родину, сдерну покрывало таинственности съ кавказской Изиды! Но вы даете слово—никому, никогда...

Пріятели поклялись. Долго еще сидѣлъ Антонъ Ивановичъ и разсказывалъ чудеса храбрости, которыя ему довелось проявить при осадѣ Баязета. Наконецъ, всѣмъ захотѣлось спать, всѣ разошлись, огни погасли.

ГЛАВА X.

На свѣтлый югъ.

На слѣдующій день, къ полудню, та ж
мыхающая карета свезла ихъ на вокзалъ.
дераевъ далеко не былъ такъ торжествен
сосредоточенъ, какъ вчера, а, напротивъ
оживленъ былъ чрезвычайно. Ахлибинову
показалось, что отъ него пахнетъ водк
только воспоминаніе о томъ, что онъ «не п
остановило его въ его подозрѣніи.

Больдераевъ оказался пріятелемъ съ на
никомъ станціи, сѣдымъ, очень почтенны
ловѣкомъ. Онъ похлопалъ его по животу
спинѣ и сказалъ ему:

— Ты ужъ, mon cher, пожалуйста, потр
доставить спеціальное отдѣленіе для зна
тыхъ путешественниковъ. Имъ надо разл
географическія карты и прочее. Имъ нужн
бода.

Начальникъ станціи, дѣйствительно, далъ
большое купе, гдѣ они расположились какъ
Согласно предложенію Больдераева, они «заб
о крахмальныхъ рубашкахъ и ѣхали въ «д
ныхъ», цвѣтныхъ. На одной, у Туровѣров
сунокъ изображалъ пистолеты съ поднятыми
ками, а на другой, у Ахлибинова, кружо
червячковъ, что-то въ родѣ «глазокъ и ла
...ріятной во всѣхъ отношеніяхъ. Н

того, пріятели были въ туфелькахъ, легкихъ чесун-чевыхъ парахъ и соломенныхъ шляпахъ. Костюмъ этотъ не вполнѣ подходилъ къ ихъ возрасту, но зато, очевидно, былъ весьма раціоналенъ.

Путешественники находились въ самомъ пріятномъ настроеніи духа. Предчувствіе неизвѣданныхъ красотъ горы Арарата наполняло ихъ души неизъяснимымъ трепетомъ. Удобства путешествія приводили въ восторгъ Туровѣрова. Имъ не жалко было Москвы, не жалко вчерашняго дня, обильнаго приключеніями.

Больдераевъ, согласно своему принципу, помѣстился въ третьемъ классѣ. Ахлибиновъ, усталый отъ возни съ укладкой, растянулся во весь ростъ на диванѣ; но въ самый моментъ отхода поѣзда произошло слѣдующее обстоятельство.

Дверь купе отворилась, и на порогѣ показалась маленькая стройная женская фигурка. Ахлибиновъ быстро спустилъ ноги на коверъ и поправилъ растрепавшіеся волосы. Фигурка переступила порогъ, улыбнулась зелеными глазками, сказала: «pardon, messieurs», и скромно присѣла въ уголъ дивана.

Путешественники переглянулись. Съ одной стороны, это было ударомъ для ихъ спокойствія и комфорта. Съ другой — барышня была прехорошенькая. Талія у нея была узенькая, какъ у муравья, и легкое батистовое платьице такъ и облѣпляло ея бюстъ и ручки, — безъ складки и

...губки. Нѣс
ея шляпа невѣроят
четверть всего вид
казалось, что голов
огромной пещеры.

Поѣздъ тронулся.
стегнулъ доверха сво
Туровѣрову пришла м
ную комнату и снова
ноги. Для этого онъ
душку дивана и сталъ
чемоданъ. Когда онъ уж
то сообразилъ, что тепе
мѣтила, что онъ въ туф
кахъ. Мысль эта застави
только покраснѣть, но,
данъ былъ вытащенъ
нут...

— Боже мой, вы не ушиблись?

Туровѣровъ, красный и мокрый, барахтался, бормоча какое-то извиненіе, затѣмъ всталъ и посмотрѣлъ на лица спутниковъ. Ахлибиновъ имѣлъ лицо суровое, жесткое и, очевидно, негодовалъ на пріятеля. Барышня же скоро успокоилась и вдругъ начала хохотать, тряся перомъ на шляпѣ.

Затѣмъ всѣ умолкли. Барышня вынула изъ плюшеваго мѣшечка крохотную записную книжку и стала что-то записывать. Туровѣровъ всетаки отправился въ уборную и надѣлъ пунцовый галстукъ. У него осталась кокетливость стараго холостяка, что встрѣчается гораздо рѣже у женатыхъ людей его возраста. Смотрясь въ зеркало, онъ даже возымѣлъ желаніе побриться, но это оказалось рѣшительно невозможнымъ при толчкахъ и качаньяхъ вагона. Онъ только пошлепалъ себя по подбородку и замѣтилъ:

— Что же ты въ Москвѣ-то думалъ? Третій день небритый!

Красный цвѣтъ галстука не укрылся отъ вниманія барышни, и она привѣтливо ему улыбнулась. Туровѣровъ порылся въ чемоданѣ, предательски свалившемся на колѣни Ахлибинову, вытащилъ огромную карту Закавказья и возможно удобнѣе разложилъ по всему купе.

— Что же, начнемъ? сказалъ онъ.

Ахлибиновъ все хмурился и ничего не отвѣ-

тилъ. Барышня съ любопытствомъ вытянула шейку и стала удивительно похожа на кошку, которая смотритъ на остывающее молоко. Туровѣровъ мимоходомъ скользнулъ по ней взглядомъ и началъ говорить:

— Высшей точкой той части горъ, черезъ которую пролегаетъ перевалъ, надо считать Казбекъ. Послѣ спуска въ Млетахъ, дорога уже пойдетъ только горными отрогами... Вплоть до Арарата сплошная степь. Но такъ ли это?

— Должно быть, такъ, коли напечатано, пробурлилъ Ахлибиновъ.

— Ну-съ, переходя къ самому Арарату, продолжалъ Туровѣровъ, увлекаемый старой привычкой читать лекціи,—мы, я полагаю, должны остановиться первымъ дѣломъ на происхожденіи ковчега. Другими словами, намъ надо начать съ Ноя...

Спутница фыркнула, но потомъ кашлянула, чтобы показать, что это не былъ смѣхъ, а судорожный кашель.

— Или, вѣрнѣе, съ Ноага, продолжалъ Туровѣровъ,—ибо по древне-еврейски слѣдуетъ произноситъ Ноагъ.

Онъ открылъ книгу съ еврейскимъ и параллельнымъ русскимъ текстомъ и сталъ читать.

— У Ноага было три сына... Шемъ, Гамъ и Яфеѳъ...

— Кто былъ ихъ отецъ? какъ бы про себя спросила барышня.

Туровѣровъ покрутилъ головой и продолжалъ чтеніе.

— «...Сдѣлай себѣ ковчегъ изъ игольчатаго дерева», продолжалъ онъ чтеніе: «съ гнѣздами сдѣлай ковчегъ; и покроешь ты его внутри и извнѣ смолою. И вотъ какъ ты сдѣлай его: триста аршинъ—длина ковчега... (то-есть это — сто саженъ, пятая часть версты!) пятьдесятъ аршинъ—ширина его и тридцать аршинъ—высота. Окно ты придѣлаешь къ ковчегу, до аршина въ размѣрѣ, сверху, а дверь ковчега помѣстишь сбоку; съ нижними, средними и третьими ярусами ты сдѣлаешь его...» Такимъ образомъ, получается колоссальное сооруженіе, которое было сдѣлано не изъ одного дерева, разумѣется, а и изъ металлическихъ скрѣпъ и болтовъ. Вотъ на это послѣднее я и разсчитываю.

Барышня стала очень серьезна: ее интересовало, почему этотъ толстый и бритый господинъ разсчитывалъ на болты.

— Весьма возможно, продолжалъ онъ, — что какъ бы ни было прочно это игольчатое дерево, но оно не выдержало тысячелѣтій и развалилось, хотя холода на вершинѣ горы могли его предохранить отъ гніенія. Но металлическія части, хотя бы даже перержавленныя, должны сохраниться несомнѣнно.

Ахлибиновъ согласился съ этимъ доводомъ. Согласилась, повидимому, и барышня.

Туровѣровъ забралъ воздуха и началъ чит
Тору.

— «...Въ шестидесятый годъ жизни Ноага
второй мѣсяцъ, въ семнадцатый день мѣся
въ этотъ день разверзлись всѣ источники ве
кой бездны, и трубы воздушныя открылись...

Барышня выразила на лицѣ томленіе. Опи
ніе потопа было слишкомъ скучно. Ей тол
понравилось одно выраженіе:

«Всѣ, въ чьихъ ноздряхъ дыханіе духа
вого, изъ всего, что на сушѣ, вымерли...»

Поѣздъ въ это время стоялъ на станціи. Ах
биновъ высунулся въ окно и сказалъ.

— Посмотри, какая странность:—вчера Бо
дераевъ говорилъ, что ничего не пьетъ, а
перь...

Туровѣровъ тоже выглянулъ. У открытаго
фета стоялъ Больдераевъ и пилъ водку; нос
щеки у него были одного цвѣта съ красно
тыми усами, только бѣлки сверкали.

— А! Каково ѣдете? закричалъ онъ, уви
ихъ въ окнѣ.—Удобно ли? Погодите, я приду
вамъ.

И дѣйствительно, тотчасъ же на порогѣ
гона показался онъ съ кускомъ бѣлаго хлѣ
на которомъ лежала безголовая килька, печалн
свѣсивъ свой мертвый хвостикъ. Обведя глаза
купе, онъ остановился на дѣвицѣ и вырази
изумленіе.

— Pardon! Далеко изволите ѣхать? спросилъ онъ.

Дѣвица испугалась и прошептала:

— До Рязани!

— Чудесно! Значитъ, она васъ не обезпокоитъ! Къ пяти часамъ уйдетъ. Одобряю, сударыня, ваше намѣреніе.

Въ это время зазвонилъ сигнальный колоколъ, и Антонъ Ивановичъ, сказавъ: «au revoir», исчезъ, оставивъ послѣ себя запахъ ревельской кильки.

Но тутъ произошло совершенно неожиданное и очень странное происшествіе: дѣвица внезапно разразилась неудержимыми рыданіями.

— За что такія оскорбленія? За что? спрашивала она сквозь слезы.—Чѣмъ я подала поводъ? Онъ видитъ, что я беззащитная дѣвушка, и вотъ рѣшился. И вы, мужчины, не заступились за меня.

Пріятели растерялись. Шляпка съ перомъ судорожно колыхалась, плечи ея вздрагивали, слезы крупными жемчужинами катились по щекамъ.

— За что? За что? повторяла она.

ГЛАВА X.

Вольдемаръ и Ольга.

Верстъ черезъ пятнадцать ее удалось утѣшить. Картина перемѣнилась. Туровѣровъ сидѣлъ возлѣ нея и машинально гладилъ ея руку сквозь перчатку. Ахлибиновъ сидѣлъ напротивъ и махалъ

на нее платкомъ. Вѣки ея были напухши отъ слезъ, даже носикъ покраснѣлъ. Она успѣла сообщить во время истерики, что ея мамаша—генеральша и что папаша умеръ; что если бы папаша былъ живъ, такъ, конечно, никто бы тогда не осмѣлился. А теперь она беззащитна, и съ ней всякій нахалъ можетъ сдѣлать что угодно...

— Онъ извинится! Клянусь вамъ, онъ извинится! говорилъ Туровѣровъ, все поглаживая ея перчатку.—Я его приведу, и онъ извинится.

— Нѣтъ, мнѣ не надо его извиненій, всхлипывая, продолжала она. — Мнѣ нужно только, чтобъ вы оградили меня отъ дальнѣйшихъ непріятностей.

Товарищи обѣщали, что будутъ защищать ее до послѣдней капли крови. Она улыбнулась. Ахлибиновъ досталъ чистое полотенце, Туровѣровъ намочилъ его одеколономъ и предложилъ дѣвицѣ вытереть лицо. Она вытерла и повторила:

— Нѣтъ, это было ужасно!

Карта Кавказа лежала на полу. «Тора», придавивъ и смявъ ее, лежала тамъ же. Красный галстукъ Туровѣрова съѣхалъ на сторону, — но ни на одну изъ этихъ мелочей никто не обращалъ вниманія. Все было поглощено красными глазками дѣвицы, и Туровѣровъ не разъ даже восклицалъ:

— Господи, совсѣмъ какъ у кролика!

Мало-по-малу дѣвица стала разговорчивѣе. Она сообщила, что ѣздила къ теткѣ въ Москву по спѣшному дѣлу, что она... (тутъ ея глазки внезапно потупились) выходитъ замужъ. И столько хлопотъ, столько хлопотъ, что они и представить себѣ не могутъ.

Дверь ихъ купе была открыта, такъ какъ при закрытыхъ дверяхъ было душно. Вдругъ на свѣтломъ фонѣ окна показалась темная фигура. Это былъ маленькаго роста, очень худенькій, но удивительно мрачный молодой человѣкъ. Изъ-подъ пенснэ смотрѣли близорукіе глазки подозрительно и сурово. Впалыя щеки, крохотный носикъ и жесткіе рѣдкіе усики придавали его фигурѣ большое сходство съ «пшютами», которыхъ такъ хорошо изображалъ покойный Гревэнъ. И одѣтъ онъ былъ какъ «пшютъ», въ безукоризненномъ пальто и сѣрой, низкой, по модѣ, шляпѣ. При видѣ дѣвицы онъ взялся за косякъ двери.

— Ольга, ты! воскликнулъ онъ.

«Женихъ!» подумали разомъ и Ахлибиновъ, и Туровѣровъ.

Ольга какъ-то пискнула и съежилась.

— Боже мой! задыхаясь, заговорилъ онъ,—я ищу тебя по всему поѣзду. Отчего ты не воротилась вчера? Случилось что?..

Онъ повелъ глазами подозрительно на обоихъ спутниковъ и, замѣтивъ, что Туровѣровъ сидитъ

въ упоръ, бокъ-о-бокъ съ барышней, вдругъ взвизгнулъ:

— Какъ вы смѣете сидѣть такъ близко? Кто вамъ далъ право?

— Voldemar! Voldemar! умоляюще складывая руки, заговорила барышня.

— И какъ же вы, какъ же ты... Какъ ты самъ позволяешь?.. Я съ вами буду объясняться, милостивый государь.

Онъ опустился на диванъ и вызывающе посмотрѣлъ на Туровѣрова.

Туровѣровъ, не спѣша, отодвинулся и, обратившись къ барышнѣ, спросилъ:

— Это что же такое?

Вольдемаръ такъ и подскочилъ на диванѣ.

— Я не «это!» Почему вы думаете, что я «это»? Какъ вы смѣете?..

Тогда Ахлибиновъ поднялся во весь свой безконечный ростъ.

— Молодой человѣкъ, заговорилъ онъ,—васъ проситъ пассажиръ этого купе, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ахлибиновъ, выйти вонъ. Идите!..

— Вонъ? опѣшилъ Вольдемаръ.—А вы... вы... по какому вѣдомству?..

— Не ваше дѣло. Идите. Если мы m-lle Olga приняли въ наше купе, то потому, что хотѣли защитить бѣдную дѣвушку отъ... отъ разныхъ случайностей. Знакомство ваше съ ней...

— Но позвольте...

— Не позволю. Ближайшія родственныя отношенія не даютъ вамъ права на посяганія нашей свободы. Не даютъ! Мы вольны въ нашихъ поступкахъ. Мы сидимъ здѣсь, охраняя хрупкое существо. И вдругъ вы врываетесь сюда... Чортъ возьми!

M-lle Olga немедленно впала въ истерику.

— Ольга, Ольга, что съ тобою! завопилъ молодой человѣкъ и моментально вытащилъ изъ кармана флаконъ съ какой-то солью. — Нюхай, Ольга, нюхай!

Но Ольга отталкивала флаконъ и, всхлипывая, говорила:

— Папа умеръ,—папа умеръ,—и вотъ мы беззащитны!

Вольдемаръ схватился за голову. Губы его затряслись, руки дрожали.

— Я готовъ принести извиненіе, заговорилъ онъ. — Аффектъ! Это не только аффектъ — это атавизмъ. Мой дѣдушка въ припадкѣ аффекта совершилъ нѣчто такое, за что былъ Аракчеевымъ высланъ изъ Петербурга и сдѣланъ помощникомъ управляющаго военными поселеніями. Атавизмъ! Что же дѣлать! Приношу усердное извиненіе...

Онъ обратился къ Ольгѣ.

— Но какъ же ты не дала мнѣ телеграммы? Не молилъ развѣ я тебя объ этомъ? Что я передумалъ за эту ужасную ночь? Вѣдь я бѣгалъ

по степямъ и призывалъ Провидѣніе въ свидѣтели моего ужаса!..

— А вѣдь это онъ изъ Марлинскаго! тихо сказалъ Туровѣровъ Ахлибинову.—Амалатъ-Бекъ форменный.

Истерика у дѣвушки вдругъ прекратилась.

— У васъ вѣчная манера, заговорила она,— дѣлать сцены на людяхъ. Неужели вы не можете сдержаться и не подпадать вліянію вашего атавизма? Что вашъ дѣдушка былъ аракчеевецъ, то мнѣ до этого нѣтъ никакого дѣла.

— Но, Ольга, я беру билетъ на четвертый поѣздъ, чтобы уловить тебя, я трачу состояніе!

— Это мескинно съ вашей стороны говорить объ этомъ!

— Почему же мескинно?

— Позвольте! запротестовалъ Туровѣровъ,— зачѣмъ же вы наступаете на мою карту Кавказа?.. У васъ нечисты каблуки... Вы какъ разъ на Черномъ морѣ оставили слѣды...

— Виноватъ... Но согласитесь, потерять довѣріе... Пухомъ разлетѣлись самыя цвѣтущія надежды...

Амалатъ-Бекъ упалъ на колѣни, не жалѣя своихъ свѣтлыхъ панталонъ, и приникъ устами къ перчаткамъ Ольги.

— Ольга, говорилъ онъ, — мы оба виноваты, сознайся. Если я раздерганный нервами интеллигентъ, то и ты раздерганная нервами интелли-

гентка. Вспомни, не ты ли распространяла по Рязани слухи о томъ, что я способенъ на преступленіе, и когда зарѣзали семью Пошлепенко, ты говорила, что это я? Вѣдь говорилъ же тебѣ московскій психіатръ Вередищевъ, что ты на границѣ психопатизма? Быть можетъ, соединеніе бракомъ поможетъ намъ обоимъ и втиснетъ насъ вновь въ нормальную колею...

— Фу-у! отдувался Ахлибиновъ. — Они такъ и не уйдутъ.

Но поѣздъ въ это время, описывая полукругъ, уже подходилъ къ Рязани. Амалатъ-Бекъ все стоялъ на колѣняхъ и цѣловалъ перчатки и плюшевый мѣшочекъ своей невѣсты.

— Тебя ждутъ, говорилъ онъ,—тебя ждутъ у родного очага. Твоя maman заказала ботвинью. У меня, въ моемъ отдѣленіи, куплены раки. Теперь они опоздали къ обѣду, но мы съѣдимъ ихъ... за ужиномъ...

Когда поѣздъ остановился, Вольдемаръ разсыпался въ извиненіяхъ передъ изслѣдователями Арарата. Но тѣ его не слушали и торопились выйти, чтобы пообѣдать на станціи.

XI.

Первыя страданія.—Немножко грамматики.—Безводная пустыня.

Возвращаясь въ вагонъ, они видѣли Амалатъ-Бека, все еще копошившагося въ одномъ изъ

купе и собиравшаго расползшихся по вагон[...]
ковъ. Но у себя они уже никого не засы[...]
спокойно продолжали путешествіе одни.

Слѣдующій день встрѣтилъ ихъ невыноси[...]
жаромъ. Солнце съ утра забралось къ ни[...]
окна, отъ локомотива разнесся удушливый [...]
угольнаго топлива. Съ пяти часовъ оба пр[...]
лись и стали вертѣться отъ мухъ, весело [...]
шихъ по всему вагону. Ахлибиновъ, отмахив[...]
не выдержалъ и сказалъ:

— Неужто такая же гадость будетъ и на [...]
ратѣ?

Туровѣровъ, какъ это съ нимъ всегда бы[...]
при раздражительномъ состояніи духа, вспом[...]
о чистотѣ русскаго языка и ворчалъ на вче[...]
нюю барышню.

— Вѣдь до чего загадили всякими пошлос[...]
нашъ языкъ! Ну, можно ли сказать «мескин[...]
Вѣдь за это бьютъ! Взять ее за чолку, да [...]
въ разныя стороны и поводить. А то еще [...]
лость: «не взять ли воздуху?»—а? Каково? [...]
«это меня устраиваетъ». Я бы этихъ бар[...]
ради чистоты русскаго языка, велѣлъ бы[...]
съѣзжую отправлять, по-старинному. Сѣчь [...]
да приговаривать: «Это васъ устраиваетъ?»—[...]
хотите ли взять воздуха?»—«Не мескиннича[...]
возьмите!»

Поѣздъ шелъ теперь медленно и скучно. [...]
нообразная степь раскинулась насколько [...]

алъ глазъ. Это не та была степь, что описана Гоголемъ такими мощными, могучими мазками! Увы! Трава въ этой степи, несмотря на весну, была подъ большимъ сомнѣніемъ. Это были не роскошные луга нашей сѣверной полосы, гдѣ тучнѣютъ холмогорскія коровы,—это было жалкое пастбище, какая-то пустыня, проклятая Богомъ. Рыжевато-зеленые холмы пучились тамъ и тутъ, иногда вдали показывая мѣловые отроги жалкихъ плоскогорій. Изрѣдка попадались хутора, какъ оазисы Сахары, воздымаясь кверху пирамидальными тополями. Тополи, вообще напоминающіе своею формой метелку, которой чистятъ лампы, приводятъ всегда въ восторгъ туристовъ, видящихъ ихъ въ первый разъ. Вытянутая форма дерева, дающаго жидковатую тѣнь, очень нравится обыкновенно дамамъ, и онѣ увѣряютъ, что это что-то такое совсѣмъ особенное. Хаты-мазанки, покрытыя очеретомъ и больше соломой, бѣлѣли болѣзненными пятнами тамъ и сямъ, на самомъ солнопекѣ. Унылая линія телеграфныхъ столбовъ, поѣздъ, движущійся черепашьимъ шагомъ, раскаленный воздухъ подъ голубовато-сѣрымъ небомъ,—вотъ и все.

Къ полудню жаръ сталъ нестерпимъ. Термометръ показывалъ уже 28 градусовъ. Въ окна пыль летѣла клубами и усыпала подушки, лица, платья, чемоданы и книги. Туровѣровъ, отдуваясь и кряхтя, каждые полчаса ходилъ въ умы-

вальное отдѣленіе и подставлялъ голову подъ кранъ. Но и вода, теплая и желтая, не умаляла жары. Даже мухи перестали ползать и тоскливо замерли на стѣнахъ. На одной изъ станцій пріятели рѣшились выйти. Южное солнце окатило ихъ жаромъ, какъ изъ устья раскаленной печи. Станція была красная, каменная и вся черная отъ угля. Толпа казаковъ и казачекъ была тоже грязная и состояла на подборъ исключительно изъ корявыхъ старухъ и стариковъ. Даже жандармъ не имѣлъ обычнаго браваго вида, и его бѣлый султанчикъ скучно торчалъ кверху, не гармонируя своей сравнительной чистотою съ остальной обстановкой. Въ залѣ «перваго» класса на столѣ дымились весьма неаппетитныя кушанья; на буфетѣ лежали пирожки, печеные на салѣ, и буттерброды съ мѣстнымъ сыромъ, бѣлымъ, какъ масло, и крѣпкимъ, какъ засохшій творогъ.

Они стали присматриваться къ «пожарскимъ» котлеткамъ, но голосъ Антона Ивановича остановилъ ихъ.

— Jamais! Только не котлетки, говорилъ онъ.— Онѣ стряпаются изъ пассажирскихъ объѣдковъ. Тутъ можно ѣсть только щи и яйца. Яйца превосходныя.

Они расположились на углу стола. Лицо Антона Ивановича было одутловато и красно. Выпивъ большую рюмку водки, онъ одушевился.

— Я, вообразите, проспалъ восемнадцать часовъ! объявилъ онъ.—Съ 6-ти часовъ вечера до полудня. Каково! Зато теперь я чистъ и свѣжъ, какъ поцѣлуй младенца. Приду къ вамъ послѣ завтрака умыться. У насъ умывальникъ—бр!— Чудесный шнапсъ! Надо еще зарядить одно орудіе. Человѣкъ! шнапсу! Я никогда въ ротъ не беру водки, но въ дорогѣ невозможно не пить. По русскимъ желѣзнымъ дорогамъ можно ѣздить только въ пьяномъ видѣ. Иначе немыслимо. Всякая иллюзія теряется.

Наѣвшись щей и запивши ихъ какимъ-то пахучимъ донскимъ виномъ, какого не найти ни за какія деньги ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, или потому, что оно слишкомъ нѣжно и не выдерживаетъ переѣзда, или потому, что оно слишкомъ скверно и его никто бы не сталъ покупать,—путешественники отправились гулять по станціи: поѣздъ стоялъ здѣсь безконечное время. По платформѣ гуляло очень много тощихъ длинноногихъ собакъ, заискивающе посматривавшихъ на толстыя икры пассажировъ. Смѣшеніе запаховъ тутъ было невообразимое: пахло машиннымъ масломъ, казачьимъ потомъ, кухней, псиной, сквернымъ углемъ и угаромъ отъ самовара. Пройдясь раза два, Туровѣровъ съ Ахлибиновымъ предпочли отправиться въ вагонъ.

Ахлибиновъ отказался заниматься Араратомъ, говоря, что онъ не можетъ подумать объ Арме-

ніи, когда въ Донецкихъ степяхъ такая жара. Пришелъ умытый Антонъ Ивановичъ, и Туровѣровъ началъ занимать ихъ вопросами о буквѣ ѳита.

— Какъ надо писать: Логоѳетъ или Логофетъ? спрашивалъ онъ.

— Ѳита, отвѣчалъ Ахлибиновъ.

— Почему?

— Потому что о «фертѣ» ты бы не спрашивалъ.

— А Фебъ?

— Ѳита.

— Извините—«ферть».

— Странно.

— Мало ли что странно. Вотъ вчера въ газетѣ я прочелъ «диѳирамбъ» написано чрезъ два «ф». Каково?

— Да вѣдь государство отъ этого не развалится?

— Не развалится, а нечистоплотно. У насъ считается неприличнымъ прійти въ порядочное общество въ грязныхъ сапогахъ или съ невычищенными ногтями, а неряшливость грамматическая прощается. Конечно, человѣкъ съ грязными ногтями, но умный, лучше глупаго съ вычищенными ногтями. Но сколь пріятенъ человѣкъ умный и чистый во всѣхъ отношеніяхъ. Такъ и въ грамматикѣ. Конечно, можно писать «соломенка», вмѣсто «соломинка», но не лучше ли, все-таки, писать правильно!

[redacted]

— Я бы вообще «ѳиту» уничтожилъ, заговорилъ Антонъ Ивановичъ.—Къ чему она?

— А вы уничтожьте сперва у нѣмцевъ «фау», а у французовъ «ph», тогда мы съ вами поговоримъ, возразилъ Туровѣровъ.

— Что же, они, несомнѣнно, уничтожатся, серьезно подтвердилъ Антонъ Ивановичъ.

Жара все увеличивалась. Вдобавокъ, къ ужасу Туровѣрова, вода въ умывальникѣ изсякла, и мыться было нечѣмъ. Онъ позвалъ поѣздного сторожа и потребовалъ воды. Тотъ сказалъ, что на станціяхъ такая вода, «что ваше превосходительство и умываться не будете».

Туровѣровъ никакъ не ожидалъ такого страданія...

— Изъ Быка надо взять воды — одно средствіе, умозаключилъ сторожъ.

— Изъ какого быка?

— Рѣка Быкъ. Тамъ вода чудесная, превосходная.

— А гдѣ же Быкъ?

— Черезъ часъ двадцать минутъ будетъ.

Кроткій Игнатій Платоновичъ послалъ его къ чорту и съ грустью растянулся на диванѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ сторожъ, воображеніе котораго, очевидно, смущалось возможностью получить двугривенный, возвратился и сказалъ, что, ежели желательно,—въ сосѣднемъ вагонѣ

полный умывальникъ, такъ какъ тамъ никто не моется.

— А много тамъ пассажировъ? спросилъ Туровѣровъ.

— Не очень много.

— А какъ?

— Такъ... двое, надо полагать. Инженеръ одинъ и интендантъ московскій. Они спятъ съ утра, не мывшись.

Туровѣровъ отправился въ сосѣдній вагонъ, а сторожъ сталъ расхваливать воду, говоря, что она козловская, а козловская вода славится. Конечно, за это вожделѣнный двугривенный былъ ему врученъ.

XII.

Въ виду Эльборуса, или жертва людской несправедливости и жестокости, въ образѣ блондинки.

Въ Быкѣ вода оказалась мутной, но Туровѣровъ и той былъ радъ,—по крайней мѣрѣ не надо было бѣгать изъ вагона въ вагонъ. Степь тянулась все такая же безконечная, унылая до одурѣнія. Изрѣдка показывался одинокій возъ на волахъ. Волы шли тупо, флегматично, помахивая хвостами и качая своими глупыми мордами, украшенными грустными черными глазами. Иногда попадался для чего-то вбитый въ землю классическій колъ, о которомъ существуетъ не менѣе классическій анекдотъ: ѣхалъ чумакъ поперекъ

степи,—на сотни верстъ гладко; зацѣпился за колъ и выругался: «От-то дурни, на самой дорогѣ колъ поставили!»

Видя плачевное состоянiе изслѣдователей Арарата, Больдераевъ предложилъ имъ напиться. Но они легкомысленно отказались. Тогда Больдераевъ сказалъ:

— Это по меньшей мѣрѣ странно: не воспользоваться дарами природы.

Онъ простился съ ними до пересадки въ Ростовѣ, пошелъ къ себѣ, вытащилъ откуда-то бутылку водки и три яйца, и черезъ десять минутъ уже былъ готовъ. Степь приняла для него видъ болѣе цвѣтущiй, облака стали завиваться въ «кудрявые вавилоны»; пассажиры вагона стали добродушными, веселыми людьми; на станцiи, куда пришелъ поѣздъ, всѣ казачки, даже старыя, казались чрезвычайно пластичными. Неизвѣстно, до какихъ бы предѣловъ дошло это радужное настроенiе, если бы голова его не скатилась на подушку, и Морфей, тихо вѣя крылами, не посыпалъ его вѣжды макомъ и не унесъ его въ страну грёзъ и видѣнiй.

Къ вечеру повѣяло прохладой. Темная южная ночь загорѣлась огромными звѣздами. Путники ожили. Умывшись послѣднiй разъ и причесавшись, они сѣли играть въ винтъ съ двумя болванами.

— Что-то теперь въ клубѣ? вспомнилъ Ахлибиновъ.—Я думаю, стола четыре занято.

Отъ Аксая повѣяло сыростью и напомнило имъ блаженный Сѣверъ. Они жадно открыли рты и вдыхали живительный воздухъ.

Пересадка больныхъ пассажировъ, ѣдущихъ на Кавказъ, почему-то совершалась въ ту пору ночью. При южной темнотѣ, сцены пересадки очень напоминаютъ иллюстраціи Дорè къ первой части поэмы Данте, гдѣ души грѣшниковъ проходятъ всевозможныя мытарства. Какъ ни торопились наши путешественники, но всетаки оказалось, что всѣ купе заняты, и пришлось расположиться въ общемъ «салонѣ». Это было очень непріятно, въ виду теплой ночи, но дѣлать уже было нечего.

Въ большомъ салонѣ, съ зеркалами, креслами и столами, расположилась въ самую послѣднюю минуту молодая дама съ гиперболическимъ количествомъ картонокъ и чемодановъ. Сѣвши въ кресло, она вынула тончайшій батистовый платокъ и стала имъ обтирать глаза. Ахлибиновъ лежалъ на диванѣ, прищурившись, и видѣлъ, какъ бѣлое пятнышко платка систематично и плавно подымалось съ колѣнъ къ глазамъ, прижималось сперва къ одному глазу, потомъ къ другому и такъ же медленно опускалось внизъ. Движеніе это дѣйствовало на него гипнотически, и глаза его стали слипаться. Но въ это время изъ глубины дамской груди раздался вздохъ, такой продолжительный и тяжкій, «что,—какъ го-

ворили романисты добраго стараго времени,—казалось, душа ея разстается съ тѣломъ и этотъ вздохъ разрушаетъ все естество ея». И вздохъ этотъ не былъ единственнымъ: засыпая, Ахлибиновъ все время слышалъ послѣдующіе вздохи, тихо баюкающіе его.

Проснулся онъ на восходѣ солнца: его разбудилъ Туровѣровъ словами:

— Смотри: Эльборусъ!

На горизонтѣ, изъ зыбучихъ утреннихъ тумановъ, выплывалъ колоссальный контуръ колоссальной снѣжной горы, той горы, предъ которой пресловутый Монбланъ кажется игрушечной, театральной горкой. Гора горѣла пурпуромъ и золотомъ, сіяя надъ цвѣтущею степью.

Въ это время раздался новый вздохъ, платокъ коснулся глазъ, и тихій грудной голосъ прошепталъ:

— Ахъ, Эльборусъ!

Путешественники оглянулись. Сѣвшая ночью барыня оказалась голубоглазой блондинкой; она смотрѣла на гору и плакала.

— Вотъ намъ счастіе на слезоточивыхъ дамъ! шепнулъ Ахлибинову Туровѣровъ.

— Но эта куда интереснѣе той, сказалъ Ахлибиновъ.—Я люблю такихъ бѣлокурыхъ, чистыхъ.

И опять вырвался новый вздохъ у дамы, и опять коралловыя губки раскрылись и прошептали:

— Ахъ, Эльборусъ!

Тогда Ахлибиновъ внезапно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію дамы. Она испуганно посмотрѣла на него.

— Сударыня, сказалъ онъ съ изысканностью петербургскаго вице-директора, дотрогиваясь до полей своей мягкой пуховой шляпы,—не могу ли я вамъ быть чѣмъ-нибудь полезенъ?

Дама печально подняла не него глаза, внимательно осмотрѣла его съ ногъ до головы, покачала головой и сказала:

— Нѣтъ!

Но потомъ вдругъ быстро прибавила:

— А впрочемъ...

Она не договорила. Спазмъ сжалъ ея горло, и платокъ опять поднялся къ голубенькимъ глазкамъ.

Ахлибиновъ всю жизнь сторонился дамъ. Но видъ Эльборуса и южный воздухъ его наэлектризовали; онъ смѣло опустился рядомъ съ ней въ кресло и спросилъ:

— Что съ вами?

Она опустила глаза и шепнула:

— Я несчастна!

Ахлибиновъ сбросилъ съ себя шляпу: ему стало вдругъ жарко. Туровѣровъ высунулся въ окно и не отрывалъ взгляда отъ Эльборуса.

— Чѣмъ могу служить? повторилъ Ахлибиновъ фразу, которой онъ всегда въ своемъ министерствѣ встрѣчалъ миловидныхъ посѣтительницъ.

— Боже мой, зачѣмъ вы не женщина! воскликнула незнакомка.

Это нѣсколько сконфузило Ахлибинова.

— Сударыня, сказалъ онъ: — не всѣмъ же быть женщинами!

— Ахъ, я не въ укоръ вамъ, воркующимъ голоскомъ возразила она: — а только, если бы вы были женщина, я бы вамъ все сказала.

Ахлибиновъ нашелъ нужнымъ обнаружить свое званіе и фамилію. Это произвело извѣстное впечатлѣніе.

— А я ношу громкую фамилію, сказала она: — но, увы! съ какою радостью я готова была бы измѣнить ее на другую. Моя фамилія де-Бособоръ-фонъ-Мантейфель. Двѣ старинныя родовыя линіи Франціи и Германіи соединены въ гербѣ моего мужа.

— Это очень звучныя фамиліи, подтвердилъ Ахлибиновъ.

— Но... вы мнѣ внушаете довѣріе: я вамъ все скажу. Я разведена съ мужемъ...

— Это такъ обыкновенно и просто, сказалъ Ахлибиновъ.

— Вы думаете? грустно спросила она. — Нѣтъ, это совсѣмъ не обыкновенно и не просто.

Она вытерла глаза и строго посмотрѣла на него.

— Первое условіе цивилизаціи — нравственность, сказала она.

Ахлибиновъ согласился.

— Между тѣмъ, мой мужъ, блестящій представитель beau-monde'а, онъ оказался не на высотѣ своего призванія. У него въ гербѣ чуть ли не королевскія лиліи Франціи, а онъ представляетъ изъ себя чудовище измѣны. Я терпѣла долго, терпѣла много. Наконецъ я ему сказала: divorçons!

— И вы развелись?

— Да! Теперь онъ свободенъ, какъ орелъ. Я дала ему свободу. Я разорвала обвивавшія его брачныя путы. Я ненавижу его всѣми фибрами моей души и сердца.

— Въ этомъ ваше несчастіе, сударыня?

— Да, въ этомъ. Міръ созданъ для того, чтобы любить, а я живу, чтобы ненавидѣть!

— А вы забудьте его.

— Что дастъ мнѣ забвеніе? Кто дастъ мнѣ забвеніе?

Она вытерла платочкомъ глаза.

— Составили ли вы себѣ, продолжала она,— ясное и опредѣленное понятіе о томъ, что̀ такое женщина?

Ахлибиновъ задумался.

— Кажется, сказалъ онъ.

— Вамъ только кажется! Вотъ видите, какъ даже въ лучшихъ изъ людей глубоко поселена вражда и ненависть къ женщинѣ.

— Позвольте, изъ чего же вы...

— Вы даже не думали никогда о существѣ, вамъ подобномъ, нашедшемъ себѣ мѣсто возлѣ

васъ на земномъ шарѣ. А между тѣмъ это существо все время думаетъ о васъ, анализируетъ, изучаетъ. Миссія женщины удивительно высока... Вы согласны съ этимъ?

Ахлибиновъ пробормоталъ, что согласенъ.

— Миссія ея — быть олицетвореніемъ любви. Это сосудъ всего свѣтлаго, любящаго, изящнаго. Женщина всюду, куда входитъ, должна, какъ архангелъ, вносить миръ, счастіе, спокойствіе, тишину. Женщина никогда не должна возвышать голоса, никогда не позволять себѣ рѣзкаго движенія. Она должна или терпѣть, или разливать дары счастія...

Ахлибиновъ въ волненіи повернулся въ креслахъ.

— Какъ же вашъ супругъ не оцѣнилъ такія идеальныя воззрѣнія ваши на жизнь и семейный очагъ? спросилъ онъ.

— Потому, что это былъ человѣкъ, рожденный на почвѣ Запада, но усвоившій себѣ культуру Востока. Для него женщина — рабыня, гаремное существо, а не свѣтозарный геній. Образованіе, тонкое воспитаніе, отзывчивость души — не имѣютъ для него значенія, и красивая горничная, по его мнѣнію, стоитъ выше. Могли ли мы сойтись при такихъ воззрѣніяхъ?

Ахлибиновъ подтвердилъ, что не могли.

— Но въ женщинѣ глубоко заронено чувство любви и привязанности, продолжала она.— Два

года назадъ я ѣхала съ нимъ по этой дорогѣ. Теперь, едва я сѣла сюда, воспоминанія нахлынули на меня, и вотъ видите — я плачу.

Она вытерла глаза.

— Отчего судьба такъ несправедлива, продолжала она.—Однимъ все, другимъ ничего. Отчего мужчины все захватили въ свои руки, а женщинамъ ничего не оставили?

— Ужъ развѣ ничего? удивился онъ.

— Ничего! категорически подтвердила она.— И вотъ теперь этотъ Эльборусъ навѣялъ на меня грустныя мысли. Два года назадъ, быть можетъ, въ этомъ самомъ вагонѣ, мы стояли у окна и смотрѣли на горную цѣпь. А теперь, теперь!..

— Куда же вы изволите ѣхать? спросилъ Ахлибиновъ, желая перемѣнить печальную тему разговора.

— Не знаю, отвѣтила она: — куда глаза глядятъ. А вы?

— Мы на Араратъ!

Она съ восторгомъ посмотрѣла на него.

— На Араратъ! Боже мой! Какое счастіе — быть на этой высотѣ...

— Вамъ стоитъ сказать одно слово, и мы почтемъ за честь... пробормоталъ онъ.

Она протянула ему руку и крѣпко пожала.

— Я васъ благодарю за сочувствіе къ страданіямъ женщины, сказала она.— Не отъ себя, отъ всѣхъ угнетенныхъ женщинъ всего міра

благодарю васъ, благодарю. Нынче такъ рѣдко можно встрѣтить искреннюю, честную поддержку. Я отъ лица всѣхъ женщинъ говорю вамъ: — merci!

XIII.

Хляби небесныя отверзлись.—Еще немножко грамматики.—У преддверія неизвѣданныхъ наслажденій.

Отобѣдали на станціи Минеральныхъ водъ всѣ вмѣстѣ. Де-Бособоръ-фонъ-Мантейфель познакомили съ Больдераевымъ, который былъ удивительно томенъ и молчаливъ. Онъ только повторялъ одну фразу:

— Вамъ сегодня предстоитъ неизвѣданное наслажденіе: вы увидите, подъѣзжая къ Владикавказу, всю снѣжную цѣпь горъ. Картина несравнимая!

— О, да, подтверждала де-Бособоръ,—вы такъ справедливо выражаетесь: именно несравненная.

Больдераевъ спросилъ, есть ли поваръ-осетинъ, и заказалъ шашлыкъ. Подали кахетинскаго. Больдераевъ похлопалъ ладонью по бутылкѣ и сказалъ:

— Родное!

Ахлибиновъ потерялъ аппетитъ. Онъ былъ разсѣянъ и суетливъ. Туровѣровъ, напротивъ того, оживился и, по мѣрѣ того, какъ поѣздъ съ каждой станціей поднимался все выше и выше

по степному плоскогорью, приходилъ все въ большее и большее умиленіе. Ему теперь и шашлыкъ, и Больдераевъ, и голубые глаза дамы казались чудесной обстановкой для путешествія. Его немного безпокоила только нѣкоторая неподготовленность къ восхожденію на Араратъ. Они еще ничего не прочли изъ взятой библіотеки и, кромѣ того, совершенно себя не тренировали для лазанія по горамъ и верховой ѣзды. Впрочемъ, онъ надѣялся подтянуться и приготовиться ко всему этому въ Тифлисѣ.

Между тѣмъ небо начало хмуриться; чѣмъ ближе подъѣзжали къ Владикавказу, тѣмъ туманнѣе становилось на горизонтѣ. Потомъ закапали крупныя капли тяжело и звонко по каменнымъ и деревяннымъ платформамъ станцій. Наконецъ полилъ дождь какъ изъ ведра, настоящій южный, закрывъ собой не только панораму горъ, но всѣ предметы, находящіеся на разстояніи трехъ саженъ. Такъ «невѣдомаго наслажденія» никто и не испыталъ.

Пріѣхали во Владикавказъ въ полную тьму. Дождь продолжалъ литься, какъ при Ноѣ. Въ суматохѣ и темнотѣ усѣлись въ экипажи и покатили по тряской мостовой, мимо бульваровъ, до гостиницы. Антонъ Ивановичъ тоже поѣхалъ съ ними, а де-Бособоръ просила не оставлять и ее. Такимъ образомъ, членовъ экспедиціи прибыло. Гаданіе m-me Пильцъ сбывалось.

Послѣ двухъ ночей на желѣзной дорогѣ, путешественники не безъ удовольствія растянулись на широкихъ кроватяхъ. Дождь стучалъ въ окна и пророчилъ мало хорошаго.

На слѣдующій день, утромъ, они даже не рѣшились выглянуть на балконъ: такой былъ проливень. Экипажи катились по сплошнымъ лужамъ, по ступицу погрузившись въ воду. Мокрыя деревья бульвара жалобно поникли своими вѣтвями. Прохожихъ почти не было.

— Это какая-то водяная западня! восклицалъ Больдераевъ.—Носа никуда не показать.

Де-Бособоръ-фонъ-Мантейфель, совершенно неожиданно для всѣхъ, оказалась прекрасной «винтершей». Это до того обрадовало Ахлибинова, что онъ готовъ былъ еще на недѣлю остаться въ «западнѣ». Играли по четырехсотой, правда, «съ загвоздкой и присыпкой», но все же для собственнаго удовольствія, а не для интереса. Особенно о ненужности интереса настаивалъ Антонъ Ивановичъ и потому рѣшительно не хотѣлъ уплачивать 1 рубля 55 копеекъ проигрыша. Всѣмъ было очень весело, и только одинъ разъ Туровѣровъ прочелъ маленькую нотацію барынѣ.

— Виноватъ, сударыня, сказалъ онъ:—я долженъ на минуту прервать игру. Я не знаю, послышалось мнѣ, или вы дѣйствительно сказали слово «партнеръ»?

— Сказала, удивленно отвѣтила она—А что?

— Такого слова нѣтъ, сударыня, ни на одномъ языкѣ въ мірѣ.

— А по-французски—partner?

— Ага! вы изволите говорить—партнэръ, а не партнеръ. Когда говорятъ ёръ, значитъ, во французскомъ словѣ есть окончаніе eur, напримѣръ, gouverneur. Это понятно, но откуда же взялся звукъ е? Наконецъ, partner слово англійское, а не французское, поэтому намъ нѣтъ надобности его коверкать и переносить удареніе на послѣдній слогъ, а слѣдуетъ говорить па́ртнеръ.

— Я сказалъ—три трефы, повторилъ Больдераевъ.

— Надо всегда обращать вниманіе на правописаніе того языка, откуда берется слово, продолжалъ Туровѣровъ, — а то при небрежности происходитъ путаница. Напримѣръ, слово бриліантъ...

— Вы трефъ не поддерживаете? не отставалъ Больдераевъ.

— Виноватъ. Позвольте мнѣ написать здѣсь на столѣ: видите—million, тутъ слогъ llio будетъ равенъ русскому начертанію лліо. Такъ? А въ словѣ brillant слогъ lla,—почему не можетъ быть равенъ четыремъ буквамъ ллia? Очевидно, одно л лишнее, и надо писать бриліантъ. Понятно?

Далѣе игра тянулась благополучно, если не считать малаго шлема, сыграннаго Ахлибиновымъ [illegible] Антономъ Ивановичемъ безъ семи. Шлемъ

этотъ привелъ ихъ двоихъ въ такое необычайное смущеніе, что они долго молча смотрѣли другъ на друга, а зато фонъ-Мантейфель хохотала отъ души.

Дождь лилъ и на слѣдующій день, и на слѣдующую ночь, и сравненіе съ ветхозавѣтнымъ потопомъ все чаще и чаще приходило имъ на память. Антонъ Ивановичъ увѣрялъ, что разница заключается только въ томъ, что у Ноя было скотовъ чистыхъ по семи паръ, а нечистыхъ по парѣ, а здѣсь, въ гостиницѣ, скотовъ по семи паръ нечистыхъ, а чистыхъ совсѣмъ нѣтъ, но зато Хамовъ не одинъ, а много. Наконецъ, всѣ стали призадумываться не на шутку, что же дальше будетъ?

Ахлибиновъ осторожно и деликатно разспрашивалъ Иду Николаевну (такъ, оказалось, звали фонъ-Мантейфель) объ ея прошломъ и убѣждался, что это была непрерывная цѣпь страданій. Туровѣровъ съ безпокойствомъ слѣдилъ за дѣйствіями своего друга и неодобрительно покачивалъ головою. Ему казалось, что вице-директоръ черезчуръ ужъ увлекается бѣлокурой дамой. Онъ отдавалъ ей справедливость, ощущалъ тоже нѣкоторое пріятное томленіе, когда она, шелестя своими шелковыми юбками, плавно и тихо входила въ комнату. Она нравилась Туровѣрову своей выхоленностью и чистотою: и шейка, и ногти, и брелоки на браслетѣ, — все это такъ и

сверкало чистотою и вылощенностью. Но сердце сжималось предчувствіемъ близкой катастрофы.

И оно было право, его вѣщее сердце!

Однажды какъ-то утромъ, такимъ же грустнымъ и сѣрымъ, какъ всѣ эти дни, завернулъ къ друзьямъ въ номеръ зачѣмъ-то комиссіонеръ гостиницы, красивый бородатый мужчина, и освѣдомился, чего они ждутъ. Когда они ему объяснили, что имъ желательна хорошая погода, онъ сказалъ:

— У насъ, во Владикавказѣ, хорошей погоды не бываетъ. Дождь иногда дней сто подъ рядъ идетъ. Вѣдь мы живемъ въ области образованія дождя для всѣхъ сѣверныхъ предгорій Кавказа.

— Такъ что же дѣлать? съ отчаяніемъ спрашивалъ Ахлибиновъ.

— Ѣхать преспокойно. Въ горахъ сегодня навѣрно дождя нѣтъ. Отъѣдете двадцать верстъ, и поѣдете по сухой дорогѣ.

Сообщеніе это привело ихъ въ полный восторгъ. Они не хотѣли ѣхать въ дилижансѣ, а наняли отдѣльную коляску до Тифлиса—почтовую, съ кондукторомъ, который долженъ былъ трубить каждому встрѣчному. Комиссіонеръ предложилъ только забрать побольше съ собой всевозможныхъ съѣстныхъ припасовъ, такъ какъ буфетовъ на станціяхъ не одобрялъ. Антонъ Ивановичъ оспаривалъ, говоря, что буфеты чудесные, а что надо взять только побольше вина, [illegible]о въ виду того, что ночевка предпола-

гается не въ Млетахъ, въ долинѣ Грузіи, гдѣ теперь 40 градусовъ жары, а у подножія Казбека, на высотѣ 5,000 футовъ, гдѣ можетъ быть 2—3 градуса, если не мороза, то тепла.

Начались быстрыя приготовленія. Антонъ Ивановичъ, взявшій на себя завѣдыванье провіантомъ, несмотря на свое несочувствіе къ предложенію комиссіонера, явился съ икрой, ростбифомъ, ветчиной, сыромъ, велѣлъ сварить три десятка яицъ, накупилъ коньяку, хересу,—и скромно подалъ счетъ въ 29 рублей изъ магазина. Пріѣхала коляска четверней—щегольская, хотя и просторная. Деньги до Тифлиса были взысканы впередъ не только за проѣздъ, но и за шоссейный ремонтъ, и за франко-русское соединеніе, и за новолуніе. Еще предстояло уплачивать въ дорогѣ смазчикамъ, ямщикамъ, форейторамъ, и т. д., но это уже добровольно, безъ понудительныхъ мѣръ,—то, что называется «на чай».

Солнце, очевидно, сконфуженное тѣмъ, что имъ пренебрегли, выглянуло изъ-за тучъ въ самый моментъ отъѣзда, и они весело покатили по омытому дождемъ городу, при трубномъ звукѣ сидѣвшаго на козлахъ кондуктора съ огромнымъ кинжаломъ. Переѣзжая Ольгинъ мостъ, Антонъ Ивановичъ обратилъ вниманіе на то, что подъ ними течетъ знаменитый Терекъ. Но, вмѣсто воды, въ Терекѣ была только кофейная гуща, что не мало разочаровало путешественниковъ.

Зато вдали, въ сверкающихъ, колыхающихся туманахъ, проступала величайшая цѣпь горъ—граница Европы и Азіи. Въ одномъ мѣстѣ зіялъ синей пастью темный проходъ, куда, віясь, бѣжала дорога: то былъ Дарьялъ!

XIV.

Въ трещинѣ — жилищѣ змѣя.

Они выѣхали за черту города. Слѣва бѣжали мимо нихъ густолиственные сады, справа—тянулись безконечныя пажити. Верблюдовъ, которые попались имъ подъ Ростовомъ, здѣсь не было видно, но зато то и дѣло попадались буйволы, красиво и бодро шедшіе подъ ярмомъ. Отъ буйвола вѣетъ чѣмъ-то допотопнымъ, онъ, какъ слонъ или бегемотъ, кажется намъ пришельцемъ изъ какого-то невѣдомаго міра, до того формы его чужды и странны для человѣческаго глаза. Онъ точно говоритъ намъ о фантастической эпохѣ ихтіозавровъ и плезіозавровъ, и оставленъ природой какъ поучительный живой примѣръ того, что и до насъ еще былъ на землѣ міръ другой, міръ нашихъ предшественниковъ.

Коляска мягко катилась по гладкому шоссе. На заднихъ мѣстахъ сидѣли фонъ-Мантейфель и Туровѣровъ. Ахлибиновъ сидѣлъ противъ барыни и находилъ, что его vis-à-vis была прелест-

нѣе видовъ, бѣжавшихъ по бокамъ. Терекъ то шумѣлъ гдѣ-то далеко въ сторонѣ, то подбѣгалъ къ самой дорогѣ и съ ревомъ бился о камни. Онъ напоминалъ собаку, которая, слѣдуя за экипажемъ, рыщетъ изъ стороны въ сторону: то кинется въ рощу, то захватитъ себѣ воды изъ сосѣдняго ручья, то бросится къ самымъ мордамъ лошадей, и ну на нихъ съ радости лаять. Вдобавокъ, обладая этимъ качествомъ, — надоѣдать проѣзжимъ,—Терекъ обладалъ еще способностью, какой не имѣетъ ни одна собака: онъ бѣжалъ въ одну сторону, а экипажъ—въ противоположную.

Порою скалы нависали надъ ними каменными выступами, и тогда фонъ-Мантейфель увѣряла, что она боится; но это дѣлалось только для того, чтобы показать всю хрупкость и непрочность женской натуры,—и безъ всякаго злого умысла. Черезъ двѣнадцать верстъ кондукторъ затрубилъ, выбѣжали ямщики, ужасно обрадовались просвѣщеннымъ путешественникамъ, живо впрягли свѣжую четверку и попросили себѣ на чай. Погода все улучшалась. Наверху показывали цѣлую фантасмагорію. Облака скучивались, разсыпались, зацѣплялись за горы, задѣвали собою деревья и кусты, скользили по самымъ кручамъ скалъ, то заслоняли солнце, то открывали его. Оно брызгало своими лучами то на отдѣльно выступившій камень, то на бѣлую пѣну Терека, а все

остальное оставляло въ тѣни, какъ на голландскихъ пейзажахъ. По дорогѣ стали попадаться «столпообразныя руины, звонкобѣгущіе ручьи по дну изъ камней самоцвѣтныхъ». Попался наконецъ камень такой величины и тяжести, что его недаромъ назвали «Ермоловскимъ». Наконецъ вдали забѣлѣлъ Ларсъ, а за нимъ... Дарьялъ.

— А давно ли здѣсь, во времена Пушкина, разсказывалъ Туровѣровъ, — осетины стрѣляли съ того берега въ проѣзжихъ.

— Откуда, откуда? забезпокоилась фонъ-Мантейфель.

— Вотъ съ той стороны Терека.

Она съ ужасомъ посмотрѣла туда.

— А теперь не стрѣляютъ? спросила она.

— Должно быть, не стрѣляютъ.

— Теперь, господа, приготовьтесь къ чуду природы! сказалъ Антонъ Ивановичъ.—Васъ теперь природа подавитъ: въ этомъ я даю вамъ свое честное слово.

Опять перепрягли коней. На этотъ разъ дали здоровую шестерку. Нервы у всѣхъ начали напрягаться, даже Ахлибиновъ сталъ какъ будто понимать, что дѣлается вокругъ него. Больдераевъ ходилъ по берегу большими шагами въ ожиданіи перепряжки и декламировалъ:

«Какъ трещина, жилище змѣя,
Вился излучистый Дарьялъ»...

Сѣли въ экипажъ. Лошади тронулись.

— Господа, осталось всего нѣсколько саженъ! предупредилъ Антонъ Ивановичъ. — За поворотомъ начнется «онъ».

Терекъ шумитъ и «прыгаетъ, какъ львица». Скалы сдавливаютъ его все болѣе и болѣе. Правда, онъ не доходитъ до мощи и силы нашей Иматры, являясь только слабымъ подобіемъ знаменитаго финскаго водоската, но шумитъ не хуже, чѣмъ сѣверный гигантъ: благо, чудеснымъ резонансомъ являются колоссальныя горы. Тѣснина все уже; она, въ самомъ дѣлѣ, вьется змѣемъ; Терекъ мечется, какъ бѣшеный, изъ стороны въ сторону, ища себѣ выхода, и съ ревомъ обрушивается на скалы, которыя отбрасываютъ отъ себя его пѣнныя волны. Горы все ближе и ближе другъ къ другу. Онѣ отвѣсными фіолетово-желтыми скалами бѣгутъ кверху, излучинами и изломами, все выше, выше, къ самымъ облакамъ, прорываютъ ихъ и тянутся еще вверхъ къ самому небу. Небо свѣтится только сверху, съ боковъ уже нѣтъ его, всѣ предметы освѣщены отвѣсно: человѣческія лица принимаютъ новое, небывалое выраженіе. Вечерніе солнечные лучи сюда не проникаютъ, поэтому тѣней нѣтъ,—есть только голубыя полутѣни отъ всѣхъ предметовъ. Округлость теряется: все начинаетъ казаться декораціями. Растительности нѣтъ и въ поминѣ: кое-гдѣ прорывается трава изъ-подъ камней, да

выглядываютъ блѣдные голубые цвѣты, Богъ вѣсть какъ попавшіе въ это ущелье. Лошади тянутъ шагомъ, горы обступаютъ всюду, и сзади и спереди. Кажется, что находишься на днѣ какой-то колоссальной каменной воронки, откуда нѣтъ выхода. Скалы дѣлаются все фантастичнѣе, мрачнѣе, ужаснѣе. Точно въ адскихъ конвульсіяхъ застыли онѣ «по мановенію волшебнаго жезла», въ самый разгаръ бѣшеной пляски...

— Каково здѣсь ночью при лунѣ? спрашиваетъ съ трепетомъ фонъ-Мантейфель.

— Нѣтъ, каково здѣсь въ грозу! говоритъ Антонъ Ивановичъ. И они еле слышатъ другъ друга,—такъ реветъ и бѣснуется Терекъ.

Туровѣровъ предложилъ всѣмъ выйти, а коляску отправить впередъ. Такъ и сдѣлали. Жутко имъ было итти въ этомъ допотопномъ каменномъ хаосѣ, гдѣ только телеграфныя жердочки указывали на то, что все-таки дѣйствіе происходитъ въ послѣпотопный періодъ. Сквозной желѣзный мостикъ, переброшенный черезъ Терекъ, совершенно правильно носитъ названіе «Чортова»,—такъ бы вообще слѣдовало назвать и все ущелье: не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ былое время это было любимое мѣсто игръ для чертей. Здѣсь они, играя въ свайку и чехарду, такъ перековеркали природу, что, пожалуй, и не найдешь на земномъ шарѣ другого такого же милаго мѣста. Во всякомъ случаѣ, это

авторское предположеніе имѣетъ несравненно болѣе основаній, чѣмъ тѣ ученыя изслѣдованія, которыя увѣряютъ, что здѣсь были огромныя деревянныя ворота, которыми былъ запертъ входъ въ ущелье, и что ворота эти были сдѣланы Александромъ Македонскимъ.

Наши путники все шли, и кошмаръ Дарьяла не оставлялъ ихъ. Голова начинала кружиться, въ глазахъ рябить. Горы все тѣснились такъ же. И вокругъ не признака жилища.

Тѣмъ неожиданнѣе, на самомъ поворотѣ, вдругъ открылась крохотная игрушечная крѣпость, съ зубчатыми маленькими башенками и стѣнками: ни дать, ни взять, такая, какія продаются у насъ на вербахъ и клеются чиновниками изъ Гавани. Даже у воротъ стоялъ солдатикъ въ подобающей позѣ. Впрочемъ, крѣпость эта была давно крѣпостью, а теперь тутъ жила шоссейная команда.

Антонъ Ивановичъ показалъ рукой наверхъ, на другую сторону Терека.

— Смотрите, что тамъ!

Всѣ посмотрѣли. На сѣро-лиловой скалѣ вырисовывались сѣро-лиловыя башни какихъ-то развалинъ.

— Что же? спросила фонъ-Мантейфель.

— Помните:

«Въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла,
Гдѣ роется Терекъ во мглѣ,
Старинная башня стояла,
Чернѣя на черной скалѣ!..»

— Башня Тамары!..

— Она, царица Тамара, вотъ той тропинкой и за водой ходила, объяснилъ кондукторъ, показывая трубою куда-то въ пространство.—Говорятъ, красивая была женщина.

Здѣсь авторъ опять долженъ сказать, что ученые заблуждаются насчетъ сихъ развалинъ, утверждая, что это загородная дача грузинскаго царя Маріана, который имѣлъ несчастіе жить за два вѣка до Рождества Христова. Предположеніе это почти одинаково логично, какъ и то, что это былъ Château des fleurs царицы Тамары, которая устраивала тамъ bal costumé съ воинами-купцами и даже (horreur!) пастухами. Автору кажется, что это былъ несомнѣнно разбойничій вертепъ,—феодальный замокъ въ самомъ неприступномъ мѣстѣ, откуда съ чрезвычайнымъ удобствомъ можно было нападать на караваны и грабить ихъ. Надо быть круглыми идіотами, чтобы, имѣя врожденныя способности и таланты къ грабежу, чѣмъ всегда, на ряду съ гостепріимствомъ, славились кавказскіе народы, чтобы пропустить такой удобный случай для учрежденія разбойничьяго гнѣзда. Впрочемъ, доказательствъ у автора столько же, сколько у ученыхъ доказательствъ насчетъ царя Маріана.

XV.

Зловѣщія предчувствія Туровѣрова по поводу поведенія вице-директора у подножія Казбека.

Сѣли въ экипажъ и поѣхали:

— «И страстные, дикіе звуки
Всю ночь раздавалися тамъ!»

продолжалъ декламацію Больдераевъ.

— А зачѣмъ же былъ у Тамары «мрачный евнухъ»? спросила неожиданно дама.

Вопросъ этотъ засталъ всѣхъ врасплохъ, и никто не могъ ей на это ничего отвѣтить.

Версты черезъ двѣ стало свѣтлѣе. Скалы раздвинулись, и вечернее небо глянуло своими розовыми облаками на туристовъ. Мрачное «жилище змѣя» осталось позади, чернѣя, синѣя, скопивъ наверху облака, которыя не могли сразу протолпиться въ узкій проходъ, которымъ, очевидно, имъ хотѣлось пробраться до Владикавказа и тамъ хорошенько помочить жителей за то, что они выбрали такое близкое къ горамъ сосѣдство. Стало дышаться вольнѣе.

Подъемъ дѣлался все круче. Шестерикъ шелъ шагомъ. Терекъ опускался все ниже вглубь ущелья, а дорога вздымалась все выше и выше. Здѣсь горы были уже розовыя отъ заката, небо лиловое, облака золотыя.

— Ахъ, хорошо! волновалась фонъ-Мантейфель.—Я столько вынесла сегодня впечатлѣній, что не могу даже сообразить и разобраться въ нихъ.

— Господа, сказалъ Больдераевъ,—намъ придется ночевать въ аулѣ Казбекъ. Поѣдемте завтра на охоту за турами! Я здѣсь много разъ охотился.

Но всѣ единогласно отказались.

— Такъ неужели же мы проѣдемъ мимо Казбека, не полюбовавшись ледниками?

— На ледники съѣздимъ, согласился Туровѣровъ.

Несчастный! Думалъ ли онъ, что, соглашаясь на эту поѣздку, онъ подготовляетъ себѣ грустное будущее, и уже стоитъ у самой черты несчастій!

— А вы поѣдете? спрашивалъ Ахлибиновъ свою даму.

— У меня есть амазонка, коротко отвѣтила она.

За однимъ изъ поворотовъ дорога пошла внизъ, подъ гору, въ широкую лощину, гдѣ находился аулъ Казбекъ. Въ Терекъ съ шумомъ впадала рѣчка, носившая меланхолическое названіе «Бѣшеной балки». Шестерикъ проѣхалъ по трясущемуся мостику и остановился у стѣнъ каменной гостиницы, построенной какъ разъ на берегу Терека. Солнце уже закатилось, и огромная снѣговая глыба Казбека казалась темно-фіолетовой

на зеленовато-золотистомъ фонѣ вечерняго неба. Надъ ауломъ низко висѣло облако. То-есть оно висѣло совсѣмъ не низко, а аулъ забрался слишкомъ высоко.

По грязной лѣстницѣ, которая оказалась ужасно похожей на черныя лѣстницы Петербурга, пришлось подняться во второй этажъ. Но здѣсь, къ удивленію, номера оказались большіе, съ огромными окнами и довольно опрятные. На вопросъ Больдераева—есть ли клопы, слуга-осетинъ отвѣтилъ:

— Ни одного клопа, коли самъ кто съ собой не привезъ, мы не держимъ.

Больдераевъ рѣшилъ, что въ такой большой комнатѣ могутъ смѣло помѣститься трое, и велѣлъ себѣ поставить небольшую кровать. Барыня поселилась въ номерѣ рядомъ. Изъ большого номера вела дверь на террасу, которая приходилась какъ разъ противъ Казбека. Внизу журчалъ Терекъ и стоялъ бѣлый мраморный фонтанъ полу-античнаго стиля. Сумерки надвигались быстро. Наверху, на Казбекѣ, возлѣ вершины показался какой-то дымный столбъ.

— Что это? спросилъ Туровѣровъ, наставляя туда зрительную трубу.—Дымъ? Вулканъ?

— Это снѣжная буря, пояснилъ Больдераевъ:—тамъ какіе-нибудь ужасающіе обвалы, подъ вліяніемъ солнца, отъ растаявшихъ снѣговъ.

— Боже мой! сказала фонъ-Мантейфель.

Ахлибиновъ предложилъ пойти осма
аулъ. Туровѣровъ сказалъ, что останетс
цать картину вечера на Казбекѣ.

Онъ вынесъ на террасу буковый с
сѣлъ, въ безмолвномъ созерцанiи велич
ной картины. До сихъ поръ, къ тѣмъ вп
нiямъ, что онъ выносилъ изъ панорамъ К
присоединялось чувство какой-то будничн
пошлости, которая привезена была съ соб
Петербурга и отъ которой никакъ нельз
отдѣлаться. Во времена Пушкина и Лерм
дѣло было совсѣмъ иначе поставлено.
ѣздили съ «оказiей», то-есть съ пушкой
воемъ: уже одинъ этотъ воинственный
поѣздки заставлялъ путешественника
ситься въ иной мiръ. Теперь, при теле
превосходномъ шоссе, которое не уступал
ловску и Петербургу, при хорошей рес
колясkѣ, при полномъ удобствѣ къ путеше
казалось, что картины Кавказа проходятъ
передъ глазами, какъ декорацiя въ балетѣ.
это была не настоящая поѣздка, за двѣ т
верстъ отъ Петербурга, а шуточная про
съ туманными картинами. А вотъ тепер
вдругъ почувствовалъ, что сталъ лицомъ к
съ Кавказомъ.

Западъ гасъ и блѣднѣлъ. Гора меркла
нѣла. Мысли Туровѣрова приняли другой об
Онъ смотрѣлъ на Казбекъ, и въ немъ п

мались новыя чувства, новыя ощущенія. Ему казалось, что этотъ снѣжный великанъ смотритъ на него изъ допотопнаго міра, окутанный такимъ же блѣднымъ, холоднымъ саваномъ, какъ и тогда, во времена Ноя. Наперекоръ вѣкамъ, онъ стоитъ здѣсь, таинственно поднимая къ небу свою бѣлую чалму, точно дремлетъ въ очарованномъ снѣ, до новой ужасной катастрофы, когда подземныя силы вновь пробьютъ его ледяную кору и огненная лава хлынетъ жгучимъ потокомъ по его снѣжнымъ ребрамъ...

Темнѣло все больше. Въ аулѣ зажглись огни. Въ сосѣднемъ духанѣ раздались пискливые звуки какого-то музыкальнаго инструмента. Терекъ шумѣлъ попрежнему. Наверху затеплилась звѣзда переливчатымъ огнемъ. Потомъ показалась другая и третья. Ночь налетала съ востока быстро и двигалась по горамъ со скоростью, замѣтною для глаза. Вотъ и западъ меркнетъ. Земной шаръ всей своею массой мчится впередъ, оставляя на западѣ слабое мерцаніе свѣта. Сѣрый туманъ поднимается снизу, ползетъ по ребрамъ и уклонамъ горъ и все окутываетъ своей однообразной траурной дымкой.

Стало холодно. Туровѣровъ вздрогнулъ и пошелъ къ себѣ. По лѣстницѣ шумно всходили его спутники. Они, смѣясь, стали ему разсказывать о томъ, какъ они видѣли печеніе хлѣба, и какъ

хорошенькія грузинки не закрывали передъ ними лицъ, и какъ на Казбекѣ весело и хорошо.

Потомъ всѣ отправились въ столовую, гдѣ никого не было, но горѣли ярко лампы и блестѣли стеклянные колпаки закусокъ съ какими-то окаменѣлостями. По стѣнамъ и окнамъ повѣшены были красивые турьи рога и грудой навалены были блестящіе камушки съ Казбека. Живо явились горячія щи, котлеты, кахетинское. Всѣ набросились на ѣду съ жадностью, и даже фонъ-Мантейфель сказала:

— Не смотрите на меня: я буду много ѣсть; я очень голодна.

Словомъ, она выразила высочайшую неделикатность, совершенно несвойственную женщинѣ, какъ неземному созданію. Неземное созданіе не можетъ ѣсть бараньихъ котлетъ и тѣмъ паче пить кахетинское. Но плоть взяла свое и, для поддержанія духа, пришлось удовлетворить требованіямъ природы.

Больдераевъ предложилъ сдѣлать пуншъ и непремѣнно всѣмъ выпить, и вотъ на какомъ основаніи:

— Англичане, какъ извѣстно, всю свою жизнь переѣзжаютъ съ мѣста на мѣсто. Они часто терпятъ въ дорогѣ отъ холода, голода, аварій, кру- [illegible] прочаго. Между тѣмъ, они всегда здо- [illegible]исходитъ это потому, что они постоянно [illegible] хорошій пуншъ, изъ добраго

коньяку или рому. Почему бы намъ для здоровья не послѣдовать примѣру этихъ просвѣщенныхъ мореплавателей?

Было, въ самомъ дѣлѣ, холодно. Спросили кипятку, сахару, лимоновъ, и Больдераевъ сталъ архимагистрвовать. Онъ, дѣйствительно, былъ знатокъ дѣла: наливалъ немного крутого кипятку на сахаръ, разбалтывалъ, клалъ лимонъ, потомъ наливалъ три рюмки бѣлаго рому и сверху снова доливалъ кипяткомъ.

— Пейте, пока горячій, пейте, пока горячій, торопилъ онъ.

Пуншъ еще болѣе расположилъ путниковъ къ отдохновенію. Сильныя впечатлѣнія минувшей дороги, горный разрѣженный воздухъ, усталость, обвѣтренность лицъ, — все это способствовало тому, чтобы скорѣе улечься.

— Господа! говорилъ Больдераевъ,— позвольте предложить вамъ встать завтра въ четыре часа, сѣсть на коней и прямо двинуться наверхъ, по склонамъ Казбека? Препоручите это мнѣ. Я все устрою. Лошади къ четыремъ будутъ готовы. Еще орлица не успѣетъ накормить завтракомъ своихъ дѣтенышей, какъ мы уже будемъ далеко за предѣлами живой жизни.

— То-есть какъ? испугалась фонъ-Мантейфель.

— То-есть, въ полосѣ снѣговъ. Согласны?

Всѣ согласились.

Былъ уже одиннадцатый часъ: оставалось

кихъ-нибудь пять часовъ до отъѣзда. Пора было отдохнуть. Всѣ простились и разошлись. Ахлибиновъ особенно долго держалъ въ своихъ рукахъ нѣжную ручку де-Бособоръ-фонъ-Мантейфель. И она не выдергивала ея, а смотрѣла прямо ему въ глаза голубыми глазами. Туровѣрова опять что-то кольнуло въ сердце, и онъ подумалъ въ душѣ:

«Нечисто!»

XVI.

Ночь ужасовъ.

Всѣ немедленно улеглись на сырыя простыни и плотнѣе закутались въ одѣяла и пледы. Туровѣровъ легъ подлѣ стѣны, на которой висѣлъ коверъ, изображающій турчанку, курящую кальянъ. Ахлибиновъ расположился неподалеку отъ него, а Больдераевъ легъ по серединѣ комнаты. Сонъ не заставилъ себя долго ждать, и Ахлибиновъ съ Больдераевымъ очень скоро — одинъ носовымъ присвистомъ, другой романтическимъ всхрапываніемъ — обнаружили, что духъ ихъ перенесся въ иной міръ.

Туровѣровъ не заснулъ сразу. Онъ въ непроизвольной вереницѣ образовъ видѣлъ, какъ мелькаютъ предъ ними красоты Дарьяла, шумитъ Терекъ, бѣгутъ розовыя облака. Дарьялъ казался ему кошмаромъ, и вдругъ ему такъ ясно пред-

ставилось: однако, какъ ужасно провести темную, безпросвѣтную ночь въ этомъ ущельѣ, жить въ этой игрушечной крѣпости, или ѣхать въ грозу въ коляскѣ, которая едва даетъ свѣтъ отъ своихъ фонарей и освѣщаетъ только два кружка направо и налѣво: одинъ упирается въ стѣну отвѣсной скалы, а другой теряется въ мутныхъ волнахъ Терека. Кошмаръ надвигался на него — отъ ногъ, и выше, доходилъ до груди, давилъ ее. Онъ вздрагивалъ и просыпался.

Вдругъ раздался въ комнатѣ странный шорохъ. Очевидно, пошевелились закуски, стоявшія на окнѣ. Тамъ лежало три десятка яицъ. Несомнѣнно, имъ наскучило лежать безъ движенія, и они стали биться другъ о друга. Это не былъ сонъ. Туровѣровъ даже приподнялся и сѣлъ на постели. Яйца катались. Одно изъ нихъ подкатилось къ краю подоконника и грузно шмякнулось на полъ, разбившись. Судьба этого яйца, очевидно, остановила на время остальныхъ. Но прошла минута, и катаніе возобновилось.

Это было ужъ черезчуръ. Туровѣровъ зажегъ свѣчку. Спутники его, попрежнему, предавались покою. Онъ всталъ съ кровати и тихо пошелъ къ окнамъ. Въ простѣнкѣ между ними стоялъ репсовый диванъ, а на диванѣ сидѣла виновница всего шума.

То была мышь, большая, жирная сѣрая мышь, съ черными глазками и длиннымъ голымъ

стомъ. Сидѣла она на мягкой спинкѣ дивана, прижавшись всѣми четырьмя лапами и съ безпокойствомъ слѣдя за толстымъ человѣкомъ, стоявшимъ передъ ней со свѣчкой, но безо всякаго костюма.

— А, ты вотъ гдѣ! сказалъ онъ. — Хорошо!

Онъ не боялся мышей, какъ ихъ боятся боевые генералы и атлеты, поднимающіе въ циркѣ 40 пудовъ; но онъ хотѣлъ спать, потому что завтра надо вставать чѣмъ свѣтъ. И потому онъ одѣлся, наскоро, кое-какъ, и пошелъ въ туфляхъ шлепать по коридору, отыскивая прислугу. Первымъ дѣломъ онъ наткнулся на Иду Николаевну. Она вскрикнула и хотѣла скрыться, потому что была въ папильоткахъ и ночномъ широкомъ капотѣ. Но Туровѣровъ удержалъ ее за руку и сказалъ:

— Сударыня, у насъ довольно странное происшествіе.

Какъ на грѣхъ, де-Бособоръ-фонъ-Мантейфель не боялась ни пауковъ, ни таракановъ, ни лягушекъ; но одно воспоминаніе о мыши приводило ее въ ужасъ. Она закрыла лицо одной рукою (другой она держала свѣчку) и сказала:

— Нѣтъ, это ужасно. Неужели и у меня тоже?

Потомъ она, оглянувшись, вспыхнула:

— Но если насъ застанутъ вдвоемъ въ эту пору, что подумаютъ!

Она юркнула къ себѣ. Туровѣровъ разбудилъ лакея-осетина и потребовалъ кошку. Тотъ сказалъ: «хорошо, можно», но сперва пошелъ удо-

стовѣриться, дѣйствительно ли сидитъ мышь на диванѣ. Къ немалому удивленію Туровѣрова, она сидѣла на томъ же мѣстѣ. Осетинъ промолвилъ:

— Скажи пожалюста,—а?

И наклонился, чтобъ взять ее за хвостъ. Но мышь была рѣшительно противъ этого и перебѣжала на другой конецъ дивана, чѣмъ вызвала новое замѣчаніе кавказца:

— Вотъ ты какой, скажи пожалюста!

Онъ ушелъ и принесъ черезъ пять минутъ соннаго котенка. Котенокъ щурился отъ свѣта и зѣвалъ. Онъ положилъ его почти на мышь. Тотъ потянулся и сѣлъ. Но мыши онъ рѣшительно не понравился, и она тотчасъ юркнула за спинку дивана.

— Кусай его, кусай! посовѣтовалъ осетинъ и ушелъ. Туровѣровъ хотѣлъ погладить котенка, но тотъ увернулся. Потомъ онъ принюхался къ дивану, насторожился и, весь подобравшись, осторожно пошелъ по мышиному слѣду.

— Ага, клюетъ! подумалъ Туровѣровъ.

Котикъ повернулся, прошелся по окну, гдѣ мышь катала яйца, спрыгнулъ и тихонько залѣзъ подъ диванъ.

— Ну, и чудесно! сказалъ Туровѣровъ, и погасилъ свѣчку.

Воцарились тишина и спокойствіе. Ни откуда не долетало ни звука. Туровѣровъ под[illegible] «какъ хорошо, вотъ сейчасъ можно буд[illegible]

снуть», и тотчасъ же ясно увидѣлъ предъ собой Ермоловскій камень близъ Ларса.

Но вдругъ тишина нарушилась жалобнымъ звукомъ. Туровѣровъ вздрогнулъ и открылъ глаза. Несомнѣнно, котенокъ мяукалъ. Голосъ его, жалобный и неясный, то звучалъ далеко между оконъ, то приближался къ двери.

Туровѣровъ спустилъ ноги съ кровати.

— Кисъ, кисъ, кисъ! Кисенька! Поди сюда. Поди, милый! Что ты, свинья этакая, не даешь спать, ну, поди!

Тотъ медленно и осторожно подошелъ. Онъ взялъ его за шиворотъ и положилъ на кровать.

— Лежи, рыжій, стереги отъ мышей, лежи.

Свѣчка потушена. Котенокъ мурлычитъ и гуляетъ взадъ и впередъ по кровати. Все уладилось какъ нельзя лучше.

Но у дивана опять шорохъ. Потомъ стукъ и шуршанье бумагой на окнѣ. Котенокъ тихо спрыгиваетъ съ постели, и все умолкаетъ.

Опять быстрое шуршаніе. Два прыжка и тишина.

Туровѣровъ видитъ Ермоловскій камень. Ему кажется, что по камню взадъ и впередъ бѣгаютъ мыши. Онъ просыпается. Тишина. За окномъ шумитъ Терекъ.

Спать хочется серьезно. Онъ перевертывается на правый бокъ и закрывается съ головой. Тепло, хорошо. Мысли путаются. Котенокъ ведетъ себя превосходно. Что теперь дѣлается на Араратѣ?..

Вдругъ медленное, протяжное мяуканье. Котенку скучно, котенокъ хочетъ гулять. Положительно, у него голоса больше и онъ мелодичнѣе, чѣмъ у любого опернаго пѣвца. Модуляціи недурны. Внезапно просыпается вице-директоръ.

— Ребенокъ? испуганно спрашиваетъ онъ.— Чей ребенокъ? Гдѣ ребенокъ? Подкинули?

Его успокаиваетъ пріятель, и онъ моментально засыпаетъ. Котенокъ со скуки лѣзетъ по портьерѣ наверхъ, обрывается и падаетъ съ шумомъ.

— Я тебя выброшу вонъ! грозитъ ему Туровѣровъ, а самъ думаетъ: «Да, выброси его, опять мыши забѣгаютъ».

Мертвая тишь. Передъ Туровѣровымъ ясно возстаютъ фигуры турокъ, что чинятъ шоссе въ Дарьялѣ. Русскіе пьяницы, а турки не пьютъ. Вездѣ на Кавказѣ рабочіе—турки. Самое лучшее наслѣдіе послѣдней войны. Красивые, стройные, мускулистые... Даже лохмотья на нихъ красивы... Они копошатся внизу, у самой воды, ворочаютъ камни. Груди у нихъ открытыя, поросшія волосами, загорѣлыя; на головахъ — красные платки, которые такъ и горятъ на южномъ солнцѣ...

Отчаянный крикъ; не одинъ, а два крика. Одинъ— крикъ испуга и ужаса; другой — крикъ боли и крайняго отчаянія. Среди криковъ слышны слова: «Ай! что! держите! ловите!»

Дрожащими руками Туровѣровъ зажигаетъ

свѣчу. Испуганный вице-директоръ стоитъ, трясясь, передъ нимъ и лепечетъ:

— Я вѣдь говорилъ, что подбросили ребенка.

На кровати Больдераева сцена. Онъ крѣпко держится за хвостъ рыжаго котенка, который немилосердно кричитъ и кусаетъ ему руку.

— Оставьте кота! Что вы съ нимъ дѣлаете! закричалъ Туровѣровъ.

Антонъ Ивановичъ машинально разжалъ кулакъ, и несчастное животное опрометью бросилось въ уголъ.

— Нѣтъ... а что онъ со мной сдѣлалъ! жаловался онъ.— Я чувствую сквозь сонъ что-то возлѣ моего лица, меня кто-то нюхаетъ, дышитъ мнѣ прямо на носъ. Протягиваю руку: мохнатая морда. Я подумалъ, что крыса, и схватилъ ее, а она какъ укуситъ!

Рука у него была вся исцарапана и искусана. Тогда Туровѣровъ началъ грустное повѣствованіе о приключеніяхъ ночи. Когда онъ кончилъ, Больдераевъ сказалъ, что предпочитаетъ десятокъ мышей одной кошкѣ, такъ какъ мыши нюхать его не будутъ. Рѣшили котенка выбросить за дверь, но онъ не давался и забился подъ кроватъ Туровѣрова. Тогда Больдераевъ всталъ на четвереньки и запустилъ руку подъ кроватъ. Котенокъ съежился и зафыркалъ, увидя своего врага. Но рагъ все-таки вытащилъ его за лапу и понесъ двери. Едва онъ отворилъ ее, какъ раздалось

новое восклицаніе: у двери стояла Ида Николаевна со свѣчой и спрашивала: «Что у васъ, мышь?» Восклицаніе же собственно относилось къ костюму Больдераева, который былъ весьма легкомысленнымъ.

Дверь заперли и успокоились. Туровѣровъ подошелъ къ окну и отогнулъ штору. Уже свѣтало; Казбекъ смутно бѣлѣлъ попрежнему недвижно и тяжело своей массой. Въ пятый разъ онъ полѣзъ подъ одѣяло, но сонъ уже совсѣмъ прошелъ у него.

«Совсѣмъ страница изъ Буша — эта ночь», думалъ онъ, вспоминая рисунки знаменитаго нѣмецкаго карикатуриста, снискавшаго себѣ славу изображеніемъ ночныхъ недоумѣній и пертурбацій съ ловлей кошекъ, мышей и обезьянъ...

Заснуть онъ уже не могъ. Почемъ знать, быть можетъ, эта безсонная ночь и повліяла, главнѣйшимъ образомъ, на тѣ послѣдующія печальныя событія, которыя роковымъ образомъ, въ свой чередъ, повліяли не только на ихъ восхожденіе на Араратъ, но и на всю будущую ихъ жизнь! То-есть авторъ, конечно, подразумѣваетъ жизнь земную, а не загробную.

XVII.

Пробное восхожденіе къ ледникамъ. — Начало страданій.

Въ ущельяхъ еще было темно, когда разбудили путешественниковъ, и только Антонъ Ивановичъ, совсѣмъ одѣтый, въ высокихъ сапогахъ, ходилъ молодцовато по коридору, похлестывая нагайкой и покрякивая. Онъ выпилъ три рюмки шнапса, бутылку кахетинскаго и былъ чрезвычайно доволенъ собой. Онъ совѣтовалъ всѣмъ поступить такъ же, говоря, что Богъ знаетъ, какія испытанія ждутъ ихъ сегодня. Снѣжныхъ вихрей хотя и не замѣчалось наверху, но, по словамъ Антона Ивановича, это было потому, что вообще ничего не было видно. Больдераевъ стучался къ де-Бособоръ-фонъ-Мантейфель и просилъ ее одѣваться теплѣе, такъ какъ ночь стояла холодная, а въ снѣгахъ неизвѣстно какая будетъ температура. Фонъ-Мантейфель говорила черезъ дверь: «да, да, я знаю!» и шуршала шелковыми юбками. Подъ окнами кони уже грызли удила и стучали подковами о камни, и каждый звукъ чутко раздавался въ ночномъ воздухѣ.

Антонъ Ивановичъ настоялъ на коньякѣ: онъ говорилъ, что всѣ должны выпить по рюмочкѣ финь-шампань. Необходимъ подъемъ духа. Нѣтъ ничего гнуснѣе, какъ пить вино каждый день.

[redacted]

На это способны только пьяницы. Вино дано намъ свыше, какъ высочайшій даръ небесъ. Къ нему надо прибѣгать въ трудныя минуты жизни. Вино поднимаетъ общую энергію тѣла и духа, оно переноситъ насъ въ какую-то новую сферу дѣятельности высшаго порядка. Въ минуты опасности, духъ, подчиняясь тѣлу, испытываетъ нѣкоторую боязнь и трусость. Вино, взвинчивая духъ, дѣлаетъ нечувствительнымъ тѣло. Мы уже небрежно относимся къ боли и думаемъ о вещахъ высшаго порядка.

Фонъ-Мантейфель рѣшила, что ей слѣдуетъ думать о вещахъ высшаго порядка, и глотнула изъ рюмки. Ей обожгло всю внутренность, захватило дыханіе. Она стала растирать грудь, приговаривая.

— O, mon Dieu!

Пріятели выпили по большой рюмкѣ. Антонъ Ивановичъ перелилъ остатки въ свою дорожную фляжку и сказалъ, что объ этомъ его дѣяніи еще не разъ вспомнятъ съ благодарностью.

Всѣ сѣли на коней. Впрочемъ, нѣтъ: Туровѣрова и Ахлибинова посадили, такъ какъ они, несмотря на всѣ усилія, не могли сами перекинуть ногу черезъ сѣдло. На всѣхъ надѣли бурки, и всѣ тронулись.

Небо начало сѣрѣть, розовѣть. Казбекъ тоже загорѣлся наверху розовыми точками, постепенно разгораясь, точно лава выступала постепенно

лодцовато повертывая в
сой головкой. Рядомъ с
рой лошади, двигался ви
ныя ноги, казалось, м
узломъ подъ брюхомъ
цессію заключалъ провод
ный неизвѣстнымъ пунк
Цѣпь всадниковъ, пе
рѣчки, свернула съ дороги
ниматься горной тропинко
новичъ сначала посвисты

Dans mon galop s
Je passe, et quand
On voit de toutes
Des cadavres épars

Эта дикая пѣсня гунна
скомъ языкѣ

— Куда ѣдышъ! Зачѣмъ туда ѣдышъ! Куда прiѣдышъ? закричалъ проводникъ, перегоняя путниковъ.—Туда нэту тэбэ дороги. Понымаешь?

— Ахъ, ты! презрительно отвѣтилъ ему Антонъ Ивановичъ. — Да я на самый верхъ Казбека лазилъ! Чтò ты мнѣ разсказываешь.

— Не лазылъ, совсѣмъ не лазылъ. На Казбекъ нельзя лазыть! опровергъ его азiатъ.—Если лазылъ, скажи, что тамъ есть?

— Снѣгъ есть.

— И совсѣмъ нэ снѣгъ. Видать, что нэ лазылъ. Коли говоришь, что снѣгъ, никогда тамъ нэ былъ.

— Такъ что жъ тамъ такое?

— Я знаю, что тамъ такое, только говорить нэ буду. Отъ старыхъ лудэй слышалъ. Никакого снѣга тамъ нѣтъ. Совсѣмъ другое. Святой туда ходылъ, одынъ святой былъ. Хорашо тамъ. Назадъ пришелъ, у него къ подошвамъ серебряныя деньги присталъ. Много денегъ.

— Серебро! крикнулъ Антонъ Ивановичъ, и такъ быстро удержалъ лошадь, что госпожа Мантейфель съ размаху наѣхала на него и еле не полетѣла съ сѣдла. — Вы слышали? обратился онъ по-французски къ Туровѣрову.—Онъ говоритъ: на вершинѣ Казбека серебряныя деньги. Это метафора. Конечно, не деньги, а серебро. Казбекъ и сторожитъ, подъ своимъ снѣгомъ, все неисчерпаемое богатство Кавказа. Быть можетъ,

мы наканунѣ открытія великой тайны! Вотъ ваша миссія, вотъ,—а не Араратъ!

Онъ хлестнулъ лошадь нагайкой и поскакалъ впередъ.

— Тише, тише! кричалъ Туровѣровъ, вцѣпляясь обѣими руками въ гриву коня, тоже шарахнувшагося со всѣхъ четырехъ ногъ впередъ.— Тише! Поспѣемъ!

Но Больдераевъ ничего не слышалъ: онъ скакалъ и громко пѣлъ въ тактъ:

C'est mon sabre superbe
Qui les éparpilla
Comme un fléau la gerbe!..
La-la! La-la! La-la!..

— Совсѣмъ сумасшедшый человѣкъ! говорилъ проводникъ.—Куда скачытъ? Зачѣмъ скачытъ? Никто не знаэтъ! Говорытъ, что снѣгъ лежытъ на Казбекъ! Совсѣмъ сумасшедшый человѣкъ?

Туровѣрову неловко было сидѣть на тугомъ азіатскомъ сѣдлѣ. Ноги его распирало, онъ не зналъ, держаться ли ему за луку, или за повода. Онъ то натягивалъ поводья, то опускалъ ихъ; лошадь недовольно потряхивала ушами и не знала, слушаться ли всадника. Бурка донельзя стѣсняла Туровѣрова, а ремни невыносимо рѣзали шею. Одна только мысль и утѣшала его, что онъ подготовляется къ восхожденію на Араратъ. Ахлибиновъ, напротивъ, чувствовалъ себя недурно и весьма усердно разго-

варивалъ съ фонъ-Мантейфель, пока можно было ѣхать рядомъ. Но когда тропинка сдѣлалась узка, пришлось всѣмъ вытянуться цѣпью.

Солнце взошло и брызнуло радужными, пурпурными красками по снѣгамъ и утесамъ. Казбекъ запылалъ, наверху опять закрутились мятели. Больдераевъ далеко ускакалъ впередъ, и только издали доносился его голосъ:

On voit de toutes parts
Des cadavres épars!..

Внизу, подъ ногами у путешественниковъ, клубились синіе, холодные туманы, свивались, растягивались, ползли, какъ змѣи, по обрывамъ. Аулъ виденъ теперь далеко внизу. По кручамъ кое-гдѣ показались стада барановъ, точно стая крохотныхъ мошекъ ползли они снизу вверхъ. Дорога становилась все труднѣе и непріятнѣе.

— Дайте немного вздохнуть, размять ноги! молилъ жалобнымъ голосомъ Туровѣровъ.

Больдераевъ согласился. Всѣ спѣшились. Туровѣрова сняли съ сѣдла. Онъ увѣрялъ, что у него образовались кровяные узлы на ногахъ и онъ не можетъ ступить. Тогда разостлали бурку и положили его на нее.

Антонъ Ивановичъ подсѣлъ къ нему и сказалъ:

— Можете ли вы ясно и точно отдать себѣ отчетъ въ томъ, что я буду говорить?

— Я думаю, съ усиліемъ отвѣтилъ Туровѣровъ.

— Въ такомъ случаѣ, слушайте.

XVIII.

Смѣлая и бойкая комбинація одного гранд
предпріятія. Страшная фаланга.

— Наверху Казбека сереброносныя жи
для меня внѣ сомнѣнія.

Туровѣровъ покрутилъ головой.

— Едва ли, сказалъ онъ.—Да если и
до нихъ добраться нельзя.

— Можно.

— Посмотрите, здѣсь, у подножія, ка
рога. Что же будетъ тамъ, дальше?

— Дальше—лучше.

— Вы думаете?

— Убѣжденъ. Такъ на Араратѣ. Внизу
чѣмъ наверху. Пойдемъ вмѣстѣ?

— Когда? испуганно спросилъ Туровѣ

— Сегодня вечеромъ.

Туровѣровъ боялся, что онъ скажет
часъ», и насчетъ вечера онъ готовъ бы
гласиться, лишь бы поскорѣй попасть о
въ гостиницу.

— Вы понимаете, продолжалъ Больдера
я приглашаю васъ какъ компаньоновъ.
товарищески дѣлюсь съ вами. Половина
двоимъ, половина мнѣ. Мы будемъ милл

— Постойте, остановилъ его Туровѣр
вѣдь вы же сами говорите, что это мет
Можетъ, онъ снѣгъ называетъ серебромъ!

— Нѣтъ, я убѣжденъ теперь, для меня это ясно, какъ Божій день. Отчего же такъ ревниво охраняются вершины этихъ горъ, отчего онѣ окружены ореоломъ недоступности? Посмотрите, далеко ли до вершины. Неужели нельзя туда проложить удобную дорогу? Вздоръ! Съ того момента, какъ будетъ констатировано присутствіе руды на вершинѣ, моментально явится эксплоатація пути. Здѣсь пройдетъ желѣзная дорога съ зубчатыми рельсами, какъ прежде была на Риги. Здѣсь будутъ гостиницы, мѣста отдохновенія отъ кавказскихъ жаровъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ сюда будутъ пріѣзжать на пикники. На самой вершинѣ, возлѣ шахтъ, мы построимъ большой теплый отель. При отелѣ великолѣпный катокъ,—устроимъ спортъ на конькахъ. Катанье въ саняхъ тоже превосходное. На самомъ верху—обсерваторія съ правительственной субсидіей. Капиталы къ намъ повалятся. Нѣтъ: вы только подумайте, какой видъ оттуда, съ вершины! И вѣдь холода едва ли тамъ особенно большіе! Ну, 10, 12 градусовъ Реомюра, едва ли больше! Какъ вамъ нравится мой проектъ?

— Проектъ превосходный, подтвердилъ Туровѣровъ, растирая ногу.

— Желѣзную дорогу надо начать отъ аула Казбекъ. До него ѣзда на лошадяхъ; это варварство портить панораму Дарьяла закрытыми вагонами. Я этого не допущу. Какъ вы полагаете?

только будетъ двигат
бека, но освѣщать эл
ницу. Это, батенька,
какомъ и не снилось
надо поставить на са
Швейцаръ—негръ. По
англичане и татары. Д
съ оленями, грузины с
слонами, камчадалы съ
всѣмъ отелямъ Европы,
«Grand-Hôtel de Казбек
тысячъ футовъ. Да вот
задъ, я вамъ составлю
Въ это самое время ра
фонъ-Мантейфель. Даже
на свою больную ногу, вс

— Что такое, въ чемъ дѣло? допрашивалъ Туровѣровъ.

— Мы сидѣли, разговаривали, объяснилъ Ахлибиновъ.—Я толкнулъ ногой камень... и вдругъ...

Онъ самъ поблѣднѣлъ, понявъ весь ужасъ только что происшедшаго.

— И вдругъ изъ-подъ него выскочила сороконожка и побѣжала мимо насъ. А проводникъ кричитъ: «фаланга! фаланга!» Ну, мы тутъ и побѣжали...

— Гдѣ же она? спросилъ Больдераевъ.

— Она туда побѣжала куда-то...

— Чего же вы испугались? Я говорю вамъ, у меня есть превосходное средство отъ укушенія фалангой.

— Съ вами?

— Нѣтъ, не со мной. Но если бъ она проползла по васъ, — сейчасъ бы поѣхали назадъ въ гостиницу, а черезъ часъ вы были бы здоровы.

— Смотри, фаланга по тебѣ ползетъ! крикнулъ проводникъ, показывая плеткой на ногу Больдераева.

Тотъ моментально сдѣлалъ такой прыжокъ, которому позавидовалъ бы и кавказскій туръ. Только когда проводникъ захохоталъ, онъ понялъ, что это была шутка, и выругалъ его идіотомъ.

— Ну, а теперь — ѣдемъ! заключилъ онъ.—

на своего конька, прок
ратъ. Дорога стала ш
поѣхалъ рядомъ съ Ма
преинтересный разгово
рванъ проклятой фала
дробности о томъ, какой
ея мужъ, и сколько муки
Теперь она искала усп
угла, который успокоил
сердце. При этомъ она в
нова такъ, что у него
икрамъ.

— Итакъ, говорилъ о
были снова выйти замуж

— Ахъ, отвѣтила она,-
найти человѣка. Вы зна
меня мужъ

новъ,—вы... извините за вопросъ: имѣете право на вторичное бракосочетаніе?

Она благодарно посмотрѣла на него и протянула руку. Онъ машинально подалъ свою.

— Да! шепнула она.—Да!

— C'est mon sabre superbe!

раздавалось впереди... Но Ахлибиновъ и Мантейфель были полны охватившимъ ихъ счастьемъ и ничего не слыхали.

Дорога стала опять ўже, и опять всѣ вытянулись цѣпью. Долина Терека теперь далеко вилась гдѣ-то внизу, а Больдераевъ велъ впередъ увѣренно и смѣло. Очевидно, онъ здѣсь охотился на туровъ, тѣмъ болѣе, что вдали раза два на молочномъ фонѣ расходившагося тумана мелькнули бойко закрученные рога этого горнаго красавца. Дышалось легко и свободно. Кони шли, не высказывая усталости, карабкаясь, какъ кóзы, по уклонамъ. Орлы вздымались откуда-то изъ невидимыхъ гнѣздъ и парили, выглядывая добычу, надъ безднами. Солнце уже врѣзалось однимъ краемъ надъ горнымъ хребтомъ и грѣло путешественниковъ. А они вздымались все выше и выше.

Никогда еще неприступныя громады не оглашались такимъ репертуаромъ шансонетокъ, какъ тотъ, которымъ вдругъ прорвало Антона Ивановича; онъ оказался весьма близко знакомымъ со всѣмъ тѣмъ, что составляетъ умственный и

эстетическій горизонтъ бульварнаго Парижа. Даже проводникъ улыбался нѣкоторымъ мотивамъ, до того они были забирательны.

— Однако, здѣсь, на холоду, заболитъ горло, вдругъ сообразилъ Больдераевъ и сталъ вмѣсто пѣнія декламировать стихи:

Высоко надъ семьею горъ,
Казбекъ, твой царственный шатеръ...

при стихахъ:

Туда бъ, въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога скрыться мнѣ!

онъ показалъ на вершину Казбека. Очевидно, монеты, прилипшія къ ступнямъ святого, не давали ему покоя.

Дорога стала какой-то странной, она сузилась настолько, что едва ли могли бы разъѣхаться встрѣчные всадники. Съ одной стороны прямымъ отвѣсомъ внизъ шла круча. Съ другой стороны воздымалась огромная каменная скала, шедшая на безконечное пространство кверху. Кое-гдѣ журчали ручьи изъ-подъ ледяной, не таявшей коры. Оледенѣлые камни гулко откатывались изъ-подъ копытъ лошадей. И дорога все выше, выше...

Туровѣровъ чувствовалъ головокруженіе. Рѣдкій ли воздухъ вліялъ на него, яркій ли блескъ снѣговъ, опасность ли узкаго горнаго пути,— только онъ едва держался на сѣдлѣ. Зеленыя и

[redacted]

оранжевыя пятна расплывались передъ его глазами и прыгали вокругъ. Все застилалось туманомъ, грудь дышала нервно и порывисто.

Наконецъ онъ почувствовалъ какой-то странный толчокъ, боль въ боку, — и увидѣлъ пропасть внизу, передъ самыми глазами. Онъ смотрѣлъ на нее сверху, и въ то же время у него явилась мысль: «вотъ, когда летишь, какъ хорошо видно съ птичьяго полета». Но онъ не летѣлъ, а висѣлъ въ пространствѣ недвижно, даже какъ будто подымался кверху. Терекъ бѣжалъ внизу серебристой ленточкой, орлы летали гдѣ-то внизу. Онъ закрылъ глаза и рѣшилъ, что такъ еще лучше.

XIX.

Страданія доходятъ до nec plus ultra. — Прыжокъ смерти. — Ангелъ утѣшенія въ образѣ де-Бособоръ-фонъ-Мантейфель.

Очнулся онъ отъ обильнаго количества коньяку, влитаго ему въ ротъ. На корточкахъ возлѣ него сидѣли проводникъ и Больдераевъ. Въ сторонѣ, Ахлибиновъ опять поддерживалъ фонъ-Мантейфель и утѣшалъ ее. Первая мысль Туровѣрова была о томъ, что онъ себѣ сломалъ ключицу, ногу, тазъ, хребетъ, голову. Но все оказалось цѣло.

— Плохой вы путешественникъ! сказалъ Боль-

дераевъ.—А еще на Араратъ собрались. Вамъ надо выучиться на лошади сидѣть сперва.

Хотя ничего у Туровѣрова сломано не было, но болѣло все, потому что онъ свалился плашмя съ лошади на самый край бездны. Проводникъ еле успѣлъ его подхватить. Теперь одна мысль о томъ, какъ онъ доѣдетъ до гостиницы, приводила его въ трепетъ. Онъ готовъ былъ остаться здѣсь одинъ, въ обществѣ фалангъ, только бы не спускаться внизъ съ этой убійственной горы. Онъ предложилъ проводнику облагодѣтельствовать все его семейство, лишь бы тотъ доставилъ какія-нибудь носилки, но проводникъ ничего не понялъ.

— Что такое? Какія носилки? Оставь, пожалуйста! Нѣтъ у меня дѣтей! Зачѣмъ тэбѣ мои дѣти? Нѣтъ у меня дѣтей! Садись на лошадь, поѣдемъ за сумасшэдшимъ.

Но ѣхать дальше Туровѣровъ рѣшительно отказался. Фонъ-Мантейфель была того же мнѣнія, и большинствомъ голосовъ рѣшено было возвратиться назадъ.

Въ самый ужасный часъ смерти Туровѣровъ не забудетъ этого дьявольскаго спуска. Ему припомнился разсказъ Больдераева о томъ, какъ лошадь, присѣвши на заднія ноги, катится куда-то внизъ по наклонной плоскости. Отъ истины была недалека дѣйствительность. Лошадь его при спускѣ какъ-то сразу ставила обѣ заднія ноги, спу-

скаясь внизъ какъ по ступенямъ. Онъ боялся тронуть поводъ, чтобы неосторожный шагъ лошади не кувырнулъ его въ бездну. А тутъ еще проводникъ, который все время покрикиваетъ:

— Дэржи лѣво, вправо камень замерзъ, лошадь сколзить будетъ. Дэржи право, попадешь внизъ, совсѣмъ разобьешься, нычего нэ останется. Оставь лошэдь, лошэдь умная, лошэдь умнѣе, когда ей не правитъ. Подбэри поводья, дэржи крѣпко.

Одинъ разъ, по замерзшей площадкѣ его лошадь покатилась внизъ на всѣхъ четырехъ копытахъ. Она докатилась такъ до самаго краешка, уперлась передней ногой въ камень, остановилась, фыркнула и опять осторожно стала шагать по узкой извилинкѣ.

«Этотъ камень спасъ мнѣ жизнь», думалъ безсвязно Туровѣровъ. «Изъ благодарности я долженъ взять его съ собою. А какъ его взять, когда въ немъ пудовъ пять вѣсу?»

Проводникъ велъ ихъ назадъ другой дорогой. Онъ не соглашался, что путь, указанный Больдераевымъ, былъ кратчайшій. Онъ увѣрялъ, что они совсѣмъ скоро пріѣдутъ, черезъ два часа пріѣдутъ.

— Совсэмъ хорошая дорога. Только въ одномъ мѣстѣ прыгать надо.

— Куда прыгать? съ отчаяніемъ спросилъ Туровѣровъ.

— Зачѣмъ забо
рахъ заборы строя
резъ дыру прыгать
на двѣ идетъ, чер
какъ хорошо будэт
Высокая лука азі
спину Туровѣрова,
и соединились въ э
А какъ нарочно, пр
корпусомъ отвалив
болящимъ мѣстомъ о
луку. Туровѣровъ
жденія, день, когда
нову мысль ѣхать н
проклиналъ сегодняш
на эту отчаянную п
поглядыва

ее знаетъ, на какую глубину треснула внутрь. Трещина была не больше двухъ аршинъ. Въ прежнее время Туровѣровъ ее легко бы перепрыгнулъ безъ лошади. А теперь?..

Онъ оглянулся, нѣтъ ли гдѣ доски, чтобъ перекинуть на ту сторону. Но доски не было. Предчувствіе говорило ему, что прыжокъ этотъ будетъ послѣднимъ и онъ вмѣстѣ съ лошадью полетитъ въ бездну. Снѣга Казбека сіяли на солнцѣ такъ же безчувственно, какъ всегда, и не входили въ его положеніе. Однако, надо было на что-нибудь рѣшиться.

Спутники его начали перепрыгивать. Лошадь фонъ-Мантейфель спотыкнулась на прыжкѣ, и она едва усидѣла отъ неожиданности. Это окончательно обезкуражило Игнатія Платоновича.

Всѣ уже были на той сторонѣ и, повернувшись къ нему, съ любопытствомъ ожидали, какъ онъ рѣшится на скачокъ. Но онъ стоялъ упрямо у самаго края. Только лошадь нетерпѣливо посматривала на него сбоку, не понимая, изъ-за чего происходитъ такая задержка.

— Прыгай, душа моя, ну, пожалюста, прыгай, уговаривалъ его проводникъ.—Совсѣмъ пріятно. Смотри самъ.

Онъ опять очутился на его сторонѣ, поднялъ лошадь на дабы, какъ на шкворнѣ, повернулся и снова перескочилъ обратно. Но Туровѣровъ

стоялъ въ той же нерѣшительной позѣ и безсмысленно поводилъ глазами.

Тогда проводникъ протянулъ къ нему руку.

— «Ингушъ», прыгай сюда, скорѣй прыгай.

И вдругъ Туровѣровъ почувствовалъ, что его чалый «Ингушъ» легко отдѣлился отъ земли, сдѣлалъ мягкій прыжокъ и остановился рядомъ съ проводникомъ. Туровѣровъ оказался у него на шеѣ, крѣпко и любовно прижавшимся къ гривѣ. Все это было очень больно и непріятно, но пріятнѣе все-таки, чѣмъ паденіе въ бездну.

Спускъ чѣмъ далѣе, тѣмъ дѣлался легче. Снѣга остались наверху, вокругъ зазеленѣла травка. Женщины съ кувшинами на плечахъ медленно и плавно подымались отъ Терека. Солнце уже проникло въ долину и золотило весь аулъ со старой крѣпостью и огромнымъ домомъ князей Казбековъ.

И вотъ наконецъ желанный мигъ наступилъ. Они въѣзжаютъ во дворъ гостиницы. Туровѣрова снимаютъ съ сѣдла и почти несутъ,—потому что ноги его не сгибаются, не разгибаются,—наверхъ въ его номеръ. Его кладутъ на кровать, возлѣ ковра съ турчанкой, онъ съ блаженствомъ несравненнымъ, несказаннымъ протягиваетъ ноги и тутъ только чувствуетъ, что голоденъ, страшно голоденъ, что онъ готовъ съѣсть барана, только бы скорѣе, скорѣе ему дали котлетъ и кахетинскаго. Фонъ-Мантейфель, быстро переодѣвшись

изъ амазонки въ кокетливое зелененькое платье, заботливо сидитъ возлѣ него въ креслахъ и спрашиваетъ, не нужно ли чего? Онъ конфузится своего положенія и цѣлуетъ ея руку. Она наклоняется, цѣлуетъ его въ лобъ и окружаетъ благоуханіемъ резеды. Она рѣжетъ ему котлетку, наливаетъ въ стаканъ вина, онъ пьетъ и ѣстъ, а издали наблюдаетъ за ними Ахлибиновъ и, съ восторгомъ глядя на сестру милосердія, повторяетъ:

— Ангелъ! Ангелъ!

Послѣ этого Туровѣровъ заснулъ и проспалъ до вечера. Проснувшись, онъ собрался было встать, но не могъ: ноги отекли и не повиновались; въ спинѣ и боку чувствовалась боль, голова была тяжела.

«Однако, я хорошо шлепнулся», подумалъ онъ.

Въ сумеркахъ онъ услышалъ шаги по коридору и шумъ неясныхъ голосовъ. Это пришелъ дилижансъ. Потомъ все смолкло. Потомъ опять раздались шаги за дверью и голосъ, который пѣлъ:

Dans mon galop superbe...

Больдераевъ постучался и вошелъ такой же веселый и бодрый, какъ и утромъ. Въ рукахъ у него былъ тщательно исписанный листокъ, обведенный вокругъ каемочкой. Онъ подсѣлъ къ постели Туровѣрова, справился объ его здоровьѣ и затѣмъ, подавши бумагу, просилъ его откро-

венно высказаться по поводу написаннаго на листкѣ:

Туровѣровъ прочелъ слѣдующее:

Высочайшее человѣческое жилье въ мірѣ:

Grand-Hôtel de Kasbeck.

16.553 фута надъ уровнемъ моря!

Сто роскошно отдѣланныхъ номеровъ. Кухня отъ Вефура изъ Парижа. Восточныя бани. Обсерваторія. Катокъ. Веранда стеклянная, съ видомъ на Черное море, Каспійское, на Россію и Персію. Охота на туровъ. Шведскій массажъ. Кавказскія воды свѣжей разливки. Кахетинское отъ тифлисскихъ помѣщиковъ. Прогулки по ледникамъ на лошадяхъ, ослахъ, ишакахъ, верблюдахъ, оленяхъ и собакахъ. Опытные проводники изъ персовъ, камчадаловъ, кабардинцевъ и самоѣдовъ. Электрическое освѣщеніе. Желѣзная дорога. Отдѣленіе международнаго банка. Телеграфъ. Для молодого поколѣнія—опытные гувернеры и бонны. Гимнастическій залъ. Полный пансіонъ. Газеты всего міра. Каждое воскресенье — лотерея: вытащившій первый номеръ не платитъ за свое пребываніе, сколько бы ни остался въ отелѣ. Температура—16° по Реомюру. Говорятъ на всѣхъ языкахъ. Съ почтеніемъ

Больдераевъ, Туровѣровъ и К°.

Дочитавъ, Туровѣровъ такъ и подпрыгнулъ:

— Позвольте, кто же вамъ далъ право ставить мое имя!? воскликнулъ онъ.

— Но вѣдь это милліоны! воскликнулъ Больдераевъ.

— А мнѣ они не нужны! Слышите—не нужны! ·крикнулъ Игнатій Платоновичъ и закутался съ головой въ одѣяло.

Больдераевъ постоялъ надъ нимъ, покачалъ головою и, сказавъ: «вотъ она, русская инціатива!»—пошелъ изъ комнаты.

XX.

Катехинскій помѣщикъ на велосипедѣ и амуръ, связывающій неразрывными узами два сердца.

Ночью Туровѣрова трясла лихорадка. Къ утру онъ почувствовалъ себя лучше.

— Что же нашъ Араратъ? спросилъ онъ своего спутника.

— А вотъ я тебѣ приведу одного катехинскаго помѣщика, онъ тебѣ все скажетъ, отвѣтилъ Ахлибиновъ, и привелъ его дѣйствительно.

Это былъ элегантно одѣтый, перетянутый въ черкеску кавказецъ, весь заросшій, несмотря на молодость, волосами. Тѣла у него совсѣмъ не было, только были глаза, ногти и губы. Даже на носу росли волосы золотистаго цвѣта. При всемъ этомъ онъ былъ очень красивъ и граціозенъ. Оказалось, что онъ ѣхалъ на велосипедѣ изъ Владикавказа въ Тифлисъ и остановился здѣсь позавтракать.

— Напрасно вы собрались на Мазисъ,—не попадете!

— На какой Мазисъ? спросилъ Туровѣровъ.

— Вы на Мазисъ ѣдете, я слыхалъ?

— И не думали. На Араратъ.

Кахетинскій помѣщикъ захохоталъ и замахалъ руками.

— Чтò такое за Араратъ, мы никогда и не слыхали. А Мазисъ у насъ точно есть.

Туровѣровъ уставился на Ахлибинова.

— Мы, можетъ, не туда попали? спросилъ онъ.

— Да вамъ чтò, собственно, нужно? допрашивалъ помѣщикъ, поправляя свой кинжалъ и серебряные газыри.

— Видите, началъ объяснять Ахлибиновъ.— Ной въ своемъ ковчегѣ остановился на горѣ...

Кахетинскій помѣщикъ не далъ ему договорить.

— И не говорите! Все знаю. Это Мазисъ и есть. Спросите каждаго пастуха у насъ, — они знаютъ, какъ это было. И какъ Ной остановился, и голубя выпускалъ. Да какъ же! У меня братъ въ Эривани живетъ, сколько разъ я Мазисъ видѣлъ. Вотъ, въ томъ-то и дѣло, что теперь нельзя на Мазисъ итти. Въ августѣ можно, а теперь ни Боже мой! Завалы, обвалы, снѣгъ таетъ, туманы. Подождите до августа, проживите въ Кахетіи. У насъ хорошо. А теперь никто, ни одинъ человѣкъ не пойдетъ съ вами...

— Какъ же это? А? спросилъ Ахлибиновъ у своего пріятеля.

— Что?

[redacted]

— Ты говорилъ, что познакомился съ источниками. Развѣ въ источникахъ ничего не говорится о времени?

Туровѣровъ развелъ руками.

— О времени ничего не говорится.

Итакъ, надежда на восхожденіе на великую библейскую гору потеряна. Зачѣмъ же они проѣхали двѣ тысячи верстъ, зачѣмъ они подготовлялись къ подъему? Неужели жить здѣсь два мѣсяца? Гдѣ? въ Тифлисѣ? Но на это у нихъ нѣтъ времени. Неужели же первая ихъ ученая экскурсія окончится такъ печально?

Фонъ-Мантейфель часто сидѣла возлѣ него, и тогда Ахлибиновъ помѣщался тутъ же въ креслахъ. Но когда она говорила, что надо немного погулять, коварный другъ покидалъ своего несчастнаго товарища, увѣряя, что ему нуженъ покой, и уходилъ вмѣстѣ съ нею. Туровѣровъ видѣлъ, къ чему все это клонится, и въ душѣ скорбѣлъ.

Объясненіе было неизбѣжно. Наконецъ, однажды, дня черезъ четыре послѣ паденія, когда Туровѣровъ чувствовалъ себя настолько лучше, что началъ вставать и двигаться по комнатѣ, къ нему вошелъ Ахлибиновъ, переполненный чувствами и ощущеніями, которыя искали себѣ исхода. Онъ подошелъ къ сидѣвшему въ креслахъ и печально читавшему описаніе восхожденія на Араратъ другу и сказалъ:

съ... съ Идой Никола

— А! точно удиві

— Видъ съ Гудау
зія. Цвѣтущая долин
подвозъ камней для

— Да, сказалъ Тур

— Мы стояли оча
лѣтъ я ничего подоб
кое-то странное ощуш
тѣлѣ, когда стоишь
даетъ перебой...

— Когда же, ты д
ливо перебилъ Туровѣ

Ахлибиновъ опѣшил

— Сва-адьба! прот
слишкомъ торопишься

[redacted]

лѣтъ разницы, это не Богъ вѣсть что... Пожалуй...

— Постой, постой! Повторяю, у насъ еще ничего не рѣшено... Хотя сегодня совершилось... поворота нѣтъ... Она себя позволила поцѣловать...

— Ого!

— Я у нея спросилъ позволенія...

— Вотъ какъ! Первый разъ слышу, чтобъ на это спрашивали позволенія.

— Она позволила. Вокругъ были снѣга. Внизу бѣжала Арагва. Я ее слегка обнялъ. Она задрожала...

— Потомъ?

— Потомъ вдругъ поворотилась ко мнѣ, быстро меня поцѣловала и отвернулась... Какъ она покраснѣла, если бъ ты видѣлъ!

— Потомъ?

— Потомъ мы поѣхали назадъ и всю дорогу молчали. Я боюсь, не сердится ли она на меня.

— Навѣрное.

— Почему ты думаешь?

— Потому, что ты велъ себя болваномъ. Женщина его цѣлуетъ, а онъ послѣ этого два часа молчитъ.

Онъ всталъ и въ первый разъ со времени паденія прошелся довольно энергично по комнатѣ, безъ посторонней помощи: такъ силенъ у него былъ подъемъ нервовъ.

— Когда она сюда придетъ, проговорилъ онъ,—

оставь насъ вдвоемъ, мнѣ нужно съ нею объясниться. Это моя обязанность.

Ахлибиновъ заключилъ его въ свои объятія и прошепталъ:

— Я зналъ, что ты мой другъ.

Но Туровѣровъ оттолкнулъ его довольно сильно и сказалъ, что благодарить еще рано и не за что.

Вскорѣ пришла Ида Николаевна, съ лицомъ, загорѣвшимъ отъ длинной прогулки. Въ ней что-то играло. Это была совсѣмъ не та женщина, что плакала недѣлю назадъ въ вагонѣ при видѣ Эльборуса. Она, въ самомъ дѣлѣ, казалась молодой. Дышала она порывисто, выказывая свои бѣлые, ровные зубы. При видѣ ея, Ахлибиновъ бочкомъ ускользнулъ изъ комнаты. Ей это не понравилось, она нахмурилась и проводила его подозрительнымъ взглядомъ. Въ это время къ ней подошелъ Туровѣровъ и взялъ ее за руку.

— Сядьте, сказалъ онъ, и самъ сѣлъ рядомъ.— Смотрите мнѣ въ глаза.

Она подняла на него свои большіе, влажные, голубовато-сѣрые глаза.

Онъ смотрѣлъ на нее нѣсколько минутъ молча, потомъ опустилъ ея руку, нагнулся къ самому лицу и прошепталъ:

— Я знаю все!

Она вспыхнула, хотѣла встать, но онъ удержалъ ее.

— Постойте, не бѣгите. Я долженъ съ вами объясниться.

Она осталась.

— Вы знаете, началъ Туровѣровъ, — у Корнелія нѣтъ ни отца, ни матери. Ему не съ кѣмъ посовѣтоваться, не съ кѣмъ поговорить. Я одинъ у него. Я знаю съ пеленокъ этого благороднѣйшаго человѣка. Я его цѣню, уважаю и люблю. Его будущность дорога́ мнѣ, какъ моя собственная. Я могу отдать его только женщинѣ, которая всю себя принесетъ ему въ жертву...

Ида Николаевна слушала, потупивъ голову.

— Теперь онъ счастливъ, свободенъ, спокоенъ. Онъ такъ могъ бы прожить до конца дней, но судьба рѣшила иначе. Я спрашиваю васъ: способны ли вы осчастливить человѣка?

Она подняла глаза.

— Я не разъ высказывала Корнелію Васильевичу, пѣвучимъ шопотомъ заговорила она:—что задача женщины вносить свѣточъ къ своему очагу, разливать тепло и сіяніе. Женщина должна быть соткана изъ одной любви...

— Думаете ли вы, что вы сотканы именно изъ такого матеріала?

— Думаю. Я имѣла случай убѣдиться. Когда меня угнетали и мучили, я молилась за своихъ мучителей. Страданіе — удѣлъ всего земного, но сильной любовью можно заглушить самыя жестокія страданія.

— Я не только не думаю, что обожаемый другъ мой, Корнелій, способенъ на угнетеніе и причиненіе страданій, но думаю, что самъ, въ силу своей мягкости, кротости, безхарактерности, нѣкоторой, такъ сказать, слюнявости натуры, самъ весьма способенъ поддаться вліянію бабы и подпасть подъ башмакъ.

— Зачѣмъ же крайности, Игнатій Платоновичъ? заговорила она.—Между тѣми двумя положеніями, что вы рисуете, еще лежитъ цѣлая бездна. Отчего же нельзя себѣ представить двухъ существъ, которыя рука съ рукою борются или наслаждаются жизнью? Зачѣмъ видѣть вездѣ рабство и подчиненіе?

— Но согласитесь, какъ же рука объ руку вы будете работать хотя бы въ его министерствѣ?..

— Женщина должна вливать въ мужчину силы на подвигъ. Женщина должна забыть себя, свои интересы — все для пользы семьи. Она должна наряжаться ровно настолько, насколько это входитъ въ интересы ея мужа. Все въ дѣтяхъ, а если нѣтъ дѣтей, то все въ мужѣ. Женщина должна разсчитать каждый свой шагъ, каждое движеніе, чтобы хоть случайно какъ-нибудь, не обезпокоить мужа, чтобы у него никогда не зародилось тѣни подозрѣнія, что жена хочетъ коснуться его убѣжденій, взглядовъ, поступковъ, внести какую-нибудь поправку въ жизнь. Все

практическое—не ея сфера; ея сфера—духъ, поэзія, чистота, свѣтъ и тишина.

— Позвольте мнѣ поцѣловать васъ, сказалъ растроганный Игнатій Платоновичъ.

И носительница чистоты и свѣта второй разъ въ теченіе дня попала въ объятія стараго холостяка. Впрочемъ, поцѣлуй Туровѣрова былъ чисто отеческій.

— Я отдаю вамъ сокровище, говорилъ онъ:— вы изъ него все можете сдѣлать. Это матеріалъ податливый, изъ него вы можете лѣпить какую угодно форму. Но подойдите къ нему осторожно, нѣжно, не разбейте этого хрупкаго сосуда... Помните, вы лишаете меня всего. Я привыкъ въ теченіе послѣднихъ четырнадцати лѣтъ ежедневно обѣдать съ нимъ въ клубѣ. Теперь его мѣсто остается незанятымъ... Пустой стулъ будетъ напоминать мнѣ о потерѣ друга. Въ извѣстные годы, сударыня, трудно мѣнять свои привязанности...

Онъ наскоро вытеръ навернувшіяся слезы. Она протянула ему руку.

— И не мѣняйте вашихъ привязанностей, не заговорила, а какъ-то зашелестила она.—Вы можете всегда обѣдать съ нимъ, ежедневно...

— Какъ! Вы будете его отпускать къ намъ въ клубъ?

— Нѣтъ... Вы будете приходить къ нему. Тольк васъ за столомъ будетъ не двадцать человѣкъ а только... насъ будетъ только трое...

Тутъ уже не выдержалъ Игнатій Платоновичъ. Послѣдняя брешь была пробита, и онъ снова, со слезами на глазахъ, заключилъ въ объятія Иду Николаевну.

Быстро вошедшій Ахлибиновъ не зналъ, что и подумать. Туровѣровъ осторожно снялъ бѣлокурую головку съ своей груди и положилъ ее на грудь друга. Онъ обнялъ ихъ обоихъ и проговорилъ:

— Будьте счастливы, друзья мои, благословляю васъ!..

XXI.

Роковое открытіе: всѣ мечты объ экспедиціи разбиты прахомъ!

Докторъ, пріѣхавшій изъ Владикавказа, черезъ недѣлю послѣ того, какъ за нимъ послали, и осмотрѣвшій внимательно Туровѣрова, нашелъ, что онъ дней черезъ пять будетъ вполнѣ способенъ лѣзть на какой угодно Араратъ. Этотъ діагнозъ въ значительной мѣрѣ поднялъ духъ всей компаніи. Антонъ Ивановичъ, пропадавшій цѣлую недѣлю на охотѣ, возвратился подъ вечеръ совершенно пьяный, но съ двумя парами ...восходныхъ турьихъ роговъ. Онъ ничего не ...лъ изъ того, что ему объясняли о здоровьѣ ...овѣрова и о союзѣ Ахлибинова съ Идой де- ...фонъ-Мантейфель. Онъ спросилъ себѣ

бутылку кахетинскаго и за третьимъ стаканомъ сказалъ:

— Я забылъ въ объявленіи упомянуть объ а... аэ... аэролитахъ...

— О какихъ аэролитахъ? полюбопытствовалъ Туровѣровъ.

— Въ Grand-Hôtel! Будутъ, по желанію публики, летать аэро ..литы...

— Аэростаты! поправилъ его Ахлибиновъ.

— Ну, чортъ ихъ возьми, аэростаты. Это довольно странно. Вы видите, что человѣкъ усталъ, и чѣмъ бы его поддержать, вы вдругъ поправляете... Не хорошо... Не по-товарищески...

Всѣ рѣшили не оставлять идеи пробраться мѣсяцемъ позднѣе на Араратъ. Невѣста предлагала поѣхать въ Крымъ и тамъ пожить мѣсяцъ гдѣ-нибудь возлѣ Мисхора. Всѣ уже склонялись къ этому плану, какъ вдругъ произошло обстоятельство, совершенно измѣнившее все дѣло.

Однажды вечеромъ на ночевку пріѣхалъ въ Казбекъ господинъ съ сѣдою бородой вѣеромъ и черными нависшими бровями. При встрѣчѣ съ Ахлибиновымъ, онъ заключилъ его въ объятія, поцѣловался трижды, обрадовался, узнавъ, что и Туровѣровъ здѣсь, хохоталъ надъ его паденіемъ съ лошади и говорилъ все время сильна о, такъ какъ по происхожденію былъ волжанинъ.

— Изъ Египта ѣду! кричалъ онъ, стукая ку

лакомъ по столу.—Крокодиловъ видѣлъ, на пирамиду Хуфу лазилъ, вотъ въ этой самой мышкѣ и въ пледѣ. На островѣ Филе чай пилъ, бѣсы меня дери, ха-ха-ха! На ослахъ сколько изъѣздилъ. Феллашкамъ въ любви объяснялся и бирюзовыя колечки имъ дарилъ. Выучилъ ихъ пѣть хоромъ «Ахъ, вы, сѣни, мои сѣни!» Смѣшно какъ было! Въ Нубіи былъ, въ Абиссиніи былъ. Вотъ какъ меня носитъ! А? Чего же вы со мной-то не поѣхали? А? Ха-ха!

Пріятели начали объяснять цѣль своего путешествія. Крутомятовъ (такова была фамилія прибывшаго) долго слушалъ ихъ, выпуча глаза, переспрашивая и ничего не понимая. Наконецъ вдругъ онъ покатился съ хохота. Хохоталъ онъ особенно, съ перегибомъ. Для этой операціи онъ снималъ очки, хватался за бока, откидывался на спинку креселъ и начиналъ зазвонистымъ «хо-хо-хо-хо-хо!» Затѣмъ совсѣмъ перегибался впередъ и выводилъ «ха-ха-ха-ха-ха!» Затѣмъ, забиралъ въ себя воздухъ и прыскалъ хохотомъ «пф-фф-хо-хо-хо!» и опять валился навзничь. Когда онъ хохоталъ въ незнакомомъ мѣстѣ, всегда сбѣгался весь домъ, колотили его въ спину, а онъ ...лько трясъ руками, топалъ ногами и такъ вы...дилъ рулады, что всѣ окружающіе тоже къ ...му присоединялись, и всѣ начинали хохотать ...силъ и возможности.

...къ у Крутомятова на этотъ разъ былъ

особенно удаченъ. Такъ хохотали только, по описанію Гомера, боги, и отъ ихъ хохота «трясся Олимпъ многохолмный».

Слуга-осетинъ, прибѣжавъ, спрашивалъ:

— Кахетинскимъ подавился или бараномъ?

Наконецъ, въ промежутокъ между двухъ пароксизмовъ, онъ выговорилъ:

— Дурачье! Ахъ, дурачье!

И опять закатился.

Наконецъ, послѣ долгаго откашливанія и плеванія, онъ успокоился, вытеръ слезы и испустилъ послѣдній вопль, наподобіе легкаго ржанія.

— Такъ на Араратъ лѣзли? Дурачье вы!... Ковчегъ искать... Не туда попали!

— Постой, ты говори толкомъ, спрашивалъ обезпокоенный Туровѣровъ.—Почему не туда попали?

— Потому что вѣдь вы въ Арменію ѣхали? Такъ? Такъ развѣ объ этомъ Араратѣ говорится въ Торѣ?

— А о какомъ же?

— О Тибетскомъ! О Гималаяхъ!

Туровѣровъ даже поблѣднѣлъ.

— Какъ о Тибетскомъ? Тамъ нѣтъ Арарата.

— Былъ. Высшая вершина Тибета называлась Аріаратъ. Понялъ? А нашъ Араратъ назывался тогда Мазисъ.

— И кахетинскій помѣщикъ говорилъ—Мазисъ, вспомнилъ Ахлибиновъ.

— Постой! Постой! махая руками, кричалъ Туровѣровъ.—Всякому мальчишкѣ извѣстно, что ковчегъ остановился на Араратѣ.

— Ну, и что жъ изъ того?

— Ну, а этотъ Араратъ лежитъ въ предѣлахъ государства Россійскаго, неподалеку отъ города Эривани, такъ-таки въ губерніи Эриванской, не болѣе и не менѣе...

— Чепуха!

— Однако, даже въ учебникахъ...

— Врутъ учебники!.. Я вамъ сейчасъ все это докажу. Тащи сюда свою Тору.

Крутомятовъ расправилъ свою бороду, разложилъ карту Азіи и Тору, поставилъ передъ собою двѣ свѣчи и, обращаясь къ своимъ друзьямъ, началъ такъ:

— Милостивые государи! Всякому позволительно быть олухомъ, но для чего же невѣжество свое выказывать на людяхъ, срамить себя и государство Россійское? Почтеннѣйшій Игнатій Платоновичъ сейчасъ перечислилъ рядъ не менѣе почтенныхъ именъ лицъ, лазавшихъ на Араратъ. Но лазали они, я полагаю, по тому самому, почему лазаютъ на Эльборусъ и Монбланъ, а совсѣмъ не за тѣмъ, чтобы находить остатки Ноева ковчега. Если же они совершали путешествіе именно съ этой цѣлью, такъ тѣмъ [illegible] для насъ и тѣмъ хуже для нихъ. Это до- прежде чѣмъ быть порядочнымъ

географомъ, надо быть порядочнымъ историкомъ. Посему позволяю себѣ утрудить васъ слѣдующей справкой.

— Всѣ преданія азіатскихъ народовъ единогласно указываютъ на горы, откуда вытекаетъ Индъ, какъ на мѣсто, откуда началось распространеніе послѣпотопнаго человѣчества. Отсюда текутъ великія рѣки: Таримъ, Яксарта и Оксусъ. Народы Центральной Азіи съ упорствомъ указываютъ только одно это мѣсто, и никакого другого. Народы, отошедшіе въ далекія страны, на тысячи верстъ, уже путаются въ представленіяхъ, но направленіе указываютъ вѣрно. Замѣтьте себѣ, направленіе указывается вѣрно.

Крутомятовъ даже приподнялъ кверху палецъ для большей убѣдительности.

— Такъ, наши финны говорятъ, что они пришли съ Урала. Китайцы, что ихъ родина — Куэнъ-Лунъ; киргизы разсказываютъ про Тіанъ-Шань. Все стягивается къ одному огромному горному узлу—высочайшей точкѣ Азіи...

— Ну, дальше, дальше! торопилъ нетерпѣливо Туровѣровъ.

— Дальше вотъ что. Въ сѣдой древности это мѣсто считалось святою горою: вокругъ нея, какъ на оси, вращалась небесная семизвѣздная колесница семи Каккаби, то-есть то, что у насъ на Украинѣ называютъ «возомъ», иначе — семизвѣздіе Большой Медвѣдицы. Посему, вершина

эта называлась Аріаратъ: то-есть «мѣст
клоненія колесницѣ». Чуете вы это, чуете?.
— Ну, ну! хмурясь все больше, говорил
ровѣровъ.
— Ну, а теперь посмотримъ вашу «Тору»
говоритъ Моисей, строго придерживаясь п
ній іудеевъ. Читали? «И сѣлъ ковчегъ въ
мой мѣсяцъ, въ семнадцатый день мѣсяц
хребтѣ Арарата»... Чуете?.. Воткнемъ бул
въ вашъ Араратъ и въ мой. Читайте XI г
какъ стали расходиться съ Арарата нар
«Когда же странствовали они съ востока»,—
шите—съ востока!—«они нашли долину въ з
междурѣчной (Шне-Негеръ — Мессопотамі
поселились тамъ...» Чуете?
Всѣ молчали.
— «Чуютъ правду!» запѣлъ онъ и пр
жалъ:—Вотъ двигаюсь съ востока къ запад
Тибета и попадаю въ Мессопотамію. А двиг
я съ вашего Мазиса, и попадаю въ Трапез
и въ Черное море... Значитъ, и «Тора» гово
то же, указываетъ на одинъ и тотъ же ис
ный пунктъ.
— Чудесно! Положимъ! Но почему же Ма
называется Араратомъ?
— Перенесеніе именъ священныхъ и излюб
ныхъ мѣстъ въ новыя мѣста — это самое
безное дѣло у всѣхъ народовъ. Развѣ у н
нѣтъ подъ Москвой Виѳаніи? Нѣтъ Новаго І

[redacted]

салима? А въ Америкѣ нѣтъ Орлеана, Иорка? Ну, пришли съ востока народы, увидѣли, что Мазисъ высокая точка Арменіи, — ну, это, молъ, нашъ Араратъ. Вотъ тебѣ и Араратъ...

Путешественники наши сидѣли потерянные, сконфуженные. Первый заговорилъ Больдераевъ.

— Я всегда утверждалъ, еще въ Москвѣ, что туда лѣзть не стоитъ. Меня не слушали. Гораздо лучше заняться добываніемъ серебра на вершинѣ Казбека.

— Гдѣ? Гдѣ? полюбопытствовалъ Крутомятовъ.

— На вершинѣ Казбека.

Тутъ приливъ хохота Крутомятова дошелъ уже до такой степени, что даже пріятели его испугались не на шутку, а осетинъ трясъ его за шею и повторялъ:

— Нэ бойся, нэ бойся, болше кашляй!

Такимъ образомъ, не удалась экскурсія нашихъ друзей на Араратъ. Очень былъ удрученъ этимъ Туровѣровъ. Гораздо хладнокровнѣе отнесся къ этому несчастію Ахлибиновъ: онъ привезъ себѣ изъ экспедиціи ангела-хранителя, во-первыхъ, а во-вторыхъ, дѣйствительно, получилъ къ осени мѣсто директора департамента.

Объ Араратѣ оба пріятеля говорить не любятъ, даже въ дружеской бесѣдѣ.

КОНЕЦЪ.